

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

СОВРЕМЕННЫЕ
РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ

Москва
Дели плюс
2017

УДК 330
ББК 65.5
С56

Рекомендовано к публикации Ученым советом ИДВ РАН

Рецензенты:

д.полит.н., проф. А.Д. Воскресенский, к.и.н. А.Н. Карнеев

Редакционная коллегия:

д.и.н., проф. С.Г. Лузянин (ответственный редактор), к.фл.н. А.Г. Ларин (составитель), к.э.н. Е.И. Сафронова, к.э.н. И.В. Ушаков, Е.В. Белилина

С56 Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузянина (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой, И.В. Ушакова, Е.В. Белилиной. – М.: ДеЛи плюс, 2017. – 264 с.

ISBN 978-5-9909883-2-3

В сборнике рассматриваются проблемы политического и экономического сотрудничества России с Китаем, их взаимодействия на международной арене. В современных условиях поворота на Восток стратегическое партнерство с КНР приобретает для России особое значение. Между тем отношения двух держав нередко характеризуют с помощью формул: «наверху горячо, внизу прохладно» или «в политике горячо, в экономике прохладно». Как укрепить российско-китайское стратегическое партнерство? Как полнее использовать экономический потенциал Китая для подъема российской экономики? Как оптимальным образом скоординировать действия России и Китая в Центральной Азии? Какой линии придерживаться в «треугольнике» Москва–Пекин–Вашингтон? Каковы перспективы сопряжения российского и китайского интеграционных проектов для Евразии: нового Шелкового пути, ЕАЭС и Большого евразийского партнерства? На эти и другие подобные вопросы ищут ответы авторы сборника.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся проблемами российско-китайских отношений.

Ключевые слова: российско-китайское партнерство, поворот на Восток, российско-китайское экономическое сотрудничество, Россия и Китай в Центральной Азии, интеграционные проекты России и Китая.

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

УДК 330

ББК 65.5

© Коллектив авторов, 2017

© ИДВ РАН, 2017

ISBN 978-5-9909883-2-3

© Оформление. ООО «ДеЛи плюс», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
I. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	10
<i>Лузянин С.Г.</i> Россия и Китай: международно-политические, экономические и гуманитарные связи (2016 – начало 2017 года).....	10
<i>Портяков В.Я.</i> Проект «Один пояс, один путь» и интересы России	22
<i>Сафронова Е.И.</i> «Поворот России на Восток»: дискурс и состояние дел	34
<i>Ларин А.Г.</i> Новый этап российско-китайского партнерства и проблема доверия	52
II. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	66
<i>Островский А.В.</i> Как нам развивать российско-китайскую торговлю	66
<i>Новоселова Л.В.</i> Инвестиционные аспекты российско-китайского делового взаимодействия	82
<i>Матвеев В.А.</i> Российско-китайское энергетическое сотрудничество: текущие тренды	103
<i>Сазонов С.Л.</i> Взаимодействие России и Китая в области транспорта	119
<i>Александрова М.В.</i> Приграничное и межрегиональное сотрудничество России и КНР	135
<i>Каменнов П.Б.</i> Российско-китайские военно-технические связи	164
<i>Боревская Н.Е.</i> Образовательное сотрудничество РФ и КНР: новые тренды на новом этапе	181
III. РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ СВЯЗИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	199
<i>Давыдов А.С.</i> Москва и Пекин в «стратегическом треугольнике» Россия–Китай–США	199
<i>Сыроежкин К.Л.</i> Россия и Китай в Центральной Азии: конкуренты или партнеры	217
<i>Уянаев С.В.</i> Партнерский формат «Россия–Индия–Китай»: значение, эволюция и перспективы, российско-китайское взаимодействие	234
<i>Ларин А.Г.</i> Заключение	251
Summary	256
Сведения об авторах	262

CONTENTS

Introduction	5
I. RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP: POLITICAL PROBLEMS	10
<i>Sergey G. LOUSIANIN.</i> Russia and China: International Political, Economic and Humanitarian Ties (2016 – Early 2017).....	10
<i>Vladimir Ya. PORTYAKOV.</i> Chinese Project «One Belt, One Road» and Russia.....	22
<i>Elena I. SAFRONOVA.</i> «Russia’s Pivot To The East»: Discourse and State of Affairs	34
<i>Alexander G. LARIN.</i> The New Stage of Russian-Chinese Partnership and the Problem of Confidence	52
II. RUSSIAN-CHINESE PRACTICAL COOPERATION: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS AND PROSPECTS.....	66
<i>Andrey V. OSTROVSKIY.</i> How to Develop Russian-Chinese Trade	66
<i>Lyubov V. NOVOSELOVA.</i> Investment Aspects of the Russian- Chinese Business Interaction.....	82
<i>Vladimir A. MATVEEV.</i> Russian-Chinese Energy Cooperation: Current Trends.....	103
<i>Sergey L. SAZONOV.</i> Russian-Chinese Transport Interaction.....	119
<i>Maria V. ALEXANDROVA.</i> Cross-Border and Interregional Cooperation of Russia and the PRC	135
<i>Pavel B. KAMENNOV.</i> Russian-Chinese Military-Technical Ties	164
<i>Nina Ye. BOREVSKAYA.</i> Educational Cooperation between Russia and China: New Trends in the New Phase	181
III. RUSSIAN-CHINESE TIES IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS.....	199
<i>Andrey S. DAVYDOV.</i> Moscow and Beijing in the «Strategic Triangle» Russia-China-USA.....	199
<i>Konstantin L. SYROYEZHKIN.</i> Russia and China in Central Asia: Competitors or Partners?	217
<i>Sergey V. UYANAEV.</i> Partner Format «Russia-India-China»: Significance, Evolution and Prospects; Russian-Chinese Interaction.....	234
<i>Alexander G. LARIN.</i> Conclusion	251
Summary	256
About the authors.....	262

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стратегическое партнерство Российской Федерации и Китайской Народной Республики покоится на прочном фундаменте общих коренных интересов двух держав, оно вобрало в себя исторический опыт четырехсотлетнего соседства и является ценнейшим достоянием народов России и Китая. Его отличает зрелость, стабильность и взаимодоверие. Разница в размерах экономик не мешает партнерам строить диалог на принципах уважения друг к другу, равенства и взаимной выгоды, и это гармонизирует весь спектр отношений сторон.

Чтобы взаимодействие РФ и КНР могло в наивысшей мере соответствовать меняющимся потребностям партнеров и встающим перед ними внешним вызовам, его необходимо постоянно укреплять, совершенствовать, наполнять новым конкретным содержанием. Важнейшими направлениями диалога сторон являются дальнейшее упрочение политического доверия, углубление практического сотрудничества в области экономики, в вопросах безопасности, в гуманитарной сфере, наконец, в сфере международных отношений, где российско-китайские отношения ныне выполняют роль глобального стратегического балансира.

Не вступая в союз, стороны твердо намерены поддерживать друг друга в защите суверенитета, безопасности и территориальной целостности, в выборе собственного пути развития, в проведении самостоятельного внутриполитического курса. Ими создан уникальный многоформатного взаимодействия, включая постоянные встречи глав государств, позволяющий согласовывать усилия по самым животрепещущим вопросам.

Углубление практического сотрудничества – наращивание материальной базы российско-китайских отношений – опирается на координацию стратегий развития двух держав, прежде всего на сопряжение строительства Евразийского экономического союза и проекта «Один пояс, один путь». Здесь наряду с подготовкой таких конкретных шагов, как заключение Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС-КНР,

разрабатываются планы создания Большого евразийского экономического партнерства, предназначенного служить одной из ключевых форм интеграционных процессов в Евразии.

Практическое сотрудничество охватывает множество отраслей экономики – от уже традиционной энергетики и инфраструктурных проектов до новейших космических и информационно-коммуникационных технологий. Неизменно самое серьезное внимание уделяется реализации крупных проектов, расширению взаимных инвестиционных потоков, совместному созданию цепочек добавленной стоимости в приоритетных отраслях и т.д. Вместе с тем создается впечатление, что количественное наращивание совместных усилий в прежних формах, при всем их разнообразии, уже не может удовлетворить растущие запросы России и Китая. Обе стороны настойчиво подчеркивают необходимость «создавать новые модели сотрудничества» и «новые точки роста», «искать новые модели и проекты научно-технического сотрудничества».

Вероятно, особенно многое здесь зависит от России, которая в своем экономическом развитии по всем параметрам все больше отстает от Китая. Ей предстоит поднять производительность труда, сделать свою экономическую систему инвестиционно привлекательной, способной и воспринимать, и генерировать инновации, шагая в ногу с мировым научно-техническим прогрессом. Это – тот самый путь, по которому успешно идет Китай, в то время как Россия «топчется у порога». Если же РФ сумеет сделать модернизационный рывок, то она не только превратится в качественно новое общество, но и существенно обогатит свое практическое сотрудничество с Китаем.

В сфере безопасности стороны демонстрируют намерение сделать сотрудничество еще более тесным и плодотворным. Они проявляют готовность совместными силами противостоять традиционным и новым угрозам, сообща отстаивать спокойствие и мир в своих странах, а также за их пределами. Развивая взаимодействие в военной и военно-технической областях, укрепляя доверие в оборонных вопросах, они уже примечательным образом расширили рамки сотрудничества в сфере безопасности, договорившись «укреплять обмены и диалог по вопросам путей и концепций развития, опыта управления государством, а также по вопросам укрепления политической власти»¹. Этому есть свое объяснение: проблемы смены экономической модели, стоящие (хотя и очень по-разному) перед обоими государствами, могут непосредственно соприкасаться с вопросами общественной стабильности, и здесь стороны чувствуют потребность обмениваться опытом социально-политического характера.

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 4 июля 2017 г. URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/5218>

Гуманитарный обмен Россия и Китай рассматривают как дело первоочередной важности, не сводимое к передаче опыта в области образования, здравоохранения, спорта и т.д. Стратегической задачей здесь является укрепление взаимопонимания между народами: руководители обоих государств стремятся заложить фундамент дружбы, которая будет передаваться из поколения в поколение.

Во внешнем мире Россия и Китай демонстрируют общность концептуальных подходов, а также совпадение или близость позиций по важнейшим международным проблемам. Для современной международной системы характерны рост нестабильности и непредсказуемости, реставрация стереотипов времен холодной войны и политики силы, нарастание нетрадиционных угроз безопасности. В подобной обстановке государства-партнеры видят своей целью содействие становлению такого международного порядка, который базировался бы на соблюдении суверенных прав каждого народа, на солидарности и общности интересов всего человечества, на большей справедливости и рациональности. Они намерены способствовать упрочению региональной и глобальной безопасности и стабильности на основе коллективных подходов, посредством диалогов и консультаций, с опорой на международное право. Стороны считают необходимым усилить координацию по актуальным вопросам политики и практической деятельности.

Грандиозность и актуальность комплекса задач, стоящих в сфере российско-китайского диалога, делают необходимым их постоянный тщательный анализ, который помогал бы наиболее эффективным образом использовать возможности, обусловленные стратегическим характером партнерства двух государств. Несмотря на недостаток китаеведческих кадров, такой анализ действительно производится, его масштабы наращиваются, примером чего могут служить ставшие уже традиционными крупные ежегодные российско-китайские конференции, проводимые Российским советом по международным делам.

Свой вклад в анализ попытались внести и авторы предлагаемого сборника – сотрудники Института Дальнего Востока РАН, специализирующиеся на проблемах Китая и российско-китайских отношений. Развивая традиции сотрудничества ученых стран ЕАЭС, в подготовке сборника принял также участие известный знаток политики КНР в Центральной Азии проф. К.Л. Сыроежкин (Казахстан).

В сборнике представлены разные взгляды, что позволяет читателю увидеть ту или иную проблему во многих ракурсах, а в целом – получить комплексную картину современного состояния и перспектив развития российско-китайских отношений. Разумеется, мы не претендуем на полноту охвата темы, поскольку в рамках сравнительно небольшого издания сделать это едва ли возможно.

Сборник состоит из трех разделов. В первом разделе рассматриваются политические проблемы российско-китайского стратегического партнерства. В нем дается аналитический обзор основных направлений взаимодействия, исследуются стоящие перед его участниками вызовы и предлагаются возможные решения, которые могли бы способствовать дальнейшему совершенствованию российско-китайских отношений (С.Г. Лузянин). Рассматривается содержание проекта «Один пояс, один путь» и смысл сопряжения ЕАЭС–ЭПШП, его плюсы и минусы для России (В.Я. Портяков). Обобщаются основные экспертные взгляды относительно «поворота на Восток» и дается авторское понимание причин, смысла и эффективности этого «нового курса» России (Е.И. Сафронова). Исследуется роль, которую играет в российско-китайском сотрудничестве проблема доверия – и доверия российского общества к усилившемуся Китаю, и доверия деловых кругов двух стран друг к другу (А.Г. Ларин).

Во втором разделе сборника рассматриваются достижения, перспективы и проблемы российско-китайского практического сотрудничества. Обосновывается тот вывод, что при всех объективных трудностях России все же необходимо активнее развивать торгово-экономические связи с Китаем, использовать потенциал растущей китайской экономики в интересах экономического подъема Дальнего Востока и Сибири (А.В. Островский). Авторы раздела обращают внимание на определенное оживление двустороннего инвестиционного сотрудничества (Л.В. Новоселова); анализируют потенциал китайской политики энергетического самообеспечения, сочетающейся с серьезной заинтересованностью в сделке с «Газпромом» (В.А. Матвеев); исследуют структуру и функционирование транспортных сетей России и Китая на Дальнем Востоке и основные направления трансграничного инфраструктурного строительства, необходимого для развития Дальневосточного региона РФ (С.Л. Сазонов).

Рассмотрение двусторонних военно-технических связей убедительно показывает, что для успеха взаимовыгодного сотрудничества стороны должны последовательно работать «над снятием проблемы стратегического недоверия» (П.Б. Каменнов). Российско-китайские образовательные обмены расцениваются как перспективная составная часть евразийской культурной интеграции (Н.Е. Боревская).

Третий раздел отведен изучению российско-китайского взаимодействия в общей системе международных отношений. В статье о «стратегическом треугольнике» Россия–Китай–США обосновывается та точка зрения, что при всех зигзагах нынешней политики Вашингтона отношения в «треугольнике» в конечном счете будут определяться объективными фундаментальными факторами, хотя до стабильных сбалансированных отношений здесь еще далеко (А.С. Давыдов).

К.Л. Сыроежкин ставит под сомнение тезис о нарастании конкуренции между Россией и Китаем в ЦА и полагает, что две державы способны

выстроить новую систему отношений, отражающую как их общие интересы, так и интересы государств региона. С.В. Уянаев, рассматривая формат Россия–Индия–Китай, приходит к выводу, что в изменившейся мировой обстановке РИК продолжает играть важную роль и как инструмент взаимодействия между РФ и КНР, и как фактор международной стабильности.

Авторы сборника надеются, что их работа будет способствовать более глубокому пониманию широким кругом читателей узловых проблем современных российско-китайских отношений и послужит для заинтересованных инстанций полезным материалом при разработке практических шагов по укреплению двустороннего стратегического партнерства и более полного использования преимуществ сотрудничества с КНР в интересах России.

Редколлегия

I. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

С.Г. ЛУЗЯНИН

РОССИЯ И КИТАЙ: МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ СВЯЗИ (2016 – НАЧАЛО 2017 ГОДА)¹

Аннотация. В статье рассматриваются координация действий России и Китая на мировой арене в целях укрепления стратегической глобальной стабильности, перспективы взаимодействия на основе сопряжения ЕАЭС и нового Шелкового пути. Анализируются успехи и проблемы торгово-экономического сотрудничества, в том числе в высокотехнологичных инновационных областях. Особое внимание уделено проблемам китайских инвестиций в российскую экономику (в том числе в ТОРы), а также образовательным обменам. Отмечаются направления, продвижение по которым должно придать российско-китайским отношениям новое поступательное развитие.

Ключевые слова: международные позиции России и Китая, сопряжение ЕАЭС и нового Шелкового пути, российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество, китайские инвестиции в России, китайское участие в ТОРах, российско-китайские образовательные обмены, китайский туризм в России.

Поддержание глобальной стратегической стабильности и региональной безопасности – обязанность России и Китая как мировых держав и постоянных членов Организации Объединенных Наций (ООН). На международном уровне Россия и Китай выступают против незаконного внешнего вмешательства во внутренние дела государств, навязывания социально-экономической системы и политического строя, экстерриториального применения государствами национального права в нарушение международного права, односторонних санкций, выходящих за рамки согласованных в Совете Безопасности ООН и не соответствующих междуна-

¹ Статья представляет собой часть коллективного доклада «Российско-китайский диалог: модель 2017 / отв. ред. И.С. Иванов. РСМД – ИДВ РАН. № 32. М., 2017».

родно-правовым нормам. Россия и Китай содействуют развитию многополярности, выступая против односторонних действий и за укрепление центральной роли ООН в международных делах. Россия и Китай выступают против попыток отрицания, искажения и фальсификации истории Второй мировой войны и отстаивают ее итоги. Они осуждают попытки обеления фашизма, милитаризма и иных действий пособников трагедий войны.

Решительное противодействие международному терроризму – стратегический консенсус России и Китая. В обоих государствах совершаются террористические акты, и Россия и Китай заявляют о всемерном осуждении терроризма во всех его формах и проявлениях. Перед лицом угрозы «Исламского государства» и «Исламского движения Восточного Туркестана» (запрещены в России) Россия и Китай должны усилить борьбу против распространения террористических и экстремистских идей, развивать обмен информацией в целях осуществления эффективного антитеррористического сотрудничества для совместного пресечения террористической активности, совместно противодействовать финансированию и материально-технической подпитке терроризма. Россия и Китай выполняют соответствующие резолюции и рекомендации Совета Безопасности ООН².

В регионах соседства Россия и Китай традиционно сталкиваются с такими острыми вопросами, как ситуация в Афганистане, ядерная проблема КНДР, распространение влияния исламских экстремистских сил. Динамика международной ситуации 2016 – первой половины 2017 года подтвердила необходимость глубокой координации внешнеполитических усилий России и Китая по региональным вопросам. Выборы президента и смена администрации в США стали поводом для возобновления дискуссии о значимости американского фактора в российско-китайских отношениях.

Стратегический приоритет задачи сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПП), объявленного руководством России и Китая еще в 2015 г., диктует необходимость координации усилий Москвы и Пекина в отношении Европейского союза (ЕС), представляющего собой конечный западный пункт маршрута «один пояс, один путь». Серьезную озабоченность двух стран вызвали планы размещения американского комплекса ПРО ТНААД в Республике Корея и эскалация конфликта на Корейском полуострове.

Во время визита президента России В.В. Путина в Китай в июне 2016 г. стороны приняли Совместное заявление об укреплении глобальной стратегической стабильности³. Этот документ – не только новый шаг в развитии

² URL: <http://kremlin.ru/supplement/5100/print>

³ Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики об укреплении глобальной стратегической стабильности от 25 июня 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5098>

российско-китайских отношений, но и вклад РФ и КНР в формирование современной концепции стратегической стабильности как состояния международных отношений, характеризующегося следующими факторами:

– *в политической сфере* – строгое соблюдение всеми государствами и объединениями государств принципов и норм международного права и положений Устава ООН, регулирующих вопросы применения силы и принятия принудительных мер, уважение законных интересов всех государств и народов при решении актуальных международных и региональных проблем, недопустимость вмешательства в политическую жизнь других государств;

– *в военной сфере* – сохранение всеми государствами своих военных потенциалов на минимальном уровне, необходимом для нужд национальной безопасности; целенаправленное воздержание от шагов в области военного строительства, формирования и расширения военно-политических союзов, которые могли бы восприниматься другими членами международного сообщества как угрожающие их национальной безопасности и вынуждали бы их принимать ответные меры, направленные на восстановление нарушенного равновесия; разрешение разногласий путем позитивного и конструктивного диалога, укрепление взаимного доверия и сотрудничества⁴.

Участие президента РФ в форуме в качестве особо почетного гостя и его выступление после председателя КНР о роли Большого евразийского партнерства подтвердило наличие стратегического консенсуса между Пекином и Москвой относительно будущего развития Евразии. В июле Москву с официальным визитом посетит председатель КНР Си Цзиньпин, от которого ожидают новых значимых договоренностей для двусторонних отношений. В сентябре в Китае состоятся встречи БРИКС на высшем уровне, на которых у двух лидеров вновь будет возможность провести переговоры и сверить часы по значимым вопросам.

14–15 мая 2017 г. в Пекине состоялся форум международного сотрудничества «Один пояс, один путь», который вновь состоится в 2019 г. в китайской столице. Форум явно принимает очертания постоянно действующего, нового института глобального экономического управления, в повестку которого входит часть вопросов, традиционно рассматриваемых на саммитах АТЭС, G20 и других. В частности, это проблемы либерализации торговли, экономического развития, интеграции в Евразии и т.д.

Проблема сопряжения Экономического пояса Шелкового пути как ключевого (сухопутного) звена китайского мегапроекта с Евразийским экономическим союзом напрямую связана с более глобальным процессом – радикальной перестройкой межгосударственных отношений в Евразии, обновлением стратегической оси Россия–Китай. Для России китайская

⁴ URL: <http://kremlin.ru/supplement/5098>

инициатива объективно создает дополнительные (торгово-инвестиционные, инфраструктурные, гуманитарные) «окна» для демонтажа созданной Западом экономической блокады, для собственного развития и модернизации.

Особенностью нынешнего этапа углубления российско-китайских отношений является активное переформатирование межгосударственных экономических и интеграционных связей РФ и КНР, формирование «евразийского мира» без участия США. Хотя объективно инициатива «Один пояс, один путь» не направлена против третьих стран (США и других), является полностью открытой и транспарентной.

В связи с наличием мощного китайского финансово-политического ресурса (Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и др.) инициатива «Один пояс, один путь» на ближайшую и более отдаленную перспективу может стать важным системным фактором развития совместных российско-китайских производств в энергетической, транспортной, строительной сфере, в производстве машин и оборудования, в области высоких технологий⁵.

Избрание Д. Трампа президентом США внесло существенные коррективы во внутреннюю и внешнюю политику государства, создавая неопределенность в развитии ситуации в мире. Политический курс президента Д. Трампа в отношении Китая, вероятно, будет характеризоваться большим акцентом на экономике и меньшим вниманием к идеологическим и геополитическим вопросам. Под влиянием стратегии Трампа «Америка прежде всего» будет расти стремление к экономическому национализму как способу стимулирования американской экономики, что сделает конкуренцию между КНР и США более заметной. Жесткие меры администрации нового президента США, как ожидается, приведут к усилению китайско-американских торговых трений и повышению риска торговых войн. В то же время заявления Д. Трампа в январе 2017 г. о том, что если Китай хочет сохранения «политики одного Китая», он должен пойти на ответные уступки, были своего рода приглашением к диалогу и торгу. Такая позиция предполагает высокую вероятность как конфликтного сценария развития китайско-американских отношений, так и взвешенного диалога. Однако для китайско-американских отношений характерна высокая степень экономической взаимозависимости, поэтому конфликтный сценарий приведет к значительным материальным, имиджевым и внешнеполитическим издержкам для обеих сторон. Можно предвидеть фазу прагматичного и жесткого диалога, когда обе стороны не будут готовы сразу идти на уступки⁶.

⁵ Российско-китайский диалог: модель 2017 / отв. ред. И.С. Иванов // РСМД – ИДВ РАН. № 32. М., 2017. С. 6–7.

⁶ Там же. С. 16–17.

В 2016 – начале 2017 г. РФ и КНР пытаются изменить ставшую традиционной формулу «горячо в политике – холодно в экономике». Однако, хотя Россия и Китай добились значительных успехов в стратегическом сотрудничестве и сотрудничестве в области безопасности, экономическое взаимодействие развивается медленно.

За 15 лет с момента подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2001 г.) Россия и Китай в несколько раз увеличили объем товарооборота, расширили использование национальных валют во взаимных расчетах, приняли меры по поддержке межрегионального и инвестиционного сотрудничества, смогли добиться определенных структурных изменений в двусторонней торговле и достигли первых успехов в области инноваций. Взаимодополняемость России и Китая не только в энергетическом секторе, но и в сферах инвестиций, науки и техники, сельского хозяйства, транспорта, электроэнергетики и других обеспечивает возможность расширения объемов и повышения качества экономического сотрудничества.

В то же время российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество по-прежнему в основном осуществляется по линии крупных государственных компаний. Эта особенность обусловлена тем, что основой двустороннего взаимодействия между Россией и Китаем традиционно выступают «магистральные мегапроекты»⁷ в энергетике, ВПК, строительстве масштабных объектов инфраструктуры и др. Главными участниками двустороннего сотрудничества являются руководители крупных, в основном государственных, компаний и представители соответствующих министерств и ведомств⁸. Именно на этом уровне в России и Китае накапливается опыт взаимодействия, чему способствуют и теплые отношения между лидерами двух стран, которые могут упрощать процесс принятия решений на самом высоком уровне.

Россия и Китай заинтересованы в увеличении роли технологического партнерства. Проекты в этой сфере позволят Китаю локализовать новые технологии, а России – снизить зависимость товарооборота от минерального сырья и цен на него, увеличив долю продукции высокой добавленной стоимости. Так, правительства двух стран заключили соглашение о сотрудничестве в разработке, производстве, коммерциализации и послепродажном обслуживании широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета и создаваемого на его основе семейства. Ожидается, что с точки зрения эксплуатационных издержек самолет будет примерно на 10% эффективнее подобных транспортных средств и сможет составить конкуренцию Boeing и Airbus, по крайней мере, на рынках России и Китая⁹.

⁷ URL: <https://ria.ru/east/20160624/1450887992.html>

⁸ URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Promyshlennaya-kooperatciya--put-k-sopryazheniyu-rossiiskoi-i-kitaiskoi-ekonomik-18110>

⁹ URL: <https://rg.ru/2016/11/02/rossiia-i-kitaj-postroi-at-novyj-samolet.html>

Кроме того, было подписано соглашение о строительстве гражданского перспективного тяжелого вертолета, которое будут осуществлять китайская Avicopter и российский холдинг «Вертолеты России». Серийное производство планируется запустить в КНР (предположительно в Тяньцзине) для удовлетворения потребностей китайского рынка, то есть результат совместного проекта не составит конкуренцию отечественным вертолетам Ми-26¹⁰. В технологических проектах роли китайских и российских участников распределены схожим образом: российская сторона будет отвечать за технологическую составляющую, а китайская – за сборку и продвижение¹¹.

Отдельно следует выделить Соглашение между Роскосмосом и Китайской национальной космической администрацией (КНКА), призванное заложить нормативно-правовую базу сотрудничества России и Китая в области ракетных двигателей и средств выведения. Новое соглашение открывает возможности для продаж в КНР отечественных ракетных двигателей РД-180¹².

Основной формой двустороннего экономического взаимодействия между Россией и Китаем является торговля. Ввиду занижения таможенной стоимости в России и завышения экспортной стоимости в Китае, а также применения разных методик расчета и определения страны происхождения товара¹³, статистические данные двух стран о товарообороте ежегодно расходятся. В частности, в 2016 г. разница составила 3,5 млрд долл. В данном контексте таможенным и статистическим службам России и Китая было бы полезно обсудить возможность унификации статистической отчетности о двустороннем сотрудничестве и создания единой онлайн-базы данных о динамике двустороннего сотрудничества.

Тем не менее в целом российская и китайская таможенная статистики отражают схожую динамику. По китайским данным, в 2016 г. товарооборот КНР с РФ вырос на 2,3% по сравнению с 2015 г., а по российским – на 4% (до 69,6 млрд долл. и 66,1 млрд долл., соответственно), причем этот положительный тренд в двусторонних отношениях проявился на фоне существенного сокращения мировой торговли в целом и спада торговли КНР с большинством крупнейших партнеров.

По итогам 2016 г. КНР и РФ занимали, соответственно, 1-е и 12-е места в списке основных торговых партнеров друг друга, таким образом сохранив и улучшив свои позиции по сравнению с 2015 г. Однако ввиду значительной разницы в размерах экономик РФ и КНР доля России во внешней торговле Китая, за исключением отдельных категорий сырье-

¹⁰ URL: kommersant.ru/doc/3023608

¹¹ Подробнее см.: Российско-китайский диалог: модель 2017 / отв. ред. И.С. Иванов // РСМД – ИДВ РАН. №32. М., 2017. С. 25–32.

¹² Российско-китайский диалог: модель 2017... С. 24–26.

¹³ URL: <https://rg.ru/2015/09/29/experty.html>

вых товаров, остается незначительной – 2% китайского импорта и 1,8% экспорта. В межрегиональном сотрудничестве эта тенденция проявляется более заметно¹⁴.

В 2016 г. в энергетике были завершены крупные инвестиционные сделки с участием Фонда Шелкового пути. Он приобрел 9,9% акций «Ямал-СПГ» у ПАО «НОВАТЭК», а также предоставил российской компании кредит в размере около 792,8 млн долл. (730 млн евро) на 15 лет. Кроме того, совместно с China Development Bank Фонд подписал соглашение о покупке 10% акций компании «Сибур».

Успешное заключение сделок происходило на фоне секьюритизации темы китайских инвестиций в сфере энергетики в Австралии и Великобритании, что стало еще одним свидетельством высокого уровня доверия между Россией и Китаем.

В целом за 2016 г., по данным компании PwC, в России наблюдался самый высокий прирост числа объявленных международных сделок слияний и поглощений с участием китайского капитала, что свидетельствует об активизации китайских инвесторов на российском рынке. Тем не менее в абсолютном выражении РФ по-прежнему значительно уступала лидерам (ЕС и США) как по количеству соглашений, так и по объему привлекаемого из Китая финансирования и суммарных накопленных инвестиций. Кроме того, как и в предыдущие годы, далеко не все обсуждаемые сделки будут доведены до конца: если в своем отчете за 2016 г. PwC учли 34 обсуждаемые сделки, то в базе данных China Global Investment Tracker за 2016 г., где отражены совершенные сделки, отмечено только два контракта о продаже пакета акций и один – о строительстве.

По мере того как экономика КНР перестраивается в сторону увеличения доли сектора услуг и снижения вклада тяжелой промышленности в ВВП, меняются направления капиталовложений. Место сырьевых отраслей постепенно занимают туризм, высокие технологии, спорт, индустрия развлечений и др.¹⁵ В России эти тенденции проявляются в меньшей степени ввиду сравнительно небольших масштабов третичного сектора и закрытостью области высоких технологий для иностранного капитала, однако китайские инвесторы уже сейчас проявляют интерес к инвестированию в онлайн-кинотеатры и мобильные игры в России. В ближайшие несколько лет инвестиционные проекты в традиционных областях сотрудничества (энергетика, строительство, лесная промышленность и т.д.) могут быть дополнены проектами на стыке информационных технологий и услуг.

Среди перспективных направлений финансово-банковского сотрудничества можно выделить «сопряжение» национальных платежных сис-

¹⁴ Российско-китайский диалог: модель 2017... С. 28–32.

¹⁵ URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2016-china-deals/>

тем РФ и КНР и выпуск кобейджинговых карт «Мир» и UnionPay¹⁶, расширение инфраструктуры для обслуживания российских карт системы «Мир» в Китае. Аналогичные меры в отношении карт UnionPay реализованы в России. В числе других тем, которые обсуждаются сторонами, – использование трансграничной китайской платежной системы (CIPS) как альтернативы системе международных банковских переводов SWIFT.

Риски сокращения притока китайских инвестиций в российскую экономику связаны с падением курсов валют. Из-за низкого курса рубля увеличились сроки окупаемости ряда инвестиционных проектов в России, что вынудило китайские компании отказаться от отдельных сделок. В свою очередь, падение курса юаня привело к удорожанию трансграничных инвестиций в иностранной валюте¹⁷.

Кроме того, в рамках борьбы с оттоком капитала правительство КНР ужесточило контроль зарубежных вложений китайских инвесторов, что также может привести к сокращению китайских инвестиций в России. Данное решение повлияло и на сотрудничество в финансовой сфере.

Увеличение расчетов в национальных валютах сдерживали высокая стоимость торгового финансирования в китайской валюте, полученной российскими банками и компаниями от китайских финансовых организаций, нежелание китайских банков использовать остатки на рублевых счетах для инвестиций и операций на межбанковском рынке, а также неразвитость агентской сети российских банков в странах АТР и ограниченная линейка предлагаемых ими продуктов¹⁸.

По состоянию на конец 2016 г. на Дальнем Востоке было создано 13 территорий опережающего развития, а к концу 2017 г. их число может достичь 17–18¹⁹.

ТОР и Свободный порт Владивосток (СПВ) обеспечивают увеличение притока ПИИ в регион, который ранее не являлся крупным получателем иностранных инвестиций, при этом абсолютным лидером выступает Китай. Всего на этих территориях китайские компании реализуют 23 проекта с общим объемом финансирования 2,4 млрд долл. (141 млрд руб.)

На Дальнем Востоке проекты с участием китайского капитала осуществляются в таких сферах, как энергетика, сельское хозяйство, промышленность, туризм, транспорт²⁰. В частности, в Приморье – лидере среди регионов Дальнего Востока по товарообороту с КНР – создано четыре территории опережающего развития: «Надеждинская», «Михайловский»,

¹⁶ URL: <http://government.ru/news/25191/>

¹⁷ URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2016-china-deals/>

¹⁸ Александрова М. Российско-китайское финансово-банковское сотрудничество // Азия и Африка сегодня. 2016. №8. С. 24–30.

¹⁹ Российско-китайский диалог: модель 2017 / отв. ред. И.С. Иванов // РСМД – ИДВ РАН. №32. М., 2017. С. 52–54.

²⁰ Подробнее см.: URL: <https://rg.ru/2017/02/27/v-ekonomiku-dfo-velichat-pritok-kitajskih-investicij.html>

«Большой Камень» и «Нефтехимический» (утверждено Правительством РФ в начале 2017 г.). В ТОР «Надеждинская» реализуются два проекта с участием китайских инвесторов: компания «САТО» по производству текстильных изделий и «Аптавил Дальний Восток Рус» по созданию производства бумаги и бумажных изделий.

В числе резидентов СПВ шесть компаний с китайскими инвестициями. «Корпорация Прим Хуньчунь» сооружает в Уссурийском районе с участием китайских инвесторов комплекс по переработке и хранению овощей, рыбы и морепродуктов, а также ферму-питомник по выращиванию дальневосточной лягушки²¹. Кроме того, инвесторы из КНР планируют осуществлять в крае добычу руд и драгоценных металлов совместно с ООО «Приморская золоторудная компания» и жилищное строительство совместно с ООО «Владстрой»²².

В 2016 г. активно развивались российско-китайские связи в области студенческих обменов, образовательного, научного и культурного сотрудничества.

В настоящее время в России обучаются около 28 тыс. китайских граждан, а в Китае учатся более 16 тыс. россиян. Правительствами двух стран несколько лет назад был поставлен ориентир – довести общее количество обучающихся в учебных заведениях друг друга до уровня в 100 тыс. человек²³.

6 мая 2016 г. в присутствии председателя Госдумы РФ С.Е. Нарышкина и вице-премьера Госсовета КНР Лю Яньдун был заложен камень в основание кампуса первого российско-китайского университета, который вскоре должен открыться в южнокитайском городе Шэньчжэнь (создатели – МГУ и Пекинский политехнический университет)²⁴. Этот совместный российско-китайский университет уже не первый год рассматривается как один из приоритетов российско-китайского образовательного и научного сотрудничества. Проект поддержан на самом высоком уровне, однако ход создания вуза и процесс оформления необходимой документации, в частности определенное отставание от изначально объявленных сроков открытия, свидетельствуют о сложностях с формированием университета. Ранее руководство МГУ заявляло о том, что учеба в совместном университете начнется 1 сентября 2016 г., однако этот срок несколько отодвигается. Пока готов только временный корпус (переделанный из бывшего цеха производственного предприятия), основные корпуса кампуса совместного университета находятся в процессе планирования. 3 февраля 2017 г. открылся сайт Совместного университета МГУ-ППИ.

²¹ URL: <https://rg.ru/2017/02/27/v-ekonomiku-dfo-uvelichat-pritok-kitajskih-investicij.html>

²² URL: <http://www.primorsky.ru/news/125439/>

²³ Российско-китайский диалог: модель 2017 / отв. ред. И.С. Иванов // РСМД – ИДВ РАН. №32. М., 2017. С. 61–65.

²⁴ URL: <http://www.msu.ru/news/dan-start-stroitelstvu-glavnogo-kompleksa-zdaniy-universiteta-mgu-ppi-v-shenchzhene.html>

При этом в Шэньчжэне – крупном центре электронной промышленности и информационных технологий – китайская сторона сейчас создает мощный кластер научно-образовательного сотрудничества с ведущими мировыми университетами. Уже действуют совместные университеты или идут переговоры об их создании с вузами из США, Великобритании, Австралии, Дании и других стран. Первый в истории России и Китая совместный университет должен продемонстрировать как высочайший уровень образовательных программ, так и способность партнеров к полному взаимопониманию. От его успеха может зависеть судьба аналогичных проектов других российских и китайских вузов. Сейчас учредители совместного университета придают особое значение обучению потенциальных абитуриентов университета русскому языку, проводятся мероприятия по популяризации русского языка и культуры.

Целенаправленные усилия для поддержки изучения языков друг друга отличают нынешний этап развития двусторонних контактов в образовательной области. В России интерес к китайскому языку растет: число изучающих китайский в России достигло 37 тыс. человек²⁵. В настоящее время в университетах России открыто 22 института Конфуция (включая классы Конфуция), в Китае действует 22 центра русского языка²⁶. Россия и Китай, как заявляют представители образовательных ведомств, и дальше будут оказывать содействие созданию и деятельности центров или кабинетов поддержки и изучения русского языка в КНР, как и развитию институтов Конфуция в России²⁷.

Еще одним современным трендом стало создание профильных ассоциаций российских и китайских вузов по отраслям. 5 июля 2016 г. Москве в рамках Форума ректоров России и Китая было подписано соглашение о создании Ассоциации классических университетов России и Китая. Лидерами в этом новом объединении должны стать МГУ и Пекинский университет. Одним из направлений деятельности этой ассоциации может стать работа над составлением независимого университетского рейтинга.

С учетом ранее созданных профильных ассоциаций вузов России и Китая теперь число таких объединений приближается к 12. Наиболее успешной считается созданная МГТУ им. Баумана и Харбинским политехническим университетом Ассоциация технических университетов России и Китая (АТУРК). Она накопила самый большой опыт работы и постепенно начала переходить к осуществлению целого ряда конкретных проектов. Например, 24 января 2016 г. в Сиане (КНР) состоялась встреча экспертов из 10 российских и китайских технических университетов – членов

²⁵ Там же.

²⁶ URL: <http://минобрнауки.рф/новости/8527>

²⁷ Российско-китайский диалог: модель 2017 / отв. ред. И.С. Иванов // РСМД – ИДВ РАН. №32. М., 2017. С. 61–65.

АТУРК, посвященная вопросу создания малых спутников Ассоциации. Программа создания и запуска совместных малых спутников является прямым следствием подписанной в 2013 г. между ведущими техническими университетами России и Китая «Декларации Циндао». Запуск первых спутников, разработанных участниками АТУРК, планируется осуществить к 2020 г.

По данным Росстата, в январе – сентябре 2016 г. Китай сохранил за собой первое место среди стран дальнего зарубежья по количеству посетивших Россию туристов (1072 тыс. человек, +15%). Кроме того, после 4 лет спада²⁸ количество поездок россиян в Китай увеличилось, и КНР стала второй по популярности страной дальнего зарубежья для российских путешественников (1183 тыс. человек, +31%). При этом значительную долю в турпотоке составили организованные краткосрочные (до 15 дней) безвизовые поездки группами от 5 до 50 человек, которые осуществлялись в рамках межправительственного соглашения²⁹.

Во многих странах мира, включая Россию, действует особая китайская модель принятия туристов. Ведущую роль в ней играет диаспора, представители которой в сотрудничестве с китайскими туристическими операторами предоставляют полный спектр услуг: заселяют группы в собственные отели, проводят экскурсии, возят туристов в специальные, как правило, открытые только для этих целей магазины сувениров и рестораны. Экскурсии зачастую проводят несертифицированные гиды из числа граждан КНР, в основном студенты, по миграционному законодательству РФ не имеющие права заниматься трудовой деятельностью³⁰. В Китае же в соответствии с Законом КНР «О туризме» гидом-переводчиком может работать только гражданин КНР. Туристические группы от 15 человек не имеют права передвигаться по территории КНР без местного сопровождающего. Нередко китайские гиды вытесняют с российского рынка сертифицированных отечественных специалистов, при этом дают ложную информацию об истории и культуре страны³¹, взимают с туристов высокую плату за услуги, которые должны предоставляться бесплатно или по низкому тарифу, приводят в магазины, торгующие контрафактной продукцией по высоким ценам. В то же время в отдельных регионах России действительно отмечается нехватка сертифицированных, работающих по специальности гидов, а многие туроператоры не выдерживают демпинга со стороны китайских конкурентов и занимаются только оформлением

²⁸ URL: http://m.chinadaily.com.cn/en/2016-03/01/content_23694209.htm

²⁹ URL: <http://www.visit-russia.ru/soglashenie-mezhdu-pravitelstvom-rossiyskoy-federacii-i-pravitelstvom-kitayskoy-narodnoy-respubliki>

³⁰ Таких «сотрудников» нанимают и недобросовестные российские участники рынка, которые таким образом пытаются снизить издержки на обслуживание групп. URL: <http://www.odnako.org/blogs/turizm-kak-forma-myagkoy-sili-problemi-kitayskogo-puteshestvennika-v-rossii/>

³¹ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2944825>

безвизовых групповых поездок. Региональные туроператоры также жалуются на то, что китайские коллеги копируют и продают программы разработанных ими туров³².

* * *

Таким образом, в условиях сохранения санкций западных стран против России, смены президентской администрации в Вашингтоне, обострения ситуации на Ближнем Востоке Россия и Китай продолжают наращивать всеобъемлющее взаимодействие, активно развивая сотрудничество во всех областях. Тесные партнерские отношения между двумя странами оказались не в последнюю очередь подкреплены «личностным фактором» – лидеры России и Китая достаточно легко находят общий язык и формируют общую повестку по целому ряду глобальных и региональных проблем.

Для того чтобы придать российско-китайским отношениям еще большее поступательное развитие, необходимо «конвертировать» высокий уровень взаимного политического доверия в устойчивую и стабильную работу институтов межгосударственного сотрудничества для достижения практических результатов. России и Китаю необходимо развернутое и детальное стратегическое планирование двустороннего сотрудничества в его ключевых областях. Требуется стратегическая координация внешней политики двух стран, особенно по вопросам мировой политики, для долговременных усилий по их решению: реформа институтов глобального управления, реформа ООН, укрепление режимов нераспространения оружия массового уничтожения, создание торгово-экономических режимов и механизмов коллективной безопасности в АТР и на глобальном уровне. Появление новых общих вызовов и угроз в регионах соседства требует точечной координации и по конкретным региональным проблемам.

Представляется целесообразным сосредоточиться на выработке алгоритмов и механизмов стратегического планирования российско-китайского сотрудничества. Сопоставительный анализ законодательства и механизмов государственного управления в КНР и РФ помог бы сформировать «матрицы соответствия» в различных сферах двустороннего сотрудничества и на этой основе создать соответствующие межгосударственные структуры, которые обеспечивали бы координацию процессов стратегического планирования в двух странах.

Наиболее очевидной представляется необходимость стратегического планирования в сфере приграничного и межрегионального сотрудничества РФ и КНР в контексте сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза.

³² Российско-китайский диалог: модель 2017 / отв. ред. И.С. Иванов // РСМД – ИДВ РАН. №32. М., 2017. С. 68–72.

В.Я. ПОРТЯКОВ

ПРОЕКТ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Аннотация. Китайская концепция Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века, получившая в самом Китае краткое наименование «пояс и путь», начинает наполняться транспортными маршрутами и обеспечивающей их инфраструктурой. После некоторого раздумья Россия закономерно увидела в реализации глобального проекта «пояса и пути» существенный фактор более полного выявления своего собственного транспортно-транзитного потенциала. Затрагивает этот проект и другие интересы России.

Ключевые слова: Китай, проекты сухопутного и морского Шелковых путей, географический ареал, Россия, интересы.

I

Выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином осенью 2013 г. инициатива развития широкого торгово-экономического сотрудничества в зоне прохождения маршрутов новых сухопутного и морского Шелковых путей (далее – «пояс и путь») сразу же вызвала повышенный интерес в России. Поскольку на начальном этапе предложение лидера Китая не имело четко очерченных рамок, то в оценках его существа и потенциального ареала реализации наблюдался разноречивый характер.

Часть российских исследователей расценила идею «пояса и пути» как подтверждение и закрепление стратегии продвижения Китая на Запад (Go West), которая естественным образом продолжала и развивала политику освоения западных регионов страны и одновременно выступала своеобразной реакцией на серьезные трудности в отношениях Китая с соседями на Востоке (Япония, Филиппины и т.д.)¹.

Другие ученые посчитали главной целью инициативы «пояса и пути» создание за рубежом, прежде всего в соседском окружении, транспорт-

¹ Ларин А., Матвеев В. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 5–15.

ной инфраструктуры, облегчающей вывоз китайских товаров на мировой рынок. Корни инициативы, таким образом, усматривались в проводимой уже более десятилетия стратегии выхода китайского бизнеса «во вне» (zou chuqu)².

Что касается географических приоритетов будущего Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), то в центре внимания российских экспертов оказались прежде всего постсоветские республики Центральной Азии. Было высказано мнение, что «стратегия «Экономического пояса Шелкового пути» в направлении Центральной Азии говорит о попытке Китая привязать коммуникации и ресурсы региона к своим промышленным проектам и торговле»³.

Особенно активно дискутировалась проблема влияния китайской инициативы на интеграционные процессы на постсоветском пространстве, и прежде всего – на патронируемый президентом России В. Путиным Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который официально начал функционировать с 1 января 2015 г. на базе Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии⁴.

В совместном заявлении глав РФ и КНР от 20 мая 2014 г. по итогам визита В. Путина в Китай было сказано о поиске путей сопряжения проектов ЭПШП и создаваемого ЕАЭС. Была также подчеркнута высокая оценка Россией готовности китайской стороны учитывать российские интересы в ходе реализации концепции ЭПШП⁵. Однако и после этого проблема соотношения двух интеграционных проектов продолжала обсуждаться в российских экспертных кругах. Отмечалось, в частности, что на выбор и практическую реализацию того или иного варианта состыковки ЕАЭС и ЭПШП и взаимодействия России и Китая на данном треке будет влиять ряд существенных факторов.

Прежде всего, это тот или иной уровень реальной эффективности и влияния Евразийского экономического союза. Выпадение Украины из числа участников ЕАЭС сделало эту организацию менее масштабной и значимой, чем задумывалось изначально. Настораживает снижение объема товарооборота в рамках Таможенного союза в составе России, Белоруссии и Казахстана, послуживших ядром ЕАЭС, пусть даже оно и объясняется отчасти естественными сложностями начального периода станов-

² Сазонов С., Кудрявцев Е., У Цзы. Транспортная составляющая проектов сопряжения Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути» // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 2. С. 47–58.

³ Дадабаева З., Кузьмина Е. Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия / Институт экономики РАН. М., 2014. С. 32.

⁴ См.: Ковалевская В. Китай и Евразийский союз (обзор публикаций в китайской периодической печати) // Евразийские интеграционные проекты в восприятии постсоветских стран и Китая. М.: Институт экономики РАН, 2013. С. 207–234.

⁵ Совместное заявление РФ и КНР о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия от 20 мая 2014 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 3.

ления организации. Так что обеспечение эффективности ЕАЭС требует длительных последовательных усилий и позитивных подвижек в экономике России и ее партнеров.

Во-вторых, китайское видение Экономического пояса Шелкового пути географически оказалось в конечном счете шире как региона Центральной Азии, так и интеграционного пространства Евразийского экономического союза.

Поначалу некоторые китайские ученые делали акцент на ЭПШП в «узком понимании», куда входили 14 регионов Китая провинциального уровня (Цзянсу, Чжэцзян, Гуандун, Фуцзянь, Хайнань, Сычуань, Чунцин, Юньнань, Гуанси-Чжуанский автономный район, Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Нинся-Хуэйский и Синьцзян-Уйгурский автономные районы) и пять государств Центральной Азии: Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан, Казахстан, Туркменистан. Однако возобладало «широкое понимание» ЭПШП как транзитного пояса торговых и инвестиционных потоков между Китаем и Европой с вовлечением России, Монголии, Украины, территории Кавказа, Южной и Западной Азии и даже Северной Африки. В этом случае предполагалась многовариантность маршрутов транспортировки грузов⁶.

Выступление председателя Си Цзиньпина на форуме в Боао в марте 2015 г. и последовавшее за ним обнародование документа «Видение и план действий по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути 21 века» (*Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road*), подготовленного совместно Комитетом по делам развития и реформ, МИД и Министерством коммерции КНР, прояснили многие вопросы⁷.

Стало понятно, что речь идет о долгосрочном проекте глобальных масштабов, в который могут быть вовлечены до 60 государств трех континентов – Азии, Европы и Африки. Проект стал крупнейшей из всех международных инициатив, когда-либо выдвигавшихся китайским руководством. В этом плане он, безусловно, имеет весомый имиджевый компонент. Однако присутствуют и серьезные практические цели. Документ можно рассматривать как концептуальные «контрмеры» Китая на продвигавшиеся администрацией Обамы проекты транстихоокеанского и транс-

⁶ Различным вариантам политико-географической конфигурации ЭПШП посвящена статья: Го Айцзюнь, Мао Цзиньхуан. Сычоу чжилу цзинцзи дай: юши чанье кунцзянь чай юй чанье кунцзянь буцзой чжаньлюэ яньцзю : [Экономический пояс Шелкового пути: изучение различий в пространственном размещении конкурентоспособных отраслей и стратегия пространственного размещения производства – Guo Aijun, Mao Jinhuan. *Silk Road Economic Belt: A Study of Spatial Differences of Competitive Industries and Strategy of Industrial Spatial Pattern*] // Цюйюй юй чэньши цзинцзи. 2014. № 9. С. 114–124.

⁷ Изданный на русском языке в КНР Издательством литературы на иностранных языках документ получил название «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века».

атлантического партнерства. Присутствует и стремление более активно использовать внешнеэкономические связи для стимулирования экономического роста и смягчения ситуации с перепроизводством многих видов инвестиционных товаров в Китае. Наконец, возникает ощущение, что географический ареал реализации проекта «пояса и пути» может в конечном счете стать своего рода разновидностью *Rax Sinica* – «китайского мира», противостоящего *Rax Americana* – миру американскому. Такие действия Пекина, как, например, приобретение китайским капиталом порта Мельбурна в Австралии⁸, подкрепляют подобные ощущения.

Можно констатировать, что концепция «пояса и пути» вписывается в общую стратегию дальнейшего развития Китая и отвечает ее задачам по многим конкретным направлениям:

- она соответствует задаче трансформации модели экономического роста, помогая сократить избыточные производственные мощности в ряде традиционных отраслей за счет их выноса в другие страны;
- в дипломатической сфере – представляет собой «общественно полезный продукт», адресованный Китаем мировому сообществу;
- расширяет набор инструментов и сферу применения экономической дипломатии Китая;
- выступает важной составной частью нового этапа внешнеэкономической открытости Китая и вывоза китайского капитала;
- помогает наращиванию «мягкой силы» Китая.

Государственный визит председателя Си Цзиньпина в Россию в мае 2015 г. ознаменовался подписанием специального документа – Совместного заявления РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Можно считать, что документ подвел итог этапу дискуссий и обозначил переход к этапу практической координации двух интеграционных проектов.

Главы России и Китая не только выразили обоюдную поддержку обоим проектам, но и заявили о намерении, во-первых, начать переговоры о заключении соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем, во-вторых, запустить диалоговый механизм по сопряжению евразийской экономической интеграции и ЭПШП, в-третьих, создать рабочую группу под руководством министров иностранных дел для координации сотрудничества в таких сферах, как расширение взаимной торговли и инвестиций, развитие производственной кооперации, укрепление взаимосвязанности в формировании логистики и транспортной инфраструктуры, содействии увеличению расчетов в национальных валютах.

Долгосрочными целями сопряжения деятельности ЕАЭС и строительства ЭПШП объявлены «продвижение к зоне свободной торговли ме-

⁸ *He Wei*. China's outward M& As may shrink in 2017, says sector expert // *China Daily*. 27.02.2017.

жду ЕАЭС и Китаем» и «формирование общего экономического пространства». Достигнутые договоренности были позитивно оценены в России. Так, заместитель руководителя Комитета Государственной думы по международным делам Л. Калашников высказал мнение, что состыковка двух интеграционных проектов фактически сделает Китай «неформальным членом ЕАЭС». «Это большой прорыв»⁹. В Китае удовлетворение вызвал настрой России на практическое участие в проектах, осуществляемых в рамках проекта ЭПШП. Это и соглашение о строительстве высокоскоростной железной дороги Москва–Казань, и привлечение юаневых кредитов к строительству объектов в России. В целом был сделан вывод, что практическое сотрудничество между Россией и Китаем «переходит на скоростной путь»¹⁰.

Ряд российских ученых полагают, что активное включение российских железных дорог (прежде всего БАМа и Транссиба) в транзитные коридоры и субрегиональные проекты сотрудничества, намеченные в концепции ЭПШП (в том числе Россия–Китай–Монголия, Дальний Восток России–Дунбэй) откроет для производителей азиатской части России удобный доступ к мировым рынкам.

В 2015 г. в Китае были предприняты экстраординарные усилия по пропаганде концепции «пояса и пути» и формированию ее максимально привлекательного образа. В частности, вице-премьер китайского правительства Чжан Гаоли заявил в Чунцине 27 мая, что КНР планирует инвестировать около 900 млрд долл. в создание шести экономических коридоров, в число которых вошел и новый маршрут Китай–Бразилия (остальные: Китай–Монголия–Россия, новый Евразийский Сухопутный мост, Китай–Индокитайский полуостров, Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма)¹¹. Несколько ранее, в апреле, председатель КНР Си Цзиньпин объявил о выделении более 40 млрд долл. на инвестиционные проекты в коридоре Китай–Пакистан.

Была проведена целая серия международных конференций, посвященных существу проекта «пояса и пути» и поиску оптимальных форматов сотрудничества в его практической реализации.

Участие в одной из них, проведенной 11 июня 2015 г. Институтом мировой экономики и политики Академии общественных наук Китая, позволило точнее уяснить видение проекта «пояса и пути» как китайской стороной, так и некоторыми странами – потенциальными его участниками.

⁹ Россия и Китай хотят создать общее экономическое пространство. URL: <https://news.mail.ru/politics/21970239/?frommail=1>. 09.05.2015.

¹⁰ Tuozhan jingji kongjian zengjin minzhong fuzhi : [Расширяя экономическое пространство, премножать благополучие народа – To enlarge the people's wellbeing through broadening economic space] // Жэньминь жибао. 15.05.2015.

¹¹ China to invest \$ 900b in Belt and Road Initiative . URL: http://www.china.org.cn/business/2015-05/28/content_35683543.htm

Китайские ученые констатировали, что данный проект интегрирует многие уже существующие или предлагавшиеся ранее форматы сотрудничества тех или иных стран и регионов с Китаем. С другой стороны, проект характеризовался как важный элемент глобальной стратегии КНР, призванный содействовать углублению реформ и политики открытости в стране. Особо подчеркивалась необходимость нового подхода к инвестициям Китая за рубежом, ориентированного на обеспечение их экономической эффективности. Китайские эксперты специально оговаривали необходимость углубления доверия между КНР и ее партнерами по проекту, что позволило бы нивелировать имеющиеся подозрения относительно стратегических намерений Пекина.

Как показали выступления ряда иностранных ученых, концепция «пояса и пути» нуждается в дальнейшем, более детальном разъяснении, в предметном обсуждении роли и места тех или иных государств в реализации проекта. Весьма показательным в этом плане было выступление представителя Пакистана Фазл ур Рахмана (исполнительный директор Пакистанского совета по Китаю). По его словам, Пакистану нужны от Китая инвестиции не только в энергетику и инфраструктуру, но и прежде всего в промышленность и сельское хозяйство, обеспечивающие рост национальной экономики. Внешне наивно, но по сути дела вполне закономерно прозвучал вопрос: как понимать принцип взаимного выигрыша (win-win situation)? Можно ли перевести такой подход на язык цифр, каковы будут пропорции распределения выгод между партнерами – 90:10, 80:20 и так далее. Дисбаланса здесь в долгосрочной перспективе быть не должно¹².

Конференция показала, что ряд государств стремится приспособить проект «пояса и пути» к собственным задумкам, так что степень поддержки китайской инициативы подчас зависит от готовности Пекина поддержать предложения стран-партнеров. Например, в случае с Индией это выдвинутые ею проекты развития сотрудничества в форматах «Путь муссонов» и «Маршрут специй» («Mausam» и «Spice Route» projects)¹³.

Несмотря на все осложнения в китайской экономике, к середине августа 2015 г. уже 14 из 18 провинций и административных районов, прямо упомянутых в мартовском документе, подготовили планы практической реализации своих функций в рамках проекта «пояса и пути».

Важная роль отводится созданию логистических коридоров и разнопрофильных центров, призванных усилить сотрудничество китайских регионов с теми или иными государствами зоны «пояса и пути». Например, провинция Гуандун – общекитайский лидер по объему внешней торговли – предполагает стать «стратегическим узлом связи» всего проекта. Кроме

¹² «И дай и лу» юй Ячжоу гуньин – Ди у цзюй Ячжоу яньцзю лунтань : [«Один пояс, один путь» и общий выигрыш для Азии. – 5-й форум азиатских исследований]. Пекин, Китай, 11.06.2015. С. 170–171.

¹³ «И дай и лу» юй Ячжоу гуньин – Ди у цзюй Ячжоу яньцзю лунгань... С. 165.

того, намечается формирование общегосударственного центра торговли импортными товарами (ярмарки – в дополнение к имеющейся в Гуанчжоу ярмарке экспортных товаров) и тем самым способствовать увеличению ввоза в Китай товаров из зоны «пояса и пути». Одновременно задумано создавать в государствах-партнерах торговые центры и ярмарки по продвижению гуандунских изделий, в том числе стройматериалов и отельного оборудования.

Провинция Шэньси и ее центр – город Сиань, одна из древних столиц Китая, планируют развивать у себя одновременно центры международных культурных обменов, инновационного сотрудничества в зоне «пояса и пути», биржу по торговле золотом и т.п.

Провинция Хэйлунцзян создает в столице Харбине центр железнодорожных контейнерных перевозок, призванный стать важным логистическим центром экономического коридора Китай–Монголия–Россия¹⁴.

Китайская инициатива создания Экономического пояса Шелкового пути, еще будучи далекой от полноформатного воплощения в жизнь, уже приносит на ряде направлений ощутимый практический эффект. Так, в рамках ее реализации за год с небольшим количество железнодорожных грузовых рейсов между Китаем и Европой достигло 600, тогда как за предыдущие три с небольшим года, прошедшие со времени официального открытия маршрута в марте 2011 г., – только 200. Рост перевозок позволяет справляться с быстро растущим объемом электронной торговли. По трем коридорам (через КПП Алашанькоу, Эрлянь Хото и Маньчжоули) на территории Китая пролегает 21 железнодорожный маршрут¹⁵.

Наряду с традиционными появляются и новые пункты отправления грузов в Европу. В частности, 31 августа 2015 г. поезд впервые отправился по маршруту Чанчунь–Маньчжоули–Германия. Время в пути – 14 дней, на 44 дня меньше, чем при перевозке товаров по морю¹⁶.

В конце 2016 г. китайские электронные СМИ обнародовали довольно внушительный «перечень достижений инициативы пояса и пути», простирающийся вплоть до стран Африки и Латинской Америки. Меморандумы и соглашения о сотрудничестве были подписаны с 40 государствами¹⁷.

Что касается Российской Федерации, то отдельные отечественные политологи продолжают считать, будто попытки Китая «обойти нас Великим шелковым путем» означают подрыв долговременных усилий России

¹⁴ 14 шэн «и дай и лу» шиши фанъань чэнсин гэ ди цзици цзянь «чжунсинь» : [14 провинций разрабатывают проекты реализации стратегии «пояса и пути», повсеместно активно создаются «центры»]. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2015/0817/c1001-27473103.html>

¹⁵ Рейсы между Китаем и Европой эффективно обеспечивают реализацию концепции «пояса и пути». URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0901/c31518-8944172.html>

¹⁶ Товарный поезд из Чанчуна впервые отправится в Европу. URL: <http://russian.people.com.cn/n/0818/c31519-8937877.html>

¹⁷ List of achievements of Belt and Road Initiative (2013–2016). URL: www.en.people.cn/102775/31396/index.html

по строительству транспортного моста между Европой и Азией, а потому «могут поставить под угрозу новообетенную дружбу»¹⁸.

Напомним, что как раз в 2013 г. российскими учеными и специалистами в области транспорта был разработан и представлен широкой общественности мегапроект «Интеграционной евразийской инфраструктурной системы», где России отводилось центральное место¹⁹.

В то же время основная часть экспертов и правительство России демонстрируют растущий интерес к самому активному взаимодействию с китайскими партнерами, к реальному сопряжению российских экономических программ с проектом «пояса и пути». Как показали дискуссии на Первом Восточном экономическом форуме во Владивостоке 3–5 сентября 2015 г., это сопряжение вполне может стать весомым фактором модернизации портов российского Дальнего Востока и развития региона в целом. Есть и первые практические результаты.

В числе документов, подписанных в ходе визита президента РФ В. Путина в КНР 2–3 сентября 2015 г., фигурируют и Соглашение о сотрудничестве между Российским фондом прямых инвестиций, Внешэкономбанком и Китайским фондом Шелкового пути в области инвестиций в приоритетные секторы экономики России и Китая, а также Соглашение между Открытым акционерным обществом «Российские железные дороги» и китайским холдингом China Yingkou Port Group о сотрудничестве в целях практической реализации намерений о сопряжении инициатив Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути.

Разумеется, сегодня трудно предугадать все детали взаимодействия России и Китая как в состыковке программ ЕАЭС и ЭПШП, так и реализации тех или иных конкретных проектов. Начинаясь в данных сферах практическая работа ориентирована на длительную временную дистанцию.

II

В контексте состоявшейся в середине мая 2017 г. в Пекине конференции по проблемам «пояса и пути» высокого уровня – под патронажем Си Цзиньпина и с приглашением двадцати девяти глав государств и правительств зарубежных стран – есть необходимость провести своего рода инвентаризацию тех плюсов и минусов, которые может принести России ее достаточно масштабное «впряжение» в реализацию проектов «Шелкового пути».

Наиболее бесспорным позитивным моментом на сегодняшний день выглядит возможность полнее выявить транспортно-транзитный потенци-

¹⁸ Холмогоров Е. Россия в Азии: выход из пустоты // Независимая газета. 31.08.2015.

¹⁹ См.: Осипов Г.В., Садовничий В.А., Якунин В.И. Интегральная евразийская инфраструктурная система как приоритет национального развития страны. М.: ИСПИ РАН, 2013.

ал России, в первую очередь Транссиба, но далеко не только его одного. Китаю принадлежит доминирующее место в формировании транзитного потока грузов через Россию: он обеспечивал 41% транзита в 2015 г. и 74% в 2016 г. Пока через Казахстан–Россию–Белоруссию проходит чуть более 1% суммарного оборота между Китаем и Европой, который составляет 14 млн контейнеров в год. Эту долю можно было бы существенно увеличить при надлежащем обустройстве транспортно-терминальной инфраструктуры на сухопутном маршруте, однако для этого требуются крупные инвестиции – безотлагательно 2,5 млрд долл., а в перспективе – 10–12 млрд долл.²⁰ Данную ситуацию можно рассматривать как определенный минус, так как деньги де-факто направляются на обеспечение поставок китайских грузов в Европу, а не на развитие производства в самих членах ЕАЭС.

Во-вторых, Россия рассматривает подключение к «Шелковому пути» как действенный инструмент содействия развитию своего Дальнего Востока и отчасти Сибири. Здесь речь, прежде всего, идет о строительстве экономического коридора Китай–Монголия–Россия и международных транспортных комплексов «Приморье-1» (для транзита грузов из провинции Хэйлунцзян через порты Владивостока и Находки) и «Приморье-2» (для вывоза грузов из провинции Цзилинь через порт Зарубино). Проблема та же: немалые инвестиции направляются на обслуживание транзита грузов из Китая, при этом соответствующая российская инфраструктура оказывается тесно привязанной к Китаю и зависимой от него.

В-третьих, встает и более общая задача развития собственного производства в зоне транзита, использования российского участка инфраструктуры «Шелкового пути» для поставок в КНР товаров, производимых в РФ. В свете активного обсуждения маршрута следования в КНР поезда с российской сельхозпродукцией из Ворсино (Калужская область) в Далянь или Шилун (провинция Гуандун)²¹ важно, чтобы и этот поезд, и поставки продовольствия в целом не остались первой и последней «ласточкой» в наращивании экспорта в КНР продукции российской перерабатывающей промышленности.

В четвертых, многоплановый долговременный характер будет носить влияние «пояса и пути» на интеграционные процессы с участием России.

Судя по всему, пространство «пояса и пути» де-факто выдвигается на роль нового интеграционного ареала в Евразии. Не менее важен объективный рост интеграционного потенциала Китая, который ранее никогда не претендовал на что-либо подобное. Эти процессы разворачиваются в неблагоприятный для России период экономической слабости, чувстви-

²⁰ Штанов В. Россия выезжает на «Шелковый путь» // Ведомости («Грузоперевозки»). 13.12.2016.

²¹ Скорлыгина Наталья, Скоробогатко Денис. Российские продукты выбирают рынок в Китае. Первый экспорт пойдет в Далянь или Шалун // Коммерсантъ. 10.03.2017.

тельных санкций со стороны Запада, низких цен на углеводороды. Все это вместе взятое может негативно повлиять на реальную способность Российской Федерации выступить в качестве интеграционного ядра на том или ином пространстве.

Разрыв абсолютных величин ВВП Китая и России в ближайшие годы будет возрастать – по оценке МВФ, с 8,4:1 в 2015 г. до 10:1 к 2021 г. при пересчете из юаней и рублей в доллары по текущему рыночному курсу и с 5,3:1 до 7:1 при пересчете по паритету покупательной способности национальных валют (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение ВВП Китая и России в 2015–2021 гг.

Годы	Китай		Россия		Китай:Россия	
	млрд долл. (рыночный курс)	млрд долл. ППС	млрд долл. (рыночный курс)	млрд долл. ППС	млрд долл. (рыночный курс)	млрд долл. ППС
2015	11181	19695	1326	3724	8,43:1	5,29:1
2016	11391	21269	1267	3745	8,99:1	5,68:1
2017	12361	23066	1442	3866	8,57:1	5,96:1
2018	13576	25038	1530	4005	8,87:1	6,25:1
2019	14918	27137	1610	4157	9,26:1	6,52:1
2020	16458	29347	1698	4309	9,69:1	6,81:1
2021	18033	31724	1786	4468	10,09:1	7,10:1

Источники: World Economic Outlook, Database, IMF, январь 2017 и расчет по ним.

Следствием вовлечения в программы «Шелкового пути» ЕАЭС может стать не столько «сопряжение» двух проектов, сколько размывание первого из них и фактическое подчинение его второму. Вряд ли случайно российское руководство стало продвигать идею «большой евроазиатской интеграции» в составе ЕАЭС, ШОС и АСЕАН – в этой конфигурации китайский «флюс» был бы несколько менее заметен, а РФ было бы легче играть роль одного из формальных лидеров интеграционных процессов.

В любом случае, однако, нельзя не признать, что переключение интеграционных усилий России на Азию отдаляет ее от гораздо более близкого ей экономически и цивилизационно европейского региона. В связи с этим имеет право быть поставленным вопрос о том, не может ли формат «Шелкового пути» помочь «ремонт» подорванных взаимосвязей России и ее соседей в Европе, с которыми она несколько десятилетий взаимодействовала в рамках самой успешной в истории нашей страны интеграционной группировки – Совета экономической взаимопомощи (СЭВ)?

В самом деле, вряд ли является экономически обоснованной нынешняя ситуация, когда только у стран Балтии объем торговли с Россией выше, чем с Китаем, а из стран собственно Восточной Европы – лишь у Болгарии, при этом торговля Китая с Чехией и Венгрией вдвое превысила в 2016 г. их торговлю с Россией (табл. 2).

Таблица 2**Торговля России и Китая с некоторыми странами
Восточной Европы в 2016 г., млн долл.**

Страна	Россия	Китай	Соотношение Россия/Китай
Болгария	2800	1643	1,70
Венгрия	4306	8884	0,48
Латвия	5187	1194	4,34
Литва	2923	1454	2,01
Польша	13057	17625	0,74
Румыния	3076	4899	0,63
Словакия	4162	5271	0,79
Словения	991	2705	0,37
Хорватия	808	1178	0,68
Чехия	5460	11006	0,50
Эстония	2678	1175	2,28

Источники: Внешняя торговля Российской Федерации по странам и группам стран. Январь-декабрь 2016 г. Данные сайтов: URL: www.customs.ru; URL: www.chinacustomsstat.com/asp/1/newdata/record-class.aspx?id=3160¤cy=usd и расчет по ним

Наверное, на этом ответвлении ЭППП Россия и Китай нередко будут выступать как конкуренты, однако вполне возможен и поиск ниш для кооперации, в том числе для совместного выступления на рынках государств Восточной Европы. Этому способствует и невысокая пока инвестиционная активность Китая в данном регионе. Лидером выступает Венгрия с объемом накопленных китайских инвестиций в 2 млрд евро, за которой следуют Польша (936 млн), Румыния (889 млн) и Чехия (569 млн евро). Для сравнения: объем накопленных китайских инвестиций в Германии составляет 18,8 млрд евро, в Великобритании 23,6 млрд, во Франции 11,4 млрд и в Италии 12,8 млрд евро²². Здесь Китай уже давно выступает в качестве самостоятельного стратегического инвестора и какой-либо надобности в кооперации с Россией не испытывает. В странах же Восточной Европы, образно говоря, этот поезд еще не ушел.

Элементы соперничества и сотрудничества между Россией и Китаем традиционно наблюдаются и в регионе Центральной Азии. В 2016 г. суммарный товарооборот Китая с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменией, Узбекистаном превысил 30 млрд долл., тогда как товарооборот с этими странами России составил существенно меньше – 18,55 млрд долл. (табл. 3). При этом в 2016 г. Китай опередил Россию по торговле с Узбекистаном и даже Казахстаном, хотя на протяжении почти всего постсоветского периода ситуация была обратной. Некоторые российские политологи с тревогой обращают внимание на то обстоятельство, что, на-

²² Hannemann T., Huotari M. Record flows and growing imbalances. Chinese Investment in Europe in 2016 // Merics Papers on China. Berlin, 2017. No 3. P. 10.

пример, в Киргизии «появилась экономическая система, базирующаяся в большей степени на нелегальном реэкспорте товаров из Китая»²³.

Таблица 3

Торговля Китая и России с государствами Центральной Азии в 2016 г.

Страна	Россия	Китай	Соотношение Россия/Китай
Казахстан	13039	13093	0,99
Киргизия	1196	5676	0,21
Таджикистан	688	1755	0,39
Туркмения	901	5901	0,15
Узбекистан	2726	3614	0,75

Источник: данные сайтов URL: www.chinacustomsstat.com/asp/1/NewData/Record_class.aspx?id=3160¤cy-usd; URL: www.customs.ru; расчеты автора.

Планируемый в рамках «пояса и пути» перенос части предприятий из КНР в Казахстан и Киргизию требует как минимум серьезного обсуждения специалистами перспектив и условий возможных поставок производимой ими продукции в Россию и государства ЕАЭС в целом. Нельзя не учитывать, что потребность на рынке ЕАЭС в насыщении продукцией выводимых из КНР предприятий невелика.

Вышесказанное уместно завершить достаточно тривиальным выводом о сочетании возможности и вызова, нередко звучащим в последнее десятилетие, открытое мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг. Практическая реализация китайской инициативы «пояса и пути» потенциально расширяет возможности России полнее использовать свой транспортно-транзитный потенциал, нарастить собственное производство широкой номенклатуры товаров и активнее продвигать свою продукцию на рынки государств-соседей. В то же время «пояс и путь» становится отныне дополнительным постоянно действующим вызовом позициям России по всему маршруту его прохождения. Нахождение взаимоприемлемых решений по многим конкретным сюжетам, вытекающим из контекста «пояса и пути», будет отныне неизбежно занимать заметное место в двусторонней повестке российско-китайских отношений.

²³ *Медведев А.* Неудачная игра в «нанайских мальчиков», или как не стать киргизским Януковичем // Независимая газета. 13.03.2017.

Е.И. САФРОНОВА

«ПОВОРОТ РОССИИ НА ВОСТОК»: ДИСКУРС И СОСТОЯНИЕ ДЕЛ

Аннотация. В статье охарактеризованы основные пункты развернувшейся в научно-экспертном сообществе дискуссии о сути и направлениях российского «поворота на Восток», а также практические подвижки в реализации этой инициативы. Автор исследует причины и смысл «поворота» и очерчивает свой взгляд на эффективность воплощения и факторы «торможения» названного «нового курса» России.

Ключевые слова: Россия (РФ), Китай (КНР), российский Дальний Восток (РДВ) и Сибирь, Юго-Восточная Азия (ЮВА), АСЕАН, проект «Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП)», Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

В последние несколько лет экспертным сообществом, как известно, широко обсуждается тема «поворота России на Восток». Специалисты весьма охотно высказываются о его причинах, выгодах, рисках и направлениях. При этом единая точка зрения о времени его начала до сих пор не сложилась. А ведь время во многом определяет его смысл, суть, ориентацию и охват.

Преобладает мнение, что основы «поворота» были заложены в преддверии саммита АТЭС, прошедшего во Владивостоке (сентябрь 2012 г.)¹

За полгода до саммита в одной из своих предвыборных статей В.В. Путин отмечал, что экономический рост восточного гиганта – Китая – несет колоссальный потенциал делового сотрудничества, шанс поймать «китайский ветер» в «паруса» экономики РФ и что Россия должна активнее выстраивать кооперационные связи, с умом задействуя китайский потенциал для хозяйственного подъема Сибири и Дальнего Востока².

¹ *Бецкая А.* Смещение акцентов. Россия объявила о повороте вектора развития на восток. URL: http://moscowtorgi.ru/news/o_glavnom/378/

² *Путин В.В.* Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27.02.2012.

В декабре 2012 г. президент в Послании Федеральному Собранию объявил вектором развития России в XXI веке развитие на восток, прежде всего в Сибири и на Дальнем Востоке. Он подчеркнул, что подъем этих российских земель есть возможность занять достойное место в АТР – самом динамично развивающемся регионе мира³.

А в Послании ФС 2013 г. президент назвал подъем Сибири и российского Дальнего Востока (РДВ) стратегической целью и национальным приоритетом на весь XXI век⁴. Некоторые специалисты предпочитают считать именно эти два последовательных послания началом отсчета восточно-ориентированного курса РФ⁵.

Есть мнение и о том, что всерьез о «повороте/развороте» на (зарубежный) Восток государственные инстанции заговорили только весной 2014 г. – вскоре после введения первых санкций против РФ, последовавших вслед за воссоединением Крыма с Россией.

В этом временном отрезке «символом нового курса» называется визит В. Путина в Шанхай (май), а главным «поворотным моментом» – соглашение между «Газпромом» и CNPC о поставках газа на сумму 400 млрд долл. Президент РФ расценил газовый контракт с Китаем как «эпохальное событие» в газовой отрасли России и СССР⁶. Понятно, что вскоре представители российской бизнес-элиты усмотрели в энергетическом рынке КНР альтернативу европейскому⁷. При этом была признана специфика китайского вектора: в сентябре 2014 г. глава Газпрома подчеркивал, что «на азиатском газовом рынке невозможно мерить и работать с европейским аршином»⁸.

Хотя временные вехи «нового курса» называются достаточно определенно, пусть и с небольшим разбросом в 2 года, вопрос о начале поворота/разворота на Восток представляется не столь однозначным.

Автор разделяет то мнение, что российское государство предпринимало попытки найти альтернативу евроатлантическому вектору своего внешнеполитического и внешнеэкономического курса еще до 2012–2014 гг., которые «всего лишь» обострили необходимость искать паллиатив партнерству с Западом.

Интерес к зарубежному восточному вектору начал складываться у РФ со вступлением Китая в этап энергичного развития с конца 1980-х годов.

³ Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825>

⁵ См., например, URL: https://lenta.ru/comments/articles/2016/12/22/face_to_face_with_east.

⁶ Ведомости. 21.05.2014.

⁷ *Спивак В.* Разворот к Китаю состоялся? Дебаты в РСМД. URL: <http://russiancouncil.ru/turn2china#kulintsev>

⁸ Цит. по: *Габуев А.* Поворот в никуда: итоги азиатской политики России в 2015 году. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=62369>

Этот интерес только обострился с расширением дискуссий об опасности отделения Дальнего Востока от «тела» России в середине 1990-х.

К началу XXI века зависимость политико-экономического и оборонного статуса РФ от продуктивности развития ее Дальнего Востока и Сибири стала не просто заметной: она вступила в фазу своего осознания на самом высоком государственном уровне⁹. Так, в июле 2000 г. президент В.В. Путин заявил, что «Мы не имеем ни малейшего права терять темпы развития, позволить краю отстать»¹⁰.

Одним из механизмов ускорения развития РДВ президент тогда назвал экономическое вхождение российского Дальнего Востока в АТР: «Отдаленность Дальневосточного края диктует необходимость его активного вовлечения на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона»¹¹.

Двумя годами позже – в ноябре 2002 г. – В.В. Путин особо отметил роль АТР и его значение для развития российского Дальнего Востока, указав, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе «фокусируются... экономические и политические интересы очень многих государств мира»¹².

Итак, подчеркнем, что нарастание интереса России к АТР имело место и до начала XXI века, хотя тогда оно не могло получить реального воплощения ввиду внутренних обстоятельств. После распада СССР Россия просто не располагала ресурсами и силами для выстраивания масштабных отношений с азиатскими партнерами. Но уже к середине 1990-х годов в российском экспертном и/или научном сообществе созрело понимание, что потребность «поворота» к Азии логически проистекает из двух обстоятельств – необходимости налаживания связей с АТР, который явственно становился новым «очагом» мировой экономики, и решения стратегической задачи развития РФ – подъема ее Дальнего Востока и Сибири¹³.

В целом, и в российском, и в зарубежном экспертных сообществах уже общим местом стало сведение причин «поворота» к следующей универсальной триаде:

1. Стремление материализовать российский ответ на санкции Запада.
2. Крайняя желательность приобщения к политико-экономическому потенциалу бурно растущего АТР, а при благоприятствовании условий – прямое встраивание в его хозяйственную и дипломатическую жизнь.

⁹ Ларин В.Л. Восточный поворот Кремля. URL: <http://vpk-news.ru/articles/16733>

¹⁰ Путин В.В. Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья» 21 июля 2000 г., г. Благовещенск. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21494>

¹¹ Там же.

¹² Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности по вопросам обеспечения национальной безопасности на Дальнем Востоке. 27.11. 2002. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21791>

¹³ Лукин В. Поворот России к Азии: миф или реальность? URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1468>

3. Необходимость изыскания ресурсов для развития Сибири и российского Дальнего Востока.

При этом подчеркивается, что именно с началом украинского кризиса и ограничением западного кооперационного вектора заинтересованность России в сотрудничестве на Востоке переросла в *прямую необходимость*¹⁴.

Естественно, материальные потери на западном направлении (наличие коих в РФ признается даже на самом вершине¹⁵) нуждаются в восполнении. В силу этого у некоторых специалистов появляется соблазн свести смысл «поворота» России на Восток (прежде всего – к Китаю) к чисто экономической целесообразности: нарастить экспорт российских углеводородов и обеспечить приток как прямых капиталовложений для проектов, лишившихся финансирования от западных монетарных институций, так и портфельных инвестиций для поддержания функционала российских банков. Справедливости ради подчеркнем, что это логичная задача, хотя и трудновыполнимая, поскольку азиатский финансовый потенциал в принципе уступает западноевропейскому и он практически никогда не был для России приоритетным и разработанным¹⁶.

Автор полагает, что перечень причин российского «поворота на Восток» можно дополнить и рядом обстоятельств политического свойства.

Так, для России существует ряд дефиниций, отражающих ее геостратегическую дислокацию: евроазиатская страна, атлантико-тихоокеанская, евро-тихоокеанская держава¹⁷ и т.д. Вследствие множественности и при этом неопределенности ее геополитического статуса Россия периодически вынуждена утверждать себя в разных географических пределах. И «поворот на Восток», в случае успеха, способен изменить имидж России, добавив уверенности ее ответу на дилемму «Восток или Запад» и, хотя бы на время, сгладив мучительные колебания относительно цивилизационно-географических предпочтений РФ.

Однако донныне звучат напоминания о том, что поскольку «двуглавый российский орел смотрит в обе стороны», то РФ должна сбалансированно развиваться по обоим направлениям. Отмечается, что если для России «большая Европа» не станет надежным тылом, то «поворот на Восток»

¹⁴ Storey, Ian. What Russia's 'Turn To The East' Means For Southeast Asia – Analysis. URL: <http://www.eurasiareview.com/09122015-what-russias-turn-to-the-east-means-for-southeast-asia-analysis> ; также: Шпангер, Ханс-Йоахим. Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на Шелковом пути. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2011-02-20/chinas-search-grand-strategy>

¹⁵ URL: <http://er.ru/news/130395/>

¹⁶ См.: Спивак В. Разворот к Китаю состоялся?..

¹⁷ Dave, Bhavna. Russia's Asia Pivot: Engaging the Russian Far East, China and Southeast Asia/ RSIS Working Paper № 297. URL: <http://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2016/05/WP297.pdf>

будет сопряжен с высокими рисками¹⁸. Думается, эти риски объясняются тем, что искусственные «переносы центра тяжести» всегда чреваты дисбалансами в экономическом состоянии страны и углублением разрыва в уровнях хозяйственного развития ее регионов.

Данный вывод представляется вполне логичным, но пока, видимо, придется выбирать: у России недостаточно экономических сил и дипломатической «мощности» для поддержания равновесно выгодных отношений и на Востоке, и на Западе.

Отметим, что в необходимости выбора (даже временного) есть свои преимущества: более «восточный» имидж России, возможно, прибавит ей доверия среди стран АТР, так и не завоеванного ею на Западе. К тому же при ограниченности возможностей бывает просто полезно сосредоточить «главный удар» на одном направлении, доведя дела на нем до достаточно-го результата.

Учитывая смещение глобальной силы в АТР, где Китай следует по пятам за США с целью стать первой экономикой мира, а Индия наращивает экономические мускулы, сотрудничество с двумя азиатскими гигантами (а также рядом экономик ЮВА, деликатно называемыми «средне-развитыми»), несомненно, является прагматически полезным для РФ. Нашей стране необходимо воспользоваться благоприятным моментом, когда дружественные ей международные акторы, находясь на подъеме, не усматривают в ней опасного конкурента и склонны к региональному взаимодействию с ней.

Поскольку современная Россия не настроена возвращаться ни к гонке вооружений с США (да и не может себе этого позволить), ни к практике формирования военного блока со странами-союзниками и так называемыми клиентскими государствами, то задача повышения международного веса РФ диктует необходимость углубления ее взаимодействия с многосторонними структурами¹⁹. Ключевым партнером для России является ШОС, где РФ вместе с Китаем являются «стержнеобразующими» участниками и где влияние США практически не ощутимо или опосредовано.

Россия весьма дорожит и своим постоянным членством в СБ ООН, которое можно расценивать как яркий «отблеск» прежнего статуса сверхдержавы. Участие в объединениях РИК и БРИКС тоже нацелено на наращивание авторитета РФ путем задействования ресурса коллективности.

Как известно, существует тенденция рассматривать умножение интернациональных коллективных структур и как средство, и как проявление мультиполяризации международных отношений (МО).

¹⁸ URL: <https://rns.online/military/Ekspert-predupredil-o-riskah-dlya-RF-pri-povorote-na-Vostok-bez-usloichivih-otnoshenii-s-Evropoi--2017-05-23/>

¹⁹ Weir, Fred. Disillusioned With the West, Russia Too Is Pivoting to Asia. URL: <https://thewire.in/110707/disillusioned-with-the-west-russia-too-is-pivoting-to-asia/>

Потребность вхождения в равноправную многополярность обостряется для России тем, что ее попытки воссоздать под своим началом *экономические* объединения протосоветского образца пока не выказывают большой продуктивности.

Так, учрежденный в 2015 г. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) еще не преодолел нехватку сплоченности, демонстрируя несовпадение партнерских приоритетов: Киргизия и Казахстан все более заметно ориентируются на Китай, Беларусь не прочь выгодно воспользоваться своим соседством с тремя государствами НАТО. Да и, вообще, ЕАЭС, в некотором плане напоминающий СЭВ, а по сути – являющийся зоной свободной торговли пяти постсоветских стран, в принципе не вышел на «проектную мощность».

Процессы встраивания России в многополярность полезны тем, что напоминают о РФ как о великом конкурентоспособном государстве: именно многополярность, по мнению РФ (и Китая), ведет к нивелированию американской доминанты в мировом порядке, повышая «державные» шансы стран-конкурентов. (Энтузиасты «поворота» всегда исходили из того, что если Россия не войдет в АТР как авторитетный международный «игрок», то она не сможет претендовать на место глобальной державы XXI века²⁰.)

Есть мнение, что донныне Россия не рассматривала международные институты в качестве серьезных полноправных контрагентов, а скорее как инструменты продвижения интересов крупных держав²¹. Однако в новых условиях РФ придется сотрудничать с международными структурами уже не как со вспомогательными партнерами, а как с коллективами субъектов МО, каждый участник коих ждет индивидуального и равновесного подхода. Такова цена изменения глобальной роли нашей страны после распада СССР в аспекте ранжирования переговорных уровней. И таково требование многополярности.

Позитивно то, что во внешнеполитическую практику РФ ныне вводятся механизмы формирования временных, создаваемых под определенную проблему структур²². Так, инициация Россией, при участии Ирана и Турции, астанинских мирных переговоров по Сирии (проводимых без США) свидетельствует о том, что Москва серьезно изучает возможности новых дипломатических форм.

Еще один политический мотив «поворота» – в инициированном Китаем в начале 2010-х годов собственном походе, но уже на Запад, который во многом был спровоцирован курсом США на «возвращение в АТР».

²⁰ Лицом к Азии. Итоги поворота России на Восток в 2016 году. URL: https://lenta.ru/articles/2016/12/22/face_to_face_with_east/

²¹ Storey, Ian. Op. cit.

²² Weir, Fred. Op. cit.

Старт последнего связывается с известной идеей, озвученной Х. Клинтон в 2011 г., по созданию региональной организации «Инициатива Нового Шелкового пути»²³. Понятно, что «возвращение» США в АТР, при всем прочем, имеет антикитайский подтекст²⁴, и это не могло не вызвать реакции Пекина.

Россия видит движение Китая на Запад, и потому ее встречный «поворот на Восток» отчасти может быть представлен как реакция на западный «поход» КНР. Это тоже составляет пусть вспомогательную, но вполне логичную причину «нового курса» РФ.

Надо отметить, что азиатский вектор «поворота» в некоторой степени обусловлен позицией самой восточной стороны. То есть, идея «поворота» не была лишена взаимности. Как показывает мировой опыт, материальный успех бурно развивающихся международных акторов не является достаточным условием для безоговорочного обретения ими статуса члена «клуба» мирового геополитического «истеблишмента»²⁵. Так, несмотря на весь свой экономический успех и превращение во вторую экономику мира, Китаю не удалось стать органичной частью *Rex Americana*, а стандарты западного уровня жизни продолжают быть для КНР хоть и возжеланными, но недостижимыми в обозримой перспективе²⁶.

Ощутимое одобрение Пекином настроений Москвы ограничить международный маневр США явилось обстоятельством, добавившим России решимости сделать «галс» по китайскому направлению.

Объективно-экономическая подоплека интереса стран АТР к сотрудничеству с РФ тоже может рассматриваться как фактор взаимности – Россия располагает ресурсами, которые можно приобрести со сверхвыгодой. Несмотря на то, что Китай всегда умудряется получать все, что ему нужно, от других поставщиков, именно российское кооперационное направление бывает оптимальным. Например, партнерство с РФ в сфере ВТС прибавляет Китаю уверенности в отстаивании его позиций в Восточно- и Южно-Китайском морях, а также в отношениях с США²⁷.

Россию и целый ряд восточных обществ сближает и подобие их общественно-экономических формаций. С КНР Россию «роднит» принцип авторитарности руководства в сочетании с элементами госкапитализма.

²³ *Starr S, Frederick.* A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors /Central Asia–Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Johns Hopkins University–SAIS //Silk Road Paper (Wash.). 2005. March. P.6.

²⁴ *Шпангер, Ханс-Йоахим.* Указ. соч.

²⁵ Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 60, 61.

²⁶ См.: *Козлов Л.* Принятие восточного выбора Россией было вынужденным и не окончательным. URL: <http://primamedia.ru/news/500879/>

²⁷ *Корявченко А.* URL: http://ni.globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2016/10/Rossiya-i-Kitaj_red.pdf. С.1.

В свое время китайская бюрократия была создана на основе советского образца, и коммунистическая идеология до сих пор является для части китайской политической элиты источником понимания и будущего, и настоящего²⁸.

Целому ряду восточных стран более, чем западным, понятен российский, управляемый государством «клановый» капитализм²⁹. Симптоматично, что, за исключением Японии, никто в Азии не последовал политике санкций в отношении РФ и не высказывается по поводу прав человека и состояния демократии не только в нашей стране, но и в других соседних государствах.

Итак, восточное направление имеет сравнительные преимущества, которые надо не просто использовать, но материально наполнять и подпитывать. Это и есть еще одна ключевая проблема, которую тоже предстоит решить.

А как понимать «Восток» в контексте российского «поворота» к нему?

Можно назвать четыре «адресата», хотя некоторые эксперты до сих пор предпочитают выделять только одного – Китай.

Первое. Понятно, что *Китай* – основное направление нового восточного курса РФ, поскольку он – вторая экономика мира, сопредельная России страна, авторитетный международный актор, демонстрирующий с РФ совпадение позиций по целому ряду вопросов, мировой хозяйствующий субъект, заинтересованный в российских ресурсах, а также многообещающий международный инвестор.

Однако при всей значимости сотрудничества с КНР следует помнить, что на *краткосрочную и среднесрочную перспективу* залогом китайского интереса к РФ останется «сырьевая специализация» нашей страны. Китаю не нужен производительный конкурент на мировых и региональных рынках. Ему нужны сырье, сбыт его готовой продукции, а также возможности транзита его грузов на Запад. Поэтому у целого ряда специалистов растет обеспокоенность, что Россия, если еще не стала, то определенно может превратиться в сырьевой придаток КНР.

В свете этого тезиса в докладе Валдайского клуба «К Великому океану, или новая глобализация России» отмечалось, что целью строительства Россией экспортной и транспортной инфраструктуры в восточном направлении должно стать расширение контактов со всем АТР. Эксперты предупреждают: «Особенно стоит избегать заикливания на Китае нефти и газопроводов. Они должны идти в порты Дальнего Востока, и оттуда – на весь рынок Тихого и Индийского океанов. Нельзя повторять вынуж-

²⁸ Владимир Н. Год великого перелома: основные риски Китая в 2016 году.
URL: <https://www.south-invest.com/2016?language=ru>

²⁹ Шпангер, Ханс-Йоахим. Указ. соч.; Weir, Fred. Op.cit.

денную советскую ошибку, когда все газопроводы были построены только по линии Восток–Запад»³⁰.

Второе. *Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и его сопряжение с китайским проектом «Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП)», а также с ШОС.*

Российские исследователи усматривают возможность сочетания ЕАЭС и ЭПШП по двум симультанным или (при неблагоприятном развитии событий) альтернативным линиям.

Первая – это углубление экономического взаимодействия ЕАЭС опять-таки с Китаем как единственным реальным представителем проекта ЭПШП. Понятно, что такое взаимодействие пойдет в основном по каналам двусторонних экономических контактов, а также создания предпринимательских единиц (например, СП) на территориях ЕАЭС и КНР. Пока же кооперация в формате «ЕАЭС–Китай» не только не показывает ощутимых результатов (хотя совместная российско-китайская рабочая группа приступила к работе еще в июне 2015 г.), но просто находится в стадии разработки планов.

Вторая линия сопряжения могла бы пойти по пути создания зоны свободной торговли (ЗСТ) между ЕАЭС и КНР. Однако начатые сторонами в декабре 2015 г. переговоры о заключении всеобъемлющего соглашения в области торгово-экономического сотрудничества не затрагивают вопросов формирования ЗСТ: их фокус – китайские капиталовложения в промышленность, инфраструктуру и сферу услуг стран Союза³¹.

Создание ЗСТ (в качестве задачи для «шосовской» кооперации) впервые было официально предложено китайской стороной на совещании глав правительств Организации в 2004 г. (Бишкек). Это заявление не получило единодушной поддержки членов Организации, поскольку в результате конкуренции с китайскими фирмами с центральноазиатского рынка стали вытесняться товары национальных производителей. Для центральноазиатских стран (и России) формирование ЗСТ ШОС или ЗСТ «ЕАЭС–Китай» до сих пор чревато закреплением сырьевой направленности их экспорта в КНР, тогда как импорт из Поднебесной представлен в основном продукцией высоких переделов³². Также высказывается мысль о том, что уровень нетарифных барьеров в КНР и дефицит в странах ЕАЭС товаров, способ-

³⁰ Караганов С.А., Барабанов О.Н., Бордачев Т.В. К Великому океану, или новая глобализация России. Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Toward_great_ocean_rus.pdf. С. 73.

³¹ Лузянин С.Г. Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект «Шелкового Пути» и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии. Часть I. С. 16. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2017/project_rfbr_2016-2018_luzyanin-1.pdf

³² Фроленков В. Коллективное экономическое сотрудничество стран-членов ШОС: начальный этап становления // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. С. 93–94.

ных массово войти на китайский рынок³³, тоже препятствуют формированию ЗСТ «ЕАЭС–Китай».

Однако, по мнению российского исследователя А.В. Островского, сопряжение ЕАЭС и ЭПШП через ЗСТ может иметь перспективы, поскольку в декабре 2014 г. (после падения курса рубля к основным мировым валютам и юаню) ситуация изменилась: цены на китайские товары на российском рынке выросли³⁴, что снизило конкурентоспособность китайского ассортимента относительно российских аналогов.

Тем не менее, России надо учитывать, что в обозримом будущем она не сможет составить Китаю *экономическую* конкуренцию ни в ШОС, ни в АТР в целом. Поэтому РФ надо искать не только и не просто хозяйственные пути сопряжения ЕАЭС с ЭПШП.

Полагаем, что Россия как государство, сильной стороной которого является умение эффективно вести защиту и оборону, могла бы войти в режим сопряжения, взяв на себя охранные функции ЭПШП на территории ЕАЭС. Поскольку у стран – членов ЕАЭС еще сохраняются «наработки» общей военной истории, создание объединенного командования войск охранения при нынешнем составе Союза представляется гораздо более выполнимой задачей, нежели формирование аналогичной структуры для всего ЭПШП.

Что касается ШОС, то, на наш взгляд, Россия уже посильно использует все доступные ей механизмы Организации. Поскольку экономическое наполнение «шосовской» жизни – не прерогатива РФ, то ей, видимо, следует задействовать Шанхайский проект как переговорную площадку и канал коммуницирования ЕАЭС и ЭПШП.

Третье направление – *интенсификация сотрудничества с региональными акторами в АТР* в лице коллективных формирований (АСЕАН, АТЭС, АСЕМ и др.)

Стремление территориально «разложить» риски маячащей хозяйственной зависимости, а также замедление темпов китайского экономического роста побудили Россию активизировать поиск новых рынков в АТР, в частности в Юго-Восточной Азии.

По мнению российского политолога Ф. Лукьянова, членство России в АСЕМ (Форум «Азия-Европа») логично сочетается с идеей Евразийского экономического союза, который знаменует собой создание рынка, сочетаемого и с европейским, и с бурно развивающимися азиатскими рынка-

³³ URL: https://lenta.ru/articles/2016/12/22/face_to_face_with_east/

³⁴ Островский А.В. Экономический пояс Шелкового пути и Евразийский экономический союз: проблемы и перспективы сопряжения двух проектов. Научное сообщение на заседании Президиума РАН. 14.03.2017. URL: http://www.ras.ru/news/news_release.aspx?ID=cfc02cf1-2665-4ca8-bbe6-03e64a413f4e

ми, нацеленное на формирование торгово-экономической зоны от Атлантического океана до Тихого³⁵.

В мае 2016 г. состоялся саммит «РФ–АСЕАН», посвященный 20-летию диалогового партнерства. Некоторые обозреватели расценили его как новое подтверждение «поворота России на Восток»³⁶. По итогам саммита было заявлено о возможности начала переговоров по созданию ЗСТ между АСЕАН и ЕАЭС. Ожидается, что в 2017 г. состоятся переговоры ЕАЭС если не со всей Ассоциацией, то с ее отдельными авторитетными членами. А осенью 2016 г. начала работу ЗСТ «ЕАЭС–Вьетнам»³⁷.

Есть мнение, что ввиду ограниченности торговых и финансовых возможностей РФ является лишь субсидиарным партнером для стран Юго-Восточной Азии (кроме Вьетнама)³⁸. Ключевые статьи российского экспорта в ЮВА – углеводороды. РФ стремится экономически укрепить свой «поворот» к ЮВА (и в целом к АТР) путем увеличения экспорта продукции высокой степени обработки и технологического уровня – систем вооружений и ядерных технологий мирного назначения³⁹. Однако значимого прорыва в этом отношении совершить пока не удалось.

В политическом плане в ЮВА высказывают недоумение тем, что Россия, являясь в течение 20 лет участником форумов АСЕАН по вопросам безопасности, никогда не проявляла высокого интереса к их деятельности. Показателен пример Восточноазиатского саммита (ВАС). РФ стала его членом в 2011 г., но президент В. Путин до сих пор не посетил ни одной из его встреч⁴⁰. По мнению российского эксперта И. Денисова, «критическое отношение РФ к ВАС объясняется несбалансированностью интересов основных акторов, а также соперничеством КНР и США»⁴¹. А если так, то эксперт задается логичным вопросом: возможна ли самостоятельная роль РФ в деле безопасности всего АТР⁴², где обстоятельства, указанные для реалий ВАС, тоже имеют место?

Ввиду вышеуказанного тезис о том, что Юго-Восточная Азия вряд ли может послужить экономической и, тем более, политической опорой российского «поворота на Восток»⁴³, видится небезосновательным.

³⁵ Приводится по: Жэньминь жибао on-line. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/8007610.html>

³⁶ *Dave, Bhava*. Op. cit.

³⁷ *Storey, Ian*. Op. cit.; а также: Лицом к Азии. Итоги поворота России на Восток....

³⁸ *Storey, Ian*. Op. cit.

³⁹ URL: <http://www.eurasiareview.com/09122015-what-russias-turn-to-the-east-means-for-southeast-asia-analysis/>

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ *Денисов И.Е.* Подъем поворотом. «Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России» (отв. ред. И.А. Макаров). Рецензия // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 2. С. 163.

⁴² Там же.

⁴³ См.: *Storey, Ian*. Op. cit.

Неоднозначно обстоит дело с «поворотом» и в некоторых других сегментах «некитайской» Азии. Так, Индия, при всей ее декларируемой дружественности и недавно обретенном полновесном членстве в ШОС, предпочла ослабить ВТС с Россией в угоду увеличению импорта оружия из США, хотя РФ всегда была не прочь расширить поставки вооружений Индии⁴⁴.

Дополнительным фактором, затрудняющим России развитие ее связей с АТР, предстает специфика ситуации региона, обусловленная острой территориальными споров, в первую очередь с участием Китая.

Обратная сторона внедрения в АТР как его неотъемлемого активного участника, а не просто соседа-наблюдателя – это принятие на себя тягот региональных проблем. Вероятно формирование такой ситуации, когда РФ будет вынуждена объявить, чью позицию она поддерживает. И если Москва займет сторону Пекина, то, например, Нью-Дели и Ханой могут резко сузить свои интенции по развитию сотрудничества с ней. Подобная зависимость экономических проектов от внешнеполитических условий является дополнительным фактором риска, торможения и раздражения⁴⁵.

И, наконец, четвертое направление – *опережающее развитие собственных азиатских регионов – Дальнего Востока и Сибири.*

Во внутренней политике «поворот России на Восток» эксперты обосновывают двумя обстоятельствами⁴⁶.

Во-первых, это необходимость «новационного» стимулирования социально-экономического развития российского Дальнего Востока⁴⁷. (С населением 6,2 млн человек и недостаточной рентабельностью транспортной связи с европейской Россией производство и рынок РДВ не могут быть устойчивыми и самодостаточными⁴⁸; продуктивные сектора региона теряют рабочую силу, потому по-прежнему существует опасность распада его экономического функционала.)

Для исправления положения существующие программы развития РДВ и Забайкалья дополняются проектами территорий опережающего развития (ТОР), направленными на привлечение зарубежных инвесторов и наделенными особыми правами хозяйствования: льготное налогообложение, благоприятная таможенная политика, государственное участие в инфраструктурном строительстве и т.д. Ключевое препятствие здесь – сохраняющаяся недостаточность инвестиций, тем более в условиях экономического кризиса⁴⁹.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ См.: Шпангер, Ханс-Йоахим. Указ. соч. и Козлов Л. Указ. соч.

⁴⁶ Мухина С.А. Ориентация России на Восток: риски и новые возможности. URL: <http://scienceproblems.ru/images/PDF/2016/7/orientatsija-rossii-na-vostok-riski-i-novye-vozmozhnosti.pdf>

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ URL: https://lenta.ru/articles/2016/12/22/face_to_face_with_east/

⁴⁹ Мухина С.А. Указ. соч.

Стартовал проект «Свободный/Открытый порт Владивосток», суть которого – создание рядом с территорией порта производственной зоны по переработке полуфабрикатов из других стран и сборке уже непосредственно во Владивостоке готовой продукции, которая будет беспешинно поступать в реализацию⁵⁰.

Во-вторых, стремление федерального центра взять под контроль политические процессы на удаленных территориях. В том числе и через «коррекцию» состава местного руководства, ответственного за осуществление проектов развития Дальнего Востока и интеграцию с АТР⁵¹.

Здесь логично задаться вопросами: насколько тесно взаимосвязаны «повороты» России на собственный Восток и на зарубежный? Что сейчас важнее для РФ: интенсифицировать ли политико-экономические отношения с Китаем, дабы дать веский многозначный и скорый «ответ» Западу, или же энергично заняться подъемом собственных восточных территорий для последующего превращения их в модернизированный «мост» в АТР?

По всей видимости, легче пойти по внешнему – китайскому – направлению. Конечно, выручка от работы «трубы» приходит быстрее, чем достигается окупаемость затрат на комплексное развитие территорий. Подъем РДВ нуждается в масштабных финансово-материальных вливаниях, которые России сейчас не под силу. И посему взоры надежды обращаются к КНР – потенциальному многомиллиардному инвестору. (Применяем определение «потенциальный», поскольку Китай далеко не раскрыл своих инвестиционных возможностей в РФ. Так, к 2016 г. объем накопленных китайских капиталовложений (и прямых, и портфельных) в России приблизился к 9 млрд долл., и это при том, что КНР *каждый год* инвестирует за рубеж в среднем 100 млрд долл.⁵²)

Некоторые специалисты объясняют такое положение тем, что за последние полтора десятилетия Москва сама не особо поощряла участие китайских компаний в своих производственных и инфраструктурных проектах, опасаясь роста конкуренции с российскими компаниями, вероятным притоком китайских трудовых мигрантов в ущерб найму собственной рабочей силы. Отмечается и сравнительная неблагоприятность инвестиционного климата в РФ, а также отсутствие адекватной транспортной логистики в приграничье⁵³.

Однако ситуация демонстрирует и положительные подвижки: за последние 2 года на РДВ привлечено около 25 млрд долл. капиталовложений (в основном от российских инвесторов), а с учетом запуска в 2017 г. крупнейших в РФ проектов в области газо- и нефтехимии – Амурского

⁵⁰ Козлов Л. Указ. соч.

⁵¹ Мухина С.А. Указ. соч.

⁵² URL: <http://www.invest-rating.ru/russia-china>.

⁵³ Приводится по: Шпангер, Ханс-Йоахим. Указ. соч.

газоперерабатывающего завода и Восточного нефтехимического комплекса – эта сумма достигает 60 млрд долл. В целом реализуются более 500 инвестиционных проектов. Первые 25 новых предприятий, расположенных в Свободном порте Владивосток, а также ТОРах, уже работают. Еще 50 предприятий планируется пустить в 2017 г.⁵⁴ Это отрадная тенденция, но понятно, что подъем таких обширных и отдаленных от Центра территорий требует гораздо больших затрат.

Да, Китай и Япония предложили России ряд совместных проектов общей суммой почти в 2 трлн руб.⁵⁵ Вопрос в том, как на деле довести намерения зарубежных инвесторов до реального воплощения?

Полагаем, что сначала России надо самой определиться, насколько решителен ее настрой на реальный «поворот на Восток» и чего ждет она от него. Плюс необходимо учесть, что и КНР никогда не пойдет на что-либо, не соответствующее ее государственным интересам.

Китай будет вкладываться не только в инфраструктуру, добывающую индустрию, но и в обрабатывающую промышленность РФ, только если она будет «заточена» на нужды КНР: экспорт китайской рабочей силы при использовании дешевизны местного труда, обеспечение банковской прибыли (если РФ пойдет на масштабные займы), производство товаров, необходимых Китаю, с меньшими издержками. А широк ли ассортимент продукции, которую Поднебесная не могла бы произвести сама?

Да, у РДВ и Сибири есть сравнительные преимущества: там некоторые производственные издержки ниже, чем в Китае. Например, это стоимость обеспечения предприятий водой и энергией. Также, по сравнению с китайскими, постепенно снижаются и издержки на оплату рабочей силы. Однако для подъема РДВ нужно не просто расширять его производственную базу, но и четко запланировать рынки, на которые эта база станет работать⁵⁶.

Если это будут китайские рынки, то не увеличится ли риск хозяйственной зависимости РФ от внутренней конъюнктуры в КНР? Если российские – то смогут ли они в принципе поглотить такой объем продукции, который оправдал бы затраты и сделал производство рентабельным?

Эксперты отмечают и несовершенство транспортной инфраструктуры Зауралья, и устаревание планов ее развития. Указывается на необходимость сооружения вертикальной сетки дорог с севера на юг, дабы через страны ЦАР связать Россию с Афганистаном, Пакистаном и Индией. Высказывается надежда, что сопряжение ЕАЭС с ЭПШП поспособствует

⁵⁴ URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/2101-rossijskij-dalnij-vostok-rasshiraet-geografiyu-investiczionnogo-sotrudnichestva>

⁵⁵ Госновости. URL: <http://gosnovosti.com/> 27.10.2016

⁵⁶ См.: *Химишашвили П.* Поворот на Восток не дал результатов. URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2016/03/28/56f4f3af9a7947812658cb1f>

реализации этой задачи⁵⁷. Нам эта идея видится поспешной, поскольку китайские планы ЭПШП уже предусматривают подобные маршруты и КНР не пойдет на корректировку схемы ЭПШП, если не увидит в ней смысл для себя. России, скорее всего, придется пользоваться тем, что предложит Поднебесная, или строить дополнительные ветки на свой риск.

Что касается ЕАЭС, то принципиально то, что он не носит «прокитайского» характера, будучи задуманным и заточенным «под Россию». И это – мощнейший контрапункт. Поэтому корреляция планов ЕАЭС и ЭПШП видится скорее политическим, нежели прикладным экономическим процессом, отличающимся повышенной сложностью, длительностью и сомнительной эффективностью.

Автор согласен с тем мнением, что сопряжение проектов ЕАЭС и «Экономический пояс Шелкового пути» пока остается лишь объектом оживленных дискуссий представителей научного и/или экспертного сообщества⁵⁸. Это мнение можно проиллюстрировать ответом министра иностранных дел РФ С. Лаврова на просьбу китайских СМИ прокомментировать статус-кво этого процесса. Министр сообщил, что «создан двусторонний механизм на уровне экспертов, который творчески прорабатывает конкретные пути и варианты продвижения такого взаимодействия». Далее он подчеркнул, что наличие в Азии таких перспективных объединений, как ШОС и АСЕАН, позволяет вести речь о более широком подходе к выстраиванию единого, комфортного для всех экономического пространства на большом Евразийском континенте⁵⁹.

Из этого можно понять, что современная фаза сопряжения трактуется как время расширения теоретических подходов к проблеме предстоящего выстраивания будущего интеграционного поля.

Объявляя о готовности сопряжения ЭПШП с ЕАЭС, Китай продолжает втягивать в зону своего влияния центральноазиатские страны, две из которых, Казахстан и Киргизия, являются членами Евразийского экономического союза. В частности, было заявлено о строительстве прямой железнодорожной линии «Урумчи–Тегеран», которая соединит столицу СУАР Урумчи и столицу Ирана через страны ЦАР, причем минуя российскую территорию. Эта активность может свидетельствовать о продвижении Китаем идеи создания единого хозяйственного пространства по его правилам – с использованием юаня, китайских капиталов, технологий и

⁵⁷ См.: *Химичаивили П.* Поворот на Восток не дал результатов. URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2016/03/28/56f4f3af9a7947812658cb1f>

⁵⁸ *Волынчук А.Б., Волынчук Я.А.* Указ. соч. С. 21.

⁵⁹ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел КНР Ван И, Москва, 11 марта 2016 года. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2138588

рабочей силы⁶⁰. Интересы китайско-российского стратегического партнерства не являются для КНР поводом ограничивать ее политико-экономические амбиции.

В мае 2017 г. в Пекине состоялся форум высокого уровня с участием глав государств и правительств 29 стран мира по вопросам торгово-экономического сотрудничества в рамках реализации китайского проекта «Один пояс, один путь».

На форуме Москвой была подтверждена поступательность российско-китайского экономического сотрудничества и объявлено о том, что план строительства газопровода «Сила Сибири» реализуется с опережением графика, а разногласия по цене на газ, поставка которого в Китай будет идти по этому трубопроводу, устранены. В своем выступлении В.В. Путин сообщил о планах развития сотрудничества в космической и авиационной промышленности: обсуждаются проекты по поставкам российских ракетных двигателей в КНР и совместному производству широкофюзеляжного авиалайнера. На форуме было заявлено и о планах учредить совместный фонд в размере 100 млрд юаней (около 14,5 млрд долл.) для развития российских дальневосточных регионов и соседних с ними китайских территорий⁶¹.

Все это, по-видимому, можно расценивать как подтверждение настроенности РФ на «поворот на Восток» и свидетельство того, что Россия полагает вполне возможным совмещение ее интересов на постсоветском пространстве (и в ЕАЭС, в частности) с китайскими планами.

При этом на пути «поворота» существует ряд серьезных трудностей «технического» плана. Так, для успеха цепи кооперации по линии ТОРов и Свободного порта Владивосток требуется энергичное переговорное сопровождение, нацеленное на выявление и кооптирование отечественных и зарубежных поставщиков и закупщиков. Ныне их круг коммерчески и юридически не зафиксирован. Необходимо заключение соглашений, оговаривающих все условия товарооборота, а если повезет, то и закладывающих юридическую базу для увеличения добавленной стоимости в российском сегменте производственной кооперации⁶².

Что касается еще одного проекта (материального символа и «поворота»), и сопряжения ЕАЭС и ЭПШП – высокоскоростной магистрали Москва–Казань, то, по информации посла РФ в КНР А.И. Денисова, из-за затянувшихся раздумий российской стороны по условиям строительства, компромисс в рамках этого начинания так и не достигнут, что ведет к пе-

⁶⁰ Владимирцов Н. Год великого перелома...; Южный Китай. 21.11.2015. URL: <https://www.south-invest.com/node/217744?language=ru>

⁶¹ URL: <http://inozpress.kg/news/view/id/51221>

⁶² См.: URL: <http://primamedia.ru/news/500879/>

реносу сроков запуска магистрали⁶³. С течением времени экономическая целесообразность этого проекта подвергается все большим сомнениям.

В целом, автор согласен, что договоренности РФ и Китая, долженствующие обеспечить материальную базу российского «поворота на Восток», пока не реализованы, за исключением своповых соглашений и торговли нефтью⁶⁴.

Если такое положение затянется, то логически даст о себе знать потребность в «третьих» рынках. А раз так, то встанет вопрос о возобновлении сотрудничества с Западом – наиболее емким рынком сбыта российской продукции и состоятельным инвестором.

«Поворот на Восток» – это не первый случай, когда Россия (в прошлом – СССР) стремится укрепить связи с Азией из-за ухудшения ее диалога с Западом. Однако после улучшения отношений с Востоком в достижимой степени управленческая элита России возобновляла взаимодействие с США и Европой, утрачивая интерес к азиатскому вектору⁶⁵.

Т. Бордачев справедливо напоминает о колоссальной внутрироссийской инерции «вторичности» восточного направления внешней политики и некоем «европейском проклятии» России – привычку соизмерять все с Западом. Это мешает российским властям и бизнесу воспринимать себя в Азии всерьез и надолго⁶⁶.

А по мнению Ф. Лукьянова, США являются и еще долго будут оставаться ориентиром для России⁶⁷. Иначе и быть не может: тон на мировой арене задает сильнейший, как бы иного ни хотелось приверженцам многополярности.

Да и сам АТР, включая Китай, пока сориентирован на США, если не политически, то экономически. Менталитет простых китайцев оказался чувствительным к материальным благам западной цивилизации: об этом свидетельствует их стремление перенять паттерны образа жизни в США и Европе. «Мягкая сила» и материальные ресурсы Запада, как это ни приколбно звучит, пока не знают себе равных.

В связи с этим встает вопрос: насколько длительным будет этот «новый курс» России в наше время?

Вопрос непростой. Успех «поворота» не может быть достигнут односторонне. Ответ зависит от реальной готовности (политической и экономической) и РФ, и ее восточных партнеров вывести дело в плоскость практического сотрудничества; от успешности корреляции планов сторон,

⁶³ URL: <http://infranews.ru/logistika/zheleznaya-doroga/47513-kitaj-i-rossiya-ne-mogut-dogovoritsya-v-ramkax-proekta-vsm-moskva-kazan/>

⁶⁴ Владимирцов Н. Указ. соч.; Волынчук А.Б., Волынчук Я.А. Указ. соч. С. 21.

⁶⁵ См.: Storey, Ian. Op. cit.

⁶⁶ Бордачев Т. Поворот на Восток и евразийское всеобъемлющее партнерство.

URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/22635>

⁶⁷ Приводится по: Weir, Fred. Op. cit.

которая тоже нелегка из-за элементов конкуренции между ними, а также от эффективности развития Востока как «узла» силы, хозяйствующего субъекта и культурного ориентира.

Кроме того, вес России в АТР в финансово-экономическом сравнении с Западом крайне мал и, видимо, в обозримой перспективе сильно не увеличится⁶⁸.

Заглушить «ветер с Запада» очень сложно и потому, что уникальность китайской цивилизации, при всей ее привлекательности, парадоксальным образом отделяет Китай от всего остального мира не просто лингвистически, но и в социо-культурном и мировоззренческом планах⁶⁹. В России на уровне простого человека легче понимают западный поведенческий код, чем китайский, и такое положение будет сохраняться очень долго.

Значит ли это, что продуктивность «поворота» обречена быть низкой?

Думается, что на его успешность может повлиять «синдром общего врага». Именно это явление, как свидетельствует мировой опыт, сплачивает разных международных акторов лучше и быстрее, чем простая экономическая выгода.

Значит ли это, что такого врага надо искать или специально создавать? Вовсе нет. Общие враги имеют обыкновение проявляться самостоятельно. США и для КНР, и для России – явный оппонент, но интерес к Америке у Китая выше, чем интерес к РФ. Поэтому пока крайне сомнительным выглядит предположение, что Поднебесная обменяет сотрудничество с Западом на российский кооперационный вектор. Но если новая американская администрация вдруг ужесточит курс в отношении КНР, то взаимное российско-китайское сотрудничество получит новый импульс.

Пока же важнейшим достижением «поворота России на Восток» видится запуск процессов создания его юридической базы в лице российско-китайских договоров, договоренностей по линиям Россия–АСЕАН и ЕАЭС–АСЕАН, национальных программ по развитию РДВ⁷⁰.

В перспективе «поворот» способен стать новым рычагом, препятствующим обходу интересов России на мировой арене. И уже после его первых материально-ощутимых успехов изоляция России от политико-экономической жизни в АТР станет просто невозможной. Россия еще раз подтвердит свой статус ключевой фигуры на мировой «шахматной доске».

⁶⁸ Поворот на Восток? Возможно ли сотрудничество России и Китая?

URL: <http://spydell.livejournal.com/615205.html>

⁶⁹ URL: <http://www.nakanune.ru/articles/112618/>

⁷⁰ См.: Бордачев Т. Указ. соч.

А.Г. ЛАРИН

НОВЫЙ ЭТАП РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА И ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ

Аннотация. Новый этап российско-китайских отношений, провозглашенный руководителями двух государств в 2014 г., является центральной частью поворота России на Восток и подразумевает их дальнейшее сплочение и углубление сотрудничества. В этих условиях особое значение приобретает проблема доверия, как политического, в том числе в массовом сознании, так и делового. На нынешнем этапе доверительные отношения на высшем политическом уровне дополняются преимущественно благожелательным восприятием Китая в сознании масс, однако доверие к России как к партнеру по бизнесу оставляет желать лучшего, что связано с неудовлетворительным деловым климатом в стране. Руководство страны прилагает серьезные усилия, чтобы завоевать доверие иностранных инвесторов, но сторонники реформ настаивают на более радикальных преобразованиях.

Ключевые слова: новый этап российско-китайских отношений, проблема доверия, Китай в массовом сознании россиян, доверие к России в бизнесе.

20 мая 2014 г. РФ и КНР подписали Совместное заявление о новом этапе всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия¹. Чем было вызвано появление этого важного документа, в чем состояла новизна этапа, на который стороны «вышли в результате целенаправленных усилий», в документе не разъяснялось. Однако нетрудно понять: суть дела кроется в необходимости противостоять неблагоприятным тенденциям в международной обстановке, сложившейся вокруг партнеров. В первую очередь это относится, безусловно, к России, которая в результате крымско-украинского кризиса оказалась в изоляции от Запада; кризису предшествовало постепенное нарастание давления со стороны США и их союзников по НАТО, а также череда «цветных революций», в числе которых оказались и известные события на Украине («оранжевая революция»

¹ Совместное заявление РФ и КНР о новом этапе всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642>

2004 г., «революция достоинства» 2013–2014 гг.) и к которым было причислено болезненно воспринятое российскими властями «болотное дело» (2011–2013 гг.). В российском руководстве «цветные революции» были расценены как результат происков США, пытающихся навязать другим странам свои политические и цивилизационные стандарты.

Сходным образом оценил свое международное положение и Пекин, хотя оно было далеко не столь острым, как у России. Ему также пришлось столкнуться с нажимом со стороны Вашингтона, проявлениями чего стали «возвращение США в Азию» и «перебалансировка сил», конфликты вокруг островов в Южно-Китайском море и островов Сэнкаку (Дяоюйдао), а также предполагаемое закулисное инспирирование «жасминной революции» 2011 г.

В этих условиях намерение Москвы и Пекина придать своим отношениям новый импульс представляется вполне логичным. Не случайно в Совместном заявлении в следующем же абзаце после провозглашения «нового этапа всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» стороны берут обязательство «продолжать оказывать друг другу твердую поддержку в вопросах, затрагивающих их коренные интересы, в том числе в обеспечении суверенитета, территориальной целостности и безопасности».

Не менее весомо в первых же строках Совместного заявления прозвучал и другой мотив: «Обеспечивать возрастающую отдачу от динамично развивающихся по всем направлениям практических связей». И далее этой задаче посвящен специальный раздел.

Решение придать сотрудничеству новое качество было принято сторонами не в единый миг, оно созревало по мере осложнения обстановки вокруг России и Китая. Еще годом ранее в Совместном заявлении от 22 марта 2013 г.² они выразили «намерение вывести на новый этап отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» и там же поставили стратегической задачей «конвертацию достигнутого уровня политических отношений в результаты практического сотрудничества».

На новом этапе главным содержанием политики России на китайском направлении стало осуществление поворота на Восток, понимаемое на тот момент как стремление в максимальной мере скомпенсировать, то, что было потеряно на Западе: кредиты и некоторые современные технологии. (Едва ли нужно упоминать, что фактически поворот на Восток Россия начала осуществлять гораздо раньше, так же как и подтягивание экономического сотрудничества до уровня политического.)

² Совместное заявление РФ и КНР о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 22 марта 2013 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1423>

Предпосылкой для решения столь масштабных задач является высочайшая степень взаимного доверия. И действительно, на высоком государственном уровне между двумя державами налажен доверительный стратегический диалог по широкому кругу двусторонних и международных вопросов. Однако известные формулы «наверху горячо, внизу прохладно» и «в политике горячо, в экономике прохладно» остаются в силе и вызывают к дальнейшей работе по совершенствованию российско-китайских отношений. Вместе с тем и само политическое доверие, утвердившееся как фундаментальное качество отношений между руководящими звеньями обеих стран, является живым организмом, и его поддержание в меняющемся мире требует постоянных усилий. Директор Института международных отношений Университета Цинхуа Янь Сюэтун изложил свое видение проблемы таким образом: «Некоторые политики полагают: доверие – это основа, доверие есть дружба. Но откуда возьмется доверие? Я считаю: сначала – сотрудничество, а потом доверие, а не наоборот. В основе сегодняшнего доверия – сотрудничество. А что есть основа сотрудничества? Интересы, общие и взаимодополняемые»³.

На наш взгляд, не имеет особого смысла спорить о том, что «главнее» – доверие или сотрудничество, поскольку они развиваются параллельно, стимулируя или, наоборот, охлаждая друг друга, но первичность интересов, хотя бы и меняющихся с течением времени, очевидна. И в любом случае нельзя не согласиться с китайским ученым в том, что «сотрудничество и доверие надо укреплять», и укреплять постоянно. Что и делают успешно руководители России и Китая, создавая тем самым благоприятную почву для широкого взаимодействия двух народов.

Однако «внизу», в массовом сознании российского общества, дело с доверием обстоит не столь просто. Хорошо известно, что в обществе живет определенная степень политического недоверия к Китаю, иными словами, опасение относительно китайской демографической или экономической экспансии. Некоторые российские, а чаще китайские, эксперты склонны рассматривать это недоверие как фактор, тормозящий сближение России и Китая. При этом обычно подразумевается, что недоверие происходит из-за недостаточного знания народами друг друга, а слабое знание, в свою очередь – из-за недостатка их общения. При таком истолковании понятие «недоверие» воспринимается вполне корректно и приемлемо для любой аудитории, но в устах наших китайских коллег оно подчас звучит как мягкий упрек и вызывает естественное желание исправить положение. Отсюда сама собой напрашивается идея расширения контактов по линии народной дипломатии, организации перекрестных годов обменов и т.д.

³ См.: Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений. Третья международная конференция. 29–30 мая 2017 г./ РСМД. Из выступления Янь Сюэтуна на пленарной сессии «Российско-китайское сотрудничество в решении глобальных и региональных проблем». URL:<http://russiancouncil.ru/rucn2017#video>

На самом деле, народная дипломатия мало что дает для снятия политического недоверия. Она полезна тем, что помогает формировать позитивный образ будничного, праздничного, наконец, профессионального Китая, наладить личные контакты и таким образом сделать более теплой общую атмосферу двусторонних отношений. Но она практически не влияет на уровень политического недоверия и не устраняет его. Алармистское отношение к нашему великому соседу располагается в другой плоскости, проистекая, в конечном счете, из ряда постоянно действующих объективных факторов, а именно: гигантский перепад демографических потенциалов двух стран; постоянно увеличивающийся разрыв между их национальной мощью; интерес Китая к потреблению природных богатств Сибири в растущих масштабах; наконец, различия в интерпретации ряда деликатных моментов в истории взаимоотношений между странами-соседями.

Из этого следует, что некий уровень недоверчивого отношения к Китаю, видимо, неизбежен как побочное следствие прежде всего «физического» неравенства сторон, несмотря на то что российско-китайское партнерство строится на обширной и прочной базе глубинных общих интересов.

Кстати, сходные обстоятельства обуславливают настороженное отношение к Китаю и в ряде других стран, географически близких к нему. Китайские специалисты прекрасно осведомлены об этом, они тщательно следят за этими настроениями и не скрывают их от общественности, справедливо полагая, что таким образом помогают своей стране.

Однако очень важно отметить, что на современном этапе российско-китайских отношений уровень недоверия к Китаю в России существенно снизился. Динамика международных отношений последних лет, конфронтация России с Западом, форсирование ее поворота на Восток, надежды россиян, связанные с российско-китайским сближением – все это усилило в обществе симпатии к Китаю. К тому же все больше жителей Дальнего Востока России связывают теперь с Китаем свои планы на будущее: учебу, работу. Улучшение отношения к Китаю ясно видно из социологических опросов.

Так, в опросе⁴, проведенном сотрудниками ИИАЭ ДВО РАН В.Л. Лариным и Л.Л. Лариной на Дальнем Востоке в 2014–2015 гг., 76% респондентов назвали возможным источником угроз США и только 37% – КНР, тогда как в 2013 г. это соотношение было 55% и 50%. Опасность утраты Дальнего Востока в 2010 г. беспокоила 57% россиян и не беспокоила 25%.

⁴ Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экспертное сообщество Тихоокеанской России о внешней политике, международных отношениях и развитии Дальнего Востока (по итогам опроса 2014–2015 гг.) // Россия и АТР. 2016. № 1. С. 16, 18, 23. URL: http://www.riatr.ru/2016_1.html

В 2014–2015 гг. обеспокоенных осталось 27%, число же «спокойных» достигло 47%.

Одновременно КНР вызывает у респондентов наибольшие симпатии из числа всех стран АТР (36%); США – только 3%. Китай рассматривается большинством и как страна, приоритетная для развития отношений: так считают 79–85% в разных группах респондентов против 10–25% голосов, отданных Соединенным Штатам.

Во всероссийском опросе ФОМ в 2015 г. лишь 27% опрошенных заявили, что Китай угрожает интересам России, и вдвое больше – 54% – решили, что нет, не угрожает⁵.

Интегральное отношение россиян к КНР выражено в цифрах в глобальном опросе американского социологического агентства PEW: в 2015 г. положительный отзыв Китаю дали 79% респондентов-россиян, отрицательный – всего 14%. Всего за год до того, в 2014 г., показатели были заметно менее благожелательными: 64% и 28% соответственно⁶.

Потенциал доверия к Китаю, таким образом, заметно возрос, его перевес над «силой недоверия» увеличился, и это обстоятельство, безусловно, укрепляет стратегическое партнерство двух держав.

Существенная особенность недоверия, присущего российской общественности, состоит в том, что оно обращено не только и не столько на Китай, сколько на политику собственных властей, в чьих действиях нередко и по многим поводам народ усматривает неспособность и нежелание отстаивать его интересы (исключение составляет президент В.В. Путин). Недоверие масс носит, вообще говоря, вялый, полудремотный характер. А в отношении Китая подпитывается то сообщениями СМИ о китайских мигрантах-овощеводах, которые на глазах у местных властей широко применяют запрещенные ядохимикаты в качестве удобрений и для борьбы с сельскохозяйственными вредителями и высаживают сою как монокультуру, то рассказами о том, как китайские дельцы сумели организовать обслуживание возросшего потока туристов из КНР, создав для этого собственную сеть хостелов, магазинов и даже, вопреки закону, контингент собственных гидов.

Подозрения в небескорыстном поведении властей, в сговоре с китайцами нарушающих налоговое и таможенное законодательство, сменяются мыслями об их беспомощности, когда выясняется, что они просто не контролируют использование земли мигрантами. В качестве примера сошлемся на выступление губернатора ЕАО А. Левенталья на Петербургском международном экономическом форуме: «Когда меня назначил прези-

⁵ Россия и США. Опрос ФОМнибус 25–26 июля // BD. FOM. RU: база данных интернет-газеты ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom3015/d301507>

⁶ Pew Research Center. Global Attitudes and Trends. Global Indicators Database. URL: <http://www.pewglobal.org/database/indicator/24/country/181/>

дент, ко мне кинулись инвесторы: мы знаем, что вы – сельскохозяйственная территория, будем развивать сельское хозяйство. Но в управлении сельского хозяйства мне сказали, что земли для инвестиционных проектов нет. Потому что вся земля роздана, на лоскутки порезана. Где-то есть российские фермеры, но, по моим данным, 80% земли контролируется китайцами: законно, незаконно, разными способами. В результате сельское хозяйство идет в тупик, к катастрофе. 85% земель засаживается соей – культурой, которая убивает землю, если два-три года ее сажать»⁷.

К сюжетам такого рода добавляются намеки, что некое прозападное лобби во властных и деловых кругах путем закулисных махинаций тормозит и срывает сделки российских компаний с китайскими.

Всю эту информацию общество воспринимает без особых эмоций.

Однако алармизм дает яркую вспышку, если у граждан возникает впечатление, что власти возымели намерение передать в руки иностранцев землю, недвижимость и т.д.

Одна из таких попыток имела место в 2006 г. в Нижегородской области. Ее руководители по предложению китайской стороны решили принять у себя крестьян из КНР для выращивания овощей и разведения рыбы, предоставив им в аренду на сорок лет соответствующие сельскохозяйственные угодья. Привлекательность идеи была прямо связана с наличием в области обезлюдивших сельских территорий: за годы реформ население области сократилось до 600 тыс. человек, уменьшившись почти на 100 тысяч. Девятнадцать районов области прислали заявки на 100–700 сельскохозяйственных рабочих из КНР, обещая предоставить им пустующие дома или построить новые.

Но инициатива властей натолкнулась на серьезное сопротивление снизу, едва общественность узнала о ней (из прессы, а не от чиновников, что усугубило ситуацию). В прессе появились критические материалы. Группа нижегородцев направила губернатору письмо с просьбой отказаться от плана завоза китайцев, отмечая, что это приведет к возникновению конкуренции на рынке труда, повышению межэтнической и социальной напряженности, наконец, к оседанию китайских крестьян на российской земле и последующему росту китайской диаспоры. В унисон с авторами письма высказались несколько депутатов Госдумы и областного Законодательного собрания. Дело кончилось тем, что администрация области отказалась от задуманного плана⁸.

В июне 2015 г. правительство Забайкальского края и китайская компания «Хуа Э Синбан» подписали протокол о намерении, согласно кото-

⁷ Губернатор Еврейской АО: Китайцы контролируют восемьдесят процентов земель региона// Newsinfo. URL: <http://www.newsinfo.ru/news/2017-05-09/item/781352/>

⁸ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. С. 220.

рому компания получала в аренду на 49 лет по скромной цене 115 тысяч га сельскохозяйственных угодий с перспективой увеличить их размеры до 200 тысяч.

В результате возражений широкой общественности эта попытка не удалась, но остались открытыми вопросы к местной власти:

– Как она собиралась контролировать выполнение арендаторами фитосанитарных норм?

– Разве не было бы экономически более выигрышным создать совместное предприятие, которое, кстати, позволило бы плотнее контролировать работу арендаторов? Ведь получается, что местная власть хочет освободить себя от всяких хлопот и просто получать от китайцев ренту!

– Учитывает ли местная власть, что после полувекового проживания на арендованной земле китайские крестьяне, скорее всего, не захотят покинуть ее и будут добиваться через свое правительство разрешения остаться в России?

– Разумно ли вообще, что местная власть наделена правами распоряжаться землей подобным образом?

А дальше возникают вопросы к федеральной власти: почему она заняла выжидательную позицию и не дала четкой оценки сложившейся ситуации?

Земля с ее богатствами воспринимается в народе как жизненное пространство нации, залог ее суверенитета. Поэтому нет ничего удивительного, что общественное мнение бурно реагирует на сомнительные манипуляции власти с землей. В ходе обсуждений российские специалисты и фермеры не раз отмечали, что при наличии соответствующей материальной помощи со стороны государства сами могли бы справиться с обработкой сдаваемых в аренду площадей. Заслуженный агроном России, депутат Народного Хурала Бурятии Анатолий Кушнарев заявляет: «Я верю, что наши земляки способны вытеснить с рынка китайские овощи и удовлетворить потребности в них жителей республики»⁹. Далее он предсказывает, что через несколько лет из-за недостатка воды в Китае его жителям придется импортировать овощи из России. «Здесь есть два подхода: либо они присылают сюда своих рабочих, что чревато определенными проблемами, либо вкладывают инвестиции в наше сельское хозяйство, контролируют их использование и забирают полученную продукцию в Китай. Мне второй подход нравится больше»¹⁰.

Еще более сильный протестный всплеск возник в связи с опубликованием в 2014 г. Закона о территориях опережающего социально-экономического развития № 473-ФЗ. Закон предусматривает предоставление резидентам ТОРов, в том числе иностранным, значительных налоговых и

⁹ Халбашкеев Андрей. Родное – лучше // Мир Байкала. 2015. Сентябрь. № 3(37). С. 108.

¹⁰ Там же. С. 109.

иных льгот, отмену всяких ограничений по приему на работу иностранцев и передает чуть ли не всю полноту власти в ТОРах управляющим компаниям, разрешает им отчуждать землю и недвижимость. Установленные в ТОРах порядки сразу же вызвали жесткую критику, в том числе опасения насчет «тихой оккупации» российского Дальнего Востока, причем не только среди рядовых граждан, но и среди специалистов¹¹. Нападкам на ТОРЫ ничуть не помешал национально-патриотический подъем в стране, связанный с присоединением Крыма. Тем не менее протесты против ТОРов, даже выраженные в крайне эмоциональной форме и, вероятно, небезосновательные, не оказали ни малейшего влияния на принятие и реализацию Закона.

То же самое нужно признать и относительно политического «фактора недоверия» в целом: он не играет сколько-нибудь заметной роли в двустороннем практическом сотрудничестве. Если, конечно, не считать «недоверием» естественную заботу руководства страны о поддержании ее экономической и демографической безопасности, примером чего могут служить слова полпреда президента в ДВО Юрия Трутнева: «Мы готовы работать с китайцами на таких условиях: земля наша, решения принимаем мы, за нами последнее слово, и 80% работников в совместном проекте – это россияне, 20% – китайцы. Это по-честному»¹².

Всплески алармистских протестов, о которых мы говорили выше, выполняют свою специфическую функцию: они служат для властей предупредительным сигналом о возможной опасности, напоминанием о риске, указанием на то, что поднятый общественностью вопрос нужно еще раз (или даже не раз) тщательно продумать и взвесить все вытекающие из него последствия. И не более того. Но и не менее.

Неизмеримо более сложной и актуальной является проблема доверия в экономической области, и прежде всего проблема доверия китайских инвесторов к российским партнерам. Она особенно обострилась на нынешнем этапе российско-китайских отношений, хотя по опубликованным статистическим данным это не всегда видно достаточно отчетливо ввиду ненадежности и противоречивости источников.

В суммарном потоке прямых иностранных инвестиций в РФ Китай всегда занимал весьма скромное место, явно не соответствующее ни его возможностям, ни потребностям России. По крайней мере, по расчетам российских специалистов, в 2010 г. – 1-м полугодии 2015 г. он не входил в

¹¹ См. напр.: Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Территории опережающего развития: падение или иллюзия? // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 2. С. 72–84. URL: cyberleninka.ru/article/n/territorii-operezhayuschego-razvitiya-padenie-ili-illyuziya.pdf

¹² Мы сильная страна. Чего нам бояться? Интервью полпреда президента РФ в Дальневосточном округе Юрия Трутнева // Газета.ru 04.09.2016. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/09/04/10175789.shtml>

десятку крупнейших иностранных инвесторов в России¹³. Согласно данным китайского Госстата, в 2015 г. объем прямых нефинансовых инвестиций в Россию увеличился по сравнению с 2014 г. в 4,7 раза и составил 2960,9 млн долл.¹⁴ Однако, по сведениям торгпредства РФ в КНР, опубликованным со ссылкой на Минкоммерции КНР, «в 2016 г. китайские прямые нефинансовые инвестиции в Россию сократились на 26,6% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и составили 547 млн долл.»¹⁵ Из чего следует, что в 2015 г. китайские ПИИ составили 745,23 млн долл.

При всем разном в цифрах очевидно, что с 2015 г. динамика китайских инвестиций, как и торговля с Китаем, складывается неблагоприятным для нас образом. Это подтверждается и сообщениями о сокращении капиталовложений китайских компаний в российские активы, и общей негативной динамикой иностранных инвестиций в РФ. Так, по данным ЦБ РФ, ПИИ в РФ составили: в 2013 г. – 69,2 млрд долл., в 2014 г. – 22,0 млрд, в 2015 г. – 6,4 млрд¹⁶. Причины очевидны: это – ставшее уже традиционным недоверие китайского бизнеса к деловому климату в России, усугубившееся на нынешнем этапе вследствие увеличения нестабильности и возрастания рисков.

Надо признать, китайские эксперты и представители бизнеса, проявляя завидную политкорректность, не склонны на публике критиковать нашу страну, хотя, конечно, прекрасно осведомлены о положении дел в ее экономике (и ее дефектах). Они предпочитают говорить о «специфических чертах» инвестиционного климата России, значительно отличающих ее от других стран, о «своеобразии мышления» российских предпринимателей, стараются избегать критического тона. Однако в китайской прессе можно встретить и достаточно откровенные аналитические статьи, посвященные проблемам инвестирования в России.

Одну из статей такого рода написал сотрудник Института управления экономикой Даляньского университета Чжэн Сюэпин. Она примечательна тем, что, будучи опубликована в 2010 г. в харбинском журнале «Сиболия яньцзю»¹⁷ («Изучение Сибири»), была замечена общественностью, затем в

¹³ *Абрамова К.А.* Перспективы инвестиционного сотрудничества России в глобальной экономике // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 2. С. 93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-investitsionnogo-sotrudnichestva-rossii-v-globalnoy-ekonomike>

¹⁴ Китайские ПИИ в Россию за 2010–2015 гг. см. в статье *Л.В. Новоселовой* «Инвестиционные аспекты российско-китайского делового взаимодействия» в настоящем сборнике.

¹⁵ Торговое представительство РФ в КНР. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество. URL: <http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/investment>

¹⁶ *Левинский Д., Федотова Е.* Как изменились инвестиции в России // Коммерсант.ру. 17.10.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3118747>

¹⁷ *Чжэн Сюэпин.* Чжунго цие дуй Э чжицзе тоу цзы дэ фынсянь цзи ци фанфань : [Инвестиции китайских предприятий в России: риски и их предупреждение] // Сиболия яньцзю. 2010. Т. 37. № 5.

течение нескольких лет воспроизводилась на различных сайтах Интернета (последний раз, насколько нам известно, в 2013 г.)¹⁸ и была занесена в MBA Library¹⁹. В статье описывается инвестиционный климат в его «исконном» виде, очищенный от дефектов, которые можно было бы списать на конъюнктуру последних лет. Автор рассказывает о рисках, представляющих собой «следствие несовершенства законодательной базы, слабости финансовой системы, усложненности налоговых правил, коррупции, цивилизационных различий»²⁰. Он делит риски на несколько групп. Коротко скажем о некоторых из них.

Риски государственного уровня. Это полная или частичная национализация капитала, угрозы, связанные с нестабильностью в правительственных кругах, борьбой между различными группами интересов. В качестве примеров Чжэн Сюэпин приводит дело ЮКОСа, конфликт с консорциумом Sakhalin Energy по поводу осуществления проекта «Сахалин-2», отказ от продажи Китаю нефтяной компании «Славнефть» и т.д.

Юридические риски. Существуют серьезные расхождения между федеральными и местными законами для иностранных инвесторов; процедуры подачи и утверждения заявок многозвенные и сложные, правила уплаты налогов также чрезмерно сложны; правоприменительные органы часто заражены коррупцией, эффективность работы различных ведомств низка; при переводе в Китай прибыли или доходов от акций взимается пошлина в размере 10%.

Экономические риски, вызванные несбалансированностью структуры российской экономики, нестабильностью рубля, инфляцией.

Риски дискриминационного характера, существующие несмотря на то, что по российским законам к иностранным инвесторам нельзя предъявлять требования сверх тех, которые предъявляются к своим. Дискриминация китайских компаний проявляется, в частности, в незаконных проверках деятельности компаний, завышении пошлин за выдачу виз, сокращении сроков пребывания в стране китайских рабочих-мигрантов, двойном налогообложении вопреки соответствующим соглашениям.

Социальные риски. Сюда относятся различные проявления ксенофобии, живучесть представлений о «китайской угрозе», деятельность скинхедов. И, наконец, коррупция, с которой «китайские инвесторы сталкиваются неизбежно»: автор без оглядок на политкорректность пишет о том, что она существует на всех уровнях, что в России коррупционные группы «контролируют правительственные ведомства, подкупают парламентариев» и т.д.

¹⁸ См.: URL: <http://www.docin.com/p-689921206.html>; URL: <https://wenku.baidu.com/view/dab3e764f242336c1eb95eb6.html>

¹⁹ URL: <http://doc.mbalib.com/view/29ff5b4f053e8e7535f3aa9a4401a845.html> . MBA Library – коллекция книг и статей для обучающихся по программе MBA.

²⁰ См. сн. 17. Сиболия яньцзю. 2010. т. 37. № 5. С. 43

Заметим, что мнения вроде вышеприведенных нигде и никем не оспариваются. Они естественно вписываются в российскую макроситуацию, в которой совместные проекты нередко остаются на бумаге, программы не выполняются, задания годами кочуют из плана в план, обещания повисают в воздухе. Такие явления можно наблюдать на всех уровнях – от высшего, примером чему может служить откладывавшееся больше двадцати лет строительство моста Благовещенск–Хэйхэ, и до местного. По поводу местного уровня мы позволим себе привести любопытное наблюдение из аналитического доклада «Китайский капитал на юге Дальнего Востока России: ожидания государства и реалии взаимодействия»²¹, выпущенного в 2016 г. исследователями из Дальневосточного отделения Академии наук:

«Нередко все ограничивается разговорами и декларациями о намерениях: приезжают делегации, торжественно закладывают «первые камни» и даже обносят территорию забором, но промышленных парков с современными производствами и рабочими местами не получается. В данном случае показательна история создания китайской компанией Дальневосточного промышленного парка в Михайловском районе. Все интервьюируемые нами чиновники и представители СМИ района не без усмешки рассказывали про ежегодное закладывание камней в этот парк»²².

Вырастающее из всего этого недоверие усугубляется слабым знакомством инвесторов с реалиями российской деловой среды и недостаточным опытом общения с китайскими партнерами у российских компаний. Специалисты отмечают отсутствие понимания, как правильно работать друг с другом, недостаток правовой грамотности у китайцев, их слабое знакомство с особенностями налогового администрирования. Россияне должны научиться предлагать китайцам достаточно детализированные проекты с необходимыми выкладками, а также своевременно знакомить китайский бизнес с нововведениями, улучшающими нашу деловую среду²³. Нужно шире использовать консалтинговые компании, а также организовать постоянное сотрудничество между «мозговыми центрами» наших стран²⁴.

²¹ Китайский капитал на юге Дальнего Востока России: ожидания государства и реалии взаимодействия / С.А. Иванов, А.Е. Савченко, И.Ю. Зуенко, Л.Е. Козлов; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток, 2016.

²² Там же. С. 28.

²³ См.: Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений. Третья международная конференция. 29–30 мая 2017 г. / РСМД. – Из выступления заместителя министра экономического развития РФ А.В. Груздева на пленарной сессии «Экономические основы российско-китайского партнерства: новые точки роста». URL : <http://russiancouncil.ru/rucn2017#video>

²⁴ Там же. Из выступления директора Центра международных исследований энергетической стратегии Ши Цзэ.

Однако недостаточное знакомство искателей капитала и инвесторов друг с другом – явление побочное, сравнительно легко преодолимое, если инвестор получает гарантии, снимающие его недоверие. Российское государство обычно не дает гарантий частным компаниям, а без твердых гарантий китайский капитал в Россию не пойдет, сколько бы он ни подписывал документов о намерениях под обещания будущих прибылей. Изменить сложившееся положение вещей призваны образуемые с 2014 г. территории опережающего развития – ТОРы. Пока иностранных резидентов в здесь немного, но китайских среди них – больше половины, а доля заявленного капитала еще более значительна. На январь 2017 г. на 14 ТОРах на Дальнем Востоке заявки на статус резидента подали 228 компаний на сумму 178,9 млрд руб., в том числе 27 иностранных, а из них 13 – это компании из КНР (154,9 млрд руб.)²⁵ Насколько успешными окажутся ТОРы, сегодня определить трудно.

Сказанное нельзя понимать таким образом, будто бы под вопросом находится надежность одного только российского партнера, теряющего кредит доверия у китайского. В процессе делового общения накапливаются претензии и к надежности китайской стороны. Приведем несколько эпизодов, которые имели место за последние годы, когда российские компании оказались под санкциями и правительство решило открыть Китаю более широкий доступ к своим сырьевым месторождениям. О них рассказали специалисты на упомянутой российско-китайской конференции, организованной Российским Советом по международным делам²⁶.

В 2014 г. российское правительство сделало китайской стороне уникальное предложение: стать акционером компании «Ванкорнефть» – не проекта, начинающегося с нуля («гринфилда»), а уже действующей компании с готовой инфраструктурой, причем на более льготных условиях, чем обычно предлагаемые европейским партнерам. «Ванкорнефть», являющаяся базовым поставщиком нефти в КНР по трубопроводу ВСТО, – одно из крупнейших нефтегазовых месторождений, введенных в эксплуатацию в РФ, по своему значению оно должно считаться стратегическим. Крайне выгодная для китайцев сделка была подписана, и в беседе с заместителем премьера Госсовета КНР Чжан Гаоли В.В. Путин подчеркнул: «Государство будет поддерживать такие планы. Будем приветствовать

²⁵ Территории опережающего развития – промежуточные итоги / Российский союз промышленников и предпринимателей. Координационный совет в Дальневосточном федеральном округе. 19 января 2017 г. URL: <http://rsppdfo.ru/events/2017/01/19/promezhutochnye-itogi-sozdaniya-na-dalnem-vostoke/>

²⁶ См.: Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений. Третья международная конференция. 29–30 мая 2017 г. / РСМД. – Из выступления генерального директора Фонда национальной энергетической безопасности К.В. Симонова на пленарной сессии «Экономические основы российско-китайского партнерства: новые точки роста». URL: <http://russiancouncil.ru/rucn2017#video>

Ваше участие»²⁷. Однако в конечном счете китайская компания отказалась от сделки, и ее место заняли индусы.

В 2015 г. было объявлено о продаже 19,5% «Роснефти», и Китай рассматривался как крайне вероятный покупатель. Однако китайцы, считая, очевидно, что российская компания находится в безвыходном положении, предъявили завышенные требования относительно доли в Совете директоров и роли в принятии решений – и сделка с китайцами не состоялась.

Попав под санкции, многие российские нефтяные компании обратились к Китаю за кредитами, но тут выяснилось, что процентные ставки у Китая выше, чем у западных банков, и наши надежды на режим благоприятствования не оправдались.

Оказались напрасными и надежды наших нефтяников после ухода западных партнеров из России создать сервисный бизнес совместно с китайцами: китайские компании в Россию не пошли. К счастью, наши опасения насчет ухода западных компаний не сбылись.

Непростые переговоры ведутся по строительству нефтепровода «Сила Сибири-2» (через Алтай): в Китай уже пришел газ из Центральной Азии, и его цена служит для Китая ориентиром. Для нас же Китай остается крупнейшим и фактически монопольным потребителем российского газа в Азии: чтобы найти других потребителей, нужно тянуть газопровод до побережья Тихого океана.

Выходит, Китай решил заработать на трудностях, переживаемых Россией? Вероятно, китайская сторона также может предъявить нам какие-то претензии. Но факт – это то, что режим санкций создал самые благоприятные возможности для нашего разворота на Восток для того, чтобы резко поднять уровень сотрудничества с Китаем. И мы добились известных успехов, но успехи могли бы быть гораздо большими. Это означает, что на наших отношениях сказывается фактор недоверия. Нам нужно быть более толерантными друг к другу, нужно находить компромиссы.

К преодолению другой проблемы, порождающей недоверие, призывает генеральный директор межгосударственной корпорации развития И.В. Поляков. Анализируя положение дел с охраной интеллектуальной собственности в КНР, он отмечает: такие гиганты, как, например, Apple, производят новые модели своей продукции скорее, чем китайцы налаживают выпуск копий предыдущих моделей. Мы же создавать инновации в таком темпе не можем, и потому для нас охрана интеллектуальной собственности приобретает особое значение²⁸.

²⁷ Беседа с заместителем председателя Госсовета КНР Чжан Гаоли. 01.09.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46530>

²⁸ См.: Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений. Третья международная конференция. 29–30 мая 2017 г. / РСМД. – Из выступления генерального директора Межгосударственной корпорации развития И.В. Полякова на пленарной сессии «Экономические осно-

В нынешний период, когда Россия оказалась в изоляции от Запада, часть специалистов и экспертов полагают, что в экономических вопросах Китай мог бы кое в чем пойти ей навстречу. Возможно, они вспоминают помощь, которую советские люди со всей искренностью оказывали КНР в 1950-х годах, в том числе безвозмездную передачу огромных объемов технической документации. Их ожидания отразились в выступлении директора Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянина, считающего, что два государства «должны руководствоваться разумным компромиссом, синтезом политической целесообразности и коммерческой выгоды, между тем как в настоящее время коммерческая выгода абсолютно доминирует»²⁹.

Однако китайское руководство четко различает политические и экономические отношения, и в экономических действует по законам рынка, а в отсутствие рынка – пользуется преимуществами монополиста³⁰. Это поведение продиктовано национально-государственными интересами, и если Китай оказывает гуманитарную или социальную помощь, то это делается в случае стихийных бедствий или же в небольших развивающихся странах, где его подарки имеют значительный общественный резонанс, и к которым Россия явно не относится. Впрочем, никакие послабления со стороны Китая не помогут нам, если мы сами себе не поможем. Единственный способ поднять на новую ступень практическое сотрудничество России и Китая – это стать друг для друга надежными экономическими партнерами, способными держать свое слово, выполнять принятые на себя обязательства, оправдывать доверие друг друга. В первую очередь это требование относится, безусловно, к России, которой для этого придется пройти гораздо более длинный путь, чем Китаю. Ей нужно обновить свою экономику, сделать ее привлекательной для инвесторов, конкурентоспособной, способной самоочищаться от коррупции, восприимчивой к инновациям и генерирующей инновации. Как скоро и в какой мере ей удастся это сделать – покажет будущее.

вы российско-китайского партнерства: новые точки роста». URL:<http://russiancouncil.ru/rucn2017#video>

²⁹ См.: Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений». Третья международная конференция. 29–30 мая 2017 г. / РСМД. – Из выступления директора Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянина на пленарной сессии «Российско-китайское сотрудничество в решении глобальных и региональных проблем». URL:<http://russiancouncil.ru/rucn2017#video>

³⁰ О некой мечтательности россиян и прагматичности китайцев см. интервью Посла РФ в КНР А. Денисова «Не перегибешь – не выпрямишь» // Коммерсант.ру. 31.08.2016. URL:<https://www.kommersant.ru/doc/3077022>

II. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

А.В. ОСТРОВСКИЙ

КАК НАМ РАЗВИВАТЬ РОССИЙСКО-КИТАЙСКУЮ ТОРГОВЛЮ

Аннотация. Автор анализирует состояние российско-китайских торгово-экономических связей после падения рубля на мировом валютном рынке. В статье показано, что, несмотря на объявленный поворот России на Восток, доля России во внешнеэкономических связях Китая невелика. Тем не менее, автор полагает, что России необходимо более активно развивать торгово-экономические связи с Китаем и использовать потенциал растущей китайской экономики для стимулирования экономического развития Дальнего Востока и Сибири.

Ключевые слова: Россия, Китай, российско-китайские торгово-экономические связи, поворот России на Восток.

Китайская Народная Республика стабильно является одним из ведущих торговых партнеров Российской Федерации. В 2016 г. Китай был ведущим торговым партнером России с объемом 69,1 млрд долл.¹ Однако при этом Россия после сильного обвала рубля на валютном рынке в конце 2014 г. не входила даже в десятку ведущих партнеров Китая. В то же время Китай для России был ведущим импортером – 50,4 млрд долл. (17,8% объема российского импорта) и занимал 2-е место по экспорту – 37,2 млрд долл. (7,6% объема российского экспорта) после Нидерландов в 2015 г.² По показателям объема двусторонней торговли с Китаем в 2016 г. Россия сопоставима с такой страной, как Индия – 69,7 млрд долл., и заметно отстает от лидеров двусторонней торговли с Китаем – США, Япо-

¹ Чжунхуа жэньминь гунхэго 2016-нянь гоминь цзинцзи хэ шэжухэй фачжань тунцзи гунбао : [Статистический доклад о социально-экономическом развитии КНР в 2016 году]. 28 февраля 2017 года. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201702/t20170228_1467424.html

² См.: Сонг Бьонг Джик. Структура внешней торговли Республики Корея с Российской Федерацией // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 1. С. 50.

нии, Гонконга, Республики Корея, Тайваня, Германии и Австралии. По объемам экспорта из Китая Россия заметно отстает от США, Гонконга, Японии, Республики Корея, Австралии, Германии, слегка отстает от Великобритании и Малайзии и сопоставима по этому показателю с Бразилией. По объемам импорта в Китай Россия заметно отстает от всех вышеупомянутых стран и территорий за исключением Гонконга, слегка отстает от Малайзии, Бразилии и Саудовской Аравии и сопоставима по этому показателю с Южной Африкой.

Весомые позиции Китая как торгового партнера России обусловлены, прежде всего, географическим соседством двух стран и хорошим уровнем двусторонних межгосударственных политических отношений, объективной потребностью Китая в ряде массовых товаров российского экспорта. По структуре экспорта из КНР ведущие позиции занимают механическая и электротехническая продукция – 57,7% объема экспорта и продукция новых и высоких технологий – 28,8% объема экспорта. Важные позиции в китайском экспорте за рубеж занимают такие позиции, как автоматическое оборудование с числовым и программным управлением и детали к нему (6,5% объема экспорта), прокат (2,6%), телефоны и смартфоны всех видов (5,5%), одежда (7,5%). По структуре импорта в КНР также ведущие позиции занимают механическая и электротехническая продукция – 48,6% объема импорта и продукция новых и высоких технологий – 33,0% объема импорта. В китайском импорте преобладают такие товарные позиции, как сырая нефть – 7,3% объема импорта (всего 381 млн тонн в 2016 г.), железная руда – 3,6% (1024 млн тонн в 2016 г.), автомобили – 2,8% и соя-бобы – 2,1% (или 83,9 млн тонн в год). Следует отметить, что в последние несколько лет особенно быстрыми темпами шел прирост импорта в КНР нефти, железной руды и сои-бобов³.

Китай выглядит не просто предпочтительным, но, можно сказать, оптимальным зарубежным партнером в решении Россией стратегической задачи подъема Сибири и Дальнего Востока. Во-первых, только ориентация на динамично развивающийся китайский рынок позволит сделать экономически эффективной разработку природных ресурсов этих территорий, которая требует крупных капиталовложений и длительных сроков. Во-вторых, подъем Сибири и Дальнего Востока отвечает интересам Китая, поскольку способствует решению задачи возрождения старой промышленной базы в соседних с Россией северо-восточных провинциях страны и улучшению ресурсного обеспечения экономики КНР в целом. Наконец, заметный рост торговли с Китаем, благодаря «демонстрационному эффекту», косвенно будет содействовать активизации торгово-экономических связей России с Японией и Республикой Корея.

³ См.: Чжунго тунци няньцзянь – 2015. Пекин, 2015. С. 369–373; 2016-нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци гунбао / ГСУ КНР. 28.02.2017.

Во внешнеэкономической стратегии Пекина России отводится весьма важное место прежде всего как крупному поставщику энергоносителей и сырья и рынку сбыта китайских товаров, включая технически все более сложные изделия машиностроения и электроники.

В Китае рассматривают Россию как приоритетного партнера по поставкам нефти и природного газа. В настоящее время большая часть поставок нефти и природного газа в Китай осуществляется из арабских стран и ряда стран Африки (в первую очередь, Анголы) через узкий Малаккский пролив в Юго-Восточной Азии, который может легко блокироваться в случае чрезвычайной ситуации. Поэтому Китай заинтересован в альтернативных маршрутах поставок энергоресурсов из России и Центральной Азии по сухопутным маршрутам и из Латинской Америки через Тихий океан. Для обеспечения поставок нефти и природного газа Китай делает инвестиции в развитие газовой промышленности в Туркменистане, нефтяной и газовой промышленности в Казахстане. На китайские деньги был построен и запущен в эксплуатацию газопровод с месторождения Южный Иолотан в Туркменистане через Узбекистан и Казахстан в Китай (через погранпереход и зону свободной торговли Чунджа – Хоргос). Чтобы обеспечить маршруты поставок энергоресурсов из Венесуэлы Китай занялся реализацией дорогостоящего проекта строительства канала из Атлантического океана в Тихий через Никарагуа. Для этой же цели был введен в эксплуатацию порт Гвадар в Пакистане, через который по сухопутному маршруту в Китай через Хунджерабский перевал по меньшей мере шесть месяцев в году можно доставлять различные грузы, включая нефть и природный газ в цистернах.

В области разработки лесных ресурсов уже сейчас импорт леса из России обеспечивает более 50% внутреннего спроса в условиях существующего запрета на вырубку леса в Китае. В дальнейшем объемы импорта леса будут увеличиваться.

Развитие сотрудничества в сфере сельского хозяйства позволит постепенно снять остроту нехватки пахотных земель и водных ресурсов в Китае за счет налаживания производства на российских территориях. Приграничные территории Китая и России имеют схожие климатические условия. Это позволяет за счет использования на российских землях китайских трудовых ресурсов и сельскохозяйственной техники выращивать и производить сельскохозяйственную продукцию, в частности, необходимые для Китая соя-бобы в Амурской области, Алтайском крае и Приморском крае, и импортировать ее в Китай. Кроме того, ставится задача стимулировать китайские предприятия к разработке в России месторождений железной руды, цветных металлов, калия, фосфора, глинозема, редкоземельных элементов. Подчеркивается перспективность создания на российской территории совместных предприятий в легкой промышленности и исследовательских центров в различных областях высоких технологий,

где Россия занимает передовые позиции (космос, атомная энергетика и т.п.) – на китайские средства, но с привлечением российских специалистов и разработок. Безусловно, реализация подобных предложений китайской стороны позволила бы существенно нарастить масштабы и диверсифицировать двустороннее российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество.

В октябре 2014 г. состоялась 19-я регулярная встреча глав правительств России и Китая в Москве. По итогам этой встречи обе стороны договорились о том, что они «намерены продолжать совместные усилия, направленные на раскрытие потенциала и обеспечение устойчивости и высокой динамики двустороннего торгово-экономического сотрудничества» и довести объем двусторонней торговли между РФ и КНР до 100 млрд долл. в 2015 г. Однако ряд факторов нарушил российско-китайские планы дальнейшего развития двусторонней торговли. Здесь произошло совпадение череды событий, неблагоприятно повлиявших на дальнейший рост российско-китайского товарооборота. Резкое падение курса рубля по отношению не только к основным мировым валютам – доллару, евро, иене и фунту стерлингов, но и к китайскому юаню привело к тому, что в 2015 г. за китайский юань уже давали 10–11 рублей, в то время как в 2014 г. – 3,0–3,5 рубля. Такое падение курса рубля по отношению к юаню привело к снижению объемов российского импорта из Китая, особенно для мелких торговцев товарами широкого потребления (одежда, обувь, ткани, канцтовары). Другой фактор, снижение мировых цен на нефть, оказал неблагоприятное влияние на российский экспорт нефти – основной экспортный товар России в Китай в настоящее время. Хотя объемы поставок нефти в Китай выросли благодаря вводу в эксплуатацию нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО) и ответвления Сковородино–Дацин, общий объем экспорта из РФ в КНР начал уменьшаться из-за падения мировых цен на нефть. В результате по итогам 2015 г. и падения стоимостных объемов внешней торговли на 30% по сравнению с 2014 г. объем российско-китайского товарооборота к концу 2015 г. составил всего 68,1 млрд долл., а за 2016 – 69,1 млрд долл., что существенно ниже планов обеих сторон⁴.

Хотя территориальное распределение торговли с Китаем по регионам России не всегда может быть точно прослежено статистически, однако общая картина достаточно ясна. Торговля с КНР жизненно важна для Дальневосточного федерального округа, для которого Китай в последние годы является, как правило, ведущим торгово-экономическим партнером. Также обнаружилась критическая зависимость ряда субъектов РФ от торговли с Китаем, в частности, Забайкальского края, Амурской области, Еврейской АО, где доля Китая в объеме внешней торговле территории уже

⁴ См.: Чжунго тунцзи чжайяо – 2016. Пекин, 2016. С. 105; 2016-нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжань тунцзи гунбао / ГСУ КНР. 28.02.2017.

превысила 90% общего объема. В Хабаровском и Приморском краях эта зависимость не столь сильна, так как во внешней торговле этих субъектов РФ имеются такие мощные торговые партнеры, как Япония и Республика Корея. Они составляют конкуренцию Китаю, и эти территории имеют прямой выход к морю. Постепенно развивается торговля с Китаем и в ряде субъектов РФ Сибирского федерального округа – Алтайского края и Новосибирской области. В ближайшие годы они получают шанс резко увеличить торговлю с сопредельными территориями Китая, прежде всего с Синьцзяном, но только в случае развития транспортной инфраструктуры территории – строительства нефтепровода, газопровода и автомобильной дороги через перевал Канас на российско-китайском отрезке границы.

Территориальный аспект российско-китайского торгово-экономического взаимодействия в настоящее время наиболее выпукло проявляется в Приморском и Хабаровском краях, Еврейской автономной области и Амурской области, а также в Забайкалье и в Иркутской области. Можно сказать, что эта группа субъектов Федерации в совокупности является своего рода демонстрационной витриной большинства плюсов и минусов, успехов и проблем двусторонних связей между РФ и КНР. В то же время в торговлю с Китаем сегодня в той или иной степени вовлечено большинство субъектов Российской Федерации, и в этом смысле она является фактором повсеместного значения.

Специфической разновидностью сотрудничества России и Китая на уровне регионов выступает приграничная торговля. После более четкого институционального и территориального определения в Китае понятия «приграничных территорий» (20-километровая зона в глубь от границы) значение этого сегмента двусторонних связей по формальным количественным критериям снизилось. Однако, на наш взгляд, приграничная торговля продолжает выполнять ряд важных ролевых функций. Так, на приграничных территориях расположены многочисленные грузовые и пассажирские пункты пропуска, от стабильной работы которых зависит общая ритмичность взаимных поставок товаров между Россией и Китаем. Здесь отрабатываются такие новые и перспективные формы нашего двустороннего взаимодействия, как приграничные торговые комплексы (в частности, Благовещенск–Хэйхэ, Забайкальск–Маньчжурия, Пограничный–Суйфэньхэ), использование национальных валют в двусторонних расчетах, совместная хозяйственная деятельность на островах пограничных рек. Наконец, именно на приграничных территориях наблюдается наибольшая плотность повседневных контактов между гражданами двух стран, которые прямо влияют на уровень взаимных симпатий и антипатий и общей межэтнической толерантности.

По китайским оценкам, доля приграничной торговли в объеме российско-китайской торговли невелика и составляет около 20%. В России специальный учет приграничной торговли не ведется или, возможно, со-

ответствующие данные по отдельным погранпереходам и регионам не суммируются и не обнародуются. По мнению ряда российских экспертов, отсутствие в России законодательно определенного статуса районов приграничной торговли и компаний приграничной торговли создает очевидную асимметрию в отношениях с китайскими партнерами, наделенными властями КНР таким статусом. Несмотря на многочисленные сетования китайских бизнесменов и СМИ на различные трудности ведения приграничной торговли с Россией, объем приграничной торговли стабильно растет, а наиболее активно вовлеченные в нее китайские города Суйфэньхэ, Хэйхэ, Маньчжоули за последнее десятилетие из прозябающего окраинного захолустья превратились в современные крупные торговые хабы. Однако прилегающие к ним российские города и поселки – Благовещенск, Забайкальск, Гродеково по ряду причин не получили аналогичного развития и не выдерживают с приграничными китайскими городами никакого сравнения.

В 1980-е годы преобладал такой источник поступлений, как иностранные займы всех видов, однако с 90-х годов основным источником стали прямые иностранные инвестиции, которые с начала XXI века поступают в Китай в таком количестве, что практически вытеснили такой источник поступлений иностранного капитала, как внешние займы. В 2005–2006 гг. объем прямых иностранных инвестиций в КНР превысил рекордный уровень в 60 млрд долл. в год, с 2010 г. ежегодный объем привлеченных иностранных инвестиций уже составлял свыше 100 млрд долл. в год, а в 2016 г. составил 126 млрд долл.⁵

К 2016 г. размеры прямых иностранных инвестиций, поступивших в экономику КНР из примерно 200 стран и территорий мира, достигли почти 2000 млрд долл. По этому показателю Китай занимает одно из первых мест в мире и уже более 20 лет лидирует среди развивающихся стран. По данным на 2014 г., в КНР было зарегистрировано 460 699 совместных и полностью иностранных предприятия с общим объемом инвестиций 3798 млрд долл., зарегистрированного капитала 2184 млрд долл, где общая сумма зарегистрированного иностранного капитала составила 1741 млрд долл.⁶

Вплоть до настоящего времени инвестиционный фактор играл незначительную роль в формировании структуры и объемов российско-китайской торговли. По данным на конец 2014 г., по словам Полномочного министра Посольства КНР в РФ Чжан Ди, общий объем накопленных китайских инвестиций в России составил около 8 млрд долл. (менее 1% объема китайских инвестиций за рубежом), с выделенными кредитами – примерно 32 млрд долл. Еще хуже ситуация с российским капиталом на китайской территории. Ежегодно приток российских инвестиций в

⁵ 2016-нянь гоминь цзинцизи хэ шэжуэй фачжань тунци гунбао / ГСУ КНР. 28.02.2017

⁶ См.: Чжунго тунци няньцзянь – 2015. Пекин, 2015. С. 382.

КНР колеблется от 20 до 60 млн долл., что составляет менее 0,02% общего объема иностранных инвестиций в КНР. В частности, в 2014 г. объем российских инвестиций в КНР составил всего 40,8 млн долл. при общем объеме иностранных инвестиций 119,6 млрд долл.⁷

В обеих странах основные перспективы инвестиционного сотрудничества связываются с реализацией ряда крупных проектов по поставкам углеводородов (нефти и газа) из России в Китай и с дальнейшим развитием транспортной сети для наращивания объемов двусторонних перевозок и международного транзита грузов через территории двух государств.

Если рассматривать отраслевую структуру российских инвестиций, то основными вложениями российских компаний в Китай являются торговля, финансовая деятельность, обрабатывающая промышленность, строительство, транспортные перевозки. В последнее время в связи с резкой девальвацией рубля и удорожанием китайских товаров, предназначенных для реализации на российском рынке, наблюдается сокращение инвестиций из России в торговые операции и транспортные перевозки на территории Китая. В последние годы основными направлениями российских инвестиций в Китае стали финансовая деятельность – 95%, торговля – 4% и обрабатывающая промышленность – 1%⁸.

Китай придает важное значение не только самому по себе импорту нефти и природного газа для растущих потребностей народного хозяйства, но и диверсификации источников такого импорта, видя в ней эффективный инструмент обеспечения энергетической безопасности страны.

Вместе с тем развитие транспортной инфраструктуры между Россией и Китаем выходит за рамки «нефтяного фактора» и имеет более широкое значение. На наш взгляд, реализация российских и совместных проектов по развитию транспортной инфраструктуры явится дополнительным фактором роста взаимно сопряженных инвестиций двух стран.

Развитию торгового и инвестиционного сотрудничества между РФ и КНР должно способствовать активизировавшееся в последние годы сотрудничество банков двух стран, ранее резко отстававшее от потребностей обеспечения взаимного товарооборота. В настоящее время в России уже работают филиалы четырех основных банков Китая – Торгово-промышленного, Сельскохозяйственного, Строительного и Банка Китая («Банк Элосы»). В Китае, к сожалению, большая часть банков, за исключением банка ВТБ-24, имеет лишь представительства, а не филиалы из-за недостаточных объемов уставного и привлеченного капиталов, что существенно сдерживает как развитие инвестиционного сотрудничества, так и двусторонней торговли.

⁷ См.: там же. С. 379.

⁸ См.: Инвестиционное сотрудничество России и Китая / под ред. Н.Н. Котлярова и А.В. Островского. М.: RuScience, 2016. С. 85–86.

В настоящее время можно выделить несколько основных аспектов российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, которые оказывают принципиальное влияние на развитие интеграционных процессов в Северо-Восточной Азии. Более того, по мере дальнейшего роста китайской экономики и всестороннего развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества будет происходить не только одностороннее усиление китайской экономики за счет российских природных ресурсов, но и экономическое развитие российского Дальнего Востока и Сибири в результате создания большого количества инфраструктурных объектов, способствующих развитию этого сотрудничества. Можно выделить три наиболее перспективных направления российско-китайского сотрудничества: 1) энергетическое; 2) транспортное; 3) инвестиционное и 4) межбанковское. Следует отметить, что сегодня значительные объемы российско-китайского торгово-экономического сотрудничества связаны в основном с развитием торгового обмена между странами. Прочие формы сотрудничества находятся в зачаточном состоянии, что сдерживает развитие товарооборота между двумя странами, и во многом стало главной причиной спада российско-китайской торговли в 2015–2016 гг. в стоимостном выражении. Решение этой задачи видится в развитии четырех вышеуказанных направлений российско-китайского сотрудничества, которые могут стать ключевым звеном в развитии интеграционных процессов в Северо-Восточной Азии и будут всемерно способствовать подтягиванию экономического потенциала азиатской части России до уровня ее европейской части.

Сейчас свыше 70% российского экспорта по стоимости приходится на нефть и газ, но почти весь этот поток идет в западном направлении, потому что почти все нефтепроводы и газопроводы из Западной Сибири направлены на запад. Такое нерациональное размещение производительных сил на территории России в немалой степени способствует гипертрофированному развитию российской экономики в европейской части и дальнейшему отставанию в экономическом развитии восточных регионов. Как следствие, из-за отсутствия необходимой инфраструктуры для транспортировки энергоносителей на территории Сибири и Дальнего Востока для России оказался закрытым рынок энергоресурсов стран Северо-Восточной Азии, таких как КНР, Япония, Республика Корея, где наблюдается явный дефицит энергоресурсов для поддержания высоких темпов экономического развития. В этой ситуации ввод в эксплуатацию нефтепровода ВСТО и подписанное в мае 2014 г. соглашение по газопроводу с Чаяндинского газового месторождения в Китай стали прорывом, который позволит как частично улучшить ситуацию с энергоресурсами в Китае, так и способствовать экономическому развитию регионов Дальнего Востока. В этой обстановке российским руководством было принято абсолютно правильное решение о развитии энергетического сотрудничества России с

Китаем, активизирующее энергетическую стратегию России на восточном направлении.

Россия могла бы оказать помощь Китаю в решении проблемы энергетической безопасности. Это в значительной степени позволило бы углубить сотрудничество с КНР на основе взаимной выгоды и соразвития в подъеме экономики и социальной сферы Сибири и Дальнего Востока. Имеется два пути углубления сотрудничества России с Китаем в развитии нефтегазовой промышленности Китая. Первый путь – это оказание помощи Китаю в разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений страны по контрактам. Другой путь – решение проблемы импорта нефти и природного газа из РФ. В этом плане большое значение имеет строительство нефтепроводов из РФ в КНР по восточному коридору на Дацин или по западному коридору через перевал Канас на Карамай. Для реализации своей энергетической стратегии Россия должна идти на восток, создавать энергетическую и транспортную инфраструктуру в азиатской части. Путь у России на азиатский энергетический рынок лежит через Китай и реализацию намеченных программ российско-китайского сотрудничества в энергетической сфере.

Одной из главных проблем экономического развития российского Дальнего Востока является недостаточный объем инвестиций – как внешних, так и внутренних, связанный в первую очередь со слабым развитием инфраструктуры в регионе. В данном случае, на наш взгляд, перспективными проектами могли бы быть развитие инфраструктуры портов Находка, Владивосток, Ванино, строительство газо- и нефтепроводов из Сибири и Якутии в Северо-Восточный и Северо-Западный Китай, создание транспортного коридора из Сибири в Северо-Западный Китай через Алтай, создание в Сибири и на Дальнем Востоке международных туристических и рекреационных центров (например, на озере Байкал, в Южном Приморье, на Алтае, на Камчатке и на Сахалине), завершение Байкало-Амурской и реконструкция Транссибирской железнодорожных магистралей, которые через активизацию своих производственных связей обеспечили бы экономическое возрождение большого количества предприятий региона и, соответственно, создание большого количества новых рабочих мест. Реализация хотя бы части этих инфраструктурных проектов может не только обеспечить растущий антикризисный спрос на товары и услуги в районах Дальнего Востока и Сибири, но и непременно отразится на экономической ситуации в России в целом и, кроме того, позволит значительно улучшить инфраструктуру экономики в азиатской части России и сделать более привлекательным инвестиционный климат для иностранных бизнесменов. На наш взгляд, работа по всем инфраструктурным проектам – транспорт, энергетика, банковское дело – может дать не только толчок экономическому развитию районов Сибири и Дальнего Востока, но и обеспечить дополнительные иностранные инвестиции, в том числе из КНР, и ускорить процессы интеграции России в АТР.

При определении Китая как приоритетного российского партнера в СВА важное значение приобретает сотрудничество в области транспорта, поскольку большая часть границы РФ и КНР проходит по суше. В настоящее время состояние российских транспортных магистралей и погранпереходов сдерживает дальнейшее развитие торгово-экономических отношений России, которые, как мы видим из данных статистики, значительно отстают от торгово-экономических отношений КНР со многими странами АТР. Очевидно, что без дальнейшего расширения пропускной способности транспортных магистралей на российско-китайской границе вряд ли удастся значительно увеличить объем торгово-экономических отношений между странами.

Однако пока реализация этой программы развития транспортной сети на Дальнем Востоке и в Забайкалье далека от своего завершения. Строительство и реконструкция автодорог идет медленными темпами, а создание погранпереходов заключается лишь в увеличении таможенных постов на российской стороне, но не в расширении дорог и увеличении дорожных полос. В результате низкая пропускная способность дорог в значительной мере сдерживает не только развитие приграничного межрегионального сотрудничества, но и общую динамику развития торгово-экономических отношений и с КНР, и с другими странами региона.

Как нам представляется, именно развитие транспортной инфраструктуры наряду с энергетической позволит регионам российского Дальнего Востока и Сибири стимулировать экономическое развитие, создать новые рабочие места, привлечь новые инвестиции как из европейской части России, так и из-за рубежа, стимулировать в приграничные районы Дальнего Востока, Забайкалья и Алтайского края большое число рабочей силы из перенаселенной европейской части России.

Общий объем российско-китайского инвестиционного сотрудничества в настоящее время крайне невелик, что в значительной степени сдерживает развитие российско-китайской торговли. Несмотря на абсолютный рост объема российско-китайской торговли и увеличение этого показателя до 95 млрд долл. в 2014 г., его доля с каждым годом неуклонно снижается из-за более быстрых темпов роста общего объема внешней торговли Китая за счет опережающих темпов развития торговли с США, Японией и странами Евросоюза. По данным на конец 2016 г., доля российско-китайской торговли в объеме внешней торговли КНР составила около 2%. Дальнейшие пути увеличения объема российско-китайской внешней торговли видятся в создании крупных российско-китайских инфраструктурных проектов на территории российского Дальнего Востока и Сибири с привлечением китайского капитала и на территории Китая с привлечением российского капитала, а также в расширении межрегионального сотрудничества российских областей с китайскими провинциями.

Основные проблемы развития торгово-экономических отношений между РФ и КНР, прежде всего, связаны с реализацией различных моде-

лей перехода к рыночной экономике в двух странах: в России – через приватизацию всех форм собственности, в Китае – через развитие всех форм собственности. В Китае произошла не приватизация собственности, а определение прав собственности и разделение прав собственности и хозяйствования, что далеко не одно и то же, что приватизация. В результате большая часть крупных китайских предприятий в базовых отраслях, где объективно существуют наиболее благоприятные условия для сотрудничества с российскими предприятиями, не являются частными. Это в значительной степени подрывает основу сотрудничества с российскими предприятиями, которые в большинстве своем представляют предприятия частного капитала и не могут получить необходимые государственные гарантии. Кроме того, российские власти также по ряду причин не склонны допускать китайский акционерный капитал, а по сути государственный, к процессам приватизации российских предприятий, в приобретении акций которых сильно заинтересована китайская сторона. В результате база российско-китайского сотрудничества остается ограниченной, это в основном внешняя торговля, характеризующаяся экспортом российских природных ресурсов и импортом китайских потребительских товаров и в последнее время – продукцией машиностроения.

Центральные правительства обеих государств в нынешней ситуации не могут самостоятельно обеспечить расширение двустороннего товарооборота. Они могут лишь содействовать активности компаний и регионов, ориентированных на развитие двусторонней российско-китайской торговли. К ним относятся непосредственные производители товаров и услуг, извлекающие коммерческий доход из операций с китайскими партнерами, а также региональные и местные администрации (прежде всего, в приграничных областях Дальнего Востока и Сибири), которые благодаря расширению торгово-экономических связей с Китаем могут решить социально-экономические проблемы развития своих территорий.

На наш взгляд, главным средством повышения объема российско-китайского товарооборота является заметное увеличение доли машинотехнической продукции с высокой долей добавленной стоимости с обеих сторон – с российской и китайской. В России, помимо энергоресурсов и вооружения как основной экспортной продукции, существуют еще некоторые виды товаров, цены на которые на мировом рынке достаточно высоки, и Китай крайне заинтересован в их закупках. К таким потенциально выгодным экспортным отраслям, которые России было бы выгодно развивать для наращивания торговли с Китаем, также относится производство оборудования для объектов ядерной промышленности, поставки уранового сырья и утилизация военных ядерных отходов для их переработки в невоенных отраслях, продукция космической промышленности – выпуск спутников на орбиту и сотрудничество в создании космических кораблей, а также продажа современной техники и технологии в 10–15 нау-

коемких отраслях, в которых Россия по-прежнему сохраняет мировое лидерство, например: отдельные виды машиностроения, лесная промышленность, электротехника и электронная техника, информатика и автоматизированные системы, применение нетрадиционных источников энергии, медицинское оборудование, природоохранная техника. Активизация торгово-экономического сотрудничества в этой сфере позволит, с одной стороны, заметно расширить российско-китайское сотрудничество, с другой стороны – повысить спрос на продукцию российских предприятий научно-технической сферы и более активно включить их в сферу мировой торговли.

В сфере китайского экспорта в Россию ситуация выглядит еще хуже. На российском рынке в настоящее время наиболее активно осуществляются сделки по продаже потребительской продукции из Китая – текстиль и одежда, меховые и пуховые изделия, игрушки, игры и спорттовары, а также сельскохозяйственная продукция. Пока еще китайский экспорт в Россию также слабо представлен продукцией машиностроения, которая имеет свою рыночную нишу. К таким видам продукции можно отнести не только китайские легковые автомашины, но и сельскохозяйственное и дорожное оборудование, продукцию электронной промышленности, предметы потребления длительного пользования – стиральные машины, холодильники, кондиционеры, которые по суммарным критериям «цена плюс качество» до недавнего времени были вполне конкурентоспособны как с российскими, так и мировыми аналогами. Импорт конкурентоспособной на российском рынке продукции с высокой долей добавленной стоимости на территорию России позволит насытить российский рынок относительно дешевой продукцией машиностроения и предметов потребления длительного пользования.

Важным конкретным мероприятием по развитию российско-китайской торговли может стать единая координация поставок российских энергоносителей – нефти, газа и электроэнергии. В настоящее время из России в Китай идут только поставки нефти, которые ежегодно растут и их рост ограничен лишь транспортными возможностями на территории российского Дальнего Востока и Сибири, а отнюдь не емкостью китайского энергетического рынка. Этот рынок в настоящее время по своему потенциалу в соответствии с уровнем экономического развития и потребностями экономики Китая в энергоресурсах может полностью поглотить весь российский нефтяной экспорт и станет мощным конкурентом западным странам.

Пока Китай только планирует строительство собственных мощностей для расширения производства электроэнергии, существуют возможности для расширения экспорта электроэнергии из Российской Федерации в Китай с учетом ввода в действие новых крупных гидроэлектростанций в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке – Бурейской и Богучанской

ГЭС, а также наличия избытка энерго мощностей в энергозоне Сибири. Кроме этого, существуют значительные возможности по расширению поставок энергетического оборудования из Российской Федерации в КНР, а также участию российских компаний в строительстве энергетических объектов на территории КНР. Еще одним важным направлением развития сотрудничества с КНР в энергетике является российское участие в строительстве Тяньваньской АЭС в г. Ляньюньган с реакторами повышенной безопасности четвертого поколения ВВЭР-1000, а также возможным участием в сооружении четырех реакторов в южных провинциях Чжэцзян (г. Саньмэнь) и Гуандун (г. Янцзян). Однако российские компании – производители энергетического оборудования сталкиваются с серьезными проблемами на китайском рынке. Хотя они выдерживают конкуренцию по уровню энергетических технологий с французской компанией «ЭНЕЛ» и американской компанией «Вестингауз», но проигрывают по финансово-кредитным возможностям. В этих условиях для обеспечения выхода России на китайский рынок представляется целесообразным возложить работу по координации этой деятельности в рамках созданного акционерного общества, объединяющего заинтересованные стороны с российской стороны.

Еще одним важным направлением деятельности, способствующим развитию российско-китайского сотрудничества, является создание комплекса инфраструктуры поддержки внешнеэкономического сотрудничества на российском Дальнем Востоке и Сибири. К нему относится строительство таких объектов, как выставочные комплексы, гостиницы международного класса, центры делового сотрудничества, технопарки и зоны инновационного бизнеса, современная транспортная система, способная принять потоки китайских грузов для третьих стран. Особое значение в этом плане имеют проекты развития трансконтинентальных перевозок по железной дороге по маршруту Восток–Запад и морских контейнерных перевозок из портов Находка, Восточный, Владивосток и Зарубино. Но в новых условиях Россия не должна ограничиваться только транзитной функцией, а развивать экономику регионов, включая освоение природных ресурсов, размещение производств по переработке грузов, обеспечение строительства и функционирования обслуживающих производств и развитие полного цикла услуг по обслуживанию грузов.

Еще одним важным направлением сотрудничества является необходимость развития межбанковских связей между РФ и КНР. Для продвижения этого вопроса еще с августа 2004 г. начался эксперимент по расчетам в торговле в приграничных районах России и Китая в рублях и юанях, что означало отход от расчетов между российскими и китайскими компаниями в валюте третьих стран, чаще всего в американских долларах. Поскольку результаты эксперимента показали большую заинтересованность фирм и компаний обеих стран в использовании национальных валют Рос-

сии и Китая в расчетах в приграничной торговле, то было принято решение о предоставлении с 1 января 2005 г. всем банкам, расположенным на территории приграничных районов, права участвовать в расчетах по приграничной торговле в национальных валютах двух стран. Тем не менее, следует отметить, что пока еще существует ряд серьезных препятствий в расширении межбанковского сотрудничества между РФ и КНР, главным из которых являются законодательные требования, установленные КНР для иностранных банков.

Не менее важным и перспективным направлением развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества представляется космическая сфера. В настоящее время российской и китайской сторонами активно прорабатываются возможности совместной разработки и реализации крупных проектов, отвечающих взаимным интересам и задачам космических программ обеих стран. Были намечены две основные программы российско-китайского сотрудничества в этом направлении – изучение Луны и создание всемирной космической обсерватории. Кроме того, в программу сотрудничества в области космоса включено создание российско-китайской системы радиоинформеров, создание и совместное использование мобильной спутниковой связи и цифрового радиовещания с четырьмя космическими аппаратами на высокоэллиптических орбитах. Все эти космические проекты позволят не только вывести российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество на новый уровень, но и дать новые стимулы для развития науки и техники в России.

По-прежнему недостаточно развиты три наиболее перспективных вида российско-китайского торгово-экономического сотрудничества – инвестиционное, научное и в сфере трудовых ресурсов, что в значительной степени сдерживает потенциал расширения российско-китайской торговли.

Опыт развития двусторонних торгово-экономических связей в последние годы наглядно показал, что перевод этих связей в новое качественное состояние, повышение их эффективности настоятельно требуют усиления координирующей роли государственных органов, в том числе через механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая, совершенствования платежно-расчетных отношений, создания современной информационной инфраструктуры, качественного повышения уровня транспортного обеспечения, создания действенного механизма урегулирования торговых споров, укрепления договорно-правовой базы. Именно в этих направлениях предполагается вести совместную работу в целях создания надлежащих условий для значительного увеличения масштаба торгово-экономического сотрудничества.

Однако в настоящее время российские возможности наращивания экспорта в Китай ограничены из-за почти полного отсутствия новых, более современных, чем простая торговля, форм сотрудничества (таких, как

производственная кооперация, давальческая переработка и сборка, создание совместных предприятий с участием китайского и российского капитала), неурегулированности банковских связей и отсутствия у России достаточного количества банков с активами (уставной фонд и привлеченные средства) свыше 20 млрд долл. для полноценной хозяйственной деятельности на китайском рынке.

В этих условиях и у Китая возникают немалые проблемы в реализации своей стратегии выхода на российский рынок. По-прежнему Китай испытывает потребности в товарах традиционного российского экспорта – древесина, калийные удобрения, цветные металлы (медь, никель), а также необходимость в увеличении поставок энергоносителей из России для поддержания высоких темпов развития народного хозяйства. Но в силу невысокой емкости российского рынка перед Китаем по-прежнему будет стоять проблема наращивания экспорта в Россию.

Во время дискуссий и личных бесед с китайскими учеными и практиками более четко выявилось понимание китайской стороной тех факторов, которые мешают или препятствуют дальнейшему развитию российско-китайских торгово-экономических отношений:

- острый дефицит необходимой взаимной информации: в РФ о социально-экономической ситуации в КНР и в ее отдельных регионах, а в КНР – о социально-экономической ситуации в РФ и в ее отдельных регионах, что значительно затрудняет процесс принятия стратегических решений как в сфере инвестиционного сотрудничества, так и в сфере двусторонней торговли;

- отсутствие необходимой инфраструктуры для торгово-экономического сотрудничества в области транспорта, банковской сферы, коммуникаций, консульских связей;

- необязательность российской стороны при реализации крупных инвестиционных проектов (например, несоблюдение установленных сроков при строительстве Тяньваньской АЭС, нефтепровода и газопровода из России в Китай);

- наличие «черных дыр» в российском законодательстве, позволяющих китайским иммигрантам заниматься нелегальной экономической деятельностью на территории РФ (в частности, вырубкой леса), а российским чиновникам – коррупцией;

- агрессивная предвзятая позиция работников милиции, пограничных и таможенных служб РФ по отношению к гражданам КНР, находящимся на российской территории;

- целенаправленное нагнетание в части российских средств массовой информации негативного отношения к Китаю.

Все это выливается в наличие конкретных проблем, оказывающих негативное влияние на дальнейшее расширение объема взаимной торговли и

прямых инвестиций. К наиболее острым, по общему мнению, относятся такие проблемы, как:

- отсутствие необходимого для дальнейшего развития торгово-экономических отношений количества специалистов по России в КНР с хорошим знанием русского языка и по Китаю в России с хорошим знанием китайского языка;

- неразвитая и отсталая транспортная инфраструктура на российской территории, прилегающей к российско-китайской границе (отсутствие мостов через реки Амур и Уссури и малое количество погранпереходов, низкая пропускная способность железных дорог, особенно на погранпереходе Забайкальск–Маньчжурия, почти полное отсутствие нефте- и газопроводов между РФ и КНР (за исключением нефтепровода ВСТО), прямого транспортного сообщения;

- большая часть торговых контрактов по-прежнему оформляется в валюте третьих стран из-за взаимного недоверия бизнесменов к валютам России и Китая, а также из-за недостаточного уровня развития межбанковского сотрудничества;

- отсутствие гарантий иностранных инвестиций на территории РФ, в то время как на территории КНР действуют различные льготы для иностранных предпринимателей, в соответствии как с постановлениями Госсовета КНР, так и местных властей.

Дальнейшие пути реализации китайской стратегии выхода на российский рынок в рамках общей стратегии развития экспорта (*цзоучуцзюй*) видятся для Китая только в максимальном привлечении российских компаний к различным программам развития китайской экономики, таких, например, как участие в реализации проекта Экономического пояса Шелкового пути, зон новых и высоких технологий, энергетических отраслей. В этом случае Россия могла бы принять более активное участие в программах кредитования проектов по линии Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (100 млрд долл.) и Фонда Шелкового пути (40 млрд долл.). Сочетание китайских инвестиций с российскими достижениями в области новых и высоких технологий на имеющейся производственно-технической базе в обеих странах смогут дать импульс дальнейшему развитию российско-китайских торгово-экономических связей в интересах обеих стран.

Л.В. НОВОСЕЛОВА

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ДЕЛОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В последние несколько лет российским руководством предприняты значительные усилия по улучшению инвестиционного климата в стране с целью активизации притока иностранного капитала в Россию и расширения инвестиционного взаимодействия с зарубежными странами и, прежде всего, с КНР. Усиленно создаются территории опережающего развития с привлекательными условиями для инвесторов. Формируется система экономического управления на российском Дальнем Востоке, объявленном приоритетом национальной стратегии. Происходит совершенствование инструментария российско-китайского делового взаимодействия. Первые результаты предпринятых мер уже проявились в оживлении инвестиционного сотрудничества двух стран.

Ключевые слова: Россия, Китай, Дальний Восток, территории опережающего развития, организационно-правовые формы сотрудничества, российско-китайские инвестиции.

Российско-китайское инвестиционное взаимодействие имеет, по сути дела, совсем недавнюю историю. В 1990-е годы взаимные инвестиции двух стран в силу незначительности размеров не попадали даже в зону их статистического наблюдения. В первое десятилетие XXI века годовые размеры инвестиций, хотя и показали некоторое увеличение, оставались на весьма невысоком уровне, особенно с учетом внушительных масштабов российской и тем более китайской экономики.

В составе взаимных потоков капитала львиную долю (90% и более) имели так называемые прочие инвестиции, представляющие собой товарные и иные кредиты, обслуживающие текущий торговый обмен, банковские депозиты и т.п. Доля прямых инвестиций, предполагающих длительные и глубокие взаимные связи партнеров, была незначительна.

Следствием отсутствия серьезной заинтересованности и неглубоких представлений друг о друге являлось подчас взаимное недоверие и насто-

рожденность в деловом общении, что неизбежно сказалось на его практических результатах. Отсюда – незначительное количество крупных совместных проектов. К концу 2010 г. сумма накопленных прямых китайских инвестиций в экономику России составляла 2,8 млрд долл. Со своей стороны Россия вложила в экономику КНР в общей сложности 0,8 млрд долл. В результате в 2010 г. на инвестиции в Россию пришелся лишь 1% общего объема накопленных зарубежных капиталовложений Китая. Удельный вес России в общей сумме привлеченных КНР иностранных инвестиций составил менее 0,1%.

Наряду с этим в течение многих лет Китай демонстрирует быстрый и устойчивый экономический рост, результатом чего является значительное упрочение позиций этой страны в современном мире, превращение ее в локомотив мировой экономики. Россия в лице своего экспертного сообщества и управляющей элиты уже давно проявляет живой интерес к экономическим рекордам восточного соседа, обусловленный понятным желанием «...поймать «китайский ветер» в «паруса» нашей экономики»¹, используя всемерное развитие двустороннего делового сотрудничества.

Российский «поворот на Восток»

Качественное изменение характера российско-китайского инвестиционного взаимодействия изначально предполагало заметную активизацию хозяйственного развития прилегающих к Китаю территорий, и прежде всего Дальнего Востока России. Необходимые предпосылки для этого связаны с высокой концентрацией там ценных природных ресурсов, пользующихся высоким спросом в Китае и России, а также с выгодным географическим положением региона.

Важный импульс сотрудничеству между российским Дальним Востоком и Северо-Востоком Китая был дан в марте 2007 г. на встрече Президента России Владимира Путина и тогдашнего Председателя КНР Ху Цзиньтао. Именно тогда был впервые поставлен вопрос о необходимости «совместных усилий по углублению координации» в осуществлении «подготовки сотрудничества в области возрождения старых промышленных баз Северо-Востока Китая и развития Дальнего Востока и Восточной Сибири». Двумя годами позже (сентябрь 2009 г.) главы двух государств подписали Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009–2018 годы.

В силу ряда объективных, а по большей части – субъективных причин в течение нескольких последующих лет реализация этой программы не получила серьезного продвижения². Выступая в конце 2013 г. с прези-

¹ Путин В.В. Россия в меняющемся мире // Московские новости. 27.02.2012.

² Подробнее см.: Новоселова Л.В. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: состояние и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2013. № 1. С. 60–62.

дентским посланием к Федеральному Собранию, В. Путин объявил ускоренное развитие Сибири и Дальнего Востока абсолютным приоритетом национальной экономической стратегии. Правительству было поручено обеспечить условия для создания в регионе точек опережающего экономического роста.

Вскоре после этого произошли события, обусловившие дальнейшее решительное усиление восточного вектора в российской политике. В 2014 г. разрастание вооруженного конфликта на востоке Украины, сопровождавшееся антироссийскими санкциями со стороны стран Запада и их усилиями по международной изоляции России, обусловило окончательное оформление ее «поворота на Восток».

Со своей стороны Китай обнародовал концепцию собственного продвижения на Запад посредством построения «Экономического пояса Шелкового пути» – масштабной зоны пространственной интеграции, простирающейся от Китая до Европы и захватывающей, помимо прочего, восточные регионы России. В рамках этих инициатив Россия и Китай установили всесторонние отношения стратегического взаимодействия и партнерства, а двусторонние политические обмены достигли самого высокого уровня в истории.

Для перехода к новому качеству двустороннего инвестиционного взаимодействия и региональной интеграции Россия и КНР намерены предпринять скоординированные и целенаправленные усилия для последовательного наращивания масштабов взаимных инвестиций, ускоренной реализации крупных совместных проектов в энергетике, горнодобывающей и лесной промышленности, в области транспортной инфраструктуры, а также в обрабатывающей промышленности и сфере услуг. В интересах практической реализации намеченных планов с российской стороны в последние годы предпринят целый комплекс важных шагов.

Создание точек экономического роста. Российский Дальний Восток охватывает Приморский край, Хабаровский край, Амурскую область и другие субъекты федерации, входящие в Дальневосточный федеральный округ (далее – ДФО). Территория региона (6,16 млн кв. км) составляет 36% общей площади Российской Федерации, а население (6,6 млн человек) – всего 5% общего числа жителей. Здесь добывается 98% российских алмазов, 80% олова, 50% золота, 40% рыбной и морской продукции. Месторождения угля, водные и лесные ресурсы составляют треть от общих запасов страны.

Богатые природные ресурсы, а также близость к азиатским рынкам, являются наиболее очевидным активом и конкурентным преимуществом Дальнего Востока. Вместе с тем уровень его развития долгое время оставался ниже, чем у других регионов России. Помимо неразвитости инфраструктуры, удаленности от основных промышленных центров, малонасе-

ленности, сложности климатических условий и т.д., важной причиной этого являлась и традиционная закрытость региона, значительная часть территории которого в советский период подпадала под особый режим пограничной зоны.

С целью оживления региональной экономики в декабре 2014 г. подписан и в марте 2015 г. вступил в силу Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

Законом предусмотрено, что первоначально (в 2015–2017 гг.) территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОР) создаются исключительно в ДФО (либо в моногородах со сложным социально-экономическим положением). Впоследствии они могут быть сформированы и в других регионах страны. Срок деятельности ТОР определен в 70 лет с возможностью продления, а их создание изначально ориентировано на конкретных «якорных» инвесторов, заключивших с государством индивидуальные соглашения относительно вида предполагаемой деятельности, объема инвестиций, количества создаваемых рабочих мест и т.д. В этом отличие ТОР от особых экономических зон и зон территориального развития.

Создание ТОР потребовало внесения изменений в Гражданский, Градостроительный, Трудовой, Земельный, Лесной кодексы России, а также в целый ряд федеральных законов (о законодательных и исполнительных органах власти субъектов федерации, о местном самоуправлении, о приватизации, об обязательном страховании, об иностранцах, о лицензировании, об экологической экспертизе, о таможенных отчислениях и др.)³.

Установленный в ТОР специальный правовой режим ориентирован на создание здесь привлекательных условий для инвестирования и ведения хозяйственной деятельности. В их числе предоставление резидентам ТОР существенных налоговых льгот (снижение ставок налогов на прибыль, имущество, землю и добычу полезных ископаемых в сочетании с налоговыми каникулами от трех до десяти лет), ускоренный возврат «экспортного» НДС, пониженные арендные ставки и ставка страховых взносов, упрощенный доступ к строительству и электросетям, облегченный порядок привлечения иностранной рабочей силы, применение беспощинного и безналогового режима свободной таможенной зоны и других элементов дерегулирования экономики⁴.

В результате, по сравнению с другими инвесторами в России, резидент ТОР меньше платит налогов, меньше тратит времени на административные процедуры, проще проходит все согласования. Все это открывает

³ URL: www.daokedao.ru.

⁴ URL: <http://erdc.ru/>

широкие перспективы для развития деловой активности иностранных компаний, использующих иностранную рабочую силу.

Развитие ТОР основано на применении механизма государственно-частного партнерства, при этом строительство местных объектов инфраструктуры полностью финансируется из бюджетных средств⁵. Средства, выделенные из федерального бюджета на развитие ТОР в 2015–2017 гг., составляют 42 млрд руб.⁶

В 2015–2016 гг. российским Правительством приняты решения о создании 15 ТОР в Приморском, Хабаровском и Камчатском краях, Амурской и Сахалинской областях, Республике Саха-Якутия, Чукотском автономном округе и Еврейской автономной области. Масштабы и уровень предоставляемых инвесторам преференций обеспечивают конкурентоспособность ТОР по сравнению с аналогичными районами льготного инвестирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В интересах развития транспортной инфраструктуры Дальнего Востока, вовлечения его в трансграничный торговый обмен и глобальные транспортные сети, а также с целью привлечения инвестиций в создание несырьевых, ориентированных на экспорт производств, в декабре 2014 г. в очередном Послании Президента Федеральному Собранию было предложено предоставить Владивостоку статус свободного порта с льготными режимами таможенного, налогового, инвестиционного и административного регулирования, и в июле 2015 г. был подписан соответствующий федеральный закон.

Льготы и преференции свободного порта, в основном аналогичные правовым нормам, действующим в ТОР, распространяются на все главные порты Приморья от Зарубино до Находки, а также на международный аэропорт Владивостока (всего 15 муниципальных образований Приморского края). Таким образом, в зону действия свободного порта вошли перспективные международные транспортные коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2», активное использование которых способно дать ощутимую экономическую отдачу за счет переброски по железной дороге грузов из северо-восточных провинций КНР в порты Приморья с последующей отправкой морем в адрес получателей в Южном Китае, в странах АТР, Европы, а также в США.

Со вступлением в силу Федерального закона «О свободном порте Владивосток» встал вопрос о распространении этого льготного режима на другие дальневосточные порты, что и было сделано в июле 2016 г. в отношении таких административных единиц, как Ванинский район (Хабаровский край), Корсаковский район (Сахалинская область), Певек (Чукотский автономный округ), Петропавловск-Камчатский (Камчатский край).

⁵ URL: <http://fondvostok.ru/toser/>

⁶ URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=2839

Создание основанных на лучших мировых практиках новых льготных режимов для ведения бизнеса начинает приносить первые результаты. По состоянию на март 2016 г. от частных (российских и иностранных) инвесторов поступило 110 заявок на реализацию инвестиционных проектов в ТОР на общую сумму свыше 440 млрд руб. Еще 45 заявок на 150 млрд руб. получено в связи с реализацией проектов в зоне действия режима свободного порта⁷.

Формирование специальной системы управления и институтов развития Дальнего Востока. Разработка нормативной базы, предусматривающей радикальное улучшение инвестиционного климата на Дальнем Востоке, сопровождается созданием специальной системы институтов и механизмов ускоренного развития региона.

С 2012 г. в структуре исполнительной власти действует *Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока* (далее – Минвостокразвития России), к сфере ведения которого отнесена координация выполнения государственных программ на территории ДФО, управление расположенным здесь федеральным имуществом, а также контроль деятельности дальневосточных субъектов Федерации.

На практике это выявило необходимость постоянного согласования действий федеральных и региональных органов власти. С этой целью в сентябре 2013 г. создана *Правительственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока*, которая рассматривает проекты программных документов и стратегий на федеральном и местном уровнях, а также формирует перечень реализуемых в регионе приоритетных инвестиционных проектов для оказания им государственной инфраструктурной поддержки⁸. Отбором приоритетных проектов и территорий опережающего развития по утвержденной Правительством методике занимается сформированная в декабре 2014 г. *Подкомиссия по вопросам реализации инвестиционных проектов на Дальнем Востоке*⁹.

Создание ТОР поручено Минвостокразвития России, которое в связи с этим учредило компактные сервисные центры – *Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке* и *Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта* (см. рис. 1). Функции управляющей компании ТОР и Свободного порта Владивосток выполняет принадлежащая государству *Корпорация развития Дальнего Востока* и ее представительства на местах. Работая по принципу «одного окна», Корпорация отвечает за обустройство площадок ТОР, формирование их инфраструктуры, предоставление резидентам таможенных, юриди-

⁷ URL: <http://government.ru/info/27709/#> (<http://tass.ru/info/2215388>)

⁸ URL: <https://rg.ru/2013/09/19/dv-komissia-site-dok.html>

⁹ URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=2839

ческих и иных государственных услуг вплоть до судебной защиты их прав и интересов¹⁰.

Важным элементом единой системы административного управления в ДФО является и дочерняя структура ГК Внешэкономбанк – *Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона* (ФРДВ). Основанный в 2011 г. с уставным капиталом в 17,1 млрд руб., вплоть до 2015 г. Фонд фактически не мог приступить к работе в силу несовершенства ряда внутренних процедур и правил отбора проектов для финансирования. С 2015 г., действуя на основе решений Подкомиссии по вопросам реализации инвестиционных проектов на Дальнем Востоке, он начал активные операции, осуществляя как инвестиции в акционерный капитал, так и предоставляя займы компаниям, реализующим инвестиционные проекты со значимым социально-экономическим эффектом для развития экономики Дальнего Востока¹¹.

Рис. 1. Система управления развитием Дальнего Востока России

Источнику: URL: <https://rg.ru/2013/09/19/dv-komissia-site-dok.html>;

URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=2839;

URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=3614; <http://hcfe.ru/about/general-information/>;

URL: <http://erdc.ru>;

URL: <http://fondvostok.ru/ar2015/about/>

¹⁰ URL: <http://erdc.ru>

¹¹ URL: <http://fondvostok.ru/ar2015/about/>

В 2015 г. Правительством одобрено участие Фонда в семи инвестиционных проектах общей стоимостью 87,8 млрд руб. с инвестициями ФРДВ в 11,3 млрд руб. В 2016 г. совокупные размеры 12 инвестиционных проектов, поддерживаемых ФРДВ, достигли уже 114 млрд руб. Средства господдержки предоставляются на возвратной основе сроком до 10 и более лет из расчета 5% годовых¹².

Наконец, с 2015 г. во Владивостоке ежегодно проводится учрежденный указом Президента России *Восточный экономический форум*. С участием высших представителей государства, российского и международного бизнеса здесь обсуждается современная дальневосточная повестка России, рассматриваются перспективные проекты, привлекаются иностранные инвесторы, подписываются соответствующие соглашения.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ВЭФ:

– укрепление связей международного инвестиционного сообщества, российского бизнеса, федеральных, региональных и местных органов власти;

– всесторонняя экспертная оценка экономического потенциала российского Дальнего Востока, а также повышение конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности региона, как на российском, так и на международном уровне;

– презентация новых условий инвестирования и ведения бизнеса: территорий опережающего развития, Свободного порта Владивосток, господдержки перспективных инвестпроектов. Авторы проектов выступают перед потенциальными инвесторами с подробными презентациями, содержащими экономические обоснования, необходимые для принятия решений. В 2016 г. на ВЭФ было заключено более 200 инвестиционных соглашений с объемом потенциальных инвестиций свыше 1,85 трлн руб.¹³

Кооперационный механизм российско-китайского сотрудничества. Отдельного рассмотрения заслуживают наблюдаемые в ходе российского «поворота на Восток» усложнение и диверсификация инструментария двустороннего российско-китайского делового взаимодействия.

В 2014 г. в рамках механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая образована *Межправительственная Российско-Китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству*. На своих ежегодных заседаниях комиссия утверждает и актуализирует перечень приоритетных проектов сотрудничества, контролирует их осуществление, разрабатывает предложения по улучшению инвестиционного климата двух стран.

К компетенции комиссии отнесены крупные проекты, сулящие наибольший экономический эффект. Это, например, освоение Быстринского

¹² URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4948

¹³ URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4948

месторождения золото-железо-медных руд и строительство Быстринского ГОК в Забайкальском крае (51,6 млрд руб., ПАО «ГМК «Норильский никель» и инвестиционный консорциум Highland Fund), создание масштабного (50 тыс. т в год) производства бутадиен-нитрильных каучуков в Шанхае (ПАО «СИБУР Холдинг» и Sinopec Group), создание сборочного производства тяжелых грузовиков в Тяньцзине (ПАО «КАМАЗ» и Hawtai Motor), сооружение высокотехнологичного комплекса предприятий по глубокой переработке алюминия в провинции Хэнань (3,4 млрд долл., Группа компаний Ви Холдинг и «Чжунфу Индастриал») и т.д.

Отбор проектов и мониторинг их реализации, как и оперативное реагирование на возникающие у инвесторов проблемы, обеспечивает действующий в рамках комиссии *Консультационный комитет предпринимателей*. Если в 2014 г. комиссия курировала 32 проекта сотрудничества в таких отраслях, как инфраструктура, добыча и переработка полезных ископаемых, высокотехнологичная промышленность, сельское хозяйство и др., то в 2016 г. – уже 66 проектов с общей суммой инвестиционных амбиций около 90 млрд долл.¹⁴

Похожая схема лежит в основе строительства российско-китайского инвестиционного сотрудничества на межрегиональном уровне. Так, в 2013 г. начал работу Круглый стол руководителей регионов Приволжского федерального округа и провинций верхнего, среднего течения реки Янцзы. В 2016 г. он был повышен в статусе и преобразован в *Совет по российско-китайскому межрегиональному сотрудничеству в формате «Волга–Янцзы»*. По состоянию на июль 2016 г. в рамках Совета, действующего на паритетной ежегодной основе, прорабатывалось 69 инвестиционных проектов, из которых 27 реализованы либо находились в стадии реализации¹⁵.

В 2015 г. создан Совет сотрудничества между регионами российского Дальнего Востока и Северо-Востока КНР, годом позже преобразованный в российско-китайскую смешанную *Межправительственную комиссию по развитию Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР*, перед которой поставлены вполне конкретные задачи по укреплению российско-китайского экономического взаимодействия.

В обновленной в последние годы Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока, Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока КНР (на 2009–2018 гг.) на сегодняшний день остается 34 проекта, реализуемых либо намечаемых к реализации на территории нашей страны совместно с китайскими партнерами.

В числе наиболее успешных проектов можно отметить освоение Березовского железорудного и Нойон-Тологойского полиметаллического

¹⁴ URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depInvest/2016270604>

¹⁵ URL: <http://pfo.gov.ru/press/events/100350/>

месторождений, а также создание лесопромышленного комплекса «Поллярная» (Забайкальский край); строительство на р. Амур железнодорожного моста, соединяющего Россию и Китай; комплексная застройка жилых микрорайонов в Улан-Удэ и Забайкальске и т.д.¹⁶ Комиссия призвана способствовать повышению темпов реализации проектов двустороннего сотрудничества на Дальнем Востоке¹⁷. Если сегодня в указанном регионе реализуется в общей сложности 23 проекта с суммой инвестиций из КНР в 3 млрд долл., то в 2018 г. этот показатель предполагается увеличить до 16 млрд.

Одновременно получают все большее распространение двусторонние соглашения о сотрудничестве между отдельными российскими регионами и провинциями КНР. Только в 2014 г. такие соглашения подписаны между Республикой Башкортостан и провинцией Цзянси, между Пермским краем и провинцией Цзянси, между Республикой Татарстан и провинцией Хунань. Считается, что такие соглашения позволяют более эффективно вести привлечение китайского капитала в проекты малого и среднего бизнеса в субъектах Российской Федерации.

В целях наполнения новых организационно-правовых форм российско-китайского сотрудничества реальным экономическим содержанием активно формируется соответствующая финансовая инфраструктура. Так, в 2012 г. Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) на паях с Китайской инвестиционной корпорацией (СIC)¹⁸ учредили *Российско-китайский инвестиционный фонд* (РКИФ), внося в его капитал по 1 млрд долл. и рассчитывая привлечь еще 2 млрд долл. от ведущих китайских инвесторов. Задачей РКИФ является развитие двусторонних экономических и инвестиционных отношений с высокой доходностью.

В 2016 г. профинансированные и одобренные РКИФ сделки достигли 4 млрд долл. Приоритет в работе фонда отдается таким направлениям, как инфраструктура и логистика, агропромышленный комплекс, глубокая переработка природных ресурсов, высокотехнологичная обрабатывающая промышленность, сфера услуг, включая туризм и путешествия. Более 70% средств РКИФ инвестируется в России, до 30% – КНР.

Одним из таких проектов стало создание РКИФ в ноябре 2016 г. совместно с китайской компанией Tus-Holdings (управляющая компания круп-

¹⁶ URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/

¹⁷ URL: www.petrovlovskkamchatskiy.ru/listnews/5151845

¹⁸ РФПИ основан в 2011 г. с капитализацией в размере 10 млрд долл., выделяемых российским правительством, для осуществления доходных инвестиций в капитал компаний на принципах соинвестирования. Управляющая компания Фонда является 100% дочерним обществом Внешнеэкономбанка.

СIC – Китайский суверенный фонд благосостояния, государственная компания, образованная в 2007 году в целях диверсификации золотовалютных резервов Китая и обеспечения более высокой доходности инвестиций (URL: www.rdif.ru).

нейшего технопарка в мире) *Российско-китайского венчурного фонда* (РКВФ). Капитал фонда (100 млн долл.) в перспективе может быть пополнен, а его участниками могут стать и другие российские и китайские институциональные инвесторы. РКВФ планирует инвестировать в высокотехнологичные российские компании с потенциалом развития на рынке КНР¹⁹.

В апреле 2016 г. в рамках договоренности между Минвостокразвития России и Госкомитетом по делам развития и реформ КНР о совместном финансировании сельскохозяйственного производства на Дальнем Востоке создан *Российско-китайский фонд агропромышленного развития* (РКФАР). Учредителями фонда стали российский Фонд развития Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанский продовольственный фонд (КНР). В соответствии с акционерным соглашением российская сторона получила 51% в управляющей компании фонда. Общие размеры его капитала, вместе с уже выделенным первым траншем в 13 млрд руб., могут составить до 10 млрд долл.²⁰ При этом 90% капитала формируется китайскими и 10% – российскими инвесторами.

Предусмотрено, что земля под совместные сельскохозяйственные проекты выделяется исключительно российским участникам при обязательном использовании ими современных аграрных технологий. Не менее 80% создаваемых рабочих мест должны занимать россияне. Российские поставщики товаров и услуг пользуются приоритетом при реализации проектов Фонда.

Выступая своего рода катализатором инвестиционного процесса, РКФАР из собственных средств финансирует 10% стоимости проекта, еще 10% предоставляют его инициаторы, оставшиеся 80% привлекаются в кредит в российских или китайских банках-партнерах²¹. Участниками Соглашения о взаимодействии в рамках РКФАР являются крупнейшие банки, включая Сельскохозяйственный банк Китая, Строительный банк Китая и Торгово-промышленный банк Китая.

Первые контракты подписаны РКФАР в сентябре 2016 г. Партнерами фонда стали известные дальневосточные компании «Ратимир» (строительство в ТОР Приморского края свиноводческого комплекса стоимостью в 15 млрд руб.) и «Амур Агро Холдинг» (строительство в Амурской области заводов по глубокой переработке пшеницы и сои, 2,9 млрд руб.)²².

Помимо использования двусторонних механизмов сотрудничества Россия развивает взаимодействие с КНР в многостороннем формате. В частности, в марте 2015 г. в Москве принято решение об участии в уч-

¹⁹ URL: <http://rusvesna.su/economy/1478505784>

²⁰ URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4587

²¹ URL: <http://fondvostok.ru/press-tsentr/publikatsii/podpisano-aktsionernoe-soglasenie-o-sozdanii-rossiysko-kitayskogo-fonda-agropromyshlennogo-razvitiya/>

²² URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4587

реждении создаваемого по инициативе КНР Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ).

В конце 2015 г. АБИИ официально учрежден 57 странами в Пекине. Внушительные (100 млрд долл.) размеры уставного капитала обеспечивают банку статус крупной международной организации, ведущие роли в которой, как предполагается, будут играть КНР, Индия и Россия, располагающие соответственно первой (29,78%), второй (8,37%) и третьей (6,54%) по размеру долями в капитале АБИИ²³.

Ключевая цель АБИИ – преодоление инфраструктурных ограничений экономического развития в Азии посредством инвестирования в энергетику, электроэнергетику, транспорт и логистику, сельскую инфраструктуру, защиту окружающей среды²⁴. И если для Китая создание АБИИ является частью стратегического плана формирования Экономического пояса Шелкового пути, то Россия видит в этом благоприятную возможность для привлечения дополнительных инвестиций в свои восточные регионы.

Фактор экономической дипломатии. Совпадение интересов у деловых партнеров, равно как и наличие рамочных условий межстранового экономического обмена, не отменяют важности субъективного фактора и политической воли к преобразованию этих базовых предпосылок в динамично развивающийся процесс сотрудничества.

К тому же, как уже отмечалось, объявление США и странами ЕС экономических санкций в отношении России (2014 г.) стало дополнительным фактором форсирования российско-китайских отношений. В развитии сотрудничества с Китаем, обладающим второй по размеру экономикой в мире, российское руководство видит реальную возможность для того, чтобы преодолеть иницируемую Западом международную изоляцию России и в той или иной мере компенсировать ущерб, наносимый ей закрытием западных рынков капитала и другими экономическими рестрикциями. В этих условиях регулярные российско-китайские контакты на высшем и высоком уровнях стали в последние годы мощным двигателем экономических взаимоотношений России и Китая.

В мае 2014 г. в ходе визита в КНР большой российской делегации, возглавляемой Президентом России, было подписано беспрецедентное количество двусторонних документов, продемонстрировавших желание сторон перейти к новому качеству экономического сотрудничества. Заключенные контракты и соглашения (общим числом более сорока!) ориентированы на реализацию долгосрочных совместных проектов в таких сферах и отраслях, как топливно-энергетический комплекс, транспорт и транспортное машиностроение, инфраструктура и производство строи-

²³ URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/investcoop/aibb>

²⁴ URL: <http://www.finmarket.ru/database/news/4456085>

тельных материалов, расширение межбанковской кооперации и финансовых связей, а также институциональной базы сотрудничества.

Подписанные документы можно разделить на три основные части. Наиболее многочисленными являются соглашения и меморандумы о сотрудничестве и взаимопонимании. Такие документы, по сути, фиксируют стремление сторон к бизнес-взаимодействию и определяют его рамочные условия. Это, к примеру, Рамочное соглашение между ПАО «Газпромбанк» и Государственным банком развития Китая о стратегическом сотрудничестве, Соглашение о кредитном сотрудничестве между Внешэкономбанком и Экспортно-импортным банком Китая, Соглашение о стратегическом сотрудничестве между ПАО «РусГидро» и компанией PowerChina, Соглашение о стратегическом сотрудничестве между ПАО «РЖД» и государственной корпорацией «Китайские железные дороги» (China Railways) и т.п. Для перехода к предметным коммерческим сделкам здесь еще потребуется серьезная дополнительная работа.

Следующий уровень договоренностей образуют соглашения о запуске крупных инвестиционных проектов. Так, российский холдинг «Евроцемент групп» подписал с китайскими партнерами серию контрактов на строительство новых производственных мощностей на своих предприятиях в семи российских регионах – от Архангельской области до Брянской. Нельзя обойти и трехстороннее соглашение между правительством Тульской области, местной корпорацией развития и китайской автомобилестроительной компанией Great Wall о сооружении автомобильного завода полного цикла (объем инвестиций – 500 млн долл.)²⁵.

И, наконец, долгосрочные контракты купли-продажи, предполагающие экспортные поставки товарной продукции. Прежде всего, это эпохальный 30-летний контракт на поставку в Китай российского природного газа, заключенный между ПАО «Газпром» и «Китайской национальной нефтегазовой корпорацией» (CNPC) – крупнейшей нефтегазовой компанией КНР. Здесь же следует назвать и крупный контракт купли-продажи сжиженного газа в рамках проекта «Ямал СПГ» между ПАО «Новатек» и упомянутой выше CNPC, а также график поставок российской нефти для переработки на нефтеперерабатывающем заводе в Тяньцзине, подписанный ПАО «НК «Роснефть» совместно с CNPC²⁶.

Большинство подписанных документов имеет выраженный инвестиционный компонент. Наиболее ярким примером является соглашение между Газпромом и CNPC, предполагающее, наряду с поставками газа из России в КНР, совместное финансирование и разработку двух обширных газовых месторождений в Восточной Сибири, строительство газопровода «Сила Сибири» (2,2 тыс. км), а также создание под Белогорском мощной

²⁵ URL: <https://regnum.ru/news/polit/1951907.html>

²⁶ URL: <http://expert-nii-kpu.ru/files/>

смежной инфраструктуры, включая газохимическое производство, гелиевый завод и газоразделительные станции. Общий объем инвестиций в проект оценивается в 55 млрд долл.²⁷

Аналогичным образом Соглашение о стратегическом сотрудничестве между ПАО «РусГидро» и PowerChina ориентировано на перспективу создания российско-китайского совместного предприятия по строительству в России малых ГЭС (общая сумма инвестиций – 3,5–5 млрд долл.) Подписанный «Роснефтью» перспективный график поставок сырой нефти в Тяньцзинь связан со строительством в КНР на паях с CNPC (российская часть – 49%) нефтеперерабатывающего завода стоимостью 5 млрд долл.²⁸ Меморандум о взаимопонимании между ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация» и «Китайской корпорацией коммерческих самолетов» (СОМАС) в конечном итоге направлен на совместную разработку и производство широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета и т.д.

С течением времени усилия сторон по продвижению стратегического сотрудничества не ослабевают. В 2015–2016 гг. по итогам встреч на высшем уровне подписано в общей сложности свыше 60 новых соглашений в таких сферах, как вертолетостроение, железнодорожное сообщение, космос, привлечение инвестиций, финансовый сектор, нефть и газ, драгоценные металлы, гидроэнергетика, информационная безопасность²⁹.

Инвестиционное оживление 2014–2016 годов: результаты и перспективы

Политические инициативы и организационные усилия последних лет, подкрепленные соответствующей активностью национальных компаний, привели к очевидному оживлению российско-китайского инвестиционно-взаимодействия. С каждым годом появляется все больше новых совместных проектов, укрепляющих двустороннее сотрудничество.

Как свидетельствует табл. 1, в 2015 г. китайские инвестиции в Россию составили 3 млрд долл., увеличившись в 4,7 раза по сравнению с предыдущим годом. Накопленные инвестиции Китая превысили 14,6 млрд долл., позволив ему подняться на четвертую позицию в списке международных инвесторов в экономику России³⁰. Доля России в экспорте китайского капитала в 2015 г. составила 2,4% против 0,5% годом ранее.

²⁷ URL: http://www.polit-info.ru/images/data/gallery/0_8803__muhin_na_pechat_.pdf

²⁸ URL: <https://regnum.ru/news/polit/1951907.html>

<https://www.rosneft.ru/business/Downstream/refining/Construction/>

<https://www.rosneft.ru/business/Downstream/refining/Construction/>

<https://www.rosneft.ru/business/Downstream/refining/Construction/>

<https://www.rosneft.ru/business/Downstream/refining/Construction/>

<https://www.rosneft.ru/business/Downstream/refining/Construction/>

²⁹ URL: <http://www.eastrussia.ru/news/sotrudnichestvo-dfo-i-severo-vostoka-kitaya-itogi-2015/>

³⁰ URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/201701/20170102496126.shtml>

Таблица 1**Инвестиционное сотрудничество России и Китая, млн долл.**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Накопленные инвестиции на конец 2015 г.
Прямые инвестиции России в Китай	35,0	31,0	29,9	22,1	40,9	13,1	946,9
Прямые инвестиции Китая в Россию	567,7	715,8	784,6	1022,2	633,6	2960,9	14566,7

Источники: Чжунго тунцзи няньцзянь – 2011. Пекин, 2011. Табл. 6–14, 6–19; Чжунго тунцзи няньцзянь – 2013. Пекин, 2013. Табл. 6–13, 6–18; Чжунго тунцзи няньцзянь – 2015. Пекин, 2015. Табл. 11–14, 11–19; Чжунго тунцзи няньцзянь – 2016. Пекин, 2016. Табл. 11–14, 11–19.

Представляющиеся весьма существенными, эти успехи, однако, выглядят не столь впечатляюще на фоне глобальной инвестиционной экспансии Китая. Ведь современный Китай – это один из крупнейших международных инвесторов. В 2016 г., по данным Министерства коммерции КНР, прямые китайские инвестиции за рубежом превысили 170 млрд долл., а темпы их годового прироста составили 44,1%³¹. Все это говорит о пока еще скромных размерах российско-китайского инвестиционного сотрудничества и в то же время подчеркивает его поистине огромный потенциал, равно как и возможность многократного наращивания инвестиционного присутствия Китая в России.

Уже сегодня это находит воплощение на Дальнем Востоке России. В 2016 г. в ДФО сумма подписанных соглашений о реализации инвестиционных проектов с негосударственными вкладчиками капитала достигла 1,3 трлн руб. При этом, по данным Минвостокразвития России, 22% общей суммы капиталовложений (или 4,8 млрд долл.) приходится на зарубежных инвесторов, среди которых уверенно лидируют компании КНР, обеспечивающие почти 2/3 притока иностранных инвестиций. В настоящее время на Дальнем Востоке реализуется в общей сложности 23 крупных проекта (энергетика, промышленность, транспорт и логистика, инфраструктура и туризм) с привлечением средств из КНР в 3 млрд долл.

Китайские инвесторы развивают бизнес в дальневосточных ТОР, где в 2016 г. на их долю пришлось 25% негосударственных инвестиций. Например, в ТОР «Михайловское» (Приморский край) они планируют построить животноводческий комплекс, а также предприятия по очистке зерна, переработке сои и производству комбикормов. В ТОР «Хабаровск» компания Baoli Vitumina намерена построить завод по производству современных битумных материалов. В ТОР «Кангалассы» (Якутия) китай-

³¹ URL: <https://regnum.ru/news/economy/2227601.html>

ские резиденты инвестируют в строительство двух предприятий по производству стройматериалов³².

К сожалению, капиталовложения российских компаний в КНР, характеризовавшиеся и ранее небольшими объемами, не показывают тенденции к росту. По состоянию на 2015 г. накопленные размеры этих инвестиций не достигали и 1 млрд долл., а их доля в общем притоке иностранного предпринимательского капитала в Китай осталась на уровне статистической погрешности (в 2015 г. – 0,01%).

Низкие показатели вложений российского капитала в КНР, судя по всему, помимо прочего связаны и с тем, что в ряде случаев финансовые ресурсы из России поступают в Китай не напрямую, а через Гонконг или другие юрисдикции с льготным налогообложением. Однако официальные данные о вывозе российского капитала в эти юрисдикции также не позволяют говорить о сколь-либо существенной инвестиционной активности России в Китае. В итоге с течением времени российско-китайское инвестиционное сотрудничество практически превратилось в «улицу с односторонним движением»³³.

В соответствии с опросом, проведенным консалтинговой компанией IPT Group среди компаний КНР, работающих в России, наиболее важными факторами ее привлекательности для китайских инвесторов являются наличие богатых и разнообразных природных ресурсов (71% респондентов), а также степень развития инфраструктуры (43%) и доступ к высоким технологиям (43%)³⁴.

Наблюдаемый сегодня рост интереса китайской стороны к современным технологиям соответствует национальной экономической стратегии Китая с ее ставкой на инновации. Конкурируя с американскими и азиатскими компаниями, КНР сегодня стремительно сокращает отставание от них в целом ряде высокотехнологичных производств. По различным оценкам, за первое полугодие 2016 г. доля китайских смартфонов на российском рынке составила от 30% до 56%. В этих условиях производители технологичных китайских брендов не только открывают дочерние компании в России, но и рассматривают возможность размещения здесь своего производства.

Китайских партнеров интересуют и российские достижения в таких областях, как медицинские и биотехнологии, микроэлектроника, светодиоды, робототехника, телекоммуникации, технологические решения в финансовом секторе и в области переработки отходов и т.д. В конце 2016 г. достигнута договоренность о сотрудничестве в области информационных,

³² URL: <http://www.eastrussia.ru/news/sotrudnichestvo-dfo-i-severo-vostoka-kitaya-itogi-2015/>

³³ URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/

³⁴ URL: <http://www.invest-rating.ru/russia-china/?id=5056>

авиакосмических, «зеленых» технологий, а также в сфере систем спутниковой навигации³⁵.

Не менее важным с точки зрения активизации российско-китайского инвестиционного взаимодействия является и повышение жизненного уровня населения КНР с возрастанием интереса китайцев к здоровому образу жизни, включая потребление экологически чистых продуктов питания. В последнее время значительно увеличился экспорт российских овощей, фруктов и мясных продуктов в Китай. При активной государственной поддержке сотрудничество в сельскохозяйственном секторе все более переходит от чистой торговли к модели объединения инвестиций с технологическим сотрудничеством. Отсюда наблюдаемый рост китайских инвестиций в сельское хозяйство России.

Данное направление выглядит весьма многообещающим, ведь Россия сегодня является одним из ведущих мировых экспортеров сельскохозяйственной продукции и продуктов питания. К тому же перспективные с точки зрения агробизнеса земли Сибири и Дальнего Востока в настоящее время практически простаивают.

На территории Омской области, например, китайскими инвесторами создается агропромышленный кластер, продукция которого предназначена на экспорт в Китай. В Забайкальском крае китайские инвестиции (24 млрд руб.) будут направлены на развитие сельского хозяйства на неиспользуемых пахотных землях и пастбищах. В 2016 г. крупнейший в Китае производитель продуктов China National Cereals, Oils and Foodstuffs Corporation (COFSCO) объявил об открытии филиала на Дальнем Востоке России. COFSCO планирует выращивать и перерабатывать в Приморье соевые бобы, а также экспортировать отсюда мясо и воду³⁶.

Особенностью российско-китайского инвестиционного сотрудничества на современном этапе является также усиление деловой активности КНР в сфере недвижимости, международного туризма и индустрии развлечений. Здесь сказывается постоянное расширение потока китайских туристов, посещающих нашу страну в последние годы. К тому же создание объектов недвижимости является одним из важных направлений китайского экспорта капитала: зарубежные инвестиции КНР в недвижимость в 2015 г. составили 8,5 млрд долл. против 1 млрд в 2009 г. Сегодня к крупным городам Австралии, США, Великобритании в списке приоритетов китайских инвесторов присоединяются и восточные территории России.

Среди крупнейших проектов такого рода следует отметить комплексную застройку жилых микрорайонов в Улан-Удэ и Забайкальске, участие корпорации «Говэй Цайфу» в строительстве игровой зоны «Приморье»

³⁵ URL: <https://rg.ru/2016/05/25/kitajcy-sochli-rossiiu-privlekatelnoj-dlia-investicij.html>

³⁶ URL: <http://www.invest-rating.ru/russia-china-spheres/>; <http://www.chinapro.ru/rubrics/1/15010/>

(общая сумма инвестиций – 2,7 млрд долл.), а также обнародованный в конце 2016 г. мегапроект по созданию современного туристического кластера в байкальском регионе совместными усилиями дочерних структур Китайской международной инвестиционно-трастовой корпорации (СITIC), ПАО «Иркутскэнерго» и принадлежащей О. Дерипаске компании «ГОСТ Отель Менеджмент» (11 млрд долл.)³⁷ В целом, удельный вес туризма, индустрии развлечений и сектора высоких технологий в общем потоке китайских инвестиций в Россию в 2015–2016 гг. составил 46% против 17,4% в 2005–2014 гг.³⁸

Сегодня, в условиях ограниченного доступа России к ресурсам международного финансового рынка и, соответственно, обострения у российского бизнеса проблемы ликвидности активизируется деятельность китайских инвесторов, связанная с приобретением заметных долей в акционерном капитале крупных российских корпораций, многие из которых работают в традиционно интересующих КНР сырьевых отраслях.

В 2015–2016 гг. крупнейшими сделками такого рода стали:

– покупка компанией CNPC и Фондом Шелкового пути соответственно 20% и 9,9% акций в ПАО «Ямал-СПГ», реализующем крупный проект по добыче, сжижению и поставке природного газа (сумма сделок оценивается свыше 1 млрд долл.);

– покупка Китайской инвестиционной корпорацией 12,5% акций «Уралкалия» (2 млрд долл.) и 5,4% акций Московской биржи (100 млн долл.);

– приобретение 10% акций ПАО «Сибур Холдинг» (1,3 млрд долл.) корпорацией Sinopac Group и еще 10% – Фондом Шелкового пути;

– приобретение Строительным банком Китая 2% акций банка ВТБ (100 млн долл.);

– приобретение инвестиционным консорциумом Highland Fund у ПАО «ГМК «Норильский никель» 13,3% в проекте «Быстринский ГОК»³⁹.

Приобретая данные активы, компании КНР получают доступ к необходимым им природным ресурсам и технологиям, а также дополнительные возможности влияния на перспективы развития ряда крупнейших российских предприятий и даже отраслей. Что касается российской стороны, то хотя она и не расширяет свои производственные мощности, однако ослабляет напряженность с ликвидностью и рассчитывает на укрепление связей с ведущими финансовыми институтами Китая.

Однако, как показывает практика, далеко не всегда этим надеждам суждено сбыться. В условиях сохранения антироссийских санкций и на-

³⁷ URL: <https://newsland.com/user/epochtimes/content/investory-kitaia-postroiati-v-primore-igomuiiu-zonu/5597036>

³⁸ URL: <https://rg.ru/2016/05/25/kitajcy-sochli-rossiiu-privlekatelnoj-dlia-investicij.html>

³⁹ URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/
<http://www.invest-rating.ru/russia-china-spheres/>

растания связанных с Россией страновых рисков китайские банки проявляют большую осторожность и сдержанность при обслуживании и финансировании сделок с участием российских компаний. В этих условиях кредитные линии российским банкам все чаще предоставляет не «большая четверка» государственных коммерческих банков КНР, а так называемые политические банки – Банк развития Китая и Экспортно-импортный банк, ресурсы которых не столь велики.

В целом, задержки и срывы финансирования либо его несогласованное сокращение являются, пожалуй, главной претензией российского бизнеса в его взаимоотношениях с партнерами из КНР. Наиболее ярким, хотя и далеко не единственным, примером такого рода стал отказ китайской стороны от участия в финансировании строительства газопровода «Сила Сибири», несмотря на попытки «Газпрома» получить на эти цели аванс в 25 млрд долл. В результате, в 2016 г. инвестиционная программа российского газового монополиста была сокращена, и вместо ранее планировавшихся 800 км газопровода в течение года было построено лишь 400 км⁴⁰.

Что касается китайской стороны, то список ее неудовлетворенностей в сотрудничестве с Россией значительно шире.

Как свидетельствуют данные табл. 2, основным препятствием для осуществления китайских инвестиций в России, по мнению самих участников рынка, является нестабильная макроэкономическая ситуация в нашей стране. В связи с этим специалисты Исследовательского центра Фуданьского университета подчеркивают, что российская экономика чрезмерно зависит от колебания мировых цен на энергоносители, а экономической политике России не хватает последовательности и определенности⁴¹.

Таблица 2

Основные препятствия для осуществления китайских инвестиций в России

	Содержание	Удельный вес респондентов
1	Нестабильная макроэкономическая ситуация	57%
2	Проблемы правоприменения	43%
3	Падение покупательной способности населения	29%
4	Коррупция	14%
5	Санкции и осложнение отношений с Западом	14%
6	Сложные процедуры регистрации собственности, торговых марок	14%

Источник: составлено на основании опроса участников рынка консалтинговой компанией «IPT Group» в 2016 г. См.: URL: <http://www.invest-rating.ru/russia-china/?id=5056>

⁴⁰ URL: <http://www.rbc.ru/business/19/05/2016/573d779f9a79474b61282000>

⁴¹ URL: <http://rusrand.ru/analytics/osnovnye-oblasti-i-napravleniya-rossiysko-kitayskih-ekonomicheskikh-otnosheniy>

Большие вопросы у китайских партнеров вызывает и российская практика правоприменения. По их мнению, эффективность работы государственных структур в России падает, надзорные органы не в полной мере выполняют свои функции. Исполнение законодательных актов, включая международные соглашения, носит избирательный характер. Ситуация усугубляется широким распространением правовых коллизий, а также отсутствием ясного разграничения полномочий между федеральными и местными органами власти. В результате непомерно возрастает значение административного ресурса, ширятся масштабы коррупции.

С точки зрения китайских инвесторов, на инвестиционную привлекательность России негативно влияют и такие факторы, как высокие административные барьеры выхода на рынок, а также несовершенство системы технического регулирования. В то время как китайские компании у себя дома и за рубежом давно ориентируются на международные стандарты качества и сертификации, в России до сих пор применяются стандарты ГОСТ, нуждающиеся в гармонизации с современными международными практиками. Все это препятствует реализации совместных российско-китайских проектов сотрудничества⁴².

Неудивительно, что основными субъектами экономических отношений в этих условиях выступают крупные государственные компании, обладающие серьезным административным и политическим ресурсом и опирающиеся, при необходимости, на бюджетное финансирование. Это может иметь известный положительный эффект, особенно на начальном этапе сотрудничества, позволяя придать ему сильный стартовый импульс. Очевидные недостатки такой модели сотрудничества связаны с бюрократизацией экономических отношений, низкой мобильностью принятия решений, слабым реагированием на сигналы рынка и, как следствие, низкой экономической эффективностью.

Между тем, в последние 10–15 лет развитие российской экономики идет по пути прогрессирующего огосударствления и усиления монополистических тенденций. По данным Федеральной антимонопольной службы, вклад государства (включая госкомпании, унитарные предприятия и др.) в ВВП России вырос с 35% в 2005 г. до 70% в 2015 г.⁴³

В отличие от этого в Китае в рамках последовательной рыночной трансформации из года в год наблюдается все большее сокращение масштабов госсектора и его доли в экономике, сопровождаемое постоянным уменьшением числа государственных предприятий и увеличением удельного веса негосударственных инвестиций (с 35% валовых капиталовложений в 2006 г. до 64% в 2015 г.). Всемерно поощряется и экспорт капитала

⁴² URL: <http://rusrand.ru/analytics/osnovnye-oblasti-i-napravleniya-rossiysko-kitayskih-ekonomicheskikh-otnosheniy>

⁴³ Ведомости. 29.09.2016.

частными китайскими компаниями. В 2015 г. их доля в общем объеме зарубежных инвестиций КНР достигла 65%, а в сделках по слиянию и поглощению – даже 76%⁴⁴. Развитие России и Китая, таким образом, находится в своеобразной противофазе, что вряд ли может способствовать их плодотворному экономическому и инвестиционному взаимодействию.

Если мы действительно хотим использовать высокую энергетику развития Китая в интересах подъема собственной экономики, то нашей стране следует озаботиться укреплением своих позиций в качестве полноценного делового партнера КНР, а не просто участника оживленного политического диалога на высоком уровне. В перспективе для поддержания нынешней активизации инвестиционных потоков необходимо модернизировать и диверсифицировать российскую экономику, повысить степень ее коммерциализации и инновационный потенциал. При этом, сокращая уровень огосударствления и монополизации, стимулируя развитие конкурентной рыночной среды, важно развивать частный российский бизнес и поощрять его включение в международный экономический обмен. В противном случае Россия рискует остаться объектом одностороннего приложения китайских инвестиций в отраслях и регионах, представляющих стратегический интерес для нашего восточного соседа.

⁴⁴ URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/counseloroffice/westernasiaandafricareport/201609/20160901400328.shtml>

В.А. МАТВЕЕВ

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ТЕКУЩИЕ ТРЕНДЫ

Аннотация. В статье анализируются проблемы современной китайской политики реализации самообеспечения и опоры на внутренние энергетические ресурсы. Обсуждается выдвижение газовой промышленности как одного из стратегических приоритетов энергетической политики Китая на современном этапе развития. Отмечено, что увеличивающийся в среднесрочной перспективе дефицит газа обеспечивается диверсификацией каналов импорта газа. Анализируются причины проявления Китаем заинтересованности в заключении крупнейшей сделки между «Газпромом» и CNPC по обеспечению доставки российского газа в Китай.

Ключевые слова: нефть, природный газ, энергетическая политика, стратегическое развитие, трубопроводы, Китай, Восточная Сибирь.

Разворачиваемая сейчас мировая технологическая революция оказывает существенное воздействие на мировые рынки энергоносителей. Это воздействие носит как прямой, так и опосредованный характер. Технический прогресс позволил внедрить принципиально новые возможности в бурении скважин, в добыче и транспортировке нетрадиционных видов углеводородов, в использовании новых видов моторного топлива и возобновляемых видов энергоносителей. Принципиально важно прорывное появление новых значимых видов энергоносителей в виде сланцевых углеводородов, прежде всего в США. Этот сланцевый прорыв, по мнению многих экспертов, уже привел к закреплению США на 1-м месте по добыче углеводородов и может способствовать значительному предложению сланцевых углеводородов на мировой рынок. Это не только ведет к диверсификации состава используемых энергоресурсов, усиливая межтопливную конкуренцию на национальных и мировых рынках, но и провоцирует появление новых шоков в мировом масштабе.

В конечном итоге эта американская контрпозиция ведет к изменению подходов к регулированию энергетических рынков, пересмотру принци-

пов ценообразования и к пересмотру долгосрочных стратегий развития основных участников рынка.

Однако базисным посылом является то, что на ближайшие десятилетия углеводороды останутся основным источником энергии. И в целом роль природного газа, как наиболее чистого ископаемого топлива, будет расти. По прогнозам ведущих аналитиков, объемы его добычи увеличатся более чем на треть, а доля в общем энергобалансе дойдет почти до четверти и вплотную приблизится к долям угля и нефти, что делает его основным энергоносителем¹.

Естественно, совершаемые и прогнозируемые процессы чрезвычайно важны для таких ведущих игроков мирового рынка, как Китай и Россия. Что требует корректной расстановки приоритетов как их собственных моделей развития, так и векторов российско-китайского энергетического сотрудничества.

Знаково, что перед Китаем продолжает стоять стратегический выбор оптимальной национальной энергетической стратегии: либо в направлении более полного самообеспечения энергоносителями, либо в направлении ускоренной газификации страны, либо то и другое в определенной мере.

Еще на последнем по времени XVIII съезде Компартии Китая Ху Цзиньтао, передавая полномочия новому «пятому поколению» руководителей Китая и говоря о насущных проблемах страны, подчеркнул, что «если смотреть на международную и внутреннюю ситуацию в целом, то развитие нашей страны все еще продолжает оставаться на стадии важных стратегических выборов. Нам нужно, безошибочно оценивая перемены в содержании и условиях этого периода, полностью используя благоприятный момент и хладнокровно реагируя на бросаемые вызовы, удерживать инициативу, добиваться превосходства и завоевывать будущее, тем самым обеспечивать себе выполнение грандиозных задач полного построения среднезажиточного общества к 2020 г., удвоению ВВП и среднедушевых доходов городского и сельского населения по сравнению с 2010 г.»²

При этом для исполнения вышеуказанных задач в докладе XVIII съезда было отмечено, что наряду с информационной и продовольственной безопасностью энергетическая безопасность становится ключевым вызовом, с которым неизбежно столкнется Китай. В целом же руководители Китая проводят политику реализации самообеспечения и опоры на внутренние ресурсы. Однако Китай, как одна из крупнейших стран по энергопотреблению, не может опереться только на внутренние энергоре-

¹ URL: <http://izvestia.ru/news/670767>

² Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html> [Doklad Hu Jintao na 18 s'ezde KPK. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html>]

сурсы. Для продолжения развития стране необходимы импортные энерго-ресурсы во всевозрастающих объемах.

Текущая ситуация в ТЭКе Китая показывает достаточно острую проблему в сфере энергетической безопасности, а именно в безопасности снабжения нефтегазовыми ресурсами. Стало очевидно, что энергоисточники и морские маршруты транспортировки энергоносителей для Китая встречаются с потенциальными вызовами.

Геополитическая среда на Ближнем Востоке, в Африке, в Восточной Азии ухудшилась и продолжает ухудшаться из-за внутривосточной нестабильности в этих регионах мира. По мере перемещения стратегического веса с Запада на Восток и усиления своего военно-экономического присутствия в АТР, США стали увеличивать контроль над морскими пространствами в районе западного побережья Тихого океана для реализации стратегии глобального балансирования и сдерживания Китая.

Таким образом, имеется настоятельная потребность в диверсификации каналов безопасного энергетического снабжения страны, чем органы государственной власти Китая сейчас активно занимаются.

Нефть

В настоящее время добыча традиционной нефти в Китае снизилась из-за падения цен на нефть на мировом рынке. В 2016 г. объем добычи сырой нефти составил около 200 млн т, что на 7,2% меньше, чем в 2015 г.³ Согласно пятилетнему плану Госкомитета по делам развития и реформ и Государственного энергетического управления Китая планируется держать такой уровень добычи до 2020 г.

Между тем потребление нефти в Китае продолжает расти, в 2016 г. оно еще увеличилось на 2,8% и составило 556 млн т⁴.

Из-за существенного расхождения между объемом потребления и добычей нефти Китай вынужден наращивать импорт нефти. По прогнозу CNPC, в 2017 г. темпы увеличения объемов потребления Китаем импортной нефти будут постепенно возрастать, и соответственно степень зависимости от иностранных углеводородов окажется еще большей⁵.

Причем между основными странами – поставщиками нефти в Китай продолжается схватка за долю крупнейшего в мире нефтяного рынка. И здесь наибольших успехов достигла Россия. Она увеличила поставки нефти в КНР на 24% по сравнению с 2015 г. до 52,5 млн т, впервые в истории обогнав Саудовскую Аравию, поставившую в Китай 51 млн т⁶.

Резкому увеличению импорта из России способствовали несколько факторов:

³ URL: <http://neftegaz.ru/news/archive/2017-01-16>

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ URL: http://www.russarabbc.ru/rusarab/index.php?ELEMENT_ID=41342

– расширение нефтепроводной системы «Восточная Сибирь–Тихий океан»;

– разрешение с 2015 г. властями Китая частным нефтеперерабатывающим предприятиям использовать нефть иностранных государств;

– гибкие условия поставок нефти и их более коротким плечом из российского порта Козьмино в Циндао (по сравнению с поставкой из Саудовской Аравии), где частные переработчики обычно получают свои поставки.

В целом, несмотря на объявленную Китаем борьбу с зависимостью от поставок нефти из-за рубежа, у России есть определенные ресурсы для закрепления лидерства среди импортеров нефти в Китай.

В настоящее время Китай продолжает активное строительство второй ветки своей части магистрального нефтепровода Сковородино–Мохэ–Дацин для импорта нефти из России, готовность которого предполагается 1 января 2018 г. При этом поставки нефти только по данному нефтепроводу вырастут с 15 до 30 млн т/год на пике.

Также с 1 января 2017 г. будут увеличены поставки российской нефти в Китай через территорию Казахстана по нефтепроводу Атасу–Алашанькоу до 10 млн т ежегодно⁷.

При этом Астана использует транзитную нефть для загрузки крупнейшего НПЗ страны – Павлодарского – по схеме замещения, согласно которой около 5 млн т российской нефти остается на заводе, а аналогичные объемы казахстанского сырья транспортируются в Китай⁸.

В целом, по данным Главного таможенного управления Китая, импорт сырой нефти Китаем в 2016 г. вырос на 13,6% по сравнению 2015 г. и составил 381 млн т, и, естественно, степень зависимости Китая от импортной нефти увеличилась на 5 п.п. (в сравнении с 2015 г.) и достигла 65% от общего объема потребления нефти⁹.

Прогноз CNPC по ценам на нефть также не очень позитивен для Китая. Ожидается, что в 2017 г. будет наблюдаться восстановление глобального рынка нефти, сопровождаемое постепенным повышением цен. При этом ориентировочный уровень цен на нефть сорта Brent на 2017 г., по версии CNPC, не будет ниже 58 долл. США/барр¹⁰. Стоит отметить, что несмотря на невысокие цены на нефть объемы добычи в США сланцевой нефти не слишком сокращаются, что задает понижающий тренд мировым ценам на нефть на ближайшую перспективу.

⁷ URL: <http://neftegaz.ru/news/archive/2017-01-23>

⁸ URL: <http://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/rosneft-uvlichit-postavki-nefti-v-kitai-cherez-kazakhstan>

⁹ URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=2058887

¹⁰ URL: <http://neftegaz.ru/news/archive/2017-01-16>

Согласно тому же прогнозу CNPC, ближайшие 5 лет станут для глобальной энергетики важным переходным периодом, сопровождаемым снижением динамики роста потребления нефти и ростом потребления альтернативной энергии из традиционных и нетрадиционных источников.

В целом прогрессирующий рост зависимости Китая от импорта нефти никак не устраивает государственные власти Китая, и в новом 5-летнем плане поставлена задача снижения зависимости от импорта нефти. Китай приумножает усилия по выходу на обеспеченность собственной нефтью.

В этих целях планируется форсирование геолого-разведочных работ с целью обеспечения внутренних поставок нефти. На 2016–2020 гг. запланировано ежегодное увеличение разведанных запасов нефти на 1 млрд т. Также необходимо ускорение строительства сети нефтепроводов из нефтедобывающих районов¹¹.

Природный газ

Аналогичный 5-летний план подготовлен и по природному газу. В настоящее время собственная добыча газа в Китае не покрывает растущие потребности народного хозяйства. Однако имеется большой выбор источников традиционного и альтернативных видов газов в стране. В связи с чем ситуация в газовой отрасли лучше, чем в нефтяной.

По предварительным подсчетам Института экономики и технологии Китайской национальной нефтегазовой корпорации, собственная добыча природного газа в Китае в 2016 г. достигла 134,1 млрд м³, в то время как реальный объем потребления газа в Китае составил 204 млрд м³, увеличившись на 6,5% по сравнению с 2015 г. При этом за 2016 г. (в сравнении с 2015 г.) темп роста потребления газа (2,4%) существенно превысил темп роста добычи (1,4%), и растущая разница в объемах покрывается увеличивающимся импортом газа. Китай в 2016 г. импортировал 35,2 млрд м³ трубопроводного газа и 25 млн т сжиженного природного газа (СПГ) (около 34,7 млрд м³). При этом темп роста потребления СПГ почти в 2 раза превышает темп роста трубопроводного газа (соответственно 27,2% и 15,6% по сравнению с 2015 г.)¹².

В текущем 2017 г. потребление природного газа в Китае вырастет на 5,9% – до 216,2 млрд м³, а доля газа в общем объеме потребления первичных энергоресурсов в Китае вырастет до 6,2%¹³.

В ближайшей перспективе на тринадцатую пятилетку (2016–2020) Государственное управление по делам энергетики КНР планирует существенное увеличение доли газа и возобновляемой энергетики (с учетом ГЭС) в энергобалансе: с 5,9% до 10% и с 12% до 15% соответственно по

¹¹ URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=2042351

¹² URL: http://www.ngv.ru/news/gazoprovod_tsentralnaya_aziya_kitay_perekachal_170_mlrd_kub_m_gaza/?sphrase_id=6882431

¹³ Там же.

сравнению с 2015 г.¹⁴ При этом доля угля, главного китайского энергоресурса, должна сократиться с 64% до 58% в рамках политики по сокращению выбросов и борьбе с изменением климата¹⁵. Однако доля газа в топливно-энергетическом балансе страны все равно остается крайне низкой в сравнении с такими крупными индустриальными державами, как США, Германия, Россия, где она достигает величины 25–35%.

Имеется много самых разнообразных прогнозов развития газовой отрасли на период до 2020 г. как китайских, так и зарубежных. Они носят как пессимистичный, так и оптимистичный характер, но прогнозные величины объемов потребления газа в стране, в основном, предполагаются на уровне 340–360 млрд м³.

Согласно докладу «Развитие газовой отрасли Китая – 2016», подготовленному Государственным управлением по делам энергетики, Центром по изучению проблем развития при Госсовете Китая и Министерством земельных и природных ресурсов наиболее вероятным показателем объема его потребления в 2020 г. будет 340 млрд м³. Покрывать этот спрос Пекин собирается в основном за счет роста собственной добычи до 220 млрд м³, из которых традиционный газ даст 170 млрд м³, сланцевый газ – 30 млрд, а еще 16 млрд – метан угольных пластов. Соответственно, ниша для импорта может вырасти с нынешних 69,9 до 120 млрд м³. А согласно долгосрочным стратегическим планам к 2030 г. Китай может увеличить импорт газа еще более чем в 2 раза – до 270 млрд куб. м¹⁶.

При этом властями страны, так же как и в нефтяной сфере, поставлена задача форсирования геолого-разведочных работ на газ с тем, чтобы к 2020 г. разведанные запасы природного газа достигли 16 трлн куб. м¹⁷. Главное, чтобы эти запасы попадали под категорию доказанных, которые, как предполагается, с определенной долей уверенности экономически целесообразно будет извлечь из открытых месторождений при существующей экономической конъюнктуре и технологиях, исходя из геологической и технической информации. При этом оценка таких запасов во многом зависит и от общих ценовых трендов на газ мирового энергетического рынка, и трендов восточноазиатского рынка.

Особенно большие надежды власти Китая связывают с разработкой нового нетрадиционного источника газа – сланцевых залежей. Здесь также планируется широкое развертывание геолого-разведочных работ в целях доведения разведанных запасов сланцевого газа до 1,5 трлн куб. м¹⁸.

¹⁴ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3195636>

¹⁵ URL: http://www.pro-gas.ru/persp/persp_full/

¹⁶ URL: <http://neftegaz.ru/news/view/156514-Kitay-usilenno-razvivaet-svoyu-gazovuyu-otrasl-promyshlennosti-no-rech-ob-otkaze-ot-importnogo-gaza-ne-idet>

¹⁷ URL: <http://neftegaz.ru/news/view/157462-Kitay-provozglasil-borbu-s-importozavisimostyu.-Strana-namerena-razvivat-sobstvennuyu-dobychu-nefti-i-gaza>

¹⁸ URL: <http://burneft.ru/archive/issues/2016-11/3>

Как видно из представленной выше картины, в ближайшей перспективе собственного газа стране явно не хватает. Однако существующие темпы развития народного хозяйства, потребности в модернизации технологических процессов, реализация политики сокращения вредных выбросов и ускоренный перевод автомобилей на газомоторное топливо требуют ускорения темпов газификации народного хозяйства. Дополнительный импульс широкого применения газа дает реализация программных установок на повышение качества жизни городских и сельских жителей, что в значительной мере связано с переходом в населенных пунктах от отопления углем к отоплению газом и т.д.

Необходимые в вышеуказанных целях дополнительные объемы газа могут быть получены разными путями – как из импортных источников, так и из сланцевых залежей. Правительство Китая решило задействовать все возможные внутренние и внешние источники природного газа, чтобы избежать его дефицита.

Ситуация с импортом газа складывается следующим образом.

Китай вкладывает существенные инвестиции в импорт как трубопроводного газа, так и СПГ. Построены три нитки газотранспортной магистрали «Центральная Азия» общей мощностью 55 млрд м³ газа (в 2015 г. было поставлено около 30 млрд м³), в первую очередь из Туркменистана¹⁹. Также построен газопровод из Мьянмы мощностью 12 млрд м³.

Альтернативой трубопроводному газу является развитие инфраструктуры по приему СПГ. И Китай активно закупает СПГ. На данный момент законтрактованы поставки СПГ в объеме около 50 млрд м³/год, к 2019 г. этот показатель может вырасти до 60 млрд (включая 3,5 млн т с проекта «Ямал-СПГ»). В настоящее время Китай этот объем не выбирает, потребляя около 35 млрд м³/год СПГ. Эти поставки обеспечивают потребности КНР в импорте газа до 2020 г., причем у китайских компаний еще остается возможность покрывать пики потребления за счет закупок СПГ на спотовом рынке²⁰.

В целом Китай построил импортоориентированную газовую инфраструктуру с большим запасом, что позволяет обеспечить энергетическую безопасность Китая и максимальную ценовую конкуренцию экспортеров газа.

Однако из-за разноскоростного движения цен на газ разных поставщиков в системе закупок газа по импорту в Китае происходят определенные подвижки, связанные с переоценкой эффективности доставки газа потребителям. Так, известно, что транспортировка центральноазиатского газа по системе китайских газопроводов Запад–Восток убыточна, а газо-

¹⁹ URL: <http://www.ritmeurasia.org/news--2016-07-23--kitaj-ne-sobiraetsja-otkazyvatsja-ot-4-j-nitki-gazoprovoda-iz-centralnoj-azii-24847>

²⁰ URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=2042351

транспортные компании по требованию государственных властей Китая применяют систему скидок и дотаций в целях повышения эффективности дальней транспортировки газа на восточное и южное побережья Китая. Сверхдальняя транспортировка центральноазиатского газа на расстояние более 7000 км явно неэффективна. Мало того, центральноазиатский газ требует значительных затрат на сооружение газоперерабатывающих заводов в целях его очистки от сероводорода и других примесей, что его существенно удорожает. В конечном итоге доставленный в Шанхай или Гуанчжоу трубопроводный газ становится неконкурентоспособным с импортным СПГ. Все это ограничивает область его использования только высокоэффективными отраслями народного хозяйства – коммунально-бытовое хозяйство, производство минеральных удобрений, высокотехнологичные производства.

Поэтому сейчас по газопроводу из Центральной Азии используется не больше половины мощности. По сообщениям прессы, Китай приостановил строительство четвертой очереди газотранспортной системы «Центральная Азия» через Таджикистан и Киргизию.

В то же время такие удаленные от моря старопромышленные регионы Китая, как Дунбэй и центральные регионы страны испытывают серьезную нехватку таких экологичных энергоносителей, как природный газ. Дело в том, что близрасположенные районы добычи нефти и газа (например, Дацин) близки к выработке основной части своих углеводородных запасов, доставка же импортных ресурсов СПГ из Центральной Азии в значительных масштабах достаточно дорога, особенно для использования в таких крупномасштабных производствах, как металлургия, машиностроение, химия. И этот негативный процесс с течением времени будет только усугубляться.

Этим, в основном, объясняется то, что Китай проявил заинтересованность в заключении в 2014 г. крупнейшей сделки с Россией по обеспечению доставки восточносибирского газа в Китай. Можно считать это большим плюсом для китайской промышленности Дунбэя.

Представляется, что сделка между «Газпромом» и CNPC обоюдовыгодна. Тем не менее, сейчас отсутствует высокая потребность в российском газе и требуется существенное время для подготовки инфраструктуры газового хозяйства Китая: газоразводящих сетей среднего и низкого давления, подземных хранилищ газа, переналаженного под газ энергооборудования и пр.

Со стороны России данная сделка реализуется согласно действующей с 2007 г. государственной Программы создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона, иначе называемой Восточной

газовой программой. Координатором программы является «Газпром», а ее главной целью – создание в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке современной газовой промышленности и формирование на этой основе условий для их динамичного социально-экономического развития и повышения жизненного уровня населения²¹. Следует подчеркнуть, что открытые в последней четверти XX века в Восточной Сибири и в Республике Саха (Якутия) залежи природного газа позволяют не только удовлетворять спрос на него в восточной части страны в течение ближайших 30 лет, но и осуществлять экспортные поставки этого газа в страны АТР. Разведанные запасы газа (по категории С₁) в Восточной Сибири и Якутии составляют 4,08 трлн м³. Имеющейся сырьевой базы достаточно для формирования таких новых центров газодобычи, как Якутский и Иркутский, большая часть газа которых пойдет на экспорт²². Создание единого экспортного газового канала является одним из важнейших приоритетов Восточной газовой программы, конечно, при обеспечении отвечающих интересам России ценовых условий поставки газа за рубеж.

Согласно договору между «Газпромом» и CNPC «Газпром» продолжает строительство газотранспортной системы «Сила Сибири» мощностью 61 млрд м³, по которому газ с месторождений Восточной Сибири (Чаяндинского в Якутии и Ковыктинского в Иркутской области) будет транспортироваться как на внутренний российский рынок (через Хабаровск до Владивостока), так и на экспорт в Китай. Протяженность газотранспортной системы «Сила Сибири» составит около 4000 км, из них на газопровод «Якутия–Хабаровск–Владивосток» придется примерно 3200 км, на газопровод «Иркутская область–Якутия» – около 800 км²³.

Ответвление от газопровода в восточные районы Китая, получившее название «восточный маршрут», будет построено на российско-китайской границе в районе Благовещенска–Хэйхэ.

Ранее глава «Газпрома» Алексей Миллер сообщал, что контракт на поставки российского газа в Китай по газопроводу «Сила Сибири» вступил в силу в мае 2015 г., срок начала поставок газа – от четырех до шести лет после вступления контракта в юридическую силу. То есть поставки газа в Китай могут начаться в период с мая 2019 г. по май 2021 г.²⁴ Сейчас построено около четверти длины магистрали.

Помимо строящегося «восточного маршрута» (газопровод «Сила Сибири») и планируемого на будущее «западного маршрута» (газопровод «Сила Сибири-2» через Горный Алтай) рассматривается и третий маршрут транспортировки газа в Китай – с Киринского и Южно-Киринского

²¹ URL: http://www.worldenergy.ru/index.php?id=20_42/Мировая энергетика. 2007. №11

²² Там же.

²³ URL: http://oilcapital.ru/transport/context/sila_sibiri.html

²⁴ URL: <http://tass.ru/ekonomika/4056774>

месторождений проекта «Сахалин-3» путем сооружения трубы-перемычки от Хабаровска до Белогорска (Амурская область), где от газотранспортной системы «Сила Сибири» должен начинаться отвод на Китай. Этот путь поставок сахалинского газа в КНР «Газпром» и CNPC обговорили и закрепили меморандумом о взаимопонимании позже остальных – осенью 2015 г. Однако налажен этот маршрут может быть даже раньше двух основных. Согласно меморандуму объем поставок газа с проекта «Сахалин-3» может составить от 25 до 38 млрд м³ в год²⁵. Актуальность этого маршрута поставок газа с Дальнего Востока России была подтверждена во время недавней встречи председателя «Газпрома» Миллера с вице-премьером Госсовета КНР Чжан Гаоли в апреле 2017 г.²⁶ Но многое зависит от долгосрочного тренда мировых цен на газ.

Согласно источникам, близким к подписанию контракта между «Газпромом» и CNPC, цена на газ на российско-китайской границе на тот период времени находилась в пределах 350–380 долл. за 1000 м³. Формула цены предполагается на основе азиатской корзины нефтепродуктов и сжиженных углеводородных газов²⁷. Причем в настоящее время «Газпром» не видит оснований для пересмотра цены поставок газа в Китай по «Силе Сибири», сообщил зампреда правления компании Александр Медведев: «Возможность для пересмотра цен остается как за продавцом, так и за покупателем. Но повода для пересмотра цен мы не видим»²⁸.

Нынешние же цены на газ достаточно низкие. Так, по информации «Интерфакса» за февраль 2017 г. с Сахалинской таможни, цена экспортируемого с «Сахалина-2» СПГ на рынках АТР и, прежде всего, на главном рынке сбыта – в Японии упала до примерно 188 долл. за 1000 м³, или более чем в 3 раза по сравнению с периодом энергетического кризиса в Японии после аварии на АЭС Фукусима²⁹. При этом аналитики ожидают сохранения сравнительно низких цен на СПГ в ближайшие годы.

Кроме того, уровень запросов народного хозяйства КНР на газ и установление конечных цен зависит от объемов его потребления, а также связан с реализацией поэтапной реформы повышения внутренних цен на газ в Китае до мирового уровня, что даст возможность элиминировать эту проблему.

По последним данным, газопровод «Сила Сибири-1» будет введен в эксплуатацию не позднее 2020 г. с постепенным наращиванием объема

²⁵ URL: <http://www.oilcapital.ru/transport/284108.html>

²⁶ URL: <https://ria.ru/economy/20170412/1492056785.html>

²⁷ URL: <http://www.vedomosti.ru/companies/news/20361851/rossiya-nashla-kitayu-gaz#ixzz2nnxNSx7a>

²⁸ URL: <https://ria.ru/economy/20170302/1489083728.html>

²⁹ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3260409>

транспортировки газа, начиная с 5 до 38 млрд м³ по мере готовности компрессорных станций и потребителей газа в Дунбэе.

Китайский участок начинается с китайско-российской границы (город Хэйхе) и заканчивается в Шанхае, пересекая восемь регионов Китая. Протяженность китайского участка составит 3170 км, включая существующий газопровод протяженностью 1800 км. Вдоль китайского участка газопровода построят девять подземных хранилищ газа (ПХГ). Целевым рынком для этого газопровода являются: Пекин, Тяньцзинь, провинция Хэбэй, дельта реки Янцзы и северо-восточные регионы Китая³⁰.

Ожидается, что вышеупомянутое масштабное и долгосрочное соглашение еще теснее свяжет экономики двух стран и принесет участникам целый ряд не только экономических, но и политических выгод.

При этом наиболее важным для дальнего хода реформы газовой промышленности Китая, как и ее сотрудничества с Россией, является реализация поэтапной реформы повышения внутренних цен на газ в Китае до мирового уровня. Здесь от конечных цен на газ у потребителя зависят объемы потребления газа, в том числе и поступление импортного газа из различных источников.

Еще прошедший в ноябре 2013 г. пленум ЦК КПК принял знаковое решение, в котором отмечено, что партия намерена двигаться к «укреплению роли рынка в определении цены на ресурсы». Тем самым подтверждается продолжение курса на дерегулирование экономики, снижение административных барьеров и резкое сокращение сектора регулируемых государством внутренних цен, прежде всего на энергетические ресурсы³¹.

Это решение стало реакцией на заявление трех крупных нефтегазовых компаний Китая (*PetroChina*, *Sinopec* и *China National Offshore*) о необходимости повышения цен на газ из-за быстрого роста потребления газа, высокой стоимости разведки, добычи и транспортировки, а также вследствие определенного давления на китайские компании со стороны иностранных акционеров.

Правительством Китая было принято решение о постепенном повышении внутренних цен на газ до мирового уровня. Параллельно должны быть реализованы решения по резкому сокращению энергоемкости народного хозяйства и снижению экологической нагрузки предприятий. Кроме того, совершенствуются методологии ценообразования на газ, а также отладка механизмов предоставления преференций нефтегазовым компаниям для стимулирования эффективной разработки национальных газовых ресурсов. Все это свидетельствует о выдвигании газовой промышленности как одного из стратегических приоритетов энергетической

³⁰ URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/74783>

³¹ URL: <http://www.finam.ru/analysis/newsitem690A6/default.asp>

политики Китая на современном этапе развития. И Россия может помочь в реализации данной стратегической задачи.

Кроме того, в двух китайских провинциях (Гуандун и Гуанси-Чжуанский автономный район) продолжается пилотный проект либерализации цен на газ. Установленные для двух провинций цены определены по формуле, привязанной к ценам на нефть и углеводородным газам. Потребители в городах провинции Гуандун будут платить за 1000 м³ газа не более 433 долл., а в Гуанси – не более 406 долл.³² И если «Газпром» войдет на рынок распределения газа, то это, естественно, делает китайский рынок более привлекательным (в т.ч. и для России), а позицию Пекина – более гибкой и склонной к конструктивному сотрудничеству.

Принципиально важен для китайско-российского сотрудничества следующий момент. Возникающий в среднесрочной перспективе дефицит газа неравномерно распределен по регионам Китая. Исходя из направлений развития газотранспортной системы в Китае, строительства терминалов по приему СПГ и потенциала роста потребления газа по провинциям Китая, основные потребители российского трубопроводного газа располагаются в Дунбэе и отчасти в Центральном районе. При этом для Дунбэя Китая и объявленной программы модернизации его старой промышленной базы потребуются значительные объемы газа. Внутренних запасов газа будет явно не достаточно, поэтому потребность в импортном газе остается высокой. И здесь российский газ является наиболее конкурентоспособным. Так, по расчетам аналитиков объемы потребления газа в Дунбэе будут расти чрезвычайно высокими темпами, если в 2009 г. потребление газа составило всего 6,2 млрд м³, то в 2020 г. оно вырастет до 50–70 млрд куб. м³³.

Интерес Китая вызывают и современные технологии добычи, переработки и транспортировки газа, которыми владеет ряд зарубежных газовых компаний, в том числе и «Газпром». Это связано с прогрессирующим исчерпанием легкоизвлекаемых запасов газовых ресурсов в Китае, что требует увеличения капиталовложений для перехода на более сложные и дорогостоящие технологии их извлечения. Поэтому Китаем была инициирована подготовка ряда документов об основных направлениях российско-китайского сотрудничества в газовой сфере. Эти договоренности предусматривают не только поставку в Китай российского газа, но и совместную разработку нефтегазовых месторождений в Китае, создание там газотранспортных и газораспределительных систем, строительство и эксплуатацию подземных хранилищ газа, а также взаимодействие в области геологоразведки, добычи, транспортировки и реализации газа. Достигнуто соглаше-

³² URL: <http://www.vedomosti.ru/companies/news/21050951/ft-cena-gaza-gazproma-na-granice-s-kitaem-mozhet-sostavit#ixzz2pdaZzg1z>

³³ URL: <http://pandia.ru/text/78/162/67985-3.php>

ние о координации действий на рынках третьих стран, о формировании совместных предприятий для реализации конкретных проектов и о разработке документов по вопросам стратегического сотрудничества в газовой сфере. Это можно считать продолжением масштабного стратегического партнерства ведущих нефтегазовых корпораций России и Китая.

В этих условиях реализация газа месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока в Китае по льготной цене, на которой настаивает Китай, реальна, но только при условии допуска российских компаний в распределительные активы газовых компаний Китая. Доступ российских поставщиков газа к конечным потребителям в Китае является дополнительным условием, улучшающим эффективность подачи газа по данному направлению. Такой доступ возможен как через совместное российско-китайское предприятие, так и через покупку «Газпромом» активов компаний газораспределительных сетей при условии их приватизации. Окончательное решение в выборе того или иного варианта доступа «Газпрома» остается за государственными властями Китая.

«Газпром» стремится и на китайском направлении реализовать ту стратегию прямого доступа к конечному потребителю, которую он применяет в Европе. С учетом того, что конечные цены на газ у потребителей нередко более чем в 2 раза выше цен продажи газа «Газпромом» газотранспортным компаниям отдельных стран, это резко поднимает эффективность компании, контролирующей газ от производителя до розничного потребителя. На наш взгляд, без реализации этого условия «Газпром» вряд ли пойдет на значительные капиталовложения в масштабный проект создания нового газотранспортного коридора из России в Китай.

Тем не менее, в обозримой перспективе «Газпром» планирует занять устойчивые позиции на рынках Китая и Республики Корея, поставляя газ не только до границ этих стран, но и участвовать во всей цепочке его потребления. А трансконтинентальная газотранспортная система между Китаем и Россией может стать основой будущей Азиатской газотранспортной системы.

Обсуждается вопрос не только о расширении поставок российского газа в Китай, но и об активном участии китайских компаний в освоении газовых месторождений Сибири. Так, например, подписан договор о поставке газа газоконденсатных месторождений полуострова Ямал в сжиженном виде в Китай. Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) имеет через дочернее предприятие 20-процентную долю в проекте «Ямал СПГ» по освоению Южно-Тамбейского газоконденсатного месторождения, включая строительство завода по сжижению природного газа. Инвестиции в проект на стадии планирования оценивались в 1 трлн руб³⁴.

³⁴ URL:<http://www.nakanune.ru/news/2014/5/15/22352839>

Имеются определенные перспективы и для участия китайских компаний в освоении месторождений Восточной Сибири. Эти компании могут участвовать в разработке недр не только на правах миноритариев. Свидетельство тому – успешные примеры сотрудничества «Газпрома» с крупными транснациональными корпорациями, например с немецким союзником «Газпрома», входящим в тройку ведущих газовых предприятий в Европе, – концерном «E.ONSE», на базе обмена активами и создания цепочки от добычи до конечного потребителя. Стратегические проекты этих компаний могут касаться совместного участия в сферах добычи, транспорта и маркетинга газа, а также в электроэнергетике.

Кроме того, известны трудности, с которыми сталкиваются китайские компании при освоении собственных газовых месторождений. И здесь как нельзя кстати будут современные технологии добычи, переработки и транспортировки газа, которыми владеет «Газпром» и другие нефтегазовые компании России.

25 июня 2016 г. «Газпром» и CNPC подписали Меморандум о взаимопонимании в области подземного хранения газа и газовой электрогенерации на территории КНР³⁵.

Заслуживает внимания поступающая информация об активности на газовом рынке Китая и других российских компаний – «Роснефти», «Новатэка» и др.

Из-за монополии «Газпрома» на экспорт газа из России прямой выход на газовый рынок Китая невозможен. Поэтому «Роснефть» вынуждена организовывать сложные, многоходовые комбинации. Так, в конце 2016 г. «Роснефть» заключила договор с китайской компанией Beijing Gas Group Company о сотрудничестве в газовом бизнесе: она ведет переговоры с Beijing Gas Group о поставках газа в Китай с Среднеботуобинского, Верхнечонского или Юрубчено-Тохомского месторождений «Роснефти» в Восточной Сибири³⁶.

Это соглашение гарантирует «Роснефти» доступ к крупнейшему рынку природного газа Китая и замыкает глобальную интегральную цепочку: добыча газа вне России – торговля СПГ на мировом рынке – продажа природного газа на рынке Китая. При этом «глобальные интегральные цепочки» – это особая стратегия развития, которую продвигает «Роснефть». Здесь главной задачей «Роснефти» является создание международных объединений производителей и потребителей энергоносителей. Эти объединения гарантируют инвестиции в развитие производства и сбыт производимой продукции³⁷.

³⁵ URL: <http://topneftegaz.ru/news/view/113089/>

³⁶ URL: <http://www.rbc.ru/business/19/05/2016/573d779f9a79474b61282000>

³⁷ URL: <http://izvestia.ru/news/665144>

В целом, весьма важно, что развитие торговли России с Китаем газом дает возможность нашей стране перейти с уровня регионального поставщика газа (как в Европе) на глобальный мировой рынок, что позволит оказывать существенное влияние на мировой энергетический рынок.

Заключение

В процессе освоения углеводородных ресурсов на территории Китая выяснилось преимущественное наличие природного газа в продуктивных горизонтах нефтегазовых месторождений. В связи с этим в стране происходит настоящая газовая революция, сопровождаемая реализацией весьма капиталоемких проектов в сфере газовой промышленности.

Это, во-первых, массированное вложение средств в геологоразведку, разработку месторождений и широкомасштабное строительство магистральных газопроводов; во-вторых, развитие инфраструктуры регазификации и снабжения сжиженным газом таких сфер, как энергетика, химия и металлургия в южных, восточных и северо-восточных провинциях Китая; в-третьих, активизация участия Китая в разведке и разработке газовых ресурсов по всему миру (в Центральной Азии, Африке, Латинской Америке, Среднем Востоке и, наконец в России) и их транспортировке в КНР, в-четвертых, бурное развитие сферы распределения газа, в частности, сооружение ПХГ и газораспределительных сетей.

В настоящее время собственная добыча газа в Китае уже не покрывает растущие потребности народного хозяйства в газе и в условиях резкого роста потребностей в газе народного хозяйства вкладываются значительные средства в импортоориентированную газотранспортную инфраструктуру и регазификационные мощности, что позволяет обеспечить энергетическую безопасность Китая и максимальную ценовую конкуренцию экспортеров газа.

Все эти шаги ведут к неуклонному росту затрат на доставку газа к конечным потребителям Китая, что требует адекватного повышения конечных цен реализации газа. Правительством Китая уже принято решение о постепенном повышении внутренних цен на газ в направлении мирового уровня. Параллельно должны быть реализованы решения по резкому сокращению энергоемкости народного хозяйства и снижению экологической нагрузки предприятий. Кроме того, совершенствуется методология ценообразования на энергоносители, установление оптимальных соотношений цен на уголь и газ, а также отладка механизмов предоставления преференций нефтегазовым компаниям в целях стимулирования эффективной разработки национальных газовых ресурсов.

Все это свидетельствует о позиционировании газовой промышленности как одного из стратегических приоритетов энергетической политики Китая на современном этапе развития.

Китай проявил заинтересованность в заключении в 2014 году крупнейшей сделки с Россией по обеспечению доставки восточносибирского газа в Китай. Весьма важно для китайско-российского сотрудничества то, что возникающий в среднесрочной перспективе дефицит газа неравномерно распределен по регионам Китая. Исходя из направлений развития газотранспортной системы в Китае, строительства терминалов по приему СПГ, потенциала роста потребления газа по провинциям Китая основные потребители российского трубопроводного газа располагаются в Дунбэе и отчасти в Центральном районе. При этом для Дунбэя и объявленной программы модернизации его старой промышленной базы потребуются значительные объемы газа. И здесь явно внутренних запасов газа будет недостаточно, поэтому потребность в импортном газе достаточно высока. И здесь российский газ является наиболее конкурентоспособным. Так, по расчетам аналитиков, объемы потребления газа в Дунбэе будут расти чрезвычайно высокими темпами, если в 2009 г. потребление газа составило всего 6,2 млрд м³, то в 2020 оно вырастет до 50–70 млрд м³.

Также Китаем была инициирована подготовка ряда документов об основных направлениях российско-китайского сотрудничества в газовой сфере. Эти договоренности предусматривают не только поставку в Китай российского газа, но и совместную разработку нефтегазовых месторождений в Китае, создание там газотранспортных и газораспределительных систем, строительство и эксплуатацию подземных хранилищ газа, а также взаимодействие в области геологоразведки, добычи, транспортировки и реализации газа. Достигнуто соглашение о координации действий на рынках третьих стран, о формировании совместных предприятий для реализации конкретных проектов и о разработке документов по вопросам стратегического сотрудничества в газовой сфере. Это можно считать продолжением масштабного стратегического партнерства ведущих нефтегазовых корпораций России и Китая.

К тому же в обозримой перспективе «Газпром» планирует занять устойчивые позиции на рынке Китая и Республики Корея, поставляя газ не только до границ этих стран, но и участвуя во всей цепочке его распределения. А трансконтинентальная газотранспортная система между Китаем и Россией может стать основой будущей Азиатской газотранспортной системы.

С.Л. САЗОНОВ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КИТАЯ В ОБЛАСТИ ТРАНСПОРТА

Аннотация. Сегодня Дальний Восток РФ является ключевым звеном интеграционных процессов России в АТР, а его динамичное развитие невозможно без объединения транспортных сетей РФ и КНР. Следует реализовывать совместные российско-китайские инфраструктурные проекты, которые определят оптимальные варианты развития приграничного транспортного взаимодействия в складывающейся парадигме евразийской инфраструктурной интеграции. А от возможности присоединения к ней и использования ее синергетического эффекта потенциальную выгоду смогут получить не только РФ и КНР, но и все участники будущего евроазиатского транзитно-транспортного проекта.

Ключевые слова: Россия, Китай, Дальний Восток, транспортные сети, инфраструктурная интеграция, железные и автомобильные дороги, авиация, морской транспорт, порты, пограничные переходы, транзитные перевозки.

Интенсивное использование транспортной инфраструктурной сети, ее расширение и модернизация являются необходимым условием и приоритетным направлением российско-китайского сотрудничества. В документах, подписанных руководителями двух государств, подчеркивается необходимость активно развивать трансграничную транспортную сеть, улучшать условия для транзита китайских грузов. В статье подробно рассматриваются состояние и перспективы сотрудничества РФ и КНР в области железнодорожного, автомобильного, авиационного и водного транспорта включая тему модернизации портов.

Развитие железнодорожного сообщения

Железнодорожный транспорт обслуживает более 75% от общего объема перевозок между двумя странами. В течение прошедших десятилетий в двусторонних железнодорожных перевозках наблюдался серьезный дисбаланс. Объем перевозок из России в КНР превышает 90% общего

объема российско-китайских грузовых железнодорожных перевозок¹. Перевозки из Китая составляют всего около 9% от общего объема грузовых железнодорожных перевозок, а менее 1% приходится на транзит².

Железнодорожная сеть Забайкальского края протяженностью 2,4 тыс. км представлена Забайкальским участком Транссибирской магистрали и Байкало-Амурской магистралью. Забайкальская железная дорога является связующим звеном между центром России и Дальним Востоком, в ее зоне влияния находится основная часть российских экономически развитых районов и приграничные территории КНР, включая провинции Хэйлунцзян и АРВМ. Сегодня увеличиваются прием и передача грузов на основном российско-китайском железнодорожном переходе Забайкальск–Маньчжоули, который в 2016 г. обработал около 30 млн т грузов, или 70% *общего объема российско-китайских железнодорожных перевозок*³. На этом переходе формируется до 60% экспорта РФ в КНР и большая часть транзитного потока из КНР в страны Европы. Первый грузовой поезд из китайского города Сучжоу (пров. Цзянсу) в Европу отправился через Маньчжоули в сентябре 2013 г., а в 2016 г. через КПП Забайкальск–Маньчжоули проходило 25 международных грузовых железнодорожных маршрутов, соединяющих Китай с городами России, Польши, Германии и других европейских стран. В 2016 г. через КПП Забайкальск–Маньчжоули проследовало 1036 международных составов (прирост на 88% по сравнению с 2015 г.), поездами Китай–Европа было перевезено 72 972 стандартных контейнера с грузами общей стоимостью 3,67 млрд долл. (прирост на 52% и 47%, соответственно).

В феврале 2015 г. из Харбина в центральную Россию отправился первый регулярный грузовой состав с оборудованием для нефтедобычи. Конечной целью 6578 км маршрута стала станция Биклянь (Куйбышевская железная дорога, Татарстан), а время в пути составило 10 дней⁴. В октябре 2015 г. из Уханя (пров. Хубэй) через КПП Забайкальск–Маньчжоули начались железнодорожные грузовые перевозки до Москвы. Первый поезд (41 контейнер), загруженный электроникой и компьютерной техникой из Уханя, преодолел расстояние в 9779 км за 12 дней. Во время обратного рейса он был загружен древесиной и пиломатериалами⁵. В феврале 2016 г.

¹ Railway route to be key conduit. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-05/24/content_38525462.htm

² China-Russia freight railway resumes service. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-08/03/content_16868637.htm

³ Комплексная беспошлинная зона в Маньчжоули послужит развитию внешнеэкономического сотрудничества Внутренней Монголии. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2016-12/29/content_40008252.htm

⁴ Cargo train links China's Heilongjiang with Russia. URL: <http://en.people.cn/business/n/2015/0228/c90778-8855248.html>

⁵ China opens cargo train service from central city to Russia. URL: <http://www.ecns.cn/business/2015/10-25/185684.shtml>

из Харбина в Россию отправился грузовой поезд с 47 контейнерами, груженными китайскими товарами стоимостью 10 млн юаней (1,46 млн долл.), т.е. стал постоянно действующим новый 5889-километровый грузовой маршрут между двумя странами через КПП Забайкальск–Маньчжоули по маршруту Харбин (вокзал Сяньфан)–Новосибирск–Екатеринбург–Сортировочный. В дальнейшем маршрут Харбин–Екатеринбург будет продлен до Москвы с остановками в других крупных российских городах, поезд будет отправляться в рейсы в обоих направлениях два раза в неделю. До открытия этого железнодорожного маршрута грузы из Южного Китая в Россию в основном транспортировались по морю через порт Далянь, а на доставку требовалось около 40 дней. Новый маршрут позволяет сократить время транспортировки до 10 дней⁶. 10 ноября 2016 г. грузовой состав с рефрижираторными вагонами впервые отправился из Даляня в Москву. Новый маршрут позволил на 60% сократить время транспортировки грузов между двумя городами по сравнению с прошлыми железнодорожно-морскими перевозками⁷.

9 апреля 2016 г. из порта Инкоу (пров. Ляонин) отправился грузовой поезд, который преодолел более 6,5 тыс. км пути и прибыл на станцию Ховрино в Москве. Благодаря оптимизации процесса транспортировки и сокращению промежуточных звеньев, упрощению таможенных формальностей потребовалось всего 10 дней, чтобы доставить грузы из порта Инкоу в Москву⁸. В ноябре 2016 г. Yingkou Port Group Corporation приобрела 49% акций международного логистического терминала Белый Раст в Москве, принадлежавшего ОАО «РЖД», который является транспортным узлом для ежедневной обработки свыше 20 контейнерных поездов, обеспечивающих перевозку грузов между КНР и странами Европы. Обе компании договорились инвестировать 18 млрд руб. (283 млн долл.) для превращения этого логистического терминала в крупнейший центр по сбору и обработке контейнерных грузов в Москве, который будет способствовать увеличению грузопотока между КНР, РФ и странами Европы. В июле 2016 г. пилотный грузовой состав вышел из Наньцзина (пров. Цзянсу) и через 15 дней прибыл в Москву. Запланировано, что с 2017 г. по этому маршруту раз в неделю поезд будет перевозить в столицу РФ товары, произведенные в провинциях, примыкающих к дельте р. Янцзы. В августе 2016 г. был открыт новый маршрут грузовых перевозок между г. Иу (пров. Чжэцзян) и российским Челябинском. Поезд Х8024 преодолел 7,2 тыс. км между двумя городами за 8 дней, в то время как время прохо-

⁶ Открыт новый железнодорожный грузовой маршрут между Китаем и Россией. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2016-02/27/content_37888224.htm

⁷ China's first refrigerated container train leaves for Moscow. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201608/09/t20160809_14643666.shtml

⁸ Грузы из порта Инкоу в Москву теперь доставляются по железной дороге всего за 10 дней. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2016-04/10/content_38212093.htm

ждения по морскому пути между Иу и Челябинском составляло 35 дней⁹. Планируется, что этот маршрут будет продлен до Москвы¹⁰. 28 сентября 2016 г. первый грузовой состав с электроникой и продукцией легкой промышленности вышел из Гуанчжоу и через 14 дней, преодолев расстояние в 11,5 тыс. км, прибыл на станцию Ворсино в Калужской области, где недавно был введен в эксплуатацию логистический центр, способный ежегодно обрабатывать 350 тыс. контейнеров¹¹. В октябре 2016 г. в Екатеринбург прибыл первый регулярный грузовой поезд из Шэньяна¹², который через КПП Забайкальск–Маньчжоули доставил в 50 контейнерах строительное и телекоммуникационное оборудование. Время в пути из Шэньяна до конечного пункта Екатеринбург–Сортировочный составило 10 дней.

Важная роль в вопросах транспортного взаимодействия с Китаем принадлежит Дальневосточной железной дороге (ДВЖД), являющейся замыкающим звеном Транссиба. Общая протяженность ДВЖД составляет 7,5 тыс. км, на ней находится более 350 станций, она представляет собой опорную транспортную сеть и является важным элементом общей инфраструктуры Дальнего Востока РФ. ДВЖД дает выход грузам к крупным морским портам Ванино, Находка, Владивосток, Посьет, Зарубино, а также трем пограничным железнодорожным пунктам пропуска с КНР и КНДР: Гродеково–Суйфэньхэ, Махалино–Хуньчунь (Приморский край) и Хасан–Туманган. Устойчивый рост российско-китайского товарообмена сказывается на увеличении объема железнодорожных грузоперевозок через пограничный переход Гродеково–Суйфэньхэ, на который в 2016 г. приходилась *треть российско-китайских железнодорожных перевозок и 80% всего грузооборота между провинцией Хэйлуцзян и РФ*. В 2015 г. объем грузоперевозок через КПП составил более 7 млн т. Объем перевозки транзитных грузов через КПП пока невелик – в 2016 г. через железнодорожный пограничный переход было перевезено около 2,9 тыс. транзитных контейнеров¹³. Харбинская железная дорога и ДВЖД договорились о дальнейшем развитии транзита контейнерных грузов через пограничный переход Гродеково–Суйфэньхэ. В период 2015–2016 гг. продолжались работы по усилению мощностей пограничного железнодорожного узла

⁹ В 2015 г. объем внешней торговли Иу с РФ составил 507,4 млн долл. Ежедневно из Иу в Россию приходило 23 тыс. посылок, а почти половина приходилась на посылки, заказанные по электронной почте.

¹⁰ China-Europe freight train adds new route to Russia's Chelyabinsk. URL: http://www.china.org.cn/china/Off_the_Wire/2016-08/13/content_39086195.htm

¹¹ Guangzhou launches China-Europe cargo train service to Russia. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201608/28/t20160828_15311267.shtml

¹² Шэньян является местом сбора товаров из различных портов КНР (Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Сямэнь, Нинбо-Чжоушань, Шанхай, Тяньцзинь, Циндао), которые поступают в Шэньян через морской порт Инкоу.

¹³ Коридоры к морю. Транзитные контейнеры из китайских провинций переключают на приморские порты. URL: <http://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1362712&archive=20> (дата обращения: 26.01.2017).

Суйфэньхэ с тем, чтобы КПП мог бы ежегодно беспрепятственно пропускать более 30 млн т грузов¹⁴. В ноябре 2016 г. на железнодорожной станции Суйфэньхэ была завершена модернизация грузового терминала, что позволило значительно увеличить возможности международных комбинированных перевозок. Благодаря модернизации погрузочно-разгрузочные мощности станции выросли в 5 раз¹⁵.

Правительство РФ в настоящее время реализует проект «Приморье-1»¹⁶, направленный на развитие транспортного сообщения между Приморьем и Северо-Восточным Китаем (СВК). В декабре 2013 г. через КПП Гродеково–Суйфэньхэ прошел демонстрационный транзитный контейнерный состав из Китая, состоящий из 40 вагонов: через 11 часов он прибыл в порт Восточный, откуда контейнеры были отправлены в южные порты КНР и в Республику Корея (РК). Этот транспортный коридор выступает альтернативой маршруту через порт Далянь, который сегодня заметно перегружен. 30 ноября 2016 г. контейнерный поезд с 484 т соевых бобов из провинции Хэйлуцзян отправился через КПП Суйфэньхэ в порт Восточный, откуда груз морским путем был доставлен в Шанхай. Прохождение этого маршрута заняло 15 дней. Открытие новой транзитной линии позволило не только сэкономить время на транспортировку сельскохозяйственной продукции с севера на юг страны, но и снизить себестоимость перевозки¹⁷.

Непосредственно с Китаем Россия связана примыкающей к Транссибирской магистрали Харбинской железной дороге (ХЖД), которая ранее называлась Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). В период строительства Транссибирской магистрали КВЖД была ее прямым продолжением на территории Маньчжурии и в течение нескольких десятилетий – непосредственной частью Транссиба. ХЖД проходит по СВК по маршруту Маньчжоули–Хайлар–Цицикар–Харбин–Муданьцзян–Суйфэньхэ, от которого отходит сеть железных дорог, соединяющих ХЖД с городами провинции Хэйлуцзян у российско-китайской границы. Однако все эти дороги не имеют прямого выхода на территорию России из-за отсутствия мостов через реки Амур (Хэйлуцзян) и Уссури. ХЖД связана с разветвленной сетью дорог внутри самого Китая и железными дорогами КНДР через КПП Ляньгун–Синьчжу (пров. Ляонин) и с планируемой для восстановления Транскорейской магистралью через Тумэньцзян (пров. Цзилинь).

¹⁴ Heilongjiang on the road to transformation. URL: http://www.china.org.cn/opinion/2017-01/26/content_40185463_2.htm

¹⁵ На станции «Суйфэньхэ» завершили модернизацию грузового терминала. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2016-10/25/content_39563613.htm

¹⁶ МТК «Приморье-1» связывает приграничный китайский город Суйфэньхэ, станцию Гродеково, Пограничный район Приморья и порты на востоке края. По этому коридору грузы из СВК кратчайшим маршрутом через российские порты на востоке Приморья экспортируются из страны АТР.

¹⁷ Китайская провинция Хэйлуцзян начала поставлять сельскохозяйственную продукцию на юг страны через территорию России. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2016-11/30/content_39817384.htm

В 2015 г. Китайская железнодорожная корпорация при участии властей северо-восточных провинций и АРВМ разработало «План создания сети железных дорог СВК в направлении РФ» общей протяженностью в 1,5 тыс. км. Эта сеть железных дорог будет играть роль своеобразного моста, связующего северо-восточные провинции Китая с ДФО РФ. План строительства железных дорог предусматривает: прокладку 640 км пассажирской железной дороги Цицикар–Маньчжоули; реконструкцию 138,8 км железной дороги Суйфэньхэ–Муданьцзян; строительство 85 км магистрали Гулянь–Логухэ; строительство мостов в Тунцзяне общей протяженностью 33 км; расширение и реконструкцию 180 км железной дороги Фулитунь–Тунцзян; строительство 97 км железной дороги Танванхэ–Цзяин и 50 км участка Хэбэй–Миншань; прокладку 324 км железной дороги Ханьцзяюаньцзы–Хумадо–Хэйхэ¹⁸. В 2015 г. правительство провинции Хэйлунцзян разработало программу строительства 160 объектов железнодорожной транспортной инфраструктуры на период до 2020 г.¹⁹ Первая в СВК высокоскоростная железная дорога (ВСЖД) Дандун–Далянь, проходящая вдоль морского побережья, в 2015 г. ознаменовала открытие движения по железнодорожному коридору на востоке СВК протяженностью 1,3 тыс. км. ВСЖД построена как важная составляющая железнодорожного коридора на востоке СВК и вместе с ВСЖД Шэньян–Дандун и Харбин–Далянь входит в костяк железнодорожной сети, охватывающей центральную и южную части пров. Ляонин. В 2016 г. продолжалась электрификация ветки Харбин–Маньчжоули, проводились работы по соединению железной дорогой пограничных городов Дуннин, Суйфэньхэ, Тунцзян и Хэйхэ²⁰. 1 ноября 2016 г. был сдан в эксплуатацию первый электрифицированный участок имеющей более чем 100-летнюю историю железнодорожной магистрали Харбин–Маньчжоули²¹. Этот участок, протяженностью 282 км, связывает Харбин с Цицикаром, проектная скорость движения поездов по нему составляет 160 км/ч.

В 2015 г. глава провинции Цзилинь Цзян Чаолян выступил с предложением о строительстве ВСЖД Хуньчунь–Владивосток. Хуньчунь расположен всего в 180 км от Владивостока, ежедневно более 1 тыс. россиян проезжали через г. Хуньчунь, однако на машине поездка в один конец занимала 5 часов. Строительство ВСЖД позволит не только стимулировать развитие туристических и торговых отношений провинции Цзилинь и ДФО РФ, но и активизировать сотрудничество китайской провинции со

¹⁸ Northeast poised to rejuvenate. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201603/24/t20160324_9772395.shtml

¹⁹ Li Nan. More Westbound Cross-border Trains. URL: http://www.bjreview.com.cn/World/201701/t20170106_800084780.html

²⁰ Строительство экономического пояса Шелкового пути способствует развитию инфраструктуры на Дальнем Востоке. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2016/0127/c31518-8841909.html>

²¹ Железная дорога Харбин–Маньчжоули была официально введена в эксплуатацию в 1903 г. и является одной из первых, построенных в Китае железнодорожных магистралей. Ее протяженность составляет 934,8 км.

странами Северо-Восточной Азии. В 2016 г. руководство провинции Цзилинь заявило о намерениях в течение ближайших трех лет запустить международный железнодорожный маршрут, связывающий Чанчунь, Улан-Батор и ряд крупных российских городов. Чтобы справиться с растущим грузопотоком, в 2016 г. власти провинции Цзилинь активно проводили реконструкцию и расширение железнодорожного КПП Хуньчунь. В 2013 г. после двенадцати лет бездействия российской стороны были восстановлены незначительные грузовые перевозки по 100 км железной дороге Махалино–Камышевая–Хуньчунь (юг Приморского края РФ, МТК «Приморье-2»²²). В 2014 г. начались регулярные перевозки угля по этой дороге, и в 2016 г. по ней было перевезено 2 млн т грузов, из которых более 1 млн т пришлось на перевозки угля²³. Магистраль Махалино–Камышевая–Хуньчунь обладает огромным преимуществом: это единственный железнодорожный путь между провинцией Цзилинь и Приморским краем, имеющим выходы к Японскому морю. Магистраль позволяет осуществлять транзит грузов из Китая через порт Зарубино в Японию, РК и другие страны АТР.

Что касается пограничного перехода Хасан–Туманган, то объемы перевозок здесь пока не велики, а планы восстановления КПП связаны с реализацией проекта транспортировки угля по 54-километровой железнодорожной магистрали Хасан–порт Раджин (КНДР) для последующей отправки в соседний южнокорейский порт Пхохан. Развитие проекта позволит улучшить отношения между РК и КНДР, ускорить процесс объединения двух частей Корейского полуострова и в будущем обеспечить загрузку Транссиба товарами из РК, КНР и других стран АТР.

Планы дальнейшего развития российско-китайской интеграции в области железнодорожного транспорта наталкиваются на серьезные инфраструктурные ограничения. На всем протяжении государственной границы между КНР и РФ протяженностью 4,3 тыс. км пока что реально задействованы лишь два построенных более 100 лет назад железнодорожных переходов. Это – Забайкальск–Маньчжоули и Гродеково–Суйфэнхэ, расстояние между которыми составляет 3,2 тыс. км. Поэтому план по созданию дополнительного круглогодичного мостового перехода через реку Амур (Хэйлунцзян) уже давно стал актуальной задачей. Воплощение идеи строительства перехода сегодня связано с территорией ЕАО. В 2014 г. началось строительство моста Нижнеленинское–Тунцзян протяженностью 2,215 км, из них – 1,9 км на китайской стороне. Он протянется от Северного железнодорожного вокзала г. Тунцзян, соединится с железнодорожной веткой

²² МТК «Приморье-2» проектировался для связи портов юго-запада Приморья (Посъет, Зарубино и Славянка) с СВК. Это позволяет быстрее доставлять грузы из северо-восточных в юго-восточные провинции КНР и в страны АТР.

²³ В 2016 году по китайско-российской железной дороге Хуньчунь – Махалино в Китай ввезено более 2 млн тонн грузов. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2017-02/03/content_40215622.htm

Нижнеленинское–Биробиджан и далее с ДВЖД. Максимальная скорость движения поездов по мосту составит 100 км/час²⁴. В мае 2016 г. было полностью завершено строительство китайской части моста²⁵, однако даже в конце 2016 г. российская сторона не достроила свой участок.

Получают развитие железнодорожные перевозки из КНР в РФ через территорию Монголии. В 2016 г. в Автономном районе Внутренней Монголии (АРВМ) были построены две железные дороги, берущие начало в городах Фусинь (Ляонин) и Тунляо (АРВМ) и заканчивающиеся в одной конечной точке – КПП Эрэн-Хото, грузооборот которого в 2016 г. составил 15 млн т²⁶. Две новые железные дороги заметно увеличили грузооборот континентальной железнодорожной магистрали Пекин–Эрэн-Хото–Замын-Удд–Улан-Батор–Наушки–Улан-Удэ–Иркутск, которая с 2016 г. вошла в фазу активной эксплуатации по западному маршруту на территории Монголии и РФ. Грузовые составы преодолевают 7,858 км до Иркутска за 132 часа (33 остановки), а для возвращения в Пекин поездка занимает 13 дней²⁷. Для наращивания объемов перевозок из РФ в КНР и в обратном направлении через территорию Монголии рассматриваются следующие проекты. На центральном направлении – электрификация и строительство вторых путей на 1,1 тыс. км участке Сухэ-Батор–Сайншанд–Замын-Удд. На северном направлении – строительство 545 км железнодорожного пути Эрдэнэт–Овоот, строительство 215 км ветки Овоот–Арц Суурь с возможностью выхода на территорию РФ и стыковки с железной дорогой Кызыл–Курагино. На западном маршруте – модернизация железнодорожной магистрали для развития транзитных перевозок из РФ в направлении КНР, Пакистана и Индии. На восточном направлении – модернизация 239 км железнодорожного участка Чойбалсан–Эрцэнав с перспективой развития транзита в направлении Хут–Бичигт²⁸. На основе решений, принятых на полях саммита ШОС в Уфе (июль 2015 г.), в 2016 г. была разработана «Программа строительства экономического коридора «Россия–Китай–Монголия», которая ориентирована на сопряжение инициатив ЭПШП (Китай), ЕАЭС (Россия) и «Степной путь» (Монголия) и будет стимулировать объединение российских и китайских железнодорожных магистралей с сетью железных и автомобильных дорог Монголии.

²⁴ China-Russia cross-border railway bridge under construction. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-02/26/c_133145379.htm

²⁵ China-Russia railway bridge nears completion. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-05/17/content_38473356.htm

²⁶ *Yao Jing* (*China Daily*). President promotes economic upgrade. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2014xivisitmongolia/2016-08/23/content_18473253.htm

²⁷ China-Mongolia-Russia train route completes trial. URL: <http://www.ecns.cn/cns-wire/2016/03-18/54653.shtml>

²⁸ Дондоков З.Б., Борисов Г.О., Намжилова В.О. Россия–Монголия–Китай: перспективы трехстороннего сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С. 97; China expands economic corridor with Mongolia, Russia. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-07/13/content_26076253.htm

Совместные автомобильные перевозки

Вторым по значимости в приграничном взаимодействии можно считать автомобильный транспорт, который является удобным и массовым. В 2016 г. объем перевозок грузов автомобильным транспортом между РФ и КНР превысил 2 млн т, что составило незначительную часть в сравнении с общим объемом грузоперевозок между Россией и Китаем²⁹. Основная причина заключается в неразвитости автодорожной сети ДФО РФ. Плотность сети автомобильных дорог с твердым покрытием в приграничных регионах России мала и составляет 6,6 км на 1 тыс. кв. км, что существенно ниже аналогичного показателя по РФ в целом – 31,7 км на 1 тыс. кв. км³⁰. Техническое состояние автодорожной сети очень низкое, значительная часть дорог, построенных в 1980-х годах, не реконструировалась, поэтому пропускная способность транспортной сети и ее параметры не соответствуют современным требованиям по скорости, нагрузкам и безопасности движения. Некоторые автомобильные дороги не имеют альтернативного маршрута, не завершено формирование опорной сети федеральных автомобильных дорог. Резко проявляется дефицит пропускной способности дорожной сети на подходах к приграничным транспортным узлам и морским портам. Наряду с КПП, немаловажным звеном транспортной цепи являются дороги от магистральных железнодорожных и федеральных автомобильных трасс до государственной границы. Необходима первоочередная модернизация автомобильных дорог, ведущих к КПП Пограничный–Суйфэньхэ, Полтавка–Дуннин, Краскино–Хуньчунь и Благовещенск–Хэйхэ. В то же время китайской стороной в последние годы были построены новые современные высокоскоростные автомобильные магистрали, налажено сквозное сообщение через всю территорию Китая с юга на север – от Сянгана до Тунцзяня и Хэйхэ. В СВК открыты скоростные автомагистрали Далянь–Хэйхэ, Маньчжоули–Суйфэньхэ, Муданьцзян–Хуньчунь, которые напрямую связывают города СВК с российскими КПП Благовещенск, Забайкальск, Гродеково и Краскино. В 2014 г. было открыто автомобильное движение по полностью реконструированной скоростной автомагистрали Чанчунь–Хуньчунь. Новая скоростная автомагистраль, реконструкция которой обошлась в 3,5 млрд юаней (около 500 млн долл.), позволила значительно улучшить логистическую обстановку в Хуньчуне – «воротами» СВК для экспорта товаров в Россию и КНДР. Введение в эксплуатацию новой китайской автомобильной магистрали и реконструкция маршрута Хуньчунь–Краскино–Славянка способствовало увеличению в 2014 г. объема грузооборота между двумя соседними приграничными городами на 25%, стоимость которого составила 500 млн долл.³¹. Сегодня через

²⁹ В 2012 г. общий объем грузовых перевозок автомобильным транспортом между РФ и КНР составил 1,57 млн т, в 2013 г. – 1,64 млн т, в 2014 г. – 1,7 млн т, в 2015 г. – 2 млн т.

³⁰ *Ишаев В.И.* Регион надежды // Россия в АТР. 2014. № 3 (24). Сентябрь. С. 11.

³¹ Отмечен значительный рост торговли между северо-восточным китайским городом Хунчунь и Россией. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8127619.html>

Харбин проходит более 300 дорог, связывающих его с другими населенными пунктами в пределах и за пределами провинции Хэйлунцзян.

В 2015 г. правительства Забайкальского края и АРВМ подписали Протокол о сотрудничестве по строительству железных и автомобильных дорог на приграничных территориях и развитию инфраструктуры пунктов пропуска. Эти направления включают строительство железной дороги Хайлар–Приаргунск через пограничный КПП Хэйшаньтоу–Староцурухайтуй и дорогу Мордагэ–Шивэй–Олочи, проведение реконструкции автомобильных дорог Староцурухайтуй–Приаргунск–Борзя и Лабудалинь–Хэйшаньтоу. Принято решение о переводе КПП Староцурухайтуй–Хэйшаньтоу на 7-дневную рабочую неделю, увеличение количества рейсов по маршруту Лабудалинь–Приаргунск до одного в день, изменение статуса КПП Олочи–Шивэй с грузового на пассажирский и введение 24-часового рабочего дня для таможи. В Приаргунском районе Забайкальского края планируется строительство приграничной торговой зоны³². Китайская сторона запланировала на период 2013–2018 гг. большой объем работ по строительству и реконструкции автомобильных дорог СВК, которые тесно связаны с сетью автодорог на территории Китая и могут быть использованы для транспортировки грузов между территориями РФ и КНР. На китайской территории запланировано строительство скоростной магистрали Маньчжоули–Дацин, которая свяжет крупный промышленный центр по нефтедобыче и нефтепереработке Дацин (пров. Хэйлунцзян) с пограничным переходом Маньчжоули (АРВМ), и автодороги Дуннин–Муданьцзян (пров. Хэйлунцзян), которая станет частью скоростной автодороги Суйфэньхэ–Маньчжоули. Кроме того, китайской стороной намечено строительство автомобильной дороги от автомобильного КПП Хуньчунь до автодороги Хуньчунь–Тумэнь, выходящей на скоростную магистраль Хуньчунь–Чанчунь. Планами предусмотрена прокладка автомобильной дороги от КПП Логухэ до Мохэ (пров. Хэйлунцзян), реконструкция автодороги № 301 Маньчжоули–Хулунбуир (АРВМ) и шоссе Хэйшаньтоу–Лабудалинь (АРВМ)³³. В результате реализации совместных планов на российско-китайской границе должны появиться четыре автомобильных перехода мощностью 4–6 млн т в год каждый³⁴.

Строительство высокоскоростного автодорожного моста протяженностью 19,9 км через реку Амур (Хэйлунцзян), соединяющего Благовещенск и Хэйхэ, началось в Амурской области в конце декабря 2016 г. Проект обойдется примерно в 2,47 млрд юаней (355,6 млн долл.), планируется подвести 11 км подъездных путей, а мост будет сдан в эксплуатацию в

³² Китай делает акцент на сотрудничестве с Россией. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-04/01/content_38160779.htm

³³ Китайско-российское ЭКСПО : когда заработает транспортная артерия Хабаровск – Харбин? URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-07/04/content_32857856.htm

³⁴ China's largest land port to expand capacity. URL: <http://www.ecns.cn/business/2016/03-23/204021.shtml>

октябре 2019 г.³⁵ Ожидается, что с 2020 г. ежегодная пропускная способность нового автомобильного моста составит 3 млн т грузов и более 3 млн пассажиров³⁶. Сегодня транспортное сообщение между двумя городами осуществляется 16 судами на воздушной подушке, действует временная понтонная переправа. 8 ноября 2016 г. на КПП Хэйхэ был сдан в эксплуатацию новый терминал пограничного и таможенного досмотра. Новый терминал включает шесть коридоров для прохождения границы, занимает площадь в 4879 м² и позволяет увеличить годовой пассажирооборот китайского КПП с 2 до 3 млн человек³⁷.

Для ослабления нагрузки на железнодорожные магистрали Монголии в 2015 г. китайские компании приступили к строительству 124-километрового скоростного шоссе от приграничного пункта Замын-Удд до провинциальной столицы Западного Гоби г. Саиншанд³⁸. С окончанием строительства шоссе будет открыто движение по всем 660 км автомобильной магистрали от монгольской столицы Улан-Батор до приграничного пункта Эрэн-Хото на китайско-монгольской границе. Новая магистраль позволит не только повысить пропускную способность КПП Эрэн-Хото–Замын-Удд, но и объединить автомобильные магистрали КНР, Монголии и России. В сентябре 2016 г. из ГЧАР через г. Тяньцзинь был открыт новый автомобильный маршрут в РФ через территорию Монголии, который на 2/3 сократил этот путь (до 3-х дней) и снизил на 10% себестоимость транспортировки грузов по сравнению с перевозками железнодорожным транспортом. Раньше для въезда на территорию РФ через КПП Суйфэньхэ–Гродеково железнодорожным составам приходилось преодолевать лишние 1 тыс. км. С введением в эксплуатацию нового автомобильного маршрута появилась возможность альтернативных железнодорожным автомобильных прямых перевозок из Тяньцзиня в Улан-Батор (Монголия) и Улан-Удэ (РФ)³⁹.

Трансграничная авиационная инфраструктура

В Программе сотрудничества на 2009–2018 гг. ключевыми международными аэропортами для развития СВК были определены воздушные гавани городов Харбин, Шэньян, Чанчунь и Хух-Хото. Для ДФО РФ – Петропавловск-Камчатский, Хабаровск, Владивосток, Иркутск, Якутск.

³⁵ Highway bridge linking N China, Russia to start construction. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-12/22/content_27746376.htm

³⁶ Highway bridge to link China, Russia. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-12/24/content_39978318.htm

³⁷ Объем импорта зерна через КПП между Китаем и Россией достиг 200 тыс. тонн. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-01/17/content_40121656.htm

³⁸ Юй Чжочао. Китайско-монгольские отношения переживают лучший период за всю историю // Россия и Китай. 2016. № 15. С. 26.

³⁹ Zhang Min. (Chinadaily.com.cn). New Tianjin road cuts transportation time, cost to Mongolia, Russia. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-09/28/content_26922236.htm

В рамках программы российская сторона также приступила к реконструкции аэропортов Читы, Краснокаменска и Благовещенска, намечены планы строительства аэропорта в Забайкальске. Китайская сторона начала работы по строительству аэропортов в городах Чанхай (пров. Ляонин), Суйфэньхэ, Фуюань, Удаляньчи, Ябули (пров. Хэйлуцзян), стала осуществлять комплексную реконструкцию и удлинение взлетно-посадочных полос в городах Хух-Хото, Харбин, Шэньян, Далянь, Чанчунь⁴⁰. Провинциальные власти также приступили к строительству аэропортов в ряде городов СВК, которые прежде не имели своих аэродромов, – Байшань, Тунхуа и Байчэн (пров. Цзилинь), Мохэ и Дацин (пров. Хэйлуцзян)⁴¹. В 2016 г. в Суйфэньхэ началось строительство аэропорта, который будет оборудован курсо-глиссадной системой захода на посадку и располагать шестью стоянками для самолетов категории С, что позволит принимать такие пассажирские авиалайнеры, как Boeing 737 и Airbus A320. Аэропорт сможет ежегодно принимать 450 тыс. пассажиров и обрабатывать 3,6 тыс. т грузов⁴². Международный аэропорт Харбина «Тайпин» определен китайским правительством в качестве ведущего аэропорта по развитию авиационного сообщения с Россией. По количеству авиационных маршрутов в РФ Харбин занимает 1-е место среди всех аэропортов СВК⁴³. В 2013 г. из Харбина было открыто 11 новых авиационных маршрутов в российские города Хабаровск, Владивосток, Якутск, Южно-Сахалинск, Благовещенск, Челябинск, Иркутск⁴⁴. В 2014 г. из Харбина был открыт международный чартерный рейс Харбин–Москва транзитом через казахстанский город Актобе, а с 2015 г. активизировались смешанные пассажирские и грузовые перевозки по маршрутам Харбин–Новосибирск, Харбин–Красноярск и Харбин–Екатеринбург–Москва. За два года общая стоимость грузов, перевезенных чартерными авиарейсами по маршруту Харбин–Екатеринбург–Москва, превысила 400 млн долл., среднее время доставки посылок в Россию сократилось с двух месяцев до семи дней, объем грузооборота составил 30% от общего количества посылок, которые отправляют в Россию китайские коммерсанты⁴⁵. В апреле 2016 г. авиакомпания «Уральские авиалинии» открыла новый рейс между Харбином и

⁴⁰ China Air Transport and Airport Industry Report, 2013–2016. URL: <http://www.researchinchina.com/Htmls/Report/2014/6810.html>

⁴¹ News Analysis: Chinese president's Russia visit yields concrete results. URL: http://www.china.org.cn/world/Off_the_Wire/2013-03/25/content_28343613.htm

⁴² В г. Суйфэньхэ на границе Китая с Россией будет построен аэропорт. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-10/17/content_39499552.htm

⁴³ Харбин выделил субсидии для поддержки развития авиагрузовых перевозок с Россией. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-04/22/content_28620217.htm

⁴⁴ Gao Qihui (China Daily). Harbin seeks to promote economic ties with Russia. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-04/15/content_17434407.htm

⁴⁵ Провинция Хэйлуцзян воспользуется стратегией «Пояс и Путь», чтобы подтолкнуть торговлю и экономику между Китаем и Россией к модернизации и вывести на новый уровень. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-03/08/content_37966311.htm

Санкт-Петербургом с транзитной посадкой в Екатеринбурге. Новый рейс выполняется самолетом Airbus A320 раз в неделю. Открытие рейса расширит географию международных полетов из аэропорта Харбина, откуда сегодня еженедельно совершаются 20 рейсов в города России⁴⁶. В период 13-й пятилетки городские власти Харбина намерены создать «Международный воздушный Шелковый путь» в Россию⁴⁷. Муниципальные власти Харбина планируют расширить российско-китайские грузоперевозки в страны СВА и Северной Америки и готовы ввести льготное налогообложение с целью привлечения в аэропорт Харбина российских, иностранных авиакомпаний и логистических операторов⁴⁸. С 2016 г. китайская бюджетная авиакомпания Juneyao Airlines начала выполнять полеты по маршруту Шанхай–Иркутск. Рейсы выполняются магистральными самолетами Airbus A-320 три раза в неделю. Juneyao Airlines – бюджетная китайская авиакомпания, которая базируется в двух аэропортах Шанхая – Пудун (Pudong) и Хунцяо (Hongqiao) и специализируется на авиaperевозках внутри Китая и между Россией и странами ЮВА. В апреле 2016 г. самолеты авиакомпании «Якутия» начали выполнять рейсы между Хабаровском и китайским городом Фуюань⁴⁹. В апреле 2016 г. авиакомпания «Уральские авиалинии» открыла новый маршрут между Харбином и Санкт-Петербургом. Рейсы выполняются самолетом Airbus A320 с транзитной посадкой в Екатеринбурге. Открытие нового маршрута расширило географию международных полетов из аэропорта Харбина, откуда в 2016 г. еженедельно совершались 20 рейсов в города России⁵⁰. В 2016 г. авиакомпания Tianjin Airlines начала выполнять полеты по маршруту Тяньцзинь–Москва и планирует расширить маршрутную сеть за счет открытия рейсов в Иркутск и Улан-Батор⁵¹. В 2015 г. Главное управление гражданской авиации Китая и правительство Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) подписали протокол о развитии местной авиации, который предусматривает создание международного авиационного узла в аэропорту Урумчи (СУАР). Было запланировано провести реконструкцию международного аэропорта Урумчи «Дивопу», построить вторую взлетно-посадочную полосу, обновить терминал и вспомогательные сооружения. В результате реконструкции аэропорт Урумчи может превратиться в

⁴⁶ Открыт регулярный рейс Харбин – Санкт-Петербург. URL: http://ru.ce.cn/economy/201604/20/t20160420_2381513.shtml

⁴⁷ «Воздушный шелковый путь» – китайско-российский воздушный коридор для грузоперевозок. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-04/12/content_28524281.htm

⁴⁸ China builds on border trade. URL: http://www.china.org.cn/china/NPC_CPPCC_2013/2013-03/04/content_28119332_3.htm

⁴⁹ Sukhoi Superjet 100 совершил первый рейс из Хабаровска в Китай. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0413/c31519-9043620.html>

⁵⁰ Открыт регулярный рейс Харбин – Санкт-Петербург. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2016-04/19/content_38281087.htm

⁵¹ Лайнер А-330 авиакомпании Tianjin Airlines будет выполнять рейс Тяньцзинь–Москва. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2016-04/07/content_38188653.htm

авиационный транзитный узел на маршруте Азия–Европа, а европейцам и россиянам из европейской части РФ больше не надо будет делать пересадку в аэропорту Пекина⁵², чтобы добраться до популярных южных курортов КНР Санья и Гуанчжоу. В 2016 г. в воздушной гавани Урумчи действовало 33 китайских и иностранных перевозчика, из аэропорта осуществлялись полеты в 100 китайских и зарубежных городов. Руководство СУАР рассчитывает, что пассажиропоток в воздушной гавани Урумчи возрастет с 20 млн в 2016 г. до 30 млн человек в 2020 г.⁵³ В 2017 г. в СУАР будут построены и сданы в эксплуатацию аэропорты в городах Корла и Хэтянь, в уездах Шачэ и Жоцянь (Чарклык) и расширены еще пять аэропортов. Кроме того, в автономном районе идут подготовительные работы к строительству еще семи новых аэропортов⁵⁴. В начале 2017 г. в СУАР действовало 18 аэропортов – по этому показателю Автономный район лидирует среди всех административных единиц провинциального уровня Китая⁵⁵. В 2014 г. через СУАР проходило 45 авиационных маршрутов, из которых 15 международных авиалиний приходилось на крупнейшую китайскую авиакомпанию China Southern Airlines⁵⁶. Маршруты авиакомпании охватывали все страны Центральной и Западной Азии, а самыми протяженными перелетами стали авиарейсы до Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург–Урумчи–Ланьчжоу), Москвы, Новосибирска и Стамбула⁵⁷. В 2016 г. руководство авиакомпании открыло в СУАР еще 15 международных маршрутов, а государственное управление гражданской авиации Китая объявило о выдаче лицензии местной авиакомпании Urumqi Air, в планы которой входит организация прямых авиарейсов в регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока РФ⁵⁸.

С целью развития российского направления местные власти АРВМ при помощи инвестиций авиакомпании Air China в 2015 г. учредили свою

⁵² В 2017 г. из аэропорта Шереметьево воздушные суда Аэрофлота ежедневно совершали 2 рейса в Пекин, 2 – в Шанхай и 1 рейс в Сянган. В Гуанчжоу совершалось 11 рейсов в неделю (Zhao Tingting (Chinadaily). China one of top markets: Aeroflot. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/business/2017-01/20/content_28012756.htm)

⁵³ Urumqi airport sees record number of travelers. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-12/29/content_27815479.htm

⁵⁴ Xinjiang to build 9 new airports in 2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-01/16/content_27966521.htm

⁵⁵ В Синьцзяне в 2017 году будет построено девять новых аэропортов. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2017-01/16/content_40113028.htm

⁵⁶ Xinjiang establishes first airline. URL: http://www.china.org.cn/china/2014-08/29/content_33373083.htm

⁵⁷ China Southern Airlines и China Eastern Airlines признаны одними из самых динамично развивающихся авиакомпаний на рынке Санкт-Петербурга. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0126/c31518-9171910.html>

⁵⁸ Xinjiang establishes first airline. URL: http://www.china.org.cn/china/2016-08/29/content_33373083.htm

региональную авиакомпанию Inner Mongolia Airlines⁵⁹. В августе 2016 г. международный аэропорт г. Ордос (АРВМ) открыл новый авиационный маршрут в Иркутск. Полеты совершаются дважды в неделю, а время в пути составляет 2,5 часа⁶⁰. Для расширения приграничного сотрудничества с РФ в области развития гражданской авиации в 2015 г. правительство провинции Хэйлунцзян приняло решение о строительстве в Суйфэньхэ современного аэропорта. На территории аэропорта будет построен терминал площадью 4,5 тыс. м² и взлетно-посадочная полоса длиной 2,5 тыс. м⁶¹. Стоимость строительства аэропорта составит 944 млн юаней (153 млн долл.). Аэропорт вступит в строй в 2019 г., а в 2025 г. региональная воздушная гавань сможет ежегодно обрабатывать 3,6 тыс. т грузов и принимать более 450 тыс. пассажиров⁶².

Модернизация портов, расширение морских и речных перевозок

Задача комплексного развития приграничной инфраструктуры подразумевает необходимость расширения существующих портовых мощностей на Дальнем Востоке одновременно с ростом грузооборота железнодорожного сообщения региона. Сегодня на побережье Дальнего Востока расположено 22 порта. Через них проходит более 95% внешнеторгового грузопотока ДФО РФ, а на долю стран ЮВА (КНР, Япония, РК, Сингапур) приходится около 90% объема грузовых перевозок. Крупнейшими транспортными узлами являются Владивосток, Находка, Восточный, Ванино и Советская Гавань. Основная часть экспорта нефтепродуктов приходится на порт Находки, частично – на порты Владивостока, Славянки, Советской Гавани, а уголь в основном экспортируется через порты Ванино, Восточный, Посыет. С учетом ограниченной пропускной способности континентальной транспортной инфраструктуры СВК перспективы развития транзитного потенциала морских портов ДФО РФ связаны с развитием контейнерных перевозок из СВК через российские порты (прежде всего, Владивосток, Восточный, Находка, Зарубино и Славянка) в Японию, США и Канаду.

Сегодня планы создания сухопутно-морского маршрута из СВК в страны СВА связаны с развитием приморского порта Зарубино и превращением порта в ключевое звено транзитных перевозок. В 2014 г. возобновилась эксплуатация морского и наземного международного транспортного коридора по суше и морю по маршруту Хуньчунь–Зарубино (РФ)–

⁵⁹ Urumqi Air set to take off with New Silk Road. URL: <http://www.ecns.cn/business/2015/08-29/132103.shtml>

⁶⁰ Inner Mongolia opens two new international air routes. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-08/13/content_39085062.htm

⁶¹ China plans airport in border city near Russia. URL: http://www.china.org.cn/business/2015-02/12/content_34807282.htm

⁶² Airport of border city to be operational in 2019. URL: http://en.ce.cn/main/latest/2015-02/22/t20150222_4633934.shtml

Сокчхо (РК), приостановленная в 2010 г.⁶³ Это первый кратчайший (585 км) маршрут из провинции Цзилинь до Японского моря, который напрямую соединяет СВК, Дальний Восток РФ и восточное побережье РК. Также было открыто движение по второму сухопутно-морскому маршруту Хуньчунь–Зарубино–южнокорейский порт Пусан, являющийся пятым по величине международным перевалочным портом мира. Сегодня по третьему маршруту Хуньчунь–Зарубино–Ниигата (Япония) ежемесячно выполняются три регулярных контейнерных рейса. Раньше грузы из провинции Цзилинь перевозились в китайский порт Далянь, а затем транспортировались на судах в Ниигату, но этот маршрут был почти в два раза длиннее маршрута Зарубино–Ниигата. Общая протяженность нового маршрута составляет около 900 км. Сухопутная часть маршрута Хуньчунь–Махалино–порт Зарубино составляет всего 65 км, а морская часть Зарубино–Ниигата – 820 км. Время в пути не превышает 40 часов⁶⁴. В 2014 г. открылся первый еженедельный морской российско-китайский контейнерный маршрут из порта Нинбо (Восточный Китай) в порт Восточный. Контейнеры после прибытия в российский порт перегружаются на железную дорогу и отправляются в страны Восточной Европы⁶⁵.

С апреля 2016 г. грузовые поезда стали еженедельно отправляться из Суйфэньхэ в порты Владивостока/Восточный, откуда контейнеры через шесть дней доставлялись в корейские порты Пусан и Донхэ морским путем⁶⁶. Протяженность маршрута Харбин–Суйфэньхэ–Владивосток короче по сравнению с маршрутом Харбин–Далянь, что позволяет сокращать время доставки в среднем на 2–3 дня. Таким образом, срок доставки в РК сокращается до 4 дней, в Японию – до 5 дней. Транзит через территорию РФ осуществляется с упрощенной процедурой оформления документов, а сокращение срока перевозок и упрощение формальностей позволяют снизить себестоимость перевозок.

Подводя итог, можно констатировать, что транспортная инфраструктура России, КНР, а также Монголии становится важнейшей сферой, в которой стороны ведут интенсивное сопряжение современных евразийских интеграционных проектов.

⁶³ Движение по линии морских перевозок Китай–Россия–РК будет возобновлено 19 марта 2013 года. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/8161422.html>

⁶⁴ КПП Хуньчунь: строительство коридора приносит заметные результаты, пограничная торговля с Россией увеличивается с каждым днем. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2014-07/07/content_29345679.htm

⁶⁵ Shipping firms open first container route to Russia. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2014-12/29/content_11772609.htm

⁶⁶ Открыт новый канал наземно-морских международных смешанных перевозок. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0413/c31518-9044036.html>

М.В. АЛЕКСАНДРОВА

ПРИГРАНИЧНОЕ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КНР

Аннотация. С 2010 г. КНР является первым торговым партнером России. Доля Китая во внешнеторговом обороте ряда федеральных округов постоянно возрастает. В статье рассмотрены особенности экспортных операций ДФО и СФО с КНР, указано на то, что при ежегодном увеличении физических объемов российского сырьевого экспорта регионы нашей страны получают все меньше прибыли. Отмечается, что ряд отраслей промышленности российского Востока контролируется из КНР, что сдерживает возможности развития глубокой переработки сырья на российской территории. Выделены «узкие» места и проблемные аспекты сотрудничества. Автор ставит вопрос непрозрачности статистических данных в отношении китайских прямых инвестиций на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Дальний Восток, Сибирь, Межправкомиссия, продукция ТЭК (топливно-энергетического комплекса), нефтеперерабатывающий завод, рыбопереработка, инвестиции, импортозамещение, целлюлоза, продукты питания, Северо-Восток Китая, Хэйлунцзян.

Приграничное и межрегиональное сотрудничество (ПМС) является важной составной частью двусторонних экономических связей России и Китая. Географическая близость, протяженность общей границы, тесные культурно-исторические связи народов двух стран служат прочной основой для взаимовыгодного сотрудничества регионов.

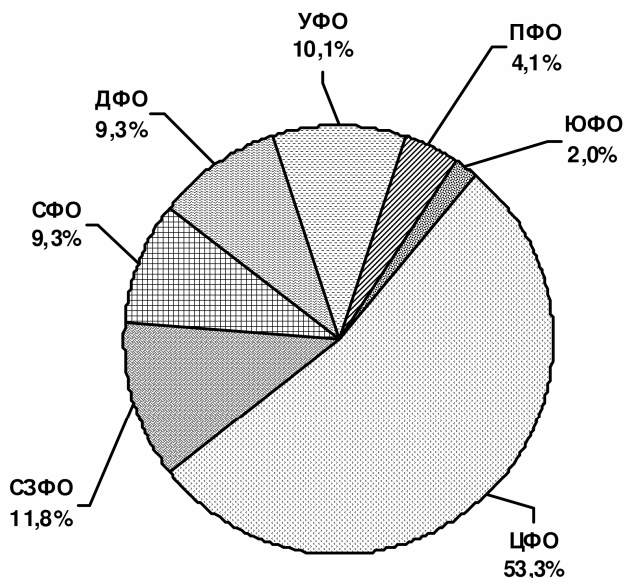
В 2016 г. КНР продолжала оставаться основным торгово-экономическим партнером не только для дальневосточных и сибирских, но и для многих других регионов России.

Следует отметить: ситуация по стране выглядит крайне неоднородно. Так, у Северо-Западного ФО в 2016 г. произошло существенное сокращение импорта (на 20,5%), чуть меньшее падение было отмечено у ДФО (на 8,7%). В Поволжском и Центральном федеральных округах сократился объем экспорта в КНР, соответственно, на 13,5% и 6,6%. Снижение произошло в результате действия ряда объективных факторов, среди которых падение

мировых цен на энергоносители и сырьевые товары, снижение покупательной способности российских потребителей китайской продукции в силу курсовых колебаний российского рубля к основным мировым валютам, в том числе к китайскому юаню, а также общая геополитическая напряженность.

График № 1

**Доля федеральных округов России
в торговле с КНР в 2016 г.**

Источник: по данным Федеральной таможенной службы (ФТС) России

Среди федеральных округов лишь на УФО отмечен ощутимый прирост товарооборота с КНР: всего за один год доля УФО увеличилась в общей российско-китайской торговле более чем на 8%. В 2016 г. КНР вышла на 2-е место среди стран – партнеров Урала. Подобная ситуация связана с двумя причинами.

Во-первых, рост экспорта продукции машиностроения предприятиями Свердловской области в Китай в 2,5 раза, в т.ч. поставки механического оборудования выросли в 10 раз, электрического оборудования – в 4,8 раза, оптических аппаратов – более чем в 8 раз¹.

Во-вторых, с началом реализации проекта создания промышленных объектов и транспортной инфраструктуры, включающей строительство завода СПГ, морского порта и аэропорта в районе поселка Сабетта, объем

¹ URL: <http://tass.ru/ural-news/4001873>

импорта из КНР в Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) увеличился в 18,9 раз. Поставки из Китая занимают более 70% от общего объема импорта округа².

В настоящее время осуществляется строительство завода по производству СПГ мощностью 16,5 млн т. Оборудование производится на семи китайских³ и трех индонезийских верфях.

Следует отметить, что в условиях концентрации экономической жизни России в ее европейской части сотрудничество с КНР в торгово-экономической сфере имеет приоритетное значение для регионов, входящих в Дальневосточный и Сибирский ФО.

В последние 3 года в связи с рядом объективных причин российско-китайское дальневосточное межрегиональное сотрудничество вышло на новый уровень. Каковы же причины, и что произошло?

- в 2012–2013 гг. произошла смена руководства в КНР, к власти пришли прагматичные менеджеры, которые стали агрессивно реализовывать политику «выхода во вне»;
- в сентябре 2013 г. в российском Министерстве по развитию Дальнего Востока (Минвостокразвития) была произведена замена руководства, в результате чего к управлению пришел бизнес-кабинет современных управленцев;
- введение санкций Запада против России (см. статью «Российско-китайское межрегиональное и приграничное сотрудничество: новые тенденции и проблемы»⁴).

Обратим внимание лишь на события последних лет. Как известно в год 70-летия Великой победы, в ходе визита Председателя КНР в Москву на встрече глав России и Китая было достигнуто понимание в вопросе продвижения сотрудничества по освоению российского Дальнего Востока. Стороны договорились создать *Совет сотрудничества между регионами Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России*. В сентябре 2015 г. в рамках ВЭФ было проведено *первое заседание Совета*. Участники совещания обсудили вопросы в сфере логистики и транспорта, расширения туристического взаимодействия, развития внешней торговли.

² URL: <http://tass.ru/ural-news/3946289>

³ Судостроительная группа компаний Wuchang Shipbuilding Industry является международным нефтегазовым подрядчиком, занимается строительством шести основных модулей проекта «Ямал СПГ». Весь проект опирается на модульную конструкцию: сначала в Китае осуществляется строительство современного завода, затем модули по очереди отправляются на сборку в место назначения (URL: <http://armavest.ru/news/neft-i-gaz/kitay-postavil-oborudovani-dlya-yamal-spg>). Общий вес СПГ-завода составляет 650 тыс. т. 150 тыс. т – это эстакады, а 500 тыс. т приходится на технологические модули (111 штук) (URL: <https://lenta.ru/news/2016/05/05/yamallng>).

⁴ См.: *Александрова М.В.* Российско-китайское межрегиональное и приграничное сотрудничество: новые тенденции и проблемы // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014–2015. М., 2016. С. 221–254.

Особый интерес вызвало сотрудничество в рамках территорий опережающего развития и Свободного порта Владивосток.

Отдельно поднимались вопросы выстраивания новых логистических коридоров, в т.ч. МТК «Приморье-1» и «Приморье-2». Участники заседания обсудили ряд проектов по модернизации приграничной транспортной инфраструктуры, в т.ч. речь шла о строительстве железнодорожного мостового перехода через р. Амур (Хэйлунцзян) на участке Нижнеленинское (РФ) – Тунцзян (КНР), создании пограничного мостового перехода через р. Амур в районе городов Благовещенск (Амурская область) – Хэйхэ (КНР), строительстве автомобильного мостового перехода через р. Гранитная (Хубутухе) в районе пунктов пропуска Полтавка (Приморский край) – Дунин (пров. Хэйлунцзян), строительстве трансграничной канатной дороги через р. Амур между городами Благовещенск (Амурская область, РФ) – Хэйхэ (КНР)⁵.

Второе заседание Совета проведено в октябре 2016 г. в Пекине. В ходе заседания вновь вернулись к вопросам международных транспортных коридоров, трансграничной инфраструктуры и сотрудничества в агропромышленной сфере⁶. Обе стороны выразили намерение преобразовать Совет сотрудничества между регионами Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в межправительственную комиссию в рамках встречи глав государств.

В результате в рамках работы 21-ой регулярной встречи глав правительств РФ и КНР в ноябре 2016 г. в Санкт-Петербурге Россия и Китай подписали документы о создании **Межправительственной комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР**⁷.

К сфере ведения комиссии отнесены вопросы реализации проектов российско-китайского двустороннего сотрудничества на территориях российских регионов, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона, и китайских провинций Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь, а также Автономного района Внутренняя Монголия⁸.

Следующим шагом российской стороны стало предложение об открытии **Дальневосточного центра поддержки инвесторов из Китая**. Об этом министр РФ по развитию Дальнего Востока сказал следующее: «Нами подготовлено и передано китайской стороне предложение о создании Дальневосточного центра поддержки инвесторов и предпринимателей из Китая. Данный механизм, на наш взгляд, придаст дополнительный необходимый импульс российско-китайскому сотрудничеству в макрорегионе и позволит на порядок увеличить количество и качество поступаю-

⁵ URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=3606

⁶ URL: <http://government.ru/news/24972/>

⁷ URL: <http://www.interfax.ru/business/536042>

⁸ URL: http://minvr.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4935

щих инвестиций»⁹. Из вышеизложенного следует заключить, что за последние годы сделано очень много важных шагов по укреплению организационных основ ПМС.

Рассмотрим современное состояние межрегионального взаимодействия на примере наиболее «близкого» к Китаю региона – ДФО. В 2016 г., как и в предыдущее десятилетие, основными торговыми партнерами **ДФО** оставались КНР, Япония и Республика Корея, на долю которых приходилось 73% экспорта и около 60% импорта округа.

Диаграмма № 2

**Экспорт ДФО важнейших товаров
в Китай в 2016 г.**

Источник: данные ФТС России.

В 2016 г. экспорт Дальнего Востока в КНР имел следующие положительные тенденции.

- Экспорт летательных аппаратов из ДФО в КНР в денежном эквиваленте стал сопоставим с импортом из КНР в ДФО машин и оборудования.

⁹ URL: <http://incrusia.ru/news/tsentr-podderzhki-kitayskikh-investorov-predlagayut-sozdat-nadalnem-vostoke>

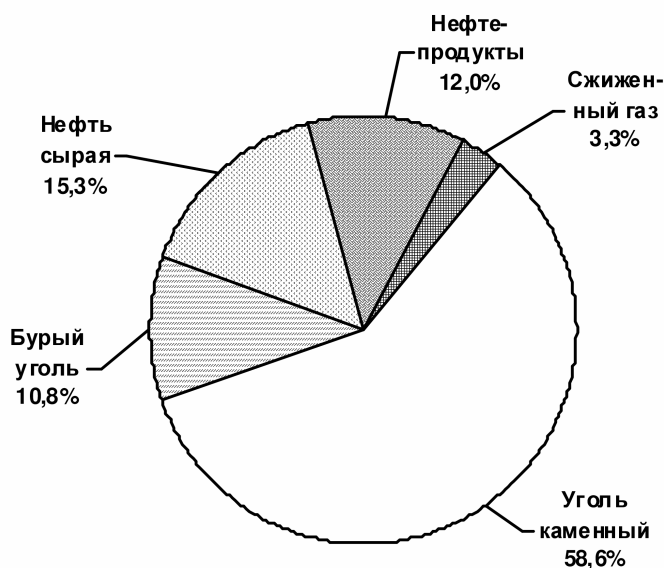
- Экспорт в КНР судов, лодок и плавучих конструкций из ДФО превышает импорт таковых из Китая.
- Сальдо торгового баланса ДФО с КНР положительное – экспортируется в Китай на 70% больше, чем импортируется.

Теперь рассмотрим главные статьи дальневосточного экспорта в КНР.

Структура *экспорта продукции ТЭК* за последние 5 лет претерпела существенные изменения. Год от года доля *нефти и нефтепродуктов* в экспорте округа в КНР увеличивается.

Диаграмма № 3

**Структура экспорта продукции ТЭК
из ДФО в КНР (2016 г.)**

Источник: данные ФТС России.

Поставляемая в КНР по ВСТО нефть имеет существенные преимущества – это сибирская легкая нефть с достаточно невысоким содержанием серы (сибирская нефть марки ESPO).

Экспорт нефти ESPO из нефтеналивного порта Козьмино в 2016 г. составил 31,8 млн т. Основными получателями стали Китай, Япония, РК¹⁰.

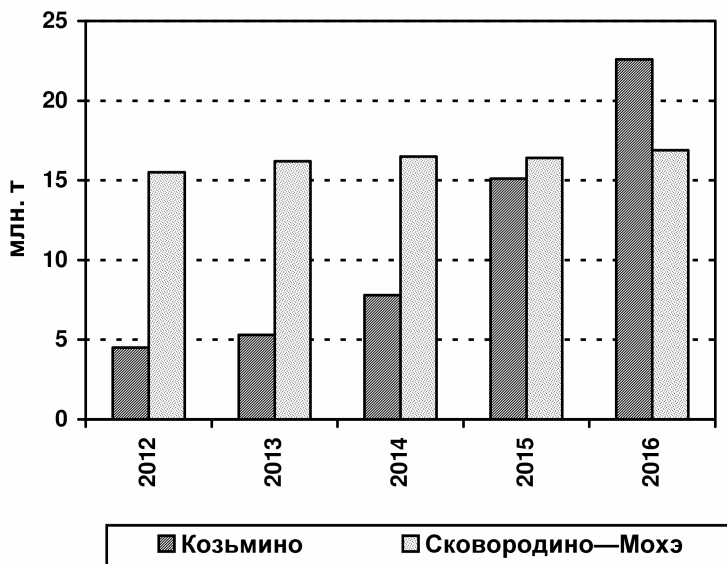
ВСТО в 2016 г. вышла на финальный этап расширения, который к 2020 г. позволит ежегодно прокачивать 80 млн т нефти. К сожалению,

¹⁰ URL: <http://vestiregion.ru/2017/01/20/v-primore-eksport-nefti-iz-porta-kozmino-v-2016-godu-sostavil-318-mln-tonn>

транспортируемый по трубе сорт ESPO Blend все больше попадает в зависимость от потребности одного импортера – КНР.

Диаграмма № 4

Экспорт нефти ВСТО в КНР

Источники: Эдер Л.В., Филимонова И.В., Моисеев С.А. Нефтегазовый комплекс Восточной Сибири и Дальнего Востока: тенденции, проблемы, современное состояние // Бурение и нефть. 2015. №12; URL: <http://1prime.ru/articles/20160119/823073650.html>, URL: <http://vestiregion.ru/2017/01/20/v-primore-eksport-nefti-iz-porta-kozmino-v-2016-godu-sostavil-318-mln-tonn>; URL: <http://www.nefttrans.ru/news/po-skovorodino-mokhe-2014-godu-budet-dopolnitelno-prokachano-tolko-600-tys-ton.html>; URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2015/06/08/595617-kitai-gotov-prinyat-po-skovorodino-mohe-v-2015-g-16-mln-tonn-nefti>

В 2016 г. КНР укрепила свои позиции в качестве основного покупателя ESPO Blend на море, увеличив долю в закупках почти до 70% от общего объема экспорта из Козьмино с 40% в 2015 г. Общий объем импорта ESPO Blend Китаем в 2016 г., включая морские поставки и трубопроводные (Сковородино—Мохэ), составил порядка 38 млн т, из которых около 20 млн приходится на госкомпанию CNPC.

CNPC и другим компаниям в КНР выгоднее закупать ESPO Blend морем, поскольку большая часть НПЗ КНР расположена в приморских провинциях страны. Кроме того, импорт нефти через морские порты обеспечивает гибкость при выборе маршрутов поставки внутри страны.

В этом смысле поставки ЕСПО по ответвлению от ВСТО в глубь Китая гораздо менее привлекательны, поскольку логистические возможности трубопровода ограничены¹¹.

Как бы ни был важен для ДФО экспорт нефти в КНР, но, как и прежде, регион является крупным поставщиком угля за рубеж. К примеру, в 2016 г. в экспорте продукции ТЭК с Дальнего Востока в КНР на уголь приходится практически 70%.

Добыча каменного угля в России в последние годы растет, причем добычу наращивает не только основной угледобывающий регион – Кемеровская область, но и Восточносибирские и Дальневосточные регионы¹², вклад которых в объемы экспорта становится все весомее. Восточный вектор стал приоритетным и в экспорте угля: отправка его в КНР и другие страны АТР растет гораздо быстрее, чем в западном направлении¹³.

Крупнейшим поставщиком дальневосточного угля в КНР выступает компания «Мечел», в распоряжении которой находятся портовые мощности по перевалке угля на побережье Тихого океана. Перспективы компании на китайском рынке выглядят достаточно благоприятно, подтверждением чему является пролонгация соглашения о сотрудничестве с одним из крупнейших металлургических холдингов КНР Baosteel Resources, в соответствии с которым с апреля 2016 г. по март 2017 г. «Мечел» должна направить китайской стороне до 960 тыс. т коксующегося угля премиальных марок, добытого на Нерюнгринском разрезе компании «Якутуголь»¹⁴. Также «Мечел» договорилась с китайской Jidong Cement, входящей в пятерку крупнейших производителей цемента в мире, о поставках энергетического угля в размере от 2 млн до 3 млн т с декабря 2016 г. по декабрь 2017 г. Большая часть поставок придется на Эльгинское месторождение в Якутии¹⁵.

Вместе с тем все чаще говорится о негативных последствиях роста отгрузок угля в КНР и росте рисков. Связаны они в первую очередь с изменчивой стоимостью угля на мировом рынке. Существенные падения цен отмечались уже не раз, в результате чего угледобывающие компании, возможности которых вести ценовую войну сильно ограничены, были вынуждены работать практически без прибыли и не снижать объемов экспорта¹⁶.

¹¹ Нефтегазовый еженедельник RPI: Выпуск V. N 01. 1–9 января 2017 г.

¹² Республика Тыва (Улуг-Хемский угольный бассейн, включающий Элегесткое, Межэгейское, Каа-Хемское, Чаданское и др. месторождения), Республика Саха (Якутия) (Эльгинское, Чульмаканское и др. месторождения) и Забайкальский край (Апсатское месторождение).

¹³ URL: <http://morvesti.ru/analytics/detail.php?ID=31156>

¹⁴ URL: <http://www.eastrussia.ru/news/okolo-milliona-tonn-koksuyushchegosya-uglya-mechel-postavit-v-kitay>

¹⁵ URL: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/12/22/670693-mechel-energougol-kitai>

¹⁶ URL: http://dvkapital.ru/specialfeatures/dfo_19.02.2016_7910_porty-dalnego-vostoka-srabotali-v-pljus-blagodarja-devalvatsii-rublja-i-eksportnym-postavkam-uglja-i-nefteproduktov.html

Следующим важным продуктом дальневосточного экспорта в КНР уже более 10 лет остаются **водные биоресурсы (ВБР)**.

Потребление морепродуктов в КНР в последние годы показывает стабильный рост. Если темпы роста сохранятся, то к 2020 г. потребление ВБР на душу населения составит 39 кг. Согласно информации Министерства сельского хозяйства КНР, в 2013 г. потребление морепродуктов находилось на уровне 37,9 кг. Для сравнения, в 2006 г. этот показатель был 26 кг, а в 1990 г. – 11,5 кг на человека.

КНР является основным производителем рыбы, но также и крупнейшим экспортером рыбы и рыбной продукции. Импорт в страну также растет, в результате чего с 2011 г. КНР стала третьим по величине импортером в мире. Увеличение импорта Китая является отчасти результатом аутсорсинга обработки из других стран, но также отражает и растущее внутреннее потребление в Китае видов, не добываемых в стране¹⁷.

В последние годы КНР стала одним из главных покупателей российской рыбы. Основной улов экспортируемой в КНР рыбы осуществляется в акватории Тихого океана. В 2016 г. 64% дальневосточных ВБР вывозились в основном в Китай, 31% – Республику Корея и лишь 4,4% в Японию¹⁸.

В 2016 г. дальневосточный рыбный экспорт в КНР увеличился на 61 тыс. т при значительном снижении цен на сырье. К сожалению, экспорт в КНР более чем на 95% состоит из сырья, а доля российских рыбных консервов в импорте подобной продукции в КНР составляет лишь 0,01%. Подробнее см. в сборнике: «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014–2015»¹⁹.

Основной экспортный объект вывоза с Дальнего Востока в КНР – минтай, которого Россия добывает больше всех в мире: в 2016 г. его доля в поставках в КНР превысила 53%, или 782 тыс. т. Ситуация на рынке минтая в 2017 г. может измениться для дальневосточников не в лучшую сторону. Во-первых, на внутривосточном рынке уже несколько месяцев цена на эту рыбу снижается: так, на начало марта в ДФО она снизилась на 15%, в ЦФО на 13%. Это происходит по причине неплохих темпов промысла и высоких складских запасов, а также снижения покупательной способности российского населения. Прекрасно зная внутривосточную ситуацию и спасая свою рыбопереработку, в начале 2017 г. КНР решила изменить тарифы таможенных пошлин на ряд импортных товаров. Главное таможенное управление Китая с 1 января 2017 г. объявило, что тарифы

¹⁷ URL: http://dvkapital.ru/specialfeatures/dfo_19.02.2016_7910_porty-dalnego-vostoka-srabotali-v-pljus-blagodarja-devalvatsii-rublja-i-eksportnym-postavkam-uglja-i-nefteproduktov.html

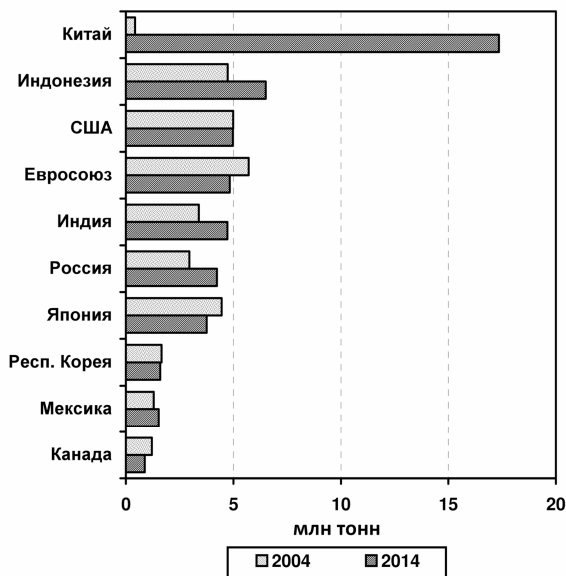
¹⁸ URL: <http://fishnews.ru/news/30462>

¹⁹ Александрова М.В. Российско-китайское межрегиональное и приграничное сотрудничество: новые тенденции и проблемы // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014–2015. М., 2016. С. 22–254.

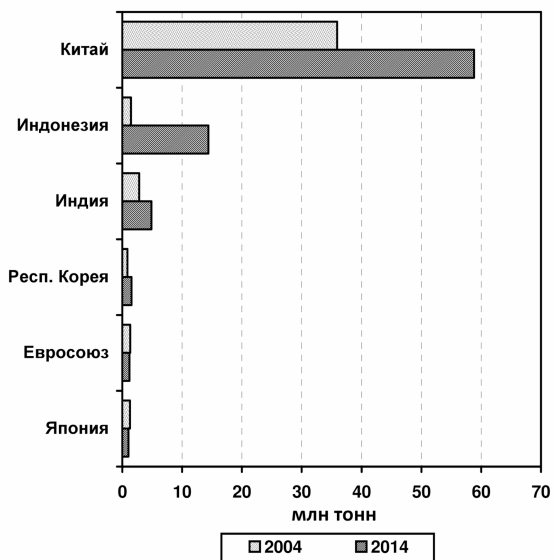
Диаграмма №5

Добыча ВБР (крупнейшие производители в мире) (2004, 2014 гг.)

Добыча рыбы

Производство аквапродукции

Источник: URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/File:Fish_catches_and_aquaculture_production_V2.png

ввозных пошлин на замороженную сельдь, треску и минтай снижены с 10 до 2,2% и 5%, соответственно. А ввозные пошлины на замороженные королевские крабы и северные креветки – с 10% до 5% и с 5% до 2% соответственно²⁰. Данное нововведение китайской стороны очень продумано и направлено на то, чтобы российская рыбопереработка на Дальнем Востоке на смогла развиваться. Тем самым китайская сторона подталкивает Российских производителей к расширению поставок морепродуктов в сыром виде вместо более выгодного развития их переработки на месте.

Однако, несмотря на столь жесткое противостояние, у российского Дальнего Востока есть шанс возродить, а точнее, создать собственную рыбопереработку с дальнейшим экспортом готовой продукции в КНР и другие страны региона. На конечных рынках – в Евросоюзе, США, Японии более 90% минтая потребляется в виде филе, фарша и продуктов на их основе, в связи с чем рецепт повышения эффективности работы российской минтаевой отрасли кроется именно в изменении структуры производства в сторону увеличения объемов выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью. По оценкам Росрыболовства, переход на выпуск филе, фарша и иной конечной продукции из минтая, а также полная переработка отходов производства позволят повысить экономическую отдачу на тонну добычи примерно в 2 раза. Но для того, чтобы обеспечить выпуск такой качественной продукции, необходима соответствующая база, нужно обновление флота и развитие береговой переработки, на что как раз нацелены новые изменения в законодательстве²¹.

Следующей по значимости статьей дальневосточного экспорта в КНР является продукция *лесной и лесоперерабатывающей отраслей*.

По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО) ООН, учтенный объем заготовки древесины в мире в 2015 г. составил 3,71 млрд куб. м²².

По производству, торговле и потреблению лесной продукции КНР заняла 1-е место в мире. Объем валовой продукции лесного хозяйства Китая по итогам 2016 г. впервые превысил 6 трлн юаней, объем импорта и экспорта лесной продукции достиг 136 млрд долл.²³ Развитие деревоперерабатывающей, целлюлозной, фанерной и других отраслей требовали больших объемов первичного сырья, поэтому импорт круглых лесоматериалов Китаем резко увеличился в конце 1990-х – начале 2000-х годов.

Особенности экономико-географического положения, наличие сырьевой базы, но при этом отсутствие серьезной перерабатывающей промышленности в Тихоокеанской России толкают российских предпринимателей к вывозу леса-сырца или продукции с минимальной степенью переработки.

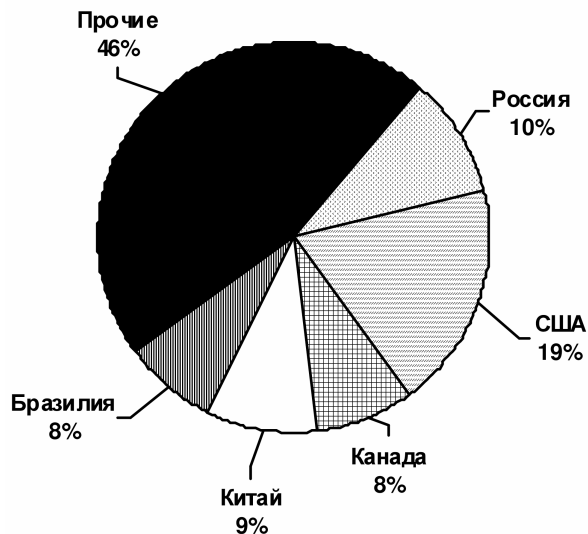
²⁰ URL: http://russian.news.cn/2017-01/04/c_135954603.htm

²¹ URL: <http://varpe.org/news.php?id=3652>

²² URL: <https://100m3.com/news?page=2>

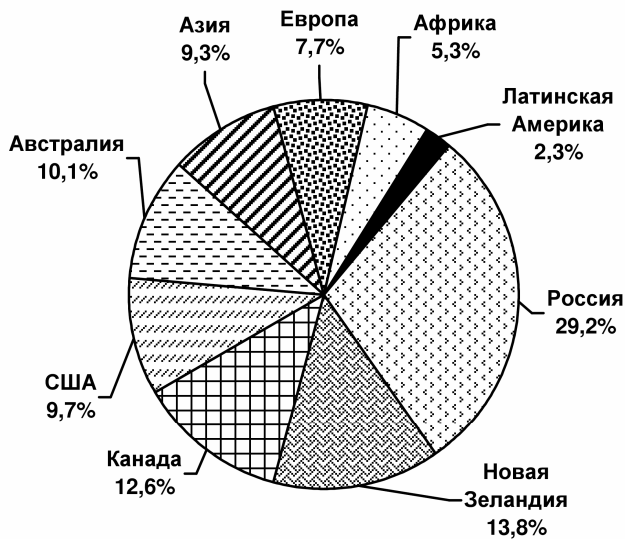
²³ URL: <http://polpred.com/news/?cnt=77§or=23>

Диаграмма № 6
Крупнейшие лесозаготовители мира
в 2015 г.

Источник: URL: <http://www.lesonline.ru>

Диаграмма № 7
География китайского импорта
круглого леса и пиломатериалов
в 2015 г.

Источник: URL: <http://polpred.com/news/?cnt=77§or=23&page=2>

Доля Дальнего Востока в общем объеме экспорта древесной продукции России в КНР в 2015 г. составила: по хвойным круглым лесоматериалам – 48,3%, по лиственным круглым – 77%, по хвойным пиломатериалам – 13,1%, по лиственным – 51,4%. Круглые лесоматериалы ценных древесных пород – дуба и ясеня – практически полностью поставляются из южных районов Дальнего Востока, а доли дальневосточных пиломатериалов этих двух пород составляют соответственно 97,5% и 82,3%²⁴.

Сохраняется доминирование китайского направления в экспорте древесной продукции с Дальнего Востока России (более 90%). Это, в свою очередь, представляет серьезные риски для экспортноориентированной модели лесного сектора экономики ДФО. Китай имеет очень диверсифицированный рынок поставщиков древесины, поэтому у него гораздо больше возможностей для формирования закупочных цен, чем у России, в то время как последняя вынуждена конкурировать с другими странами – поставщиками леса. При этом Китай заинтересован в покупке необработанного леса или слабо переработанных пиломатериалов, наполняя российской древесиной собственные предприятия по производству мебели, паркета и других изделий. Существующая зависимость от экспорта в Китай на фоне слабо развитого российского сектора глубокой переработки древесины укрепляет экстенсивную и неустойчивую модель лесопользования, основанную на изъятии (в том числе, свыше установленных норм) ценных сортментов экспортного качества в естественных лесах, включая малонарушенные леса и другие леса высокой природоохранной ценности. Если не осуществится переход к более устойчивым моделям лесного хозяйства (что подразумевает диверсификацию рынков сбыта, увеличение доли экспорта продуктов глубокой переработки, лесовосстановление и выращивание древесины на экспорт), то уже в обозримом будущем произойдет потеря крупных массивов девственных лесов и истощение ресурсной базы ценных дальневосточных лесных пород²⁵.

Растущий в физическом объеме экспорт леса в КНР приносит лесопромышленникам Дальнего Востока все меньше прибыли. Эксперты прогнозируют дальнейшее увеличение поставок в Китай, несмотря на стабилизацию внутрикитайского рынка древесины и снижение цен на древесину в Поднебесной. По данным аналитического портала «Лес Онлайн», средняя по России экспортная цена на кругляк в 2016 г. составила 67,4 долл. за куб. м, в 2015 – 75,26; в 2014 – 85,07; в 2013 г. – 86,66.

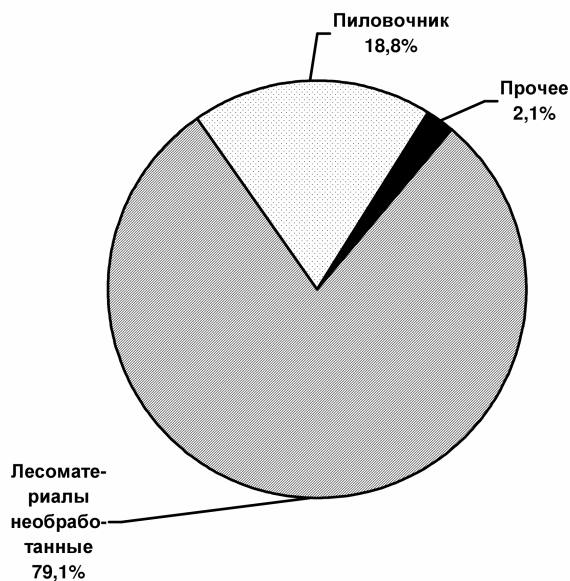
На фоне снижения дальневосточно-китайского товарооборота **инвестиционное сотрудничество** стало новым «двигателем» отношений. Ка-

²⁴ Федичкина Е.А., Ланкин А.С. Анализ экспорта древесной продукции с Дальнего Востока России в 2015 г. Владивосток: Апельсин, 2016.

²⁵ Федичкина Е.А., Ланкин А.С. Анализ экспорта древесной продукции с Дальнего Востока России в 2015 г. – Владивосток: Апельсин, 2016.

ковы объемы китайских инвестиций, и действительно ли они так важны для экономики региона? Будем опираться на цифры, сообщавшиеся министром по развитию Дальнего Востока. Так, в интервью газете «Известия» в январе 2017 г. А. Галушка отметил, что «в настоящее время российско-китайское сотрудничество на Дальнем Востоке развивается весьма активно – реализуется 23 проекта с привлечением инвестиций из Китая на общую сумму около 3 млрд долл. (почти 1/4 всех иностранных инвестиций, привлеченных в регион)»²⁶. Месяцем ранее тот же министр сообщил: «Из общего объема инвестиций, которые привлечены на Дальний Восток с того момента, как заработали новые механизмы развития региона, более 14% приходится на КНР».

Диаграмма № 8

**Структура «лесной» торговли
ДФО с КНР (2016г.)**

Источник: данные ФТС России.

В октябре 2016 г. А. Галушка заявил: «Десятки инвесторов из Китая уже воспользовались новыми возможностями, которые получает инвестор на Дальнем Востоке. Мы видим готовность китайской стороны все более активно участвовать в новых проектах... Сейчас это уже 21 проект с участием инвесторов из КНР с объемом инвестиций более 180 млрд рублей»²⁷.

²⁶ URL: <http://novostivl.ru/msg/22792.htm>

²⁷ URL: http://minvr.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4701

Из большого потока цифр можно понять, что на **начало 2017 г. китайские инвестиции в ДФО** составили **180 млрд руб., или 3 млрд долл.** Вероятнее всего, речь идет о накопленных инвестициях, но даже эта цифра вызывает некоторые сомнения, поскольку за 1 полугодие 2016 г. **суммарный объем всех накопленных в РФ китайских инвестиций был 8963,0 млн долл.**

Предположим что это действительно так. Какие же китайские проекты привнесли столь значительные капиталы на Дальний Восток?

Снова обратимся к прессе. На проходившей в октябре 2016 г. в Пекине Восьмой международной ярмарке китайских инвестиций COIFair-2016 российская делегация озвучила следующие данные: «В настоящее время в дальневосточных ТОР с участием китайских инвестиций реализуется 5 проектов с объемом инвестиций более 126 млрд рублей, еще 3 проекта находятся на финальном этапе согласования бизнес-плана, 12 заявок с объемом инвестиций более 152 млрд рублей находятся на стадии рассмотрения. Статус резидента Свободного порта Владивосток присвоен 4 компаниям с китайским капиталом, реализующим проекты с объемом инвестиций более 1 млрд рублей, еще 7 заявок с объемом инвестиций более 3,8 млрд рублей находятся на стадии рассмотрения»²⁸.

Цифры несколько запутанные. Попытаемся произвести некоторые математические расчеты. Все выглядит крайне прозаично. 124,6 млрд руб. поступили в ТОР «Приамурская» – строительство завода по производству цемента (1,6 млрд руб.) и НПЗ (123 млрд руб.); далее в ТОР «Амуро-Хинганская» – 10,1 млрд руб., в ТОР «Кангалассы» – 299,87 млн руб. плюс 1 млрд руб. инвестиций поступило в Свободный порт Владивосток (СПВ). Итого 136 млрд долл. Так каков же объем китайских инвестиций в ДФО?

Самым неоднозначным и дорогостоящим проектом с привлечением китайских инвестиций стал НПЗ в ТОР «Приамурская». Рассмотрим проект подробнее.

ООО «Амурская энергетическая компания»

Специализация: Переработка до 6 млн т/год нефти с целью производства 1 млн т дизтоплива, 55 тыс. т бензина Евро-5, 150 тыс. т нефтекокса. Предполагаемая глубина переработки сырья 90%.

Инвесторы: Доля китайских инвестиций – 90%;, в т.ч 40% – Menglan Galaxy Energy Corporation; еще 50% – через Амур-Нефтехим (дочка Menglan Galaxy Energy Corporation). 10% капитала владеет ИнтерРусОйл.

Объем инвестиций: 123 млрд руб.

²⁸ URL: http://dalgazeta.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5155:2016-10-20-08-21-05&catid=70:2011-12-07-23-27-58&Itemid=120

Введение в эксплуатацию: пуск в эксплуатацию – осень 2019 г., на полную мощность предприятие выйдет к 2023 г.

Количество рабочих мест: 1200. К моменту ввода в эксплуатацию иметь соотношение 60/40 – 60% россиян, 40% китайцев. Но затем, до 2022 г., мы проведем импортозамещение, всех китайцев потихонечку отправим на родину, за это время подготовим наших специалистов²⁹.

В отношении данного проекта имеется немало вопросов, но одним из главных является – как сырая нефть будет проступать на НПЗ. На первом этапе нефть будет поставляться на НПЗ по железной дороге, затем завод планируется подключить к ВСТО, но это невозможно сделать без строительства второй нитки, а в нее нужно вложить порядка 120 млрд рублей. Для проекта НПЗ на 6 млн т – это нерентабельно и некупаемо³⁰.

Имеются противоречивые сведения о покупке Амурским НПЗ трех месторождений сырья. Сообщалось, что инвесторы НПЗ приобрели якутскую добывающую компанию «Туймаада-нефть» (у нее три месторождения, не подключенных к ВСТО, добыча планируется в 2021 г.), а в сентябре 2016 г. ими было заключено предварительное соглашение с компанией «Харьяга» о поставках нефти с месторождений Красноярского края (ведет геологоразведку). Кроме того, было сообщено о намерении поставлять нефть с ЗАО «Дулисьма»³¹.

Второй риторический вопрос в отношении этого проекта – а что он принесет России и конкретно Амурской области? Основная часть продукции Амурского НПЗ (86,3%) будет экспортироваться в КНР. В частности, проект предполагает строительство нефтепродуктопровода от завода до пос. Шанэргун в округе Хэйхэ (КНР) с пограничным переходом через реку Амур. Далее нефтепродукты будут транспортироваться по трубопроводу в г. Дацин на нефтехимическое предприятие PetroChina.

Амурский НПЗ, как резидент территории опережающего развития «Приамурская», может получить налоговые льготы. Тогда потери бюджета из-за сокращения экспорта на 6 млн т, которые пойдут на завод, с 2019 по 2035 г. составят 42,8 млрд руб. в налоговых условиях 2015 г., а без учета льгот потери будут 31,9 млрд руб³².

Крайне странно выглядят подобные инвестиционные проекты...

Если рассматривать отдельные субъекты ДФО, то основными торговыми партнерами Китая среди субъектов ДФО по стоимостным объемам ВТО в 2016 г. были: Приморский край, Сахалинская область, Хабаровский край, Амурская область.

²⁹ URL: <http://www.eastrussia.ru/material/aleksandr-gordeev-segodnya-kupit-neft-v-rossii-problemne-sostavlyayet/>

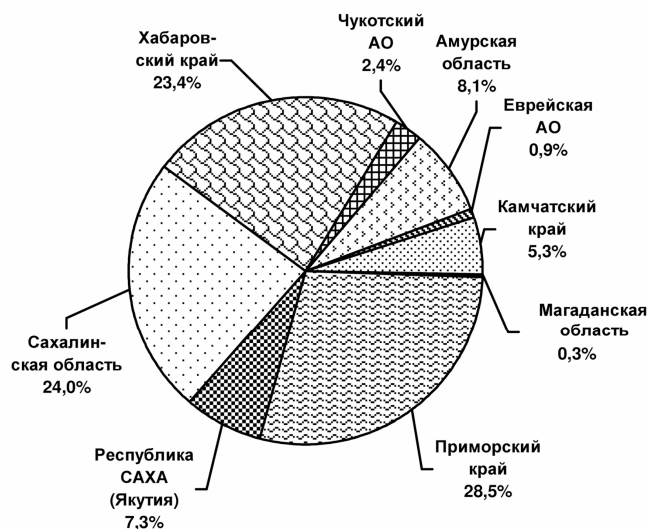
³⁰ URL: <http://dv.land/news/11144>; <http://special.kremlin.ru/events/president/news/51814>

³¹ URL: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/11/15/664877-net-nefti>

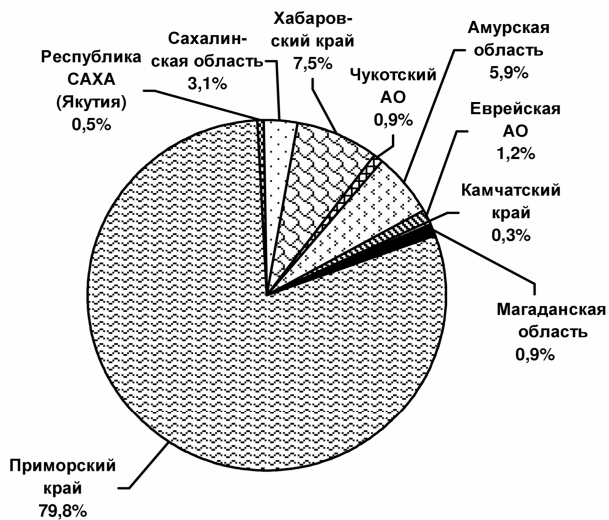
³² URL: <http://www.oilexp.ru/news/vnipineft-raskritikoval-proekt-kitajskikh-investorov-v-amurskoj-oblasti/110564/>

Диаграмма № 9

Экспорт из ДФО в КНР в 2016 г.

Импорт в ДФО из КНР в 2016 г.

Источник: данные Дальневосточной таможни.

Главным «игроком» в дальневосточно-китайском торговом взаимодействии уже много лет остается **Приморский край**. КНР – основной экономический партнер региона, на ее долю приходится более 50% внешне-

торгового оборота региона, а 2/3 из них – на провинцию Хэйлунцзян. Также велика доля Китая в инвестициях края – порядка 30% накопленных инвестиций³³.

Рассмотрим ситуацию по южную сторону границы.

2015–2016 гг. для *приграничных с Россией провинций КНР* во многом сложились не так хорошо, как ожидали руководители этих провинций. Так, уже в 2015 г. в связи с рядом факторов, включая падение мировых цен на сырьевые товары и девальвацию российской валюты, товарооборот *Хэйлунцзяна* с Россией сократился на 53,4%, до 10,85 млрд долл. В частности, снижение экспорта из Хэйлунцзяна в Россию составило 73,9%, а импорт из нашей страны упал до 40,5%. И даже несмотря на все негативные факторы в 2015 г. доля нашей страны в ВТО Хэйлунцзяна составила 51,7%. При этом доля Хэйлунцзяна в общем объеме китайско-российской торговли составила 16%³⁴, что на 14% ниже предкризисного 2014 г.

В 2016 г. продолжалось снижение товарооборота Хэйлунцзяна с Россией, которое составило 9,6%, при этом доля России в ВТО провинции составил 55,5%. Снижение импорта из Хэйлунцзяна составило 23,1%, российский экспорт снизился лишь на 5,9%, а российское положительное сальдо составило 5,544 млрд долл. Декабрь 2016 г. для российского экспорта был наиболее «удачным» месяцем: по сравнению с декабрем 2015 г. показатель экспорта возрос на 40,4%³⁵.

Новой тенденцией взаимной торговли стало наращивание российского экспорта зерна и продовольственных товаров в Хэйлунцзян. В 2016 г. Хэйлунцзян импортировал из России 382 тыс. т продовольствия, рост по сравнению с 2015 г. – 12,5%, или 16% от общего импорт продовольствия провинции.

После существенного затишья в китайском трансграничном пространстве как следствия падения покупательной способности российских «челноков», с 2015 г. начался новый период «оживления». Если в предыдущие 20 лет основной поток товаров по линии трансграничной торговли шел из КНР в Россию, сегодня ситуация зеркально изменилась. Так, КПП Хэйхэ, который является одним из важнейших пунктов пропуска на китайско-российской границе, установил рекорд по объему импорта российского зерна. По состоянию на конец декабря 2016 г., через данный КПП из России была импортирована 201 тыс. т зерна с приростом на 21% в годовом исчислении.

По г. Суйфэньхэ девальвация российского рубля нанесла небывало серьезный удар. Если в самый благоприятный период на Суйфэньхэ при-

³³ URL: <http://www.invest-rating.ru/russia-china-news/?id=6555>

³⁴ URL: <http://www.amur.info/news/2016/02/17/107462>

³⁵ URL: <http://harbin.customs.gov.cn/publish/portal118/tab63007/module173327/info837693.htm>

ходила 1/10 часть от суммарного экспорта КНР в Россию, то в 2015 г. объем экспорта здесь упал на 80,4%.

Ряд льготных мер побудил китайских экспортеров заняться импортом, в короткий срок Суйфэньхэ превратился в самую большую в Китае базу по импорту и перепродаже российских товаров.

В настоящее время в Суйфэньхэ создается интегрированная онлайн цепочка поставок российских товаров «Эмаотун». Бизнес-участниками данной платформы, которая уже включает 120 китайских и зарубежных компаний, являются более 100 компаний по экспорту и импорту, зарегистрированных в Зоне китайско-российской обоюдной торговли и Комплексной бондовой зоне. Также участниками платформы являются российские производители, занимающиеся прямыми поставками товаров, которые делятся на 10 категорий и более 80 подкатегорий, образуя в общей сложности ассортимент в количестве 1500 видов товаров. Через этот канал будут продаваться свежие продукты питания, алкоголь и напитки, чай, порошковые соки и напитки, продовольственные продукты, предметы повседневного обихода, художественные изделия и сувениры, продукты для поддержания здоровья и др.³⁶

К сожалению, помимо положительных тенденций роста российского сельскохозяйственного и продуктового экспорта в Хэйлунцзяне появились проблемы. Производство кондитерских изделий, которые завоевали популярность у китайских потребителей, все в большей мере «уходит» из России в Китай. Так, в приграничных китайских уездах открылись подпольные производства так называемых российских сладостей. К примеру, лишь в одном Суйфэньхе работает 200 кондитерских цехов, подделывающих медовики, тирамису и другие кондитерские изделия, которые раньше импортировали из России³⁷.

Надо отдать должное местным китайским властям, которые стараются бороться с этим безобразием. Недавно правительство города Суйфэньхэ разработало специальную программу действий под названием «*Борьба с поддельной продукцией и гарантия подлинности товаров*», касающуюся импортных товаров российского производства. Согласно данной программе, правительство Суйфэньхэ планирует усилить контроль, регулирование и правоохранительную активность в отношении импортных товаров из России.

Ключевым пунктом данной программы стали следующие моменты:

- решение вопросов, касающихся товара, не имеющего китайской маркировки;

³⁶ URL: http://sui fenhe.ru/news/v_g_sujfehnhkeh_bolee_sta_vneshnetorgovykh_kompanij_uchastvujut_v_sozdanii_platformy_ehmaotun/2016-12-19-76

³⁷ URL: http://sui fenhe.ru/stati/dvesti_fabrik_v_prigranichnom_kitae_delajut_rossijskie_sladosti/2017-01-19-108

- рассмотрение вопросов о непредоставлении журнала учета импортируемого товара;
- проверка товаров на срок годности и на подлинность товара;
- осуществление контроля фальшивой маркировки и ложной рекламы товара, а также проблемы подделки под российские товары китайской продукции и продукции других стран;
- решение вопросов ущемления исключительных прав на пользование товарными знаками, подделки известных российских торговых марок, а также вопросов, касающихся прочих способов обмана потребителей³⁸.

Выше мы указали на парадоксальный факт: министр Российской Федерации по развитию Дальнего Востока, указывая цифру китайских инвестиций в ДФО, не уточняет, что это за инвестиции и за какой срок они накоплены, или сознательно не указывает этот срок.

Подобная ситуация складывается и в провинции Хэйлунцзян, губернатор которой постоянно путается в цифрах. Так, в марте 2016 г. губернатор Хэйлунцзяна Лу Хао отметил, что «у инвестиционного сотрудничества российского Дальнего Востока и Дунбэя огромный инвестиционный потенциал». В подтверждении своих слов он указал объемы *хэйлунцзянских инвестиций в Россию*: 2013 г. – 510 млн долл., 2014 – 1,48 млрд; 2015 – 4,17 млрд долл.³⁹ В сентябре 2016 г. тот же господин Лу Хао озвучивает иные цифры провинциальных инвестиций в Россию: в 2013 г. – 407 млн долл.; в 2014 – 700 млн долл.; 2015 – 4,1 млрд долл.⁴⁰ В чем же заключается загадка? Если посмотреть данные ГСУ КНР, то суммарные китайские накопленные инвестиции в РФ за 2015 г. составляют 8,9 млрд долл., т.е. инвестиции Хэйлунцзяна составляют более 45% (!) всех инвестиций... Выглядит крайне странно.

Есть и более точная информация. К примеру, за первые 9 месяцев 2016 г. провинция Хэйлунцзян инвестировала в Приморский край 870 млн долл. В 2015 г. рост хэйлунцзянских инвестиций в Приморский край составил 24%, а за 9 месяцев 2016 г. инвестиции выросли на 53%⁴¹.

В Хэйлунцзяне отмечают, что местные бизнесмены инвестировали средства в 100 проектов на территории России, часть из которых уже реализована, а другие находятся в стадии обсуждения с российской стороной. Среди наиболее важных следует выделить: ООО «Лунсин» (Лунсин цзитуань) запустило Кызыл-Таштыгский ГОК на одноименном месторождении полиметаллов (Республика Тува), хэйлунцзянская компания «Амур-

³⁸ URL: http://suifenhe.ru/news/sujfehnkkeh_predprimet_sereznye_mery_v_otnoshenii_falsifikacii_rossijskikh_tovarov/2015-11-02-45

³⁹ URL: http://russia.ce.cn/cr2013/tzels/tzxm/201603/09/t20160309_9372073.shtml

⁴⁰ URL: <http://russian.cri.cn/other/magazine/20161008.pdf>

⁴¹ URL: http://www.hhhzq.com/index.php?p=news_show&id=561&c_id=31#foucs

Сириус» осуществляет в Челябинской области строительство двух новых пылеугольных энергоблоков на сверхкритических параметрах единичной мощностью 660 МВт на Троицкой ГРЭС (филиал ОАО «ОГК-2»), строительство НПЗ в ТОР «Приамурская» – доля китайских инвестиций 90% (Menglan Galaxy Energy Corporation) (Мэнлань синхэ нэньюань гуфэнь юсянь гунсы), тот же инвестор Menglan Galaxy Energy Corporation в ТОР «Приамурская» запустил завод по производству и переработке цементного клинкера, Амазарский целлюлозно-промышленный комплекс (Забайкальский край)⁴² (видимо компания Хэйлунцзян Лунсин гоцзи цзыюань кайфа цзитуань юсянь гунсы), Daqing Beiyan Petroleum Equipment Manufacture и ОАО «Чеченнефтехимпром» подписали соглашение о вторичном освоении и доразведке нефтяных месторождений⁴³.

Действительно, два крупных проекта на Дальнем Востоке, а именно в Амурской области (ТОР «Приамурская») получили инвестиции от хэйлунцзянских предпринимателей, но в этом случае остается вопрос, куда же пришли 870 млн долл. инвестиций в Приморский край... Возможно, что-то не известно широкой публике.

Поистине инвестиционная сфера оказалась куда более загадочной по сравнению с торговлей.

Хэйлунцзянская сторона не желает останавливаться на достигнутом, китайцы отличаются своей активностью и имеют свое видение на будущее развития хэйлунцзяно-российского экономического сотрудничества. Поэтому руководство провинции стимулирует новые направления. В свете действия инициативы «один пояс, один путь» для обеспечения материально-технической базы провинция Хэйлунцзян выдвинула проект «три моста – один остров – один путь – один порт». Собственно говоря, ничего нового тут нет, все «компоненты» давно известны. «Три моста»: Благовещенск–Хэйхэ⁴⁴, Нижнеленинское–Тунцзян⁴⁵, Полтавка–Дуннин⁴⁶, «один

⁴² URL: <https://www.chita.ru/articles/74239/>

⁴³ URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/resume/n/201602/20160201254979.shtml>

⁴⁴ К реализации проекта шли долго – первые переговоры о необходимости его строительства датируются 1993 г. В 1995 г. было подписано межправительственное соглашение между странами. С мертвой точки дело сдвинулось в 2013 г., осенью необходимость ускорения реализации проекта автомобильного моста через Амур в районе Благовещенска и китайского города Хэйхэ обсудили главы правительств России и Китая. Совместное коммюнике было подписано во время визита премьер-министра Дмитрия Медведева в КНР. В апреле 2015 г. «Компания по строительству моста через Амур» (провинция Хэйлунцзян, Китай) и ОАО «Мост» (Амурская область, Россия) создали совместную компанию, задача которой – реализация проекта возведения автодорожного моста Благовещенск – Хэйхэ. В сентябре 2015 г. Россия и Китай подписали в Пекине протокол о внесении изменений в межправительственное соглашение о совместном строительстве моста через Амур в районе городов Благовещенск и Хэйхэ от 1995 г. Расходы, связанные со строительством половины моста и подходов на территории КНР несет китайская сторона. Российская часть моста будет строиться за счет средств, которые привлечет российско-китайская компания. Компенсировать расходы компания планирует за счет взимания платы за проезд. Ориентировочная стоимость международной стройки составляет

остров» – Большой Уссурийский остров, «один путь» – МТК «Приморье-1» (Харбин–Гродеково–Владивосток/Находка/Восточный–порты АТР)⁴⁷, «один порт» – Свободный порт Владивосток⁴⁸.

В апреле 2016 г. был принят новый документ Госсовета КНР «Некоторые мнения о всестороннем возрождении Северо-Востока и других старых промышленных баз», который поднял на новый уровень реформу Дунбэя. На состоявшемся в конце 2015 г. совещании Политбюро ЦК КПК были определены четыре приоритетных направления дальнейшей реализации стратегии возрождения старых промышленных баз северо-вос-

18,8 млрд руб. Из них большая часть – 13,6 млрд – расходы на строительство российской части моста, 5,2 – китайской. Мост строится не за государственные деньги – это частное партнерство с привлечением китайских банков. Длина мостового сооружения, перекрывающего реку, – 1 081 метр. Срок строительства – три года. Начало эксплуатации запланировано на 2019 г. Расчет пропускной способности моста до 2040 г. – 6,5 млн т груза и 3 млн человек. URL: <http://www.amur.info/news/2016/12/24/119520>

⁴⁵ Межправительственное Соглашение о совместном строительстве, эксплуатации, содержании и обслуживании железнодорожного мостового перехода было подписано между Россией и КНР в ноябре 2008 г. Инициатива возведения принадлежит компании «Ариком», которая относится к группе компаний «Петропавловск». Специально для этого еще в 2006 г. было создано ООО «Рубикон», задача которого – инвестирование и строительство российской части трансграничного железнодорожного моста через Амур в районе речных портов Нижнеленин-ский ЕАО и Тунцзян одноименного уезда провинции Хэйлуцзян КНР. Китай, внутренние транспортные сети которого испытывают сегодня колоссальную нагрузку, получает доступ к морским портам в Ванино и Советской гавани, к Транссибу, БАМу, а оттуда к Европе. Россия же в лице дальневосточных территорий – удобный выход к северным и южным районам Китая и странам АТР. И лишь после Совместного заявления, подписанного Президентом России и Председателем КНР в Шанхае в 2014 г. «процесс пошел». Поскольку мост железнодорожный, длительное время решался вопрос «стыковки» колеи. В результате по мосту будут проложены две колеи. Китайская и российская. Подвижной состав из Китайской Народной Республики по своей колее будет заходить на территорию Российской Федерации, проходить таможенную очистку, разгружаться, или, наоборот, загружаться, и отправляться обратно. Аналогичная, абсолютно зеркальная ситуация с нашей стороны.

Протяженность будущего мостового перехода – 2,2 км. С российского берега нужно построить 310 м, не считая подходов к сооружению. Китайская часть объекта длиной более 1,8 км, возведение которой началось еще в феврале 2014 г., фактически завершена, российская сторона начала строительство летом 2016 г. Мост в первую очередь необходим для экспортных поставок железорудного концентрата со строящегося Кимкано–Сутарского горно-обогатительного комбината. Расчетная производственная мощность ГОКа – 8,3 млн т концентрата в год. На китайской территории объект присоединится к железнодорожной линии Сяньянчуань – Хаюйдао, а на российской – к Транссибу. URL: <http://tass.ru/ekonomika/1881642/eaomedia.ru/news/360923/>

⁴⁶ Действующий автомобильный мост между китайским Дуннином и российской Полтавкой, построенный в 1993 г., сегодня является единственным мостом на торговом пути между соседними регионами. Срок службы моста подходит к концу, поэтому власти Дуннина заказали проект нового автомобильного сооружения через пограничную реку. Новый мост, длиной 144,84 м и шириной 12 м, планируется построить выше по течению, в 36 м от старого, на расстоянии 5,6 км от поселка Полтавка и 11 км от Дуннина.

⁴⁷ Подробнее см.: Александрова М.В. Новое видение транспортного положения Северо-Востока Китая в свете концепции «Один пояс, один путь» // Китай в мировой и региональной политике. М., 2016. С. 256–272.

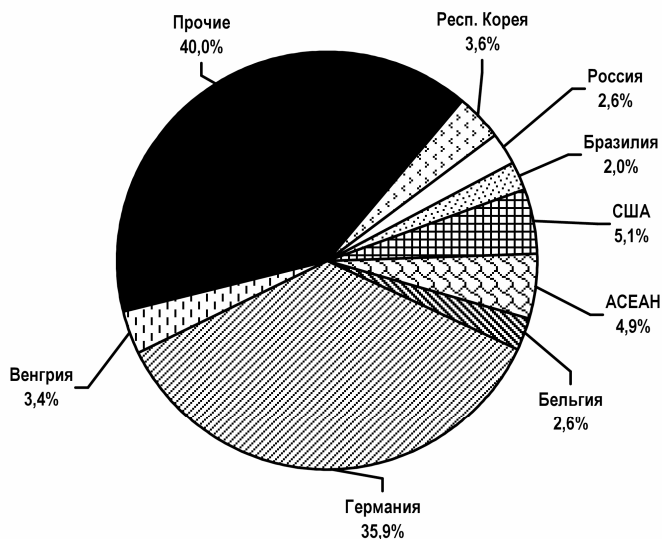
⁴⁸ URL: http://hlj.xinhuanet.com/news/2016-12/29/c_135941166.htm

точных и других районов страны. Как считают в КНР, интенсивное внедрение обновленной политики Дунбэя должно способствовать всестороннему развитию новых форм сотрудничества с Россией, в частности помочь найти новые подходы в развитии трансграничного промышленного сотрудничества⁴⁹.

Провинция Цзилинь на протяжении многих лет пытается найти «свое место» в российско-китайском экономическом взаимодействии, но по ряду объективных причин данные попытки не достигли желаемого результата. В 2015 г. товарооборот провинции с Россией составил 520 млн долл. при цзилиньском положительном сальдо в размере 20 млн.

Диаграмма № 10

География внешней торговли провинции Цзилинь (2015 г.)

Источник: URL: <http://www.haiguan.info>

В 2016 г. наблюдалась устойчивая тенденция к снижению экспорта провинции в Россию, да и доля российского экспорта в Цзилинь значительно снизилась. Как и прежде, основу экспорта Цзилиня составляет электромеханическая продукция, наметилась тенденция к снижению объемов экспорта традиционной для провинции трудоемкой продукции. К примеру, объем экспорта одежды и комплектующих для нее в I квартале 2016 г. снизился по сравнению с 2015 г. на 75%, экспорт текстиля и пряжи

⁴⁹ URL: http://www.cssn.cn/gd/gd_rwdb/gd_mzgz_1713/201702/t20170205_3403094.shtml

сократился на 77%. В российском экспорте в Цзилинь увеличилась доля угля и лигнина, которая в I квартале 2016 г. составила порядка 35% российского экспорта; произошло существенное снижение отгрузки сельхозпродукции и пиловочника.

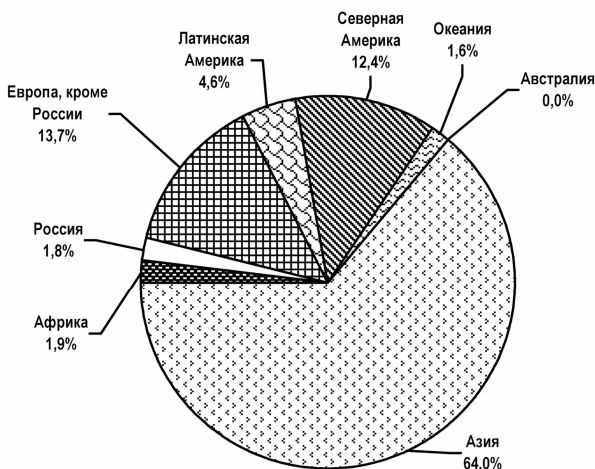
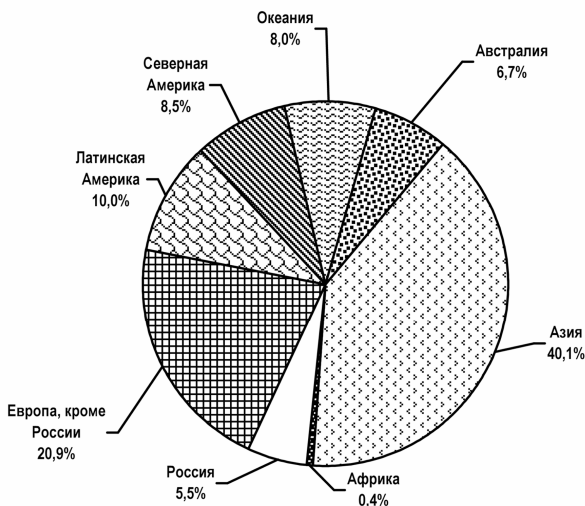
В соответствии с принятым правительством России «Планом действия, направленного на обеспечение стабильного социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 году» наша страна встала на путь активного импортозамещения, в чем уже достигнуты определенные результаты. Так, по данным Минпромторга, в 2014 г. средний уровень локализации иномарок в нашей стране достиг 45%, а к 2018 г. должен составить 60%. Исходя из данных тенденций, **Первый автомобильный завод (FAW)** поспешил заявить об открытии предприятия на российском Дальнем Востоке. Завод по производству грузовиков FAW готовится к открытию в Приморском крае: по планам совместное российско-китайское предприятие приступит к работе уже весной 2017 г. В январе 2017 г. приморский завод получил от местных властей идентификационный код на право выпускать грузовики, а теперь еще предстоит получить ОТТС. Объем инвестиций на первом этапе проекта составляет 28 млн руб. с перспективой создания 52 рабочих мест. Сборка грузовых автомобилей FAW будет осуществляться на площадях техцентра «Сумотори», расположенного в городе Артеме. Проект планируется реализовывать в 3 этапа. Первый уже реализован: создано совместное предприятие и в сентябре 2016 г. осуществлена продажа первой партии грузовиков FAW. В 2017 г. компания приступит ко второму этапу – сборка готовых автомобилей из импортируемых из Китая шасси и надстроек. Третий этап предусматривает увеличение локализации, сборку крупных узлов автомобилей, создание нового завода. Линейка продукции проекта представлена четырьмя моделями: самосвал 6×4, самосвал 8×4, автобетоносмеситель 6×4, бензовоз 6×4. Плановый объем производства на старте проекта составляет до 2 тыс. тяжелых грузовых автомобилей в год⁵⁰.

В последние годы торговля между **Ляонином** и российскими регионами становится все более активной, масштабы торговли расширяются. С 2000 по 2014 г. товарооборот между Ляонином и Россией вырос в 10 раз, а с 2000 по 2015 г. практически в 14 раз. При этом следует отметить, что если в 2000 г. российский экспорт в Ляонин был в 1,8 раз выше показателя экспорта Ляонина в Россию, то в 2015 г. российский экспорт уже в 3,1 раз превышал данные ляонинского экспорта.

Хотя по всем показателям внешнеэкономической открытости Ляонин в Дунбэе лидирует, но о глубоком экономическом взаимодействии с Россией говорить преждевременно.

⁵⁰ URL: <http://primorsky.ru/news/115835/>, <http://www.gudok.ru/news/press/detail.php?ID=1358677>

Диаграмма №11

География экспорта провинции
Ляонин (2016 г.)География импорта провинции
Ляонин (2016 г.)

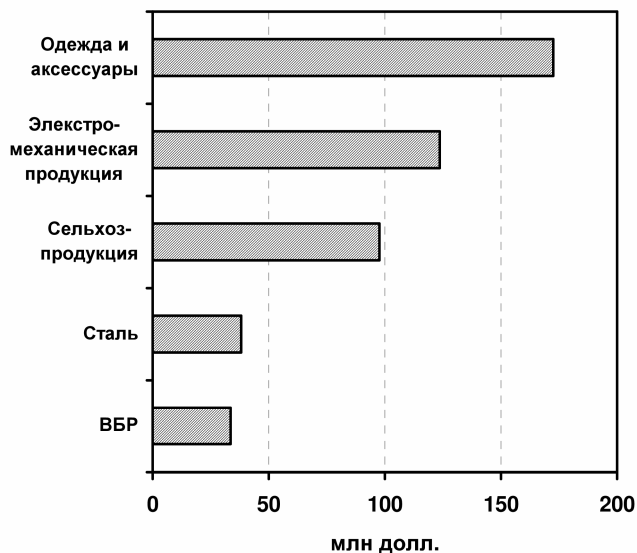
Источник: URL: <http://www.35ln.com>

Что касается наполнения экспортного потока Ляонина в Россию, последние 5–6 лет отличаются некоторой неустойчивостью. Так, к примеру, в 2011 и 2016 г. лидировала электромеханическая продукция, а в 2014 – одежда; до 2015 г. среди 5 главных экспортных групп не было высокотехнологичной продукции, а в 2016 г. она заняла 2-е место, при этом лишь за

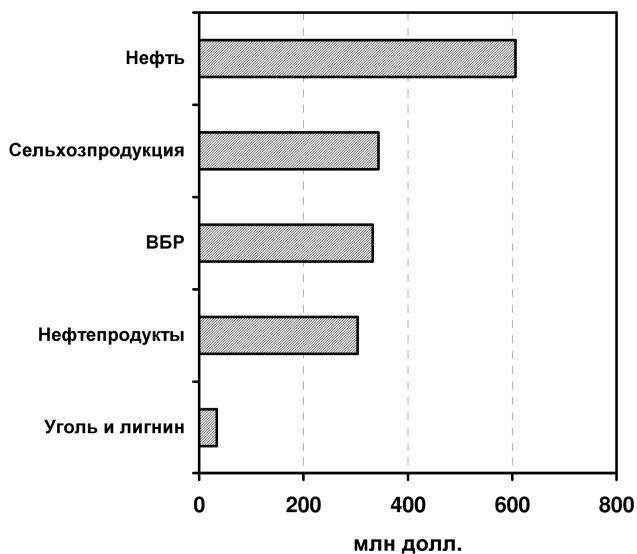
7 месяцев 2016 г. прирост по этой группе товаров составил более 230%. 3-я и 5-я группы товаров – сельхозпродукция и морепродукция – уже несколько лет не меняют своего значения.

Диаграмма № 12

Структура экспорта Ляонина в Россию

Структура импорта Ляонина из России

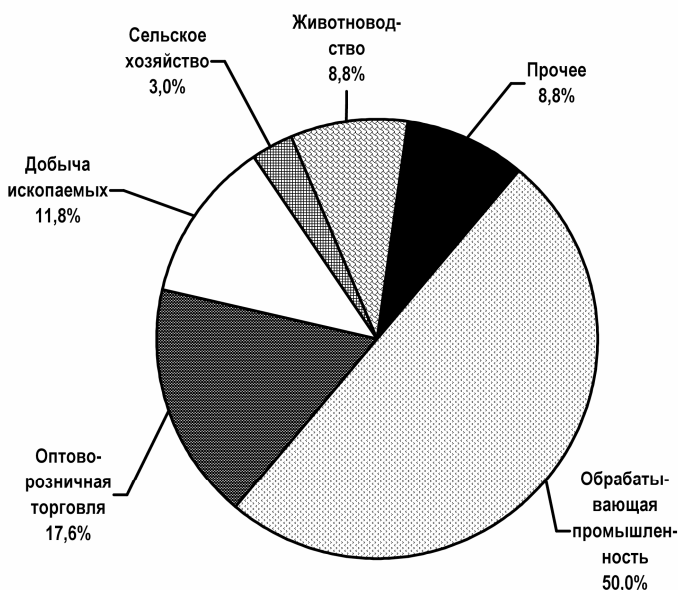
Источник: URL: <http://www.haiguan.info/NewsInfor/MacroscopicaAnalyseDetail.aspx?id=2089>

В отношении импорта Ляонина из России: последние 3–4 года первенство держит сырая нефть, сельхозпродукция и ВБР. К сожалению, российский экспорт наполнен продукцией с низкой добавленной стоимостью.

Масштабы взаимной торговли более чем скромные. Что касается инвестиций Ляонина за рубеж, то Россия пока не попала в список 24 крупнейших стран-реципиентов⁵¹. В 2014 г. провинция Ляонин инвестировала в более 150 проектов на территории России, провинцией с нашей страной подписано соглашений на сумму 867 млн долл., из которых 790 млн – ляонинские инвестиции. Основной сферой приложения капитала в российских регионах стали: добывающая промышленность, нефтехимия, переработка древесины и др.

Диаграмма № 13

**Отраслевая структура инвестиций
Ляонина в Россию (2015 г.)**

В заключение хотелось бы отметить несколько моментов.

1. Складывается впечатление, что российская сторона без должной подготовки пытается стихийно развивать региональное экономическое сотрудничество с КНР по всем возможным направлениям. Нашими сторонами, начиная с 2009 г., подписаны соглашения и меморандумы, которые не наполнены никаким серьезным содержанием.

⁵¹ URL: <http://www.chinaru.info/zhongejmyw/jingmaotegao/40159.shtml>

2. Как и в предыдущие 20 лет, структура российского экспорта продолжает оставаться сырьевой, и ни государство, ни частный бизнес не пытаются изменить ситуацию к лучшему.

3. Исходя из структуры российского регионального экспорта и некоторых действий китайской стороны, можно с большой вероятностью сказать, что на Дальнем Востоке как минимум в трех сферах экономики, а именно лесной и лесопереработке, а также рыбодобыче, а в СФО в двух – лесной и лесопереработке, цены и политика контролируются китайской стороной. Поскольку какие бы меры Россия ни предпринимала в вопросах углубления переработки ресурсов, китайцы опережают наши действия на несколько шагов, и поэтому все продолжается, как и предыдущие 25 лет российских реформ: из России – сырье, из КНР – готовая продукция.

4. Хотелось порадоваться за российских кондитеров и бакалейщиков – да, очевиден прирост экспорта «сладкой» продукции в КНР. Но, во-первых, российская продукция пришла на китайский рынок с большим запозданием; во-вторых, для того, чтобы завоевать и закрепиться на этом сложном рынке, необходимо работать как по вопросам маркетинга, так и рекламы, а для этого в Китае надо платить огромные деньги, которых нет у небольших российских предприятий. В-третьих, вряд ли небольшие российские производители пищевой продукции смогут защитить ее от контрафакта, который уже заполняет Китай.

5. Наполнение экспорта углеводородами – это одна из стратегических ошибок советского и российского руководства со времен Хрущева. Сегодня мы заполняем ВСТО и отгружаем в КНР «сырую нефть» и другие топливные ресурсы, т.е. исключаем возможность оставить в России добавленную стоимость, не создаем новых рабочих мест и подвергаем рискам государственный и региональные бюджеты из-за постоянного колебания цен на топливо на мировом рынке.

6. Что касается инвестиционного сотрудничества с КНР, то это вопрос также неоднозначный. Как было указано в статье, сложно понять, почему министр, отвечающий за вопросы развития Дальнего Востока, не хочет или не может точно назвать размеры китайских инвестиций в регион. Почему с нами говорят загадками? Но речь о другом. Сегодня нам пытаются навязать мысль о том, что ТОРы – это хорошо и что они будут «двигателями» экономического развития ДФО. Но здесь возникает много сомнений. К примеру, китайские инвестиции в Амурский НПЗ. Кто будет на нем работать? Как быстро произойдет «импортозамещение» состава сотрудников? Какие налоги соберет региональная казна от этих предприятий? Кто будет отвечать за загрязнение территории отходами деятельности этого предприятия? И таких вопросов с каждым днем становится все больше...

7. Еще одна проблема, которую упускают из поля зрения, а именно?: недостаточное количество подготовленных высококвалифицированных специалистов с китайским языком, включая экономистов, юристов и других отраслевиков, на Дальнем Востоке и в Сибири. Мы активно приглашаем китайский бизнес, но совершенно не понимаем, с кем имеем дело, не знаем китайской культуры бизнеса и особенностей ведения переговоров, не прислушиваемся к специалистам и их опасениям. Нам хочется выйти со своей продукцией на новый рынок, но при этом совершенно не знакомясь с законами и традициями этого рынка.

П.Б. КАМЕННОВ

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы развития советско-китайских и российско-китайских военно-технических связей, их значение для создания военно-промышленного комплекса КНР и превращения НОАК в современные вооруженные силы, способные обеспечить обороноспособность страны в новых условиях. Эти связи анализируются в контексте развития между РФ и КНР отношений стратегического партнерства, направленных на стратегическое взаимодействие в XXI веке.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, стратегическое партнерство, стратегическое взаимодействие, поставки в КНР российской военной техники, совместные российско-китайские военные антитеррористические учения.

Военно-технические связи Китая с нашей страной имеют длительную историю. Их начало относится к 1923 г., когда Сунь Ятсен, возглавлявший революционное правительство Южного Китая, впервые обратился с просьбой о военной помощи к Советскому правительству, которая была удовлетворена. В Гуанчжоу была направлена группа советских военных советников во главе с В.К. Блюхером, при ее непосредственном участии закладывались основы народных революционных вооруженных сил, создана школа подготовки командного состава в Вампу, проводилось обучение и воспитание войск. Военные советники принимали участие в разработке и осуществлении Северного похода Народно-революционной армии (НРА) Китая (1926–1927 гг.), в ходе которого были разгромлены основные силы реакционных милитаристов. В 1920-е годы военное сотрудничество включало оказание Китаю материальной помощи, поставки оружия и боеприпасов, подготовку командных кадров НРА в военно-учебных заведениях СССР.

Новый этап военного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом относится ко второй половине 30-х годов прошлого века, когда в Китае на основе союза Гоминьдана и КПК был образован Единый фронт борьбы против японской агрессии. В 1938–1939 гг. СССР предоставил

Китаю крупные кредиты, в счет которых осуществлялись поставки боевых самолетов, танков, стрелкового и артиллерийского вооружения, боеприпасов, горючего и другого военного имущества. Погашение кредитов предусматривалось с 1941 г. поставками китайских товаров и сырья, в том числе вольфрама, сурьмы, олова, шерсти, чая и др. К началу 1939 г. в Китае находилось 3665 советских военных специалистов, а летом 1939 г. в связи с угрозой продвижения японских войск к столице военного времени г. Чунцин в Китай было направлено дополнительно 400 советских летчиков, которые в течение четырех месяцев сдерживали японское наступление на Ухань¹.

В период после разгрома советскими войсками японской Квантунской армии и завершения Второй мировой войны на Дальнем Востоке военно-техническое сотрудничество Китая с Советским Союзом приобрело первостепенное значение для завоевания окончательной победы китайского народа в борьбе за национальное освобождение. По просьбе руководства КПК в его распоряжение было передано оружие и снаряжение, захваченное у японской Квантунской армии. При содействии Советского Союза было налажено промышленное производство в Маньчжурии, благодаря чему Маньчжурия стала надежным тылом, снабжавшим на протяжении гражданской войны вооруженные силы КПК².

Китайский аналитик Пэн Сюньхоу (бывший научный сотрудник военно-исторического факультета Академии военных наук НОАК) отмечает, что в первый период после образования КНР в 1949 г. в стране почти не было своей оборонной промышленности. Из-за проводимой империалистическими странами политики блокады и эмбарго на поставки оружия Новый Китай был лишен возможности закупать необходимую военную технику и вооружения в странах Запада. В целях укрепления государственной обороны, изменения такой ситуации, когда НОАК обладает только сухопутными войсками, улучшения оснащения армии, ЦК КПК утвердил курс на закупку военной техники и вооружений у дружественного соседа – Советского Союза, который первым признал независимость КНР³.

В июле 1949 г. Сталин принял предложение члена политбюро ЦК КПК Лю Шаоци, находившегося в СССР с визитом, о покупке в СССР самолетов и отправке советских военных специалистов в Китай для оказания содействия в создании китайских военно-воздушных сил в течение примерно года. Стороны достигли соглашения, по которому Китай должен был в скорейшее время создать 6 авиационных школ, включая 4 школы

¹ Сладковский М.И. Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. М., 1978. С. 88–89.

² Бутурлинов В.Ф. Вооруженные силы Китая. История и современность / Институт военной истории (ИВИ) МО СССР. М., 1989.

³ Пэн Сюньхоу. О военных обменах между Китаем и Россией (бывшим СССР) (1949–2009 гг.). URL: russian.china.org.cn (17.08.2009).

летчиков-истребителей и 2 школы пилотов бомбардировщиков; за год с помощью советских специалистов подготовить 350–400 летчиков. Советская сторона должна была поставить в Китай 350–400 самолетов, направить по 100 экспертов для каждой школы летчиков-истребителей и по 120 экспертов для каждой школы пилотов бомбардировщиков. Среди них 20 человек являлись летчиками старшего офицерского состава или преподавательского состава, остальные были сотрудниками наземной службы, преподавателями теоретических дисциплин, сотрудниками в сфере медицины и тылового обеспечения. Всего, включая экспертов, направленных в штаб ВВС НОАК, а также для оказания помощи Китаю в создании воздушно-десантных войск, Советский Союз послал в Китай 878 специалистов, из них 159 работали в Первой авиашколе, 168 – во Второй, 123 – в Третьей, 124 – в Четвертой, 128 – в Пятой и 146 – в Шестой авиашколе.

С началом Корейской войны с целью оказания помощи корейскому народу Китай ускорял темпы импорта вооружений из Советского союза. В 1950 и 1951 г. Китай приобрел вооружение 12 советских авиадивизий, посланных Советским Союзом для оказания содействия в создании противовоздушной обороны Китая, а также 36 торпедных катеров. До конца 1955 г. в общей сложности Китай импортировал около 800 тыс. винтовок, 11 тыс. пушек, 3000 танков и броневиков, 5000 самолетов, 200 кораблей (включая передачу технологий их производства), 1400 радиолокаторов и прожекторов, 12 тыс. единиц связного оборудования и большое количество материально-технических средств различного назначения. После 1956 г. Китай дополнительно импортировал из СССР некоторое количество военной техники и производственного оборудования в качестве образцов для копирования.

После образования в 1949 г. Китайской Народной Республики советско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество имело своей целью коренную реорганизацию НОАК и превращение ее в современные регулярные вооруженные силы. В этот период в Китае создается широкая сеть военно-учебных заведений, где процесс подготовки военных кадров для НОАК строился с учетом советского опыта. Положительную роль в укреплении обороноспособности КНР сыграла безвозмездная передача Китаю Китайско-Восточной железной дороги, порта Дальний и Порт-Артура. Военное сотрудничество с Советским Союзом в этот период позволило Китаю превратить НОАК из полупартизанских формирований в регулярную армию, состоящую из видов вооруженных сил и родов войск и оснащенную современной техникой. Одновременно СССР оказал Китаю всестороннюю помощь в создании военно-экономического потенциала. Помимо общей программы экономического сотрудничества с Китаем, Советский Союз в 1950-х годах принимал участие в создании военной промышленности Китая. Построенные в то время предприятия, например, авиационные заводы в Шэньяне, Харбине, Сиане и Чэнду, танковый завод

в Баотоу (Внутренняя Монголия, так называемый завод №617), а также комплекс предприятий по производству стрелково-артиллерийского оружия на Северо-Востоке страны, до сих пор являются основой китайского ВПК. Кроме того, Советский Союз предоставил Китаю лицензии и техническую документацию для организации производства самолетов, танков, автомобилей, орудий, боеприпасов, средств связи и другой военной техники; не стали исключением документация и оборудование для производства ядерных стратегических вооружений: Китаю были переданы образцы советских ракет «Р-1» и «Р-2» (на базе последней была создана первая китайская баллистическая ракета средней дальности «Дунфэн-2» (DF-2)⁴.

За период с 1949 по 1969 г. (в 1969 г. военные связи между двумя странами вследствие известного ухудшения межгосударственных отношений были приостановлены) Советским Союзом было поставлено вооружений и военной техники Китаю на общую сумму около 4,1 млрд долл., командировано в Китай более 5 тыс. военных советников и специалистов; в советских военно-учебных заведениях было подготовлено 1578 китайских военных специалистов. В 1951–1960 гг. КНР оказано техническое содействие в создании и дооборудовании объектов военного назначения на сумму 439,3 млн долл. При этом в 1949–1962 гг. Китаю было передано безвозмездно 650 лицензий на производство вооружения и военной техники.

Значение, которое имело советско-китайское военно-техническое сотрудничество для Китая, можно проследить на примере поставок советских зенитных ракетных комплексов (ЗРК) СА-75 «Двина». В октябре 1957 г. в Москве состоялось советско-китайское совещание по вопросам военно-технического сотрудничества, по итогам которого было подписано соглашение о передаче КНР лицензий на производство различных видов ракетного оружия, технической документации, а также ряда новейших оборонных технологий. Кроме того, были начаты поставки в КНР некоторых видов ракетного оружия, в том числе авиационных, тактических и зенитных ракет. Роль последних особенно возросла в связи с разразившимся в конце августа 1958 г. Тайваньским кризисом. В те годы масштабные поставки американского оружия привели к значительному усилению тайваньских вооруженных сил. Авиация Тайваня получила из США несколько высотных самолетов-разведчиков РБ-57Д (вскоре и Локхид У-2), их характеристики значительно превосходили возможности, которыми обладали китайские средства ПВО. В этой обстановке китайское руководство обратилось к СССР с просьбой о поставке в КНР нескольких новейших по тому времени зенитных ракетных комплексов СА-75 «Двина». Весной 1959 г. в КНР были доставлены пять огневых и один технический дивизион ЗРК СА-75, включая 62 зенитные ракеты 11Д, а к боевой

⁴ URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/3283/>.

работе были подготовлены первые боевые расчеты, состоявшие из китайских военнослужащих. Для обслуживания этих комплексов в Китай была направлена группа советских специалистов, с участием которых 7 октября 1959 г. в районе Пекина был впервые сбит тайваньский самолет-разведчик РБ-57Д. Высокие боевые качества советского ракетного оружия побудили китайское руководство приобрести лицензию на производство комплексов СА-75. В начале 1960-х годов в КНР было освоено лицензионное производство ЗРК СА-75, получившего китайское обозначение «Хунци-1» (HQ-1). Позднее на его основе в КНР был создан более совершенный ЗРК «Хунци-2» (HQ-2), который в 1967 г. был принят на вооружение и впоследствии модернизирован с учетом опыта войны США против Вьетнама; новая версия ЗРК, которая была принята на вооружение в 1978 г., получила наименование «Хунци-2А» (HQ-2А). Темп производства различных вариантов ЗРК «Хунци-2» (HQ-2) в Китае в 1980-х годах достигал около 100 единиц в год, что позволило оснастить ими около 100 зенитных ракетных дивизионов, составлявших в те годы основу системы противовоздушной обороны страны. Таким образом, поставки советских ЗРК не только послужили решению наиболее актуальных задач ПВО, но и стали основой для создания в КНР своими силами современной системы противовоздушной обороны, выполняющей свои задачи на протяжении десятилетий.

Возобновление военно-технического сотрудничества в начале 90-х годов проходило в условиях хаоса приватизации и непрофессионализма в российской политике, когда часть технологических линий и некоторые образцы вооружений и военной техники продавались российскими приватизаторами по бросовым ценам. Однако к середине 90-х годов политика России в области военного и военно-технического сотрудничества с Китаем увязывается с решением политических вопросов военной безопасности⁵, что нашло свое выражение в заключении между двумя странами ряда важнейших соглашений, *образующих уникальную систему мер доверия*. Эти меры включают взаимные обязательства не применять первыми ядерное оружие, не нацеливать ядерные ракеты друг на друга, предотвращать опасную военную деятельность, исходя из принципа военной транспарентности в 200-километровой приграничной полосе. Пятисторонние соглашения между Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Китаем о мерах доверия в районе государственной границы (1996 г.) и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе государственной границы (1997 г.) являются беспрецедентными. Первое из них предусматривает «...неприменение силы или угрозы силой друг против друга, отказ от получения одностороннего военного превосходства, неиспользование войск, дислоцированных в районе границы как составной части всех вооруженных сил,

⁵ *Ивашиов Л.Г.* Россия–Китай: перспективы военно-технического сотрудничества. URL: www.fondsk.ru (09.03.2006).

для нападения на другую сторону». Вторым соглашением установлены предельные уровни численности личного состава и количества вооружений и боевой техники каждой из сторон в 100-километровой приграничной полосе⁶.

Исследуемая сфера основывается на положениях российско-китайского межправительственного Соглашения о военно-техническом сотрудничестве, подписанного 24 ноября 1992 г., и Меморандуме о понимании между правительствами России и КНР о военно-техническом сотрудничестве от 18 декабря 1992 г. В соответствии с Соглашением была образована российско-китайская комиссия по военно-техническому сотрудничеству, которая собирается один раз в год поочередно в Москве и Пекине.

Новый шаг на пути развития двусторонних военных связей России и Китая был сделан 11 ноября 1993 г., когда было заключено Соглашение о военном сотрудничестве между министерствами обороны двух стран и установлены прямые связи между Российскими вооруженными силами и Народно-освободительной армией Китая.

Ныне военное сотрудничество между нашими странами развивается на основе принципа паритетности. Со стороны России оно осуществляется в соответствии с ежегодными планами мероприятий Минобороны по развитию связей с армиями зарубежных государств. Общее количество мероприятий, посвященных обсуждению важнейших тем российско-китайского военного сотрудничества, ныне составляет от 30 до 35 в год. Осуществляется подготовка китайских специалистов в вузах Минобороны России. В настоящее время в российских военных вузах проходят обучение более 100 китайских военнослужащих, растет обмен специалистами различных видов вооруженных сил.

Важным шагом в укреплении доверия в российско-китайских отношениях, в том числе и в военной области, стало подписание Президентом РФ В.В. Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэмином 16 июля 2001 г. в Москве Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. В соответствии с Договором Россия и Китай подтвердили обязательства не применять первыми друг против друга ядерное оружие, взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты (ст. 2), а также осуществлять меры по укреплению доверия в военной области и взаимному сокращению вооруженных сил в районе границы на основе действующих соглашений (ст. 7). В этих условиях военно-техническое сотрудничество между двумя странами приобрело устойчивую тенденцию к расширению и углублению взаимодействия. Ныне оно охватывает такие области, как военная наука, обмен информацией, космос, связь, тыловое обеспечение, по-

⁶ Карасин Г. Россия–Китай: партнерство, развернутое на стратегическую перспективу // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 2. С. 26.

ставка Китаю российских вооружений, подготовка в России китайских военных кадров и др.

Для России последовательное продолжение не направленного против третьих государств военно-технического сотрудничества с Китаем стало важным шагом по наполнению практическим содержанием основных положений Договора. Кроме того, в условиях ограниченного оборонного заказа для российской армии в первые годы XXI столетия оно способствовало сохранению потенциала российского оборонно-промышленного комплекса, что отвечало интересам национальной безопасности России.

В 1990-е годы объемы закупок КНР российских вооружений и военной техники, а также лицензий на их производство составляли в среднем около 1 млрд долл. в год; в 2004 г. общий объем закупок с учетом реализованных и выполняющихся контрактов превысил 2 млрд долл.⁷

По неполным данным, за период с 1992 по 2002 г. Китаем были закуплены: для сухопутных войск – партия управляемых артиллерийских снарядов «Краснополь-М» (1000 шт.); для военно-воздушных сил – 76 истребителей Су-27, 76 многоцелевых истребителей Су-30МКК, 1200 ракет «воздух–воздух» малой дальности, 300 авиационных двигателей АЛ-31ФН (для истребителя «Цзянь-10» китайской разработки), зенитные ракетные системы большой дальности С-300П/МПУ-1, С-300П/ПМХ-2; зенитные ракетные системы малой дальности «Тор-М1»; для военно-морских сил – 12 дизель-электрических подводных лодок (в том числе проекта 877ЭКМ – 2 единицы, проекта 636 – 10 единиц), 4 эскадренных миноносца типа «Современный», 28 морских многоцелевых истребителей Су-30МК2, партия крылатых ракет ЗМ-80Э «Москит» (для ЭМ типа «Современный»). Кроме того, Китай приобрел лицензии на производство 200 истребителей Су-27 и управляемых артиллерийских снарядов «Краснополь-М»⁸. В конце 2005 г. заключен крупный контракт на поставку в 2006–2010 гг. из России в Китай 38 самолетов Ил-76МД и Ил-78МК, а также 240 авиационных двигателей к ним⁹.

Эти закупки позволили Китаю приступить к переоснащению военно-воздушных сил, военно-морского флота, сил противовоздушной обороны, а также к модернизации военно-промышленного комплекса, с конечной целью повышения оборонного потенциала в новых исторических условиях, характеризующихся возрастающим значением в возможной войне высоких технологий.

С 2010 г. между министерствами обороны двух стран действует прямая телефонная связь, что подчеркивает растущий уровень китайско-российских военных отношений. Увеличивается количество взаимных визи-

⁷ ИТАР-ТАСС. 12.12.2004.

⁸ Макиенко К. Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992–2002 годах: достижения, тенденции, перспективы. М., 2002. С. 40–47.

⁹ URL: <http://saint-petersburg.ru/show/153004>

тов военачальников, генеральные штабы периодически проводят стратегические обсуждения эффективности практических дел. Тесно взаимодействуют пограничные войска. Китайско-российская граница, по словам министра обороны КНР Лян Гуанле, стала районом дружбы и процветания наших народов. Проводятся инспекции на территории приграничных военных округов и совместные радиотренировки по предотвращению опасной военной деятельности на территории Восточного (РФ) и Пекинского военных округов вблизи общей границы. В них принимают участие подразделения сухопутных и пограничных войск, авиации, сил и средств ПВО.

Укрепляются непосредственные связи между видами вооруженных сил, военными вузами, в области культуры и отдыха. Расширяется обмен военными делегациями, взаимными визитами боевых кораблей. В ходе контактов на высшем уровне стороны неоднократно выражали удовлетворение ходом военно-технического сотрудничества и отмечали, что оно носит развитый характер и полностью отвечает сложившимся между двумя странами отношениям стратегического партнерства¹⁰.

Ныне российско-китайское военно-техническое сотрудничество осуществляется в контексте политического сближения и усиления стратегического взаимодействия двух стран в международных и региональных делах, что, в частности, нашло отражение в Совместной декларации РФ и КНР по основным международным вопросам, подписанной в мае 2008 г. в Пекине. По оценке видного российского ученого вице-президента Академии геополитических проблем Л.Г. Ивашова, российско-китайское военно-техническое сотрудничество, как стержень стратегического партнерства двух соседних держав мирового уровня, стабилизирует глобальную ситуацию, ибо намечает перспективу многополярного мира¹¹.

Одним из направлений сотрудничества является подготовка военнослужащих НОАК в России. В российских военно-учебных заведениях, включая Военную академию Генерального штаба ВС РФ, на регулярной основе обучаются свыше 100 китайских военнослужащих. Кроме того, регулярно, под выполнение контрактов на поставку вооружений и военной техники, в российских учебных центрах проходят подготовку экипажи кораблей и подводных лодок, самолетов, расчеты систем ПВО и др.¹² Отдельно следует отметить также подготовку в 1990-х годах авиаконструкторов, инженеров и технических специалистов китайского ВПК в Сибирском НИИА им. С.А. Чаплыгина (г. Новосибирск) по проблемам проектирования боевой авиации.

Вместе с тем начиная с 2006 г. военно-техническое сотрудничество двух стран сталкивается с рядом *проблем* и приобретает тенденцию к сокращению. Прежде всего, сильно сократилась номенклатура военной тех-

¹⁰ ИТАР-ТАСС АТЛАС. 14.12.2004.

¹¹ Ивашов Л.Г. Россия–Китай: перспективы военно-технического сотрудничества...

¹² Ивашов Л.Г. Россия–Китай: перспективы военно-технического сотрудничества...

ники, импортируемой Китаем. В 1992–2006 гг. почти половина экспорта российского вооружения шла в Китай. В 2007 г. произошли изменения: 28% экспорта вооружений пришлось на Индию, а 21% – на Китай; новые контракты, заключенные с Китаем, составили лишь 6%. Одна из причин такого спада состоит в том, что за 10 с лишним лет до этого Китай уже закупил крупные партии российских вооружений и по некоторым позициям достиг насыщения ими. Но это связано также и с тем, что качество поставлявшихся из России вооружений оставляло желать лучшего – это были образцы, созданные еще в советские времена, Китай же заинтересован в получении более современных систем. Кроме того, в связи с ростом технологических возможностей китайского ВПК требования Китая к закупаемой военной технике также повысились.

Среди других проблем – поставленный Пекином вопрос о повышении технологического уровня предлагаемой Китаю военно-технической продукции, а также поставленный со стороны Москвы вопрос о защите прав на российскую интеллектуальную собственность¹³. Эти проблемы рассматривались на 13-м заседании российско-китайской смешанной межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству (декабрь 2008 г., Пекин), которое завершилось подписанием двух документов, в том числе Соглашения об охране интеллектуальной собственности¹⁴. Тем не менее *безлицензионное копирование китайцами российской военной техники* не прекратилось, о чем свидетельствуют ставшие известными в конце 2009 г. факты производства палубного истребителя «Цзянь-15» (J-15), являющегося копией российского самолета Су-33, а также выпуска второй партии истребителя «Цзянь-11В» (J-11В) – аналога Су-27¹⁵. В последующем данное обстоятельство привело к осложнению переговоров по заключению новых контрактов на поставку в Китай российской военной техники, особенно в связи с недостаточной эффективностью Соглашения об охране интеллектуальной собственности 2008 г., носящего общий характер.

Возникли и *проблемы в области совместных разработок вооружений*, что особо проявилось в том, что Китай не получил предложение России на участие в разработке истребителя пятого поколения, тогда как Индия получила официальное приглашение. По мнению китайских аналитиков, это вызвано тем, что в России по этому вопросу возникли разногласия. Российские военно-промышленные предприятия и конструкторские бюро выступали за участие Китая, поскольку у него вполне достаточная финансовая, кадровая и военно-техническая база. Однако часть российских военных рассматривает Китай как потенциальную угрозу России и

¹³ ИТАР-ТАСС. 23.05.2008.

¹⁴ URL: <http://www.govoritmoskva.ru/russia/081211112434.html>

¹⁵ URL: <http://periscope2.ru>

настроена категорически против передачи ему новейших вооружений. Россия практикует ограничения на экспорт вооружений в Китай, например, самолетов Су-30, Су-34, Су-35 и Су-37, тогда как для Индии, Арабских Эмиратов, Южной Кореи и Малайзии таких ограничений не существует. По нашей оценке, **одной из причин возникшего взаимного недоверия** мог явиться выход Китая в одностороннем порядке из лицензионного соглашения 1995 г. на сборку 200 истребителей Су-27СК и срыв российской стороной сроков выполнения контракта 2005 г. на поставку в Китай самолетов Ил-76МД и Ил-78МК¹⁶.

Согласно оценкам китайских аналитиков, в обозримой перспективе заинтересованность Китая в военно-техническом сотрудничестве с Россией будет сохраняться по ряду причин военно-политического характера. В процессе дальнейшего подъема Китай, несомненно, столкнется с растущим давлением и вызовами со стороны США и стран Запада, которые все большее внимание будут уделять внутривосточным проблемам Китая, экономическим проблемам (открытость китайского рынка, обменный курс юаня, энергетические проблемы), возможному столкновению глобальных финансово-экономических интересов в связи с подъемом совокупной мощи Китая, расширению его влияния в мире и т.д. Для противодействия этому давлению Китай, наряду с использованием экономических связей с США, должен развивать стратегическое партнерство и взаимодействие с Россией и в особенности углублять военно-техническое сотрудничество¹⁷.

В Китае полагают, что важным фактором преодоления нынешнего застоя в китайско-российском военно-техническом сотрудничестве (и для полного развития его потенциала) является **решение проблемы «китайской угрозы»**, по-прежнему частично существующей в России и распространяемой некоторыми западными и российскими специалистами по международным вопросам. Однако следует отметить, что наряду с этим сохранению данной проблемы в России способствуют различия во взглядах по принципиальным вопросам, касающимся военной безопасности, существующие в самом Китае. Так, согласно официальным заявлениям, военная политика КНР имеет оборонительный характер¹⁸, в то время как в китайской печати на неофициальном уровне, по существу, ведется пропаганда концепции «стратегических границ и жизненного пространства», согласно которой рост населения и ограниченность ресурсов государства вызывают естественную потребность в расширении территории и доступе

¹⁶ Ли Чэнхун (Педагогический университет Восточного Китая). Военно-техническое сотрудничество между Китаем и Россией: состояние дел, проблемы и контрмеры // Элосы яньцзю. 2009. № 1. С. 87–116.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Белая книга «Национальная оборона Китая» 2010. URL:

http://www.china.org.cn/government/white_paper/2011-03/31/content_22263510.htm

к мировым ресурсам любыми средствами, то есть *обосновывается правомочность использования для решения этой задачи вооруженных сил*¹⁹. Не исключено, что упомянутая концепция принадлежит силам, заинтересованным в подрыве атмосферы межгосударственного доверия, в том числе сложившегося в отношениях между Россией и Китаем в конце XX – начале XXI века.

Не способствуют укреплению межгосударственного доверия отдельные некорректные утверждения современных китайских авторов, например, проректора, заместителя секретаря парткома АОН Китая Ли Шэньмина, о якобы имевших место агрессивных намерениях Советского Союза в отношении Китая в 1950–1960-е годы²⁰.

В связи с этим заслуживает внимания мнение китайского аналитика Ли Чэнхуна о том, что укреплению межгосударственного доверия между нашими странами могло бы способствовать развитие процесса более тесной экономической интеграции двух стран, активизация научного обмена и общего научно-технического сотрудничества для «перелива» его достижений в военно-техническую сферу. Высказывается предложение о необходимости наращивания динамики и масштабов сотрудничества с Россией Китайского фонда естественных наук в направлении реализации крупных долгосрочных проектов, требующих больших объемов инвестиций. Такое сотрудничество, по мнению Ли Чэнхуна, создало бы благоприятные условия и для военно-технической сферы²¹.

Намерение сторон расширять научно-техническое сотрудничество нашло отражение в ряде документов, подписанных во время 13-й регулярной встречи глав правительств двух стран, состоявшейся в 2008 г. в Москве. В их числе:

- Соглашение между Государственной корпорацией «Российская корпорация нанотехнологий» и Министерством науки и техники КНР о создании союза стратегического сотрудничества по нанотехнологиям;
- Меморандум между Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» и Китайской государственной корпорацией ядерной промышленности о сотрудничестве в сооружении в Китае двух блоков проекта расширения Тяньваньской АЭС и демонстрационного реактора на быстрых нейтронах коммерческого назначения;

¹⁹ Галенович Ю.М. О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен». М.: ИДВ РАН, 2009. С. 61, 95, 98, 99.

²⁰ Ли Шэньмин. Международная стратегия Китая в глобальном контексте. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2011 // Экспресс-информация № 1. Проблемы глобализации в трудах современных китайских ученых / ИДВ РАН. М., 2012. С. 40, 42, 47, 48.

²¹ Ли Чэнхун (Педагогический университет Восточного Китая) // Военно-техническое сотрудничество между Китаем и Россией...

– Протокол о намерениях между ОАО «Вертолеты России» и Китайской компанией по экспорту–импорту авиационных технологий и о поставке в Китай гражданских вертолетов;

– Меморандум о взаимопонимании между ОАО «Вертолеты России» и Вертолетной компанией «АВИКОптер» относительно совместной разработки гражданского тяжелого вертолета.

Стороны подтвердили намерение углублять сотрудничество в энергетической сфере по таким направлениям, как сооружение второй очереди Тяньваньской АЭС и демонстрационного реактора на быстрых нейтронах, строительство завода по обогащению урана, разведка урановых месторождений, изготовление топлива для АЭС и реакторов на быстрых нейтронах, переработка отработавшего ядерного топлива и обращение с радиоактивными отходами.

Как было отмечено в заявлении по итогам встречи, в сфере научно-технического сотрудничества Россия и Китай намерены с учетом приоритетных направлений развития науки, технологий и техники двух стран **реализовывать совместные проекты с наибольшим инновационным потенциалом и коммерческими перспективами**. В их числе такие перспективные сферы, как нанотехнологии, авиастроение, энергетика, информационно-коммуникационные технологии, энергосбережение, экология, рациональное природопользование²².

В ходе 15-го заседания российско-китайской межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству, состоявшегося в ноябре 2010 г. в Пекине, стороны отметили конкретные положительные результаты совместной деятельности и наметили перспективы дальнейшего сотрудничества, в частности подготовку и реализацию контрактов на поставку запасных частей к системам ПВО, авиационной и военно-морской технике, а также возможное участие российских специалистов в разработке продукции военного назначения в интересах китайской стороны в рамках опытно-конструкторских работ. Одновременно сохраняются возможности для сотрудничества в сферах, касающихся боевой и военнотранспортной авиации, военно-морской техники, систем ПВО и послепродажного обслуживания техники российского производства, находящейся на вооружении НОАК²³.

В целом российский экспорт в Китай сохраняет хорошие перспективы, однако требует учета возрастающих возможностей китайского ВПК, диверсификации форм сотрудничества, а также постоянного контроля соблюдения китайской стороной упомянутого Соглашения об охране российской интеллектуальной собственности.

В китайском импорте из России после спада в 2005–2011 гг., связанного с попытками Китая наладить производство вооружений и их компо-

²² URL: www.viperson.ru

²³ РИА Новости. 09.11.2010.

нентов своими силами, в последние годы отмечено **возобновление тенденции к закупкам крупных партий российской техники**: в 2011–2012 гг. закуплено 140 двигателей АЛ-31ФН для истребителя «Цзянь-10» (J-10), 100 двигателей РД-93 для истребителя FC-1, 184 двигателя Д-30КП-2 для военно-транспортного самолета Ил-76 и модернизированных бомбардировщиков «Хун-6» (H-6) и «Хун-6К» (H-6К); в начале 2013 г. достигнуто соглашение о закупке 24 новых российских истребителей Су-35 с поставкой в 2015–2016 гг.²⁴ Китай сохраняет заинтересованность в закупках в России авиационных двигателей, палубных истребителей Су-33, военно-транспортных самолетов Ил-76, зенитных ракетных систем С-400, дизель-электрических подводных лодок проекта 677 («Амур»).

Известны следующие крупные проекты закупки российской военной техники, находящиеся в различных стадиях обсуждения:

– закупка КНР партии зенитных ракетных систем С-400 с поставкой после 2017 г. (предположительно, речь идет о партии в четыре или восемь дивизионов);

– закупка КНР четырех подводных лодок модифицированного проекта 677Э («Амур-1650»). Инициатива в данном вопросе исходила от китайской стороны и была связана, предположительно, с ухудшившимися отношениями с Японией;

– обсуждается вопрос возобновления сорванного по вине российской стороны контракта на поставку Китаю 34 военно-транспортных самолетов Ил-76. Производство модифицированной версии самолета Ил-76МД-90А к настоящему времени восстанавливается в Ульяновске и, согласно заявлениям российских официальных лиц, поставка возможна начиная с 2017 г.

Кроме того, в различных стадиях обсуждения могут находиться соглашения по сотрудничеству в сфере поставок авиационных двигателей, в частности новых двигателей 117с для перспективных китайских истребителей. Возможно также обсуждение ряда тем, касающихся совместных НИОКР²⁵.

Китай сохраняет заинтересованность в продолжении закупок российской военной техники: в апреле 2015 г. подписан контракт на закупку партии зенитных ракетных систем С-400 (четыре дивизиона)²⁶; в ноябре 2015 г. – контракт на закупку 24 многоцелевых истребителей Су-35 на сумму около 2 млрд долл.²⁷

Таким образом, российско-китайское военно-техническое сотрудничество имеет хорошие перспективы. **Обеими сторонами накоплен положительный опыт взаимодействия в различных областях.** На ны-

²⁴ Барabanов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР. М., 2013. С. 141, 147.

²⁵ Барabanов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Указ. соч. С. 186.

²⁶ URL: <http://www.rg.ru/2015/04/13/triumf-site.html>

²⁷ URL: <http://lenta.ru/news/2015/11/19/su35/>

нешнем этапе, в дополнение к поставкам Китаю партий российских вооружений и военной техники и их лицензионному производству, для России открываются новые возможности в виде технического обслуживания, ремонта и модернизации поставленной техники, а также совместной разработки новых образцов. Вместе с тем продолжение сотрудничества требует от обеих сторон усилий по разрешению возникающих проблем на взаимно приемлемых условиях.

При оценке перспектив российско-китайского военно-технического сотрудничества, по нашему мнению, необходимо учитывать возрастающие возможности китайского ВПК и определившуюся в связи с этим тенденцию со стороны Китая к увеличению объема закупок лицензий и освоению производства военной техники своими силами. Можно ожидать, что Китай будет стремиться к получению большего количества российских технологий²⁸ и снижению доли расходов на приобретение готовых вооружений в пользу увеличения закупок узлов и компонентов для их использования в совместных проектах, а также в системах вооружений собственной разработки. При этом следует учитывать, что с целью создания конкурентной среды в отношениях с Россией Китай намерен добиваться отмены эмбарго США 1989 г. на экспорт военной техники в Китай, улучшать военные связи с Европой, США и другими странами, что должно способствовать усилению переговорных позиций по ценам.

Важным фактором укрепления мер доверия в военной области стало российско-китайское военное сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), играющей все более возрастающую роль в укреплении безопасности и стабильности в Центрально-Азиатском регионе, противодействии новым вызовам и угрозам безопасности.

В начале 21-го века военное сотрудничество России и Китая в рамках ШОС получило качественно новое развитие, распространившись на оперативную и боевую подготовку штабов и войск с отработкой вопросов взаимодействия при проведении антитеррористических операций.

С подписанием в июне 2007 г. Соглашения между государствами – членами ШОС о проведении совместных военных учений создана правовая база для их подготовки и проведения на регулярной основе в дальнейшем. На состоявшемся в 2008 г. совещании министров обороны государств – членов ШОС участники совещания подтвердили, что государства – члены ШОС, осуществляя сотрудничество оборонных ведомств, руководствуются целями и принципами Устава ООН, Хартии Шанхайской организации сотрудничества от 7 июня 2002 г., Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств – членов ШОС, подписанного 16 августа 2007 г., и общепризнанными принципами и нормами международного права. Было подчеркнуто, что деятельность государств –

²⁸ Время новостей. 25.09.2006.

членов ШОС в военной области не предусматривает создания военно-политического союза и не направлена против третьих стран. Министры высказали единое мнение относительно безальтернативности формирования многополюсной модели мира с опорой на сложившуюся систему международного права²⁹.

В 2005–2014 гг. в рамках ШОС были проведены совместные антитеррористические военные учения стран – участниц организации «Мирная миссия» 2005, 2007, 2008, 2009, 2010, 2012, 2013, 2014, которые продемонстрировали высокую выучку и оснащенность вооруженных сил стран-участниц, их способность противостоять угрозам и вызовам нового века, прежде всего – терроризму.

Цель военных учений в рамках ШОС состоит во взаимном обмене и заимствовании опыта в сфере военной подготовки и теории по борьбе с терроризмом; в совершенствовании взаимодействия армий двух стран и механизма управления войсками; в повышении возможностей проведения совместных антитеррористических операций, повышении уровня эффективности реагирования на новые вызовы и новые угрозы, с которыми сталкивается система международной региональной безопасности; в совместном нанесении ударов по международному терроризму, экстремизму и сепаратизму и в поддержании мира и стабильности в регионе.

Главным результатом учений становится сближение во взглядах, формах и способах обеспечения безопасности в регионе с помощью вооруженных сил двух стран. Одновременно отрабатывается оперативная совместимость войск и штабов. Безусловно, совместное применение войск дает возможность оказать поддержку в случае необходимости любой стране ШОС, нуждающейся в этом. Как отмечает А.В. Болятко, хотя все совместные военные учения ШОС имеют ярко выраженный антитеррористический характер, подобные мероприятия позволяют совершенствовать взаимодействие и управление военными группировками шести государств по всем направлениям. А это в конечном итоге демонстрирует готовность стран к совместным действиям по отражению не только террористической, но и любой другой угрозы. Кроме того, налаживание многостороннего военного сотрудничества в регионе вполне отвечает и политическим целям ведущих стран – членов ШОС, заинтересованных в ограничении влияния внерегиональных сил в Центральной Азии³⁰.

В 2014–2015 гг. Вооруженные силы Китая участвовали в ряде совместных с ВС России и многосторонних в рамках ШОС военных антитеррористических учениях, направленных на отработку совместных действий при отражении террористических угроз на суше, на море и в воздухе.

²⁹ Совместное коммюнике по итогам совещания министров обороны государств-членов ШОС // Жэньминь жибао. 16.05.2008

³⁰ Болятко А.В. ШОС: к новым рубежам развития // Шанхайская Организация Сотрудничества: к новым рубежам развития / отв.ред. А.В. Болятко. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 27.

Крупнейшим из них было проведенное в период с 11 по 29 августа 2014 г. на полигоне Чжучжихэ (Автономный район Внутренняя Монголия, КНР) учение стран – участниц ШОС «Мирная миссия 2014», в котором приняли участие свыше 7 тыс. человек личного состава и 500 единиц военной техники вооруженных сил стран-участниц организации³¹.

Начиная с 2012 г. ежегодно проводятся китайско-российские военно-морские учения «Морское взаимодействие», цель которых заключается в отработке взаимодействия флотов обеих стран при решении общих боевых задач в различных районах Мирового океана. В последние годы расширяется география учений. В 2012 г. они прошли в акватории Желтого моря в районе Циндао, в 2013 г. – в акватории Японского моря вблизи Владивостока, в 2014 г. – в акватории Восточно-Китайского моря к востоку от устья реки Янцзы. В 2015 г. учения проводились в два этапа: первый этап прошел в Средиземном море, второй – в акватории Японского моря вблизи Владивостока.

В мае 2014 г. в акватории Восточно-Китайского моря проведено учение отрядов кораблей из состава ВМС НОАК и ВМФ России «Морское взаимодействие-2014». На церемонии открытия учений присутствовали главы двух государств – Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин. Активная фаза включала отработку совместных действий по обороне кораблей на якорной стоянке, освобождению захваченных пиратами торговых судов, организации совместной ПВО; кроме того, были проведены противолодочные и поисково-спасательные операции, ракетные и артиллерийские стрельбы по морским и береговым целям³².

В мае 2015 г. в Средиземном море проведены российско-китайские военно-морские учения «Морское взаимодействие – 2015» с участием до десяти кораблей различных классов из состава ВМФ России и ВМС НОАК. В ходе учений проводилась отработка совместных действий по охране безопасности судоходства в Мировом океане³³.

В сентябре 2016 г. в Южно-Китайском море в районе к югу от пров. Гуандун состоялись российско-китайские военно-морские учения «Морское взаимодействие-2016», в которых были задействованы надводные боевые корабли, подводные лодки, самолеты, корабельные вертолеты и боевые амфибии морской пехоты флотов двух стран. Во время учений в условиях, приближенных к боевым, проводилась отработка совместных действий по борьбе с кораблями условного противника и применением ракетного, артиллерийского и торпедного оружия, по противоздушной и противолодочной обороне, высадке морского и воздушного десанта на необорудованное побережье в пров. Гуандун и освобождению опорного

³¹ URL: http://function.mil.ru/news_page/world/more.htm?id=11981494@egNews

³² URL: <http://portnews.ru/news/181112/>

³³ URL: <http://ura-inform.com/ru/politics/2015/05/11/v-sredizemnom-more-nachalis-rossijsko-kitajskie-voennye-ucheniya>

пункта, захваченного условными террористами. Учению предшествовало политическое заявление со стороны России о том, что она поддерживает Китай в непризнании решения Гаагского арбитражного суда по спорным островам Южно-Китайского моря³⁴.

Ныне совместные российско-китайские военные учения распространились на воздушно-космическую область и противоракетную оборону. В мае 2016 г. в соответствии с решением глав военных ведомств Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Москве впервые проведены российско-китайские командно-штабные учения «Воздушно-космическая безопасность-2016» по защите территории двух стран от случайных, несанкционированных и провокационных ударов баллистических и крылатых ракет, осуществленных условной третьей страной или внешней террористической организацией. Целью учений были согласование подходов и определение принципов взаимодействия при решении задач противовоздушной и противоракетной обороны, отработка вопросов организации совместных действий по отражению возможной угрозы, а также определение направлений дальнейшего сотрудничества в данной области. Поставленные цели были достигнуты в полном объеме. Учение не было направлено против какой-либо третьей стороны³⁵.

По нашей оценке, для дальнейшего развития и углубления российско-китайского военного и военно-технического сотрудничества обеим сторонам **необходимо последовательно работать над углублением стратегического доверия**. Этому может способствовать развитие процесса более тесного экономического и научно-технического сотрудничества двух стран, активизация гуманитарного обмена, что потребует длительного времени и немалых усилий обеих сторон.

С нашей точки зрения, которая разделяется и китайской стороной, наличие нерешенных вопросов и расхождений во взглядах – естественный и нормальный процесс, который лишь свидетельствует о живом и здоровом характере наших отношений. Важно, однако, вовремя замечать эти проблемы и принимать эффективные меры к их решению. При этом обе стороны могут использовать накопленный в последние десятилетия богатый позитивный опыт взаимодействия.

³⁴ URL: <http://redstar.ru/index.php/news-menu/ino-military-menu/indiya/item/30423-morskoe-vzaimodejstvie>

³⁵ URL: <https://rg.ru/2016/05/28/rf-i-knr-otrabotali-zashchitu-ot-provokacionnyh-raketnyh-udarov.html>

Н.Е. БОРЕВСКАЯ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РФ И КНР: НОВЫЕ ТРЕНДЫ НА НОВОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В фокусе статьи – новые тренды образовательного сотрудничества России и Китая в текущем десятилетии (2010–2016 гг.) в свете новейших политических, экономических и научно-инновационных траекторий, в том числе и ЭПШП. Автор анализирует воздействие внутренних (стремительное развитие высшей школы КНР) и внешних факторов (растущие перспективы трудоустройства китайских выпускников в РФ, более широкое научное сотрудничество на базе вновь образуемых международных университетских городков) на интернационализацию высшей школы КНР. Именно с этих позиций автор оценивает перспективы расширения российско-китайского образовательного обмена как части евразийской культурной интеграции.

Ключевые слова: Российско-китайское образовательное сотрудничество и обмен, Экономический пояс Шелкового пути, евразийская культурная интеграция.

Общие положения. В настоящий момент Россия и КНР демонстрируют готовность к активизации конструктивного диалога, способного не только стимулировать экономическое и научно-инновационное развитие каждой из стран, но и укрепить их позиции в регионе, создать более благоприятный климат в мире. При этом культурному и образовательному сотрудничеству отводится одна из ведущих ролей.

Концепция «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), Совместное заявление РФ и КНР (2015 г.) о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути не могли не коснуться сферы образования как источника подготовки кадров для совместных предприятий и научно-технических инноваций, а также укрепления добрососедских отношений через активизацию молодежных контактов, культурных обменов и цивилизационных связей в целом. Цели углубления сотрудничества в сфере науки и образования зафиксированы в нескольких пунктах Стратегии раз-

вития ШОС до 2025 года¹. По мнению руководства Российской Федерации, одной из важнейших задач на сегодня является создать «кадровый, технологический задел для будущего» развития каждой из стран, а также для «серьезных совместных проектов», на которые должна опираться интеграция и «которые будут “сшивать” наше экономическое пространство»². Сотрудничество России и КНР в сфере образования в регионе АТР имеет опыт как в формате двустороннего взаимодействия, так и в рамках международных организаций – и межгосударственных (Образовательный фонд АТЭС и Шанхайская организация сотрудничества – ШОС), и неправительственных (Университетская сеть АСЕАН (AUN), Университетская мобильность в АТР (UMAP), Ассоциация тихоокеанских университетов АПРУ (APRU) и др. Особого упоминания заслуживает сетевой Университет ШОС как достижение евразийской образовательной интеграции, в котором участвуют около 76 высших учебных заведений из шести стран, в том числе 23 российских³. В 2006 г. в Соглашении правительств государств – членов ШОС «О сотрудничестве в области образования» была озвучена концепция создания евразийского образовательного поля «как составной части мирового образовательного пространства», приобретающего особую актуальность в академическом, социальном и геополитическом плане⁴ (Шанхай, 2006).

Как подтвердила практика рубежа столетий, в сфере подготовки современных высококвалифицированных специалистов у России и Китая много общих проблем и точек соприкосновения. В прошедшие три десятилетия образовательное сотрудничество принесло свои положительные плоды и в то же время обозначило немало болевых моментов⁵. Быстро меняющаяся экономическая ситуация внутри каждой из стран и в мире в целом ставит сегодня перед учеными и руководителями систем образования задачу выявить еще не задействованный потенциал и новые стимулы интернационализации высшего образования (ВО), определить преимущества и ограничения участия каждой из национальных систем в интеграционных процессах. С этой целью российской стороне необходимо прежде всего прояснить новейшие тенденции модернизации и интернализации высшей школы КНР.

¹ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5004>

² Выступление В.В. Путина на пленарном заседании Восточного экономического форума 03.09.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52808>

³ URL: <http://www.usco.edu.cn/RUS/dxjj>

⁴ Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области образования: 15 июня 2006. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1497

⁵ Россия–Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI века. М., 2007.

Образовательный взлет на фоне экономического спада в КНР – способствует ли он дальнейшей интернационализации образовательной сферы?

Продуманная и целеустремленная политика китайского руководства по подготовке высококвалифицированных специалистов, к интенсивной реализации которой оно приступило с 1999 г., за полтора десятилетия дала ощутимые результаты. За первые десять лет общее количество вузов (включая и краткосрочные) выросло в 2 раза и составило 2305, а в 2015 г. – уже 2852. Особенно впечатляющие результаты были достигнуты после принятия в 2010 г. *Государственного плана реформ и развития образования на среднесрочную и долгосрочную перспективу (2010–2020 гг.)* (далее План), в котором целью интернационализации ВО названо «укрепление национальных позиций, нашего влияния и конкурентоспособности на международной арене...»⁶. Сформулировав курс: «Наука и образование приведут страну к процветанию», руководство КНР на текущее десятилетие выдвинуло задачу перехода от «государства с грандиозной по масштабам системой образования» к «государству с сильной системой образования» (т.е. от распространения образования – к повышению его качества). В сфере ВО основная цель Плана состояла в том, чтобы сделать его конкурентоспособным на мировой арене за счет создания «сбалансированной и имеющей свою специфику» дифференцированной структуры вузов. Эта структура предполагала выделение и формирование группы *исследовательских университетов широкого профиля и учебно-исследовательских университетов*, определение всеми вузами собственного уровня и специфики, а также совершенствование управленческой политики (в том числе за счет усиления механизмов конкуренции) и распределения средств.

Подобный сдвиг совершался на фоне разворота экономики Китая одновременно к внутреннему рынку и выходу на новый технологический уклад (в 2015 г. страна заняла 1-е место в мире по количеству зарегистрированных патентов). Из потребителя инноваций КНР становится их производителем, чему способствует взрывной рост и совершенствование сферы образования, а также рост числа ученых по всему спектру научных знаний. Статистические показатели 2015/2016 уч. года свидетельствуют о том, что на уровне ВО КНР удалось значительно превысить отметки, поставленные Планом на этот период: с 2010 г. численность студентов выросла с 31 до 36,5 млн (вместо намеченных 33,5 млн), а охват молодежи высшей школой поднялся с 26,5 до 40% (вместо 36% по Плану). Все это стало возможным, в частности, за счет резкого увеличения на 69% ассигнований на высшую школу – до 951,8 трлн юаней в 2015 г., из которых

⁶ Outline of China's national plan for medium and long-term education reform and development (2010–2020). Beijing, 2010. URL: https://www.aei.gov.au/news/newsarchive/2010/documents/china_education_reformpdf.pdf

593 трлн юаней составили государственные бюджетные ассигнования, что вдвое больше, чем в 2010 г.⁷

Подготовка специалистов высшей квалификации стала одной из актуальнейших – к 2016/2017 уч. г. 600 университетов и научных институтов принимали молодежь в аспирантуру⁸. Благодаря этому стал возможен значительный рост численности магистрантов и докторантов между 2010 и 2015 г. – с 1,54 до 1,91 млн (в основном за счет магистрантов).

Вывод первый: шансы китайской молодежи на получение высшего образования внутри страны повысились.

Совершенствованию качества ВО в КНР во многом способствовала реализация двух государственных проектов. Прошедший с 1995 г. несколько ступеней Проект 211 был направлен на создание сотни наиболее сильных по всем позициям университетов страны, готовящих кадры для инновационной экономики (сейчас их 116). Цель запущенного в мае 1998 г. Проекта 985 была еще более амбициозной – вывести 9 исследовательских университетов КНР в первую сотню лучших по мировым рейтингам. На второй фазе Проекта в 2004 г. к ним было добавлено еще 30. Сегодня главная «девятка» действительно занимает хорошие позиции в мировых рейтингах. Государство щедро финансирует оба Проекта: только в период 2009–2013 гг. университеты Проекта 211 получили 19,3% всех ассигнований вузов этого уровня, а университеты Проекта 985 – 52,7%. Всего, на всех трех этапах (1998–2015 гг.), в них было инвестировано 82 млрд юаней, из которых больше всего – в университеты Цинхуа и Пекинский: в каждый по 7,6 млрд⁹. Среди других объектов бюджетных вливаний специального назначения были пилотные проекты: План научно-технических инноваций в высшей школе, Проект повышения качества обучения и его реформирования в высшей школе, Инновационный проект подготовки аспирантов и др.

Целью этих проектов являлось, прежде всего, превращение части китайских вузов из чисто учебных также и в исследовательские, что привело к значительному увеличению вклада вузовской науки в экономику. Эти проекты сопровождалась еще двумя: Инновационные площадки доминирующих отраслей знаний и Проект приоритетных учебных дисциплин. В результате реализации Плана 2010 г. перестройка научно-технической системы стимулировала ее более тесную смычку с экономикой, целенаправленно формируя систему технической инновации, которая, «ориенти-

⁷ Гоуюань шуоци сян Цюаньго Жэньда Чаньхуэй баогао гао дэн цзяоюй гайгэ юй фачжань цинкуан (Первый отчет Госсовета Постоянному Комитету ВСНП о реформах и развитии высшего образования // Фачжи жибао. 01.09.2016.

⁸ «Шуан и лю» дайги «985, 211». Чжунго дасюэ яо цземмо гайгэ? («Двойной поток» заменил проекты 985 и 211. Как реформировать китайские университеты?
URL: http://pit.ifeng.com/a/20160815/49778739_0.shtml

⁹ URL: http://pit.ifeng.com/a/20160815/49778739_0.shtml

руясь на рынок, объединила в себе производственные организации, вузы и НИИ», поощряя их к *совместному использованию научных и технологических ресурсов, объединению вузовских лабораторий в единую инфраструктуру*.

На базе достигнутого, правительство КНР к концу 2015 г. приостановило действие проектов 211 и 985 и предприняло следующий шаг – Госсовет КНР опубликовал «Комплексный план координированного продвижения к созданию университетов мирового класса и развитию ведущих отраслей знаний»¹⁰ (далее Комплексный план), который провозгласил Проект создания университетов мирового класса «двойной поток». В документе разработана политика на ближайшую и среднесрочную перспективу, согласно которой к 2020 г. Китай выведет 6 университетов в число лучших в мировых рейтингах и выйдет на лидирующие позиции в ведущих отраслях знаний, а к 2030 г. эти вузы займут место в первых 15 строчках мировых рейтингов. В отличие от предыдущих, проект вузов мирового класса вводит *механизм конкуренции*: лучшие университеты страны смогут пополнить клуб избранных, если их академические дисциплины или программы достигнут наивысших национальных стандартов, и в то же время перед каждым элитарным вузом постоянно будет маячить угроза покинуть проект. Новые учебные программы должны проходить регулярный контроль, и финансирование вузов будет напрямую связано с результатами оценки. При этом оно не сократится, ибо, как заявил один из профессоров Пекинского университета, высшая школы в стране защищена от любого экономического спада и финансовых проблем¹¹.

Вывод второй: у китайской молодежи появляется все больше шансов получить *качественное ВО* внутри страны, причем не только на уровне бакалавриата, но и магистратуры и аспирантуры.

Не исключено, что некоторое снижение темпов роста численности китайской молодежи, выезжающей за получением ВО за рубеж (в 2014 г. рост составлял 11,1%, а в 2015 – 13,9% при 19,1% в среднем в предыдущие четыре десятилетия¹²), обусловлено именно двумя вышеозначенными тенденциями, и российской стороне, как и другим странам, необходимо скорректировать свои ожидания. По некоторым данным, численность ки-

¹⁰ Гоуюань гуаньюй инфа тунчоу туйцинь шицзе и лю да сюэ хэ и лю сюэкэ цзяньшэ цзунти фанань ды тунчжи (Сообщение Госсовета КНР об опубликовании «Комплексного плана координированного продвижения к созданию университетов мирового класса и развитию ведущих отраслей знаний»). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-11/05/content_10269.htm

¹¹ University World News, 16 October 2015 Issue No:386// Yojana Sharma. Hubs to take elite universities into world-class club.

¹² Чжунго лю сюэшэн хуэй го цзю е лань пи шу (Синяя книга о трудоустройстве китайских студентов по возвращению на Родину). 2015. 2015). URL: http://www.moe.edu.cn/jyb_xwfb/xwfbh/moe_2069/xwfbh_2016n/xwfb_160325_01/160325_sfcl01/201603/t20160325_235214.html

тайских студентов в России (20 710 в 2014/2015 уч. году¹³) и российских в КНР (16197 в 2015/16 уч. г.¹⁴) за последнее десятилетия имела медленную, но стабильную тенденцию к росту, хотя в целом она несопоставимо меньше, чем 304 тыс. обучающихся в США¹⁵. 2015/2016 уч. г. резко изменил ситуацию: по подсчетам Минобразования РФ, в российских вузах обучалось лишь 10 500 китайцев¹⁶, а в 2016/2017 уч. г. их численность резко увеличилась – на 13,5 тыс.¹⁷ Соответственно общая численность составляет 24–26 тыс. Возможно, разные оценки зависят от того, учитывается ли только очная либо еще и заочная форма обучения, по которой занимается все большее число студентов из КНР, хотя в условиях тесного сближения двух стран не исключены и иные резоны. К 2020 г. Россия и КНР намерены довести число студентов, обучающихся по программам обмена, до 100 тыс.¹⁸ В условиях развития тесного партнерства для подготовки высококвалифицированных кадров Китай намерен шире пользоваться услугами российских вузов, ибо высоко ценит их научно-образовательный потенциал и достаточно высокий уровень некоторых технологий, которые Китай хотел бы перенять¹⁹. Эти планы по ряду причин соответствуют и устремлениям России. По мнению директора Института развития образования НИУ ВШЭ И.В. Абанкиной, российские вузы, увеличивая долю иностранцев, компенсируют недобор отечественных студентов, образовавшийся из-за демографической ямы 1990–2000 гг.: в вузах возникли незадействованные мощности (за последние годы было обновлено лабораторное оборудование, преподавательский состав расширился), а число российских абитуриентов сократилось. Кроме того, ряду университетов необходимо привлекать побольше студентов-иностранцев, ибо их количество влияет на международные рейтинги вуза²⁰. В последние годы задачу привлечения китайских студентов в вузы РФ оказывает интерпроект «Учись в России» российского Агентства по сотрудничеству в образовании, а также первый интерактивный навигатор для иностран-

¹³ URL: http://www.cemi.rssi.ru/publication/e-publishing/Smirnova_Russia-China-Education-Policybrief3-ru.pdf. Посольство КНР в РФ дает цифру 28 тыс. человек. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/sghd/t1375029.htm>

¹⁴ Арефьев А., Любская К. Китай привлекает иностранных студентов. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0715/tema01.php>

¹⁵ Чжунго лю сюэ фачжань баогао (Доклад о развитии обучения китайских студентов за рубежом). 2016. URL: <http://learning.sohu.com/20161213/n475735926.shtml>

¹⁶ URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0693/gazeta011.php>

¹⁷ Пресс-служба Министерства образования и науки РФ. URL: <http://russian.cri.cn/3060/2017/03/15/1s599093.htm>

¹⁸ URL: <https://riafan.ru/432585-golodets-rossiya-i-kitay-budut-obuchat-po-obmenu-do-100-tyisyach-studentov>; Голодец: Россия и Китай будут обучать по обмену до 100 тысяч студентов. 09.10.2015.

¹⁹ URL: <http://pnu.edu.ru/ru/news/2016-06-15-china2>

²⁰ В очередь за китайскими студентами // Ведомости. № 4136. 11.08.2016.

ных абитуриентов на английском и китайском языках «Лучшие университеты России: выбери свой» (проект медиагруппы «Россия сегодня»).

В последние годы Китай значительно опередил Россию по общему числу иностранных учащихся высшей школы. Причин несколько. Во-первых, он гораздо щедрее обеспечивает зарубежную молодежь стипендиями. За последние 10 лет количество государственных стипендий (мест для бесплатного обучения иностранцев) возросло почти в 5 раз (с 8,5 тыс. до 40,6 тыс.)²¹, не считая стипендий на уровне провинций и университетов. Для привлечения студентов из стран «одного пояса, одного пути», как называют в КНР ЭПШП, Китай планирует увеличить объем правительственных премий и стипендий учащимся из этих стран, в том числе 10 тыс. из них ежегодно предоставлять государственную премию «Шелковый путь». На сегодня Россия ежегодно выделяет 15 тыс. мест для бесплатного обучения иностранцев; для граждан КНР это число выросло с 2013 по 2016 г. более чем в 2 раза – с 400 до 830, кроме того, в 2016 г. им была выделена дополнительная квота в 557 мест²². Тем не менее, РФ отстает по этому показателю не только от КНР, но и от ряда других стран, щедро спонсирующих обучение китайских студентов. И все же главной причиной снижения их притока в РФ является то, что российские вузы проигрывают в конкуренции европейским и американским университетам. Если в предыдущие несколько десятилетий они привлекали невысокой стоимостью обучения (особенно с учетом девальвации рубля) по сравнению не только с западными, но даже с элитными вузами КНР, то сегодня этот фактор уже оказывается не столь решающим. В 2015 г. наиболее популярные у китайской молодежи престижные университеты Англии, Германии и Франции также взимали с них специальную, низкую, плату за обучение.

Помимо стипендий, есть и другие причины меньшей престижности российских дипломов для китайской молодежи – это пока очень узкое их применение на российском рынке. Некоторые аналитики полагают, что в краткосрочной перспективе нарастить экспорт образовательных услуг Россия сможет также за счет более активного привлечения *негосударственных* вузов, ряд из которых уже сегодня пользуются спросом у граждан КНР.

Коррекция соотношения уровней обучения и выбора специальности: послужит ли она импульсом расширения образовательного обмена?

Есть несколько существенных моментов опыта предшествующих более двух десятилетий участия КНР в международных студенческих обменах, которые должны подтолкнуть российскую сторону к принятию *свежих* решений. Первый – это вопрос сближения стандартов в области об-

²¹ Арефьев А., Любская К. Китай привлекает иностранных студентов.

²² Ведомости. № 4136. 11.08.2016.

разования и науки как один из принципиально важных путей повышения привлекательности университетов РФ для китайских студентов. Он напрямую касается взаимного признания документов об образовании и ученых степеней. Подобный двусторонний документ был подписан еще в 1995 г., однако в нем не учитывалась специфика различных уровней образования в каждой из стран. Утвержденное Правительством РФ в 2008 г. «Типовое положение образовательного учреждения высшего профессионального образования» несколько облегчило процедуру признания в России дипломов, выданных вузами КНР. В то же время большой преградой является невозможность совместного присуждения ученых *степеней кандидата наук* в КНР и в России, поскольку ВАК при Минобрнауки РФ работает по собственному регламенту. Кроме того, Китай давно отказался от кандидатских и докторских степеней и полностью перешел на систему Ph. D. На 2013–2014 гг. была запланирована разработка и подготовка к подписанию межправительственного Соглашения о взаимном признании документов, выдаваемых выпускникам образовательных учреждений государств – членов ШОС, но пока эта работа не завершена.

Сегодня идея создания единого формата евразийского пространства ВО с целью повышения региональной академической мобильности нашла свое развитие в документах и российской²³, и китайской сторон, выразивших готовность содействовать многостороннему и двустороннему признанию образовательных дипломов и ученых степеней университетов АТР, а также поддержать усилия ЮНЕСКО по созданию в будущем единой мировой системы университетских дипломов и ученых степеней.

С признанием дипломов связан и вопрос востребованности той или иной ступени третичного обучения. Мировой опыт подтверждает, что пока доля студентов КНР за рубежом *на ступени бакалавриата остается весьма незначительной* и преимущественно касается совместных вузов. Так, 80,7% вернувшихся на родину имеют степень магистра, 9,5% – Ph. D. и почти столько же (9,81%) – бакалавра²⁴. Соответственно и рынок КНР, и все привилегии для «возвращенцев» заточены на специалистов этого уровня. Однако в настоящий момент руководство сферы образования КНР считает, что пришла пора изменить ситуацию и предоставлять больше возможностей обладателям дипломов бакалавра. Возможно, эта тенденция даст о себе знать не сразу, но российской стороне следует задуматься над этим.

²³ Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014–2015 / гл. ред. И.С. Иванов // Российский совет по международным делам. Рабочая тетрадь. № 21. 2015. М.: Спецкнига, 2015. С. 27–32.

²⁴ URL: http://www.moe.edu.cn/jyb_xwfb/xw_fbh/moe_2069/xwfbh_2016n/xwfb_160325_01/160325_sfcl01/201603/t20160325_235214.html

В текущем десятилетии соотношение уровней ВО, получаемого студентами КНР в российских вузах, резко отличалось от других стран: в 2010/2011 уч. году на программах бакалавриата обучалось 48%, магистратуры – 9,1, а в аспирантуре – 3%²⁵. Для привлечения магистрантов важен и такой фактор, как сроки обучения: в РФ, как и в КНР, он составляет два года, а в Великобритании для многих специальностей – всего год. Поэтому не случайно, что 40% вернувшихся в последние годы из-за рубежа в Китай со степенью магистра получили ее в Англии. И еще, привлекая в Россию абитуриентов из КНР, следует активизировать прием аспирантов, памятуя, что в последние годы в КНР широко внедряется правительственная программа для магистратуры «2+1», означающая, что молодежь после двух лет обучения в своей стране может быть направлена на 1 год за рубеж для подготовки к защите диссертации. Стране пребывания тоже более выгодно иметь у себя студентов на уровне магистратуры и докторантуры при условии, что они останутся работать в данной стране и внесут свой вклад в совместные научные разработки²⁶.

Не менее важный вопрос – на какие специальности привлекать китайских студентов в вузы РФ? Ситуация с выбором ими специальностей в США и странах Европы в последнее десятилетие достаточно очевидна. Большинство китайцев, получивших образование за рубежом, возвратившись на родину, в последние 1–2 года ищет применения в финансовом секторе (30,01%), сферах образования (9,88%), культуры (7,81%), программирования и информационных технологий (6,69%)²⁷. Это подтверждается и данными о распределении студентов КНР в 2015 г. в университетах США: 39% всех прибывших изучали направления STEM (наука, технология, инжиниринг и математика), а также специальности группы FAME (финансы, бухгалтерский учет, менеджмент, экономика), обещающие трудоустройство, прежде всего, в финансовом секторе, педагогике, электронике и информационных технологиях. Набор специальностей, востребованных на уровне бакалавриата, почти не отличается от магистрантского уровня: и там, и тут технические науки, литература и правоведение значительно уступали по востребованности. А вот выбор специальностей на ступени аспирантуры – иной: здесь преобладали химия, материаловедение, электроника, электрическая инженерия, машиностроение, политическая экономия и компьютерная наука²⁸.

²⁵ *Арефьев А.Л.* Китайские студенты в России // Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2011. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/2013/ChinaStudentsNew2011.pdf>

²⁶ В Китайско-российском Институте при Новосибирском государственном университете в 2016/2017 уч. году была открыта магистратура, в которую поступили 100 китайцев, а еще пять учатся в аспирантуре.

²⁷ Синяя книга о трудоустройстве китайских студентов по возвращению на Родину – 2015.

²⁸ URL: http://www.moe.edu.cn/jyb_xwfb/xw_fbh/moe_2069/xwfbh_2016n/xwfb_160325_01/160325_sfcl01/201603/t20160325_235214.html

Для российской стороны выявить научные приоритеты китайских студентов и аспирантов за рубежом отчасти помогут установки последних двух пятилеток в КНР. В 12-й пятилетке (2011–2015 гг.) Китай обозначил акцент на развитии высоких технологий в семи стратегических областях: биотехнологии, альтернативные энергоресурсы, производство элитной техники, энергосбережение и защита окружающей среды, средства транспортировки чистой энергии, новые материалы и ИТ. Соответственно правительство оказывало финансовую поддержку студентам, специализирующимся за рубежом по этим направлениям. Пафос 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития народного хозяйства КНР на 2016–2020 гг.²⁹ направлен на обеспечение ведущей роли инноваций в науке и технике, создании институтов и механизмов для их продвижения, прорывов в наукоемких производствах. В 2016 г. расходы Китая на НИ-ОКР выросли на 9,4% (около 221 млрд долл.) при перспективе их увеличения до 2,5 процентов от ВВП к 2020 г., что обеспечит стране 2-е место в мире по этому показателю. Приоритет отдается таким новым отраслям, как искусственный интеллект (более 1 млрд долл. вложений в НИОКР), системам сбора и обработки больших объемов информации (Big Data – 2 млрд), Интернет-плюс, Интернет-решения (для сельского и городского хозяйства, финансовой сферы, производственной логистики), кибербезопасность. В то же время по-прежнему актуальными остаются альтернативные источники энергии, биофармакология и биотехнологии компьютерные и коммуникационные ИТ нового поколения, разработка и коммерциализации технологий в области новых материалов, искусственного интеллекта, интегральных схем, промышленной робототехники и др.³⁰

В вузах РФ к началу текущего десятилетия наблюдалось снижение интереса молодежи КНР к обучению физико-математическим наукам, естественному и ИТ, а спрос на инженерно-техническую подготовку по сравнению с 1989/90 уч. г. уменьшился почти в 6 раз³¹. Однако в ближайшие десять лет правительство КНР намерено поддержать подготовку национальных кадров в университетах России по точным и естественным наукам и инженерно-техническим специальностям, особенно связанным с передовыми технологиями. Стимулировать этот процесс способна также активизация деятельности Ассоциации технических университетов России и Китая (АТУРК). В свете этого логичным представляется предложение некоторых специалистов сфокусироваться на привлечении студентов на естественно-научные (по нашему мнению, особо притягательной мо-

²⁹ The 13-th Five-year Plan for Economic and Social Development of the Peoples Republic of China. URL: <http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf>

³⁰ Доклад о работе правительства на 5-й сессии 12 созыва. Март 2017 г.

URL: http://ruskline.ru/opp/2017/mart/9/kitaj_nacelilsya_na_tehnologicheskij_proryv/

³¹ *Арефьев А.Л.* Китайские студенты в России. С. 7.

URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/2013/ChinaStudentsNew2011.pdf>

жет стать биотехнология, в российских вузах и НИИ уже создано несколько совместных с КНР проектов по биологии и планируются новые), технические и инженерные специальности, хотя их никак нельзя назвать «не связанными с изучением иностранных языков»³². Явная перспектива видится нам за материаловедением, геологией и разведкой полезных ископаемых, нефтегазовыми специальностями, приборостроением и электроэнергетикой³³.

В прошедшие десять лет студенты из КНР предпочитали изучать в России, помимо экономики, финансов и менеджмента, также и гуманитарно-социальные науки (растет доля русистов и педагогов). Этот тренд не случаен. Учитывая, что для населения КНР российская система ценностей ближе, чем американская или даже западноевропейская, а также принимая во внимание высокую оценку китайскими учеными гуманистического направления русской философско-педагогической мысли, перспектива расширения обмена студентами в этом направлении выглядит весьма реальной: студенты из КНР смогут заполнить те места, которые не представляют интереса для абитуриентов развитых стран Запада.

Весной 2016 г. Госсовет КНР издал документ, конкретизирующий роль международного сотрудничества в реализации Комплексного плана под названием «*Мнения относительно расширения внешних связей в сфере образования на новом этапе*»³⁴. В нем ставятся такие важные задачи, как усиление интенсивности создания «фирменных марок специальностей и курсов обучения в Китае». Акцент сделан на ускоренной подготовке кадров, отвечающих пяти критериям: инновационных, знающих редкие языки, кадров для международных организаций, кадров, изучающих межгосударственные и межрегиональные различия, выдающихся талантов, получивших образование в Китае. Особое внимание предлагается обратить на подготовку специалистов в области естественных наук и инжиниринга, при этом указывается на необходимость дать импульс развитию как передовых, так и слабо развитых в стране отраслей наук. Путь к этим целям лежит через международное сотрудничество: «Усиливать практическое сотрудничество с университетами и научными организациями мирового уровня, эффективно интегрировать зарубежные качественные образовательные ресурсы в целостный учебный и исследовательский про-

³² Смирнова Л.Н. Научно-образовательное сотрудничество – основа инновационной модели отношений России и Китая // РСМД. 2016. № 3. URL: http://www.cemi.rssi.ru/publication/e-publishing/Smirnova_Russia-China-Education-Policybrief3-ru.pdf

³³ Например, в последние годы самые популярные специальности у китайских студентов в СПбПУ – строительство, машиностроение, наноэлектроника и IT, в НГУ, Алтайском и Иркутском университетах – точные науки.

³⁴ Гуаньюй цзохао синь шици цзяюй дуй вай кайфан гунцзо ды жогань ицзянь (Мнения относительно расширения внешних связей в сфере образования на новом этапе). Апрель 2016. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-04/29/c_1118775049.htm

цесс, развернуть совместную подготовку высококлассных специалистов, совместно решать ключевые научные проблемы»³⁵.

В свете этого в процессе расширения студенческого обмена между РФ и КНР нам представляется крайне важным не столько количественный паритет, сколько выработка соответствующими ведомствами РФ более активной и четкой позиции по специализации российских студентов в КНР. Думается, прошли те времена, когда три четверти обучающихся изучали или совершенствовались китайский язык. Открываются более широкие перспективы изучения китайской медицины, экономики и менеджмента, регионоведения, а также обучения на открытых недавно для иностранцев некоторых неязыковых технических факультетах.

Новые подходы к старой проблеме языка обучения

Эта проблема по-прежнему остается серьезным препятствием для двусторонних обменов и сотрудничества, хотя и здесь за последнее десятилетие наблюдаются значительные подвижки. Китайский язык вышел на 6-е место среди изучающихся в РФ иностранных языков, и школьники получили возможность сдавать ЕГЭ по китайскому языку. В отношении языковой ситуации нашим странам нужно, во-первых, выйти на путь паритетности. Именно об этом говорила вице-премьер правительства РФ О. Голодец, выступая по итогам заседания российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству летом 2016 г.: «Мы сегодня... говорим об аналогичном развитии изучения русского языка, о формировании единых подходов к изучению русского языка на территории Китайской Народной Республики»³⁶. О том, что русский язык – трудный и менее распространенный в мире, чем английский – безусловно является одной из наиболее серьезных преград при выборе китайской молодежью зарубежного вуза, свидетельствуют достаточно многочисленные социологические исследования. Традиционно он наиболее активно изучается в учебных заведениях северо-восточных провинций КНР, граничащих с Россией, что обуславливает и более широкий приток студенческой молодежи из этих регионов Китая. Кроме того, на территории КНР функционирует 6 центров русского языка (Пекин, Шанхай, Чанчунь, Сиань, Далянь, Гуанчжоу) и два на территории Тайваня и Макао. И все же на данный момент распространение английского языка, безусловно, доминирует. Согласно инструкции министерства образования КНР от 2001 г. в течение 3 лет преподавание 5–10% всей учебной программы ведущих университетов страны должно было быть переведено на английский язык, особенно в таких областях, как биология, информатика, международная торговля и право.

³⁵ См.: Комплексный план координированного продвижения к созданию университетов мирового класса и развитию ведущих отраслей знаний.

³⁶ URL: <https://ria.ru/east/20160704/1458227321.html>

Не случайно, что, по результатам недавнего выборочного опроса нескольких вузов КНР, подавляющее число студентов (88%) изучает английский язык и отмечает довольно высокий уровень владения им. А что касается русского языка, то даже те студенты, кто изучает его как будущие русисты параллельно с английским, показывают более высокий уровень владения последним. Среди причин, побудивших к изучению русского языка, 87% информантов в качестве основной указали перспективу трудоустройства³⁷.

Сегодня не многие крупные российские вузы (например, МГИМО, РУДН), предлагают программы на английском языке, обычно на уровне магистратуры (по направлениям «экономика» и «международные отношения»). И не случайно, что, в отличие от остальных вузов, именно там доля китайских студентов на уровне магистратуры намного выше, чем в бакалавриате. Поэтому очевидно, что привлечение английского как если не главного, то вспомогательного языка обучения, позволит со временем увеличить число участников двухсторонних обменов и совместных образовательных программ. В долгосрочной же перспективе реально активизировать приток студентов из КНР поможет запуск англоязычных программ бакалавриата и магистратуры, не уступающих по соотношению цены и качества программам европейских вузов «среднего звена». Решение для российских вузов в силу ряда причин (отсутствие профессионально подготовленных для этого педагогов и преподавателей-иностранцев, англоязычных и двуязычных учебных программ и учебников, а также целевого финансирования) непростое, доступное скорее университетам Проекта «5–100». Помощь в создании таких программ могла бы оказать российская академическая диаспора за рубежом³⁸. В целом же для реализации этих целей необходима специальная правительственная программа.

Трудоустройство иностранных выпускников в контексте новых форм двустороннего и многостороннего научно-образовательного сотрудничества

Престижность дипломов, полученных в крупных западных университетах для трудоустройства внутри этих стран и в самом Китае – один из сильных магнитов для китайской молодежи, а в последние годы и мощный стимул увеличения численности возвращающихся на родину выпускников западных университетов. В прошедшее десятилетие правительство КНР запустило для них несколько программ («Тысяча талантов» 2008 г., «Десять тысяч талантов» 2012 г. и др.). Для них же был организован специальный «Фонд стартового капитала для проведения научных исследо-

³⁷ *Каплунова М.Я.* Языковая политика и функциональное развитие языков в КНР. М., 2017.

URL: http://iling-ran.ru/theses/kaplunova_full.pdf

³⁸ URL: <http://www.indexbox.ru/news/chto-meshaet-rossii-narashchivat-ehksport-obrazovatelnyh-uslug-v-kitaj/>

ваний», предоставляющий займы для создания собственных предприятий (через бизнес-инкубаторы), им обеспечивались различные привилегии (жилье, прописка в крупных городах и пр.). В результате, как заявил недавно на пресс-конференции начальник Департамента обучения за рубежом г-н Ци Мо, внутренний трудовой рынок становится для китайских специалистов с иностранными дипломами более привлекательным, чем зарубежный, особенно в сфере бизнеса и специальностей вне STEM (это касается прежде всего США, где китайским выпускникам легче всего найти работу в сфере науки, технологий или инжиниринга). Подобная политика уже дала результаты.

После выступления Председателя КНР Си Цзиньпина на заседании Единого фронта в мае 2015 г., где он призвал шире использовать вернувшуюся в страну молодежь с иностранными дипломами, возможно, перед ними откроются и новые перспективы участия в работе административных и правительственных учреждений³⁹.

И все же, несмотря на рост доли вернувшихся, перед Китаем стоит вызов – мощная конкуренция между трудоустройством в зарубежных странах и на родине. Что касается РФ, то принятые Советом Федерации России летом 2013 г. поправки к закону о правовом положении иностранцев предоставляют право студентам, в том числе и китайским, легально устраиваться на работу на основании учебной визы. Но этого недостаточно, учитывая, что согласно ряду исследований, страна получает наибольшую выгоду от инвестиций в интернационализацию высшей школы, если выпускники-иностранцы остаются работать в этой стране. Политика открытости рынка труда для иностранных выпускников российских университетов, в том числе из КНР, – проблема многоаспектная, сложная, требующая решения на разных уровнях. Уже сейчас небольшая их часть, прежде всего русисты, остается в России и работает в гуманитарных и торговых организациях в качестве переводчиков. Китайцы-русисты также активно работают гидами с быстро расширяющимся в РФ потоком китайских туристов (хотя пока, к сожалению, знание языка не сопровождается у них специальной подготовкой экскурсовода). В ближайшем будущем в свете реализации проекта ЭПШП есть надежда на то, что более масштабное научное, экономическое и культурное сотрудничество между нашими странами сделает китайских выпускников университетов РФ более востребованными на российском рынке. Особо перспективным является влияние самых талантливых из них в быстро растущие двусторонние и многосторонние межгосударственные научные проекты и «мозговые комплексы». Такую заинтересованность (имея в виду дипломы любого западного вуза) высказывает и китайская сторона.

³⁹ См. комментарий ответственного сотрудника Chinese Overseas-Educated Scholars Association. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/934458.shtml>

Расширение географии межуниверситетских контактов и новый уровень их научного сотрудничества

К настоящему времени подписано 900 соглашений между российскими и китайскими вузами, что означает прямой обмен и преподавателями, и студентами. В связи с активизацией проекта ЭПШП в планы Министерства образования КНР на 2017 г. входит новая редакция «Положений о совместных с иностранными учебными заведениями», разработка проекта «Стратегия образования АРЕС» и подписание 10 новых соглашений о взаимном признании дипломов и ученых степеней⁴⁰.

Стремительно растет число высших совместных образовательных учреждений (СОУ) КНР с университетами разных стран, имеющих ступени от бакалавриата и выше – от 502 в 2010 г. до 1112 в 2015 г. Начало положили крупные западные университеты, к ним постепенно стали подключаться крупные российские: в 2011 г. Новосибирским государственным университетом (НГУ) и Хэйлуцзянским университетом открыт Китайско-Российский институт (КРИ). Принятое правительством КНР в 2012 г. решение о зональном развитии международного образовательного сотрудничества дало толчок развитию СОУ между университетами российского Дальнего Востока, Приамурья и Сибири и провинции Хэйлуцзян. Россия доминирует среди более 150 реально работающих партнерств этой провинции⁴¹.

Однако в настоящее время наблюдается некоторое перераспределение региональных акцентов. С 2016 г. крупные университеты РФ впервые вошли в центральные города КНР: в Шанхае открылось представительство Санкт-Петербургского политехнического университета (СПбПУ), а на юге Китая, в особой экономической зоне Шэньчжэнь по инициативе китайской стороны, заинтересованной в передовых российских технологиях, создан Российско-китайский международный университет (РКМУ) на базе МГУ им. М.В. Ломоносова и Пекинского политехнического университета⁴². Обучение в последнем ведется на русском, английском и китайском языках; выпускники получают два диплома – РКМУ и МГУ. С одной стороны, сегодня правительство КНР намерено «поддержать лидирующую роль *восточных регионов* Китая в установлении образовательных контактов и создании современной системы образования мирового уровня и с китайской спецификой», чему не противоречит рекомендация одного из российских экспертов не пренебрегать развитыми восточными, а также южными провинциями КНР, где в последние годы появилась значительная русская диаспора, «что в перспективе облегчит набор сотрудников и

⁴⁰ URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A02/s7049/201702/t20170214_296174.html

⁴¹ Интернационализация российских вузов: китайский вектор / автор-сост. Н.Е. Боревакая // РСМД. 2013. № 13. С. 36.

⁴² URL: <http://youthclub.ru/topic/rossiysko-kitayskiy-mezhdunarodnyiy-universitet-primet-pervyyih-studentov-v-2016-godu/>

студентов в совместные образовательные учреждения»⁴³. С другой стороны, нельзя не учитывать связанное с политикой «одного пояса, одного пути» намерение китайской стороны «оказывать постоянную поддержку университетам центральных и западных регионов в расширении международных контактов», что открывает новые перспективы сотрудничества российских университетов с наиболее тесно связанной с Россией, хотя и более отсталой северо-восточной частью Китая.

Особенностью нынешнего этапа является также *более тесное сопряжение образовательного сотрудничества с научным*. Новой стартовой площадкой в Китае называют создание *многосторонних СОУ*, как, например, международный университетский городок при Чжэцзянском университете с привлечением иностранных преподавателей и обучением на английском языке (завершение строительства – в 2017 г.). Расположенный на 200 акрах кампус объединит семь колледжей, организованных 4–5 известными зарубежными центрами; его цель – помочь университету к 2020 г. выйти на уровень мирового класса.

Предлагаемый ныне руководством страны более высокий уровень участия университетов КНР в научно-инновационной деятельности означает создание группы *высококласных лабораторий или исследовательских центров международного сотрудничества* с привлечением инновационных технических кадров высшей категории, стимулирование совместных научно-технических инноваций в вузах и сотрудничества университетов в единых аналитических центрах. Специального внимания заслуживает обозначенное в Комплексном плане КНР «усиление совместной международной инновационной деятельности, активное участие в крупных международных или региональных научных программах и проектах, а также их инициирование».

Контроль и поддержка правительства становятся для этого необходимыми. Правительство КНР не первое десятилетие тщательно отработывает стратегию регулирования и стимулирования транснационального образования, сохраняя строгий контроль над этим процессом. В 2015–2016 гг. КНР осуществила ряд мер, способствующих притоку высококвалифицированных зарубежных специалистов и ученых (в частности, было отменено требование к иностранным выпускникам вузов КНР сначала проработать два года за рубежом, а также их впервые допустили к работе в Пекинском технопарке «Чжунгуаньцунь» и на других инновационных площадках)⁴⁴. Летом 2016 г. иностранцам, работающим в различных научных центрах (ключевых государственных лабораториях, технологических цен-

⁴³ Смирнова Л.Н. Научно-образовательное сотрудничество – основа инновационной модели отношений России и Китая: Аналитическая записка. URL: http://www.cemi.rssi.ru/publication/e-publishing/Smirnova_Russia-China-Education-Policybrief3-ru.pdf

⁴⁴ См.: Доклад о развитии обучения студентов за рубежом. 2016.

трах госпредприятий, национальных технических исследовательских центрах, научно-исследовательских центрах, спонсируемых из-за рубежа), было запрещено подавать заявки на получение вида на жительство в КНР.

Данные социологических опросов подтверждают, что Россия также ставит подобные задачи: «Приоритетные задачи стратегии экспорта ВПО РФ. Повышение уровня интегрированности российского образования и науки в международные образовательные и исследовательские сети на различных уровнях – **27,7%** (опрошенных. – *Н.Б.*). Формирование инфраструктуры и институциональных условий для мобильности студентов, преподавателей и исследователей – **21,7%**. Повышение качества участия в международных и региональных организациях, проектах, программах и процессах, использование их потенциала для продвижения российской системы высшего и профессионального образования, а также изучение передового опыта и внедрения наилучших наработок в российскую практику – **16,9%**»⁴⁵. Инициатива на правительственном уровне безусловно стимулирует эти процессы. Недаром В.В. Путин, выступая в 2016 г. на пленарном заседании Восточного экономического форума, пригласил партнеров к участию в проекте по созданию на новой площадке Дальневосточного федерального университета на острове Русский международного научно-образовательного и технологического кластера с сетью лабораторий для совместных научных исследований и выразил заинтересованность в том «чтобы сюда приезжали иностранные преподаватели и студенты, работали исследовательские, творческие, проектные команды из других стран»⁴⁶.

Выводы. Заглядывая в средне- и долгосрочные перспективы процесса евразийской интеграции в сфере высшего образования, необходимо высказывать не только благие пожелания⁴⁷, но и точно учитывать основные стимулы *развития интеграционных процессов* каждой из стран. Так, в Китае мощной движущей силой интернационализации является совершенствование слабых возможностей научно-технической инновации внутри страны, решение структурно-институциональных проблем, мешающих научному развитию, дефицит высококачественных образовательных ресурсов.

Однако, если в последние три десятилетия Китай фактически *реформировал систему ВО по западному образцу*, то к 2020 г. при неизменной цели – сделать университеты КНР конкурентоспособными на мировой

⁴⁵ Ларионова М.В. Экспорт российских образовательных услуг... // Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего. М., ЛОГОС, 2010.

⁴⁶ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52808>

⁴⁷ Смирнова Л. Современное состояние и задачи развития евразийского пространства высшего образования // Россия. Китай > Образование, наука > interaffairs.ru, 18 февраля 2016 > №1653395.

арене – меняется методика ее достижения. Руководство КНР требует от своих университетов в процессе интернационализации «занять независимую позицию в отношении действующих на Западе норм и ограничений, стать учебными заведениями, способными выявить особенности китайской национальной культуры, а не имитаторами первоклассных мировых вузов...», ибо в противном случае будет «трудно избавиться от подчиненности и зависимости, выдвинуться в центр и занять передовые позиции в мировой системе знаний». В этом аспекте Китай явно рассчитывает на сотрудничество с Россией, давая понять, что именно эти две страны могут противопоставить Западу новые штрихи к модели современного университета (например, акцент не на конкурентоспособности вуза, а на его *потенциале гармонизации* отдельной личности, общества и международного сообщества).

Ставя задачи расширения внешних связей в сфере образования на новом этапе, наши китайские партнеры делают акцент на очень верных базовых принципах: «собственные интересы – главное, равноправное сотрудничество, гарантия безопасности»⁴⁸. Именно соблюдение каждой из сторон этих принципов позволит ей добиться поставленных целей.

⁴⁸ См.: Мнения относительно расширения внешних связей в сфере образования на новом этапе. 2016.

III. РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ СВЯЗИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.С. ДАВИДОВ

МОСКВА И ПЕКИН В «СТРАТЕГИЧЕСКОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ» РОССИЯ–КИТАЙ–США

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа взаимоотношений между КНР, США и Россией как в двустороннем, так и в трехстороннем формате. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на проблемы и конфликтные ситуации в этих отношениях, наилучшим способом сосуществования этих трех стран остается налаживание между ними экономического и политического взаимодействия и партнерских связей.

Ключевые слова: КНР, США, Россия, проблемы, конфликты, взаимодействие, сотрудничество, партнерские связи.

Безусловными претендентами на роль «глобальных игроков» в современном мире выступают Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика и Российская Федерация. И хотя среди этой тройки на протяжении последней четверти века США являются безоговорочным лидером по многим параметрам, включая силовые, это не умаляет растущего и крепнущего год от года веса, влияния и авторитета двух других мировых гигантов. Поэтому именно от того, как будут складываться взаимоотношения внутри «треугольника» во многом зависит одно из главных условий сохранения всеобщего мира – безопасность на нашей планете.

РФ–КНР: альянс без союза

С наступлением нового века значение китайского фактора во внешней и внутренней политике России неуклонно возрастает и в перспективе может сложиться так, что он станет играть не менее, а в некоторых отношениях, возможно, более существенную роль, чем американский.

Причины этого очевидны:

а) КНР – ближайший сосед РФ с самой протяженной сухопутной границей между двумя государствами на земном шаре;

б) Китай не располагает такими богатыми естественными ресурсами, как Россия, но остро нуждается в них;

в) Китай – демографический колосс с населением в 10 раз больше российского, размещенным на территории более чем вдвое уступающей территории РФ;

г) КНР быстро развивается не только экономически, но и в военном отношении и уже превратилась из региональной в глобальную державу. К середине нынешнего столетия, а возможно, и ранее она вполне может стать потенциальным источником экономического, демографического и военного давления на сопредельные или близко расположенные к ней государства.

По выражению З. Бжезинского, Китай относится к «приобретающим влияние и потенциально господствующим державам XXI века».

На протяжении периода после распада СССР уровень российско-китайских отношений последовательно повышался с доверительных и партнерских связей до статуса всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия. По обоюдному признанию двух стран, их официальные отношения сегодня тесны как никогда прежде, а степень взаимного доверия между руководителями достигла небывалого уровня.

В наших совместных действиях на международной арене, по выражению официальных СМИ, отмечаются «беспрецедентная согласованность и доверительность». Одинаковая или близкая оценка обеими странами нынешней глобальной ситуации – *благоприятная основа для их совместных шагов в направлении формирования новой мировой архитектуры*, покоящейся на фундаменте многополярности или полицентричности – на тех принципах, главенство которых они отстаивают. В приверженности им КНР и РФ по существу едины и совместно противостоят усилиям США, не желавшим еще совсем недавно отказываться от статуса «мирового гегемона».

Однако не следует, видимо, чрезмерно обольщаться по этому поводу. Нелишне более объективно, без пропагандистского флера, оценивать пределы потенциала российско-китайского взаимодействия, суммируя не только то, что нас объединяет, но и акцентируя **внимание на нестыковках и расхождениях** между Китаем и Россией, которые, отражая специфику национальных интересов каждой из стран, одновременно способствуют ослаблению их общей позиции в противодействии доминированию США. Таких пунктов несколько.

Во-первых, как известно, степень взаимодействия и доверия между двумя странами значительно выше на уровне политических элит, чем у деловых структур. Общим заблуждением ряда наших и китайских экспер-

тов, выстраивающих схемы «совместного противостояния американскому экспансионизму», стал *миф об идеальной «взаимодополняемости и совместимости экономик РФ и КНР»*, который опровергается показателями торгово-экономического сотрудничества России и Китая, с одной стороны, и КНР и США – с другой. Превышение китайского экспорта в США над экспортом в Россию является почти десятикратным. А импорт из РФ нефти и газа в КНР совсем недавно исчислялся в диапазоне от 4% до 6% общих поставок соответствующих энергоресурсов в Китай.

В России развитие экономического сотрудничества с Китаем зачастую тормозится региональными и местными властями, а неэффективность законодательной базы в этой сфере усугубляется многочисленными административными и бюрократическими препонами, усиливающими коррупционную составляющую и резко снижающими интерес китайской стороны к ведению бизнеса с российскими партнерами. В значительной степени именно по этой причине отношения Китая и России в экономической сфере по темпам, уровню и масштабам развития намного уступают интенсивности и содержательности российско-китайского политического и стратегического диалога.

В то же время некоторые китайские политологи до сих пор убеждены, что России лишь потому важен сегодня Китай, что она не получила от Запада то, на что рассчитывала – кредиты, средства и технологии, а ее экономические и геостратегические интересы по-прежнему направлены на Запад.

Другой *миф касается идентичности политических курсов двух стран*. Она ставится под сомнение в силу расхождений в политике РФ и КНР по ряду проблем, включая региональные.

Определенные нестыковки наших и китайских интересов имеются в Центральной Азии, во взаимодействии в ШОС и БРИКС. Вопросы у Китая вызвала концепция Евразийского союза, а у России – китайские проекты «Шелковых путей». Фактически речь идет о задачах активного продвижения интересов КНР на пространство среднеазиатских республик бывшего СССР, что может привести к усилению регионального соперничества между Россией и Китаем не только в экономике, но и в общественно-культурной сфере.

Сохраняется взаимная настороженность по поводу диалогов и отношений каждой из сторон с Западом. В среде российских аналитиков не изжиты воспоминания о взаимоотношениях в «треугольнике» США-КНР-СССР в 1970-е годы, поскольку затрудненность в прогнозировании современных внешнеполитических целей Китая не позволяет оценивать факты того периода как полностью отжившие «реликты прошлого».

У российской стороны вызывает недоумение своеобразная «трактовка» в Китае ряда эпизодов истории. В частности, на многих географических картах КНР южные Курилы обозначены как «оккупированная Россией тер-

ритория Японии». Даже сегодня, рассчитывая на нашу помощь в китайско-японском конфликте вокруг островов в Восточно-Китайском море, Китай не готов четко заявить о поддержке российской позиции в территориальном споре с Японией.

Имеются признаки некоторой разнонаправленности в политике обоих государств в Восточной Азии. Раздражителем для китайской стороны зачастую выступает характер российско-индийских отношений, особенно в сфере военно-технического сотрудничества.

Очевидна и проблема взаимодоверия на уровне широких общественных слоев. До настоящего времени в российском массовом сознании нередко находят распространение элементы китаефобии. Это обусловлено, с одной стороны, наследием прошлого, поскольку на пути развития советско-китайских отношений было в свое время множество «ухабов и провалов», а их деградация происходила, в том числе, на фоне форсированного налаживания и укрепления связей с США – нашим главным стратегическим соперником в тот период.

С другой стороны, российское государство пока предпринимает еще не достаточные усилия для того, чтобы население научилось по-настоящему понимать китайский менталитет. А непонимание приводит к нестыковке поведенческих моделей и, как следствие, к взаимной неприязни, подозрительности, а порою – враждебности. Поэтому темы «неравноправных договоров и утраченных территорий» в китайской печати откликаются тезисами о «китайской угрозе и демографической экспансии» в СМИ России. Заслуживают особого упоминания и существенные различия в идеологических посылах двух стран.

Порою складывается впечатление, что Китай видит в России, в первую очередь, не экономического и политического партнера, а некую контрсилу, способную вместе с ним противостоять тем действиям США в АТР и на глобальном уровне, которые идут вразрез с китайскими интересами.

С сожалением приходится констатировать, что, несмотря на попытки сбалансировать политические и экономические отношения между РФ и КНР, в их стратегическом партнерстве сохраняются, а порою увеличиваются, труднопреодолимые разрывы.

Иногда кажется, что в КНР в последнее время стали как будто забывать о многополярности. У Пекина налицо долгосрочные и весомые стимулы для сотрудничества с США и Западом, в том числе необходимость решать общие региональные и глобальные проблемы, одновременно страхуясь от западных угроз. Он занял двойственную позицию по вопросу Крыма точно так же, как ранее лавировал по проблемам Абхазии и Южной Осетии.

Активизация усилий КНР в сфере глобального управления оговаривается, по словам видных китайских политологов, постулатом, что подход их страны к этой проблеме не противоречит американскому, а лишь дополняет его. Некоторые из них считают, что в вопросе о международном порядке Китай не должен стремиться разрушить существующую международную систему, господство в которой принадлежит США. Другие полагают, что контакты Китая с Россией должны быть обособлены от развития связей с США, их не следует рассматривать в рамках «треугольника». По их мнению, «американский фактор не оказывает влияния на отношения Китая с Россией», и особенность российско-китайских связей в том, что они «тесные и близкие», а китайско-американские – «весомые и важные», поскольку КНР и США – крупнейшие мировые экономики¹.

Еще совсем недавно в КНР не исключали возможности на определенных условиях согласиться на сохранение монополярности во главе с США, поскольку на практике «изменение международного порядка не является для Пекина самоцелью»². Главное – получить в существующей системе место, которое будет сочтено достойным.

Все изложенное выше – серьезный противовес аргументам сторонников концепции формирования между Китаем и Россией «стратегического союза» с элементами взаимодействия в оборонной сфере, который давно грезится некоторым нашим аналитикам – выходцам из военных и силовых структур.

Как резонно отмечал один из известных российских китаеведов: «Китай – это страна, которая в силу исторических традиций, размеров, численности населения, влияния в мире объективно должна занимать *независимые, самостоятельные позиции* на международной арене. Примыкание к блокам других великих держав для Китая противоестественно, и если оно имеет место, то лишь **временно**, вследствие того, что расклад сил в мире, ограниченный военный и экономический потенциал мешают КНР в полной мере функционировать в роли великой державы»³.

Поэтому очевидно, что формирование китайско-российского союза, направленного против США и НАТО, не только нереально, но и невыгодно КНР и РФ, так как может вновь привести к блоковой конфронтации и создать угрозу для глобальной безопасности. Кроме того, Китаю, помимо частичной утраты самостоятельности, это может навредить препятствованием в углублении отношений с США, что явно не входит в планы Пекина. А у России, в случае гипотетического союза с Китаем, непременно

¹ URL: <http://ria.ru/world/20150910/1241241748.html>

² Новиков Д. Неравнобедренный треугольник // Россия в глобальной политике. Том 13. Март–апрель. Спецвыпуск. 2015. С. 48.

³ Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.: Известия, 2007. С. 164.

возникнут сложности при укреплении связей с другими азиатскими странами и ее влияния в СВА и АТР, где у КНР сегодня предостаточно недоброжелателей.

Вместе с тем совместная российско-китайская демонстрация военной и морской мощи выглядит порою резким диссонансом обоюдным заявлениям сторон о категорической неприемлемости их двустороннего союза, который, по убеждению китайских экспертов, «актуален лишь в случае войны». Такие акции могут усиливать ненужное раздражение мирового сообщества в отношении обеих стран. Целесообразно поэтому, на наш взгляд, несколько подкорректировать формулировку характеристики наших отношений, трансформировав ее в *«отношения всеобъемлющего партнерства и взаимодействия в рамках полного геополитического согласия и стратегического единства»*. Но одновременно не следует забывать о жесткости и бескомпромиссности Китая в отстаивании своих интересов на любом уровне, включая двусторонние связи.

В связи с этим и для Китая, и для России оптимальной должна оставаться убежденность в том, что превыше всего – дружбы или вражды – необходимо ставить собственные коренные интересы. Когда в определенных сферах – в безопасности, энергетике, выработке позиций по ключевым вопросам мировой политики и экономики в международных организациях – они становятся общими, возникает почва для партнерства и взаимодействия. Но если единственной политической целью остается противодействие американскому диктату и доминированию, на пути такого «взаимодействия во имя противодействия» неизбежно появится множество «подводных камней».

Во-первых, поскольку Китай экономически намного теснее связан с США, чем с нами, встает вопрос: до каких пределов мы можем двигаться совместно, противодействуя Штатам, и где у нас и у китайцев проходят те «красные линии», которые каждая из сторон не намерена переступать? Очевидно, что они не совпадут и будут пролегать по-разному. Другими словами, в наших партнерских взаимоотношениях важно понимать те пределы, которые создаются «окнами» наших возможностей.

Во-вторых, Китай, как известно, придерживается правила, согласно которому его отношения с Америкой и Россией всегда должны быть по возможности лучше, чем взаимоотношения между ними. Кроме того, он достаточно ревностно следит за любыми позитивными подвижками в российско-американских отношениях.

Со своей стороны, США не только постоянно используют «игры» на российско-китайских разногласиях, когда таковые возникают, но всегда стараются выстраивать отношения с нами и КНР таким образом, чтобы по возможности *одновременно* не доводить их с обеими странами до очень плохих. Если отношения с одной из сторон превращаются в конфликтные, то с другой происходит смягчение или существенное их улучшение.

России, переживающей очередной этап конфронтации с Америкой, совсем не лишне опираться на поддержку тех внешних сил, которые заинтересованы в сотрудничестве с ней. Такой силой для нее как евразийской державы является, прежде всего, Китай. Российским интересам, безусловно, отвечает последовательная линия на дальнейшее развитие всесторонних связей с ним, на всемерный «уход» от антикитайских проявлений при параллельном стремлении, несмотря ни на что, к нормальному диалогу с США. Это важно не только в силу «самоценности», но и в качестве «страховки» от потенциально не исключенной перспективы оказаться в стороне от возможных американо-китайских действий в ущерб России.

Одновременно «разворот» РФ в сторону Китая олицетворяет шаг в направлении формирования новых центров влияния, обретающих все больший удельный вес в мировых делах. Нарождающаяся таким образом структура как раз и призвана стать основой построения многополярной системы современного мира. А одной из ее «опор» вполне могут быть российско-китайские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

Не имеют весомых оснований опасения западных наблюдателей, что российско-китайское стратегическое партнерство и сходные позиции двух стран по некоторым проблемам могут привести к формированию «нового биполярного порядка», при котором Китай и Россия совместно противопоставят себя США, Японии и остальным странам Восточной Азии. Как упоминалось выше, это нереально ввиду отсутствия у них намерений формирования традиционного военно-политического союза, предполагающего чрезмерную взаимозависимость и частичную утрату суверенности каждым из его членов.

РФ—США: через «перезагрузку» к конфронтации

Выступая 10 лет назад в Мюнхене на международной конференции по вопросам безопасности, президент России В. Путин предупреждал Запад о бесперспективности следования по пути сохранения однополярного мира, нецелесообразности и несостоятельности шагов, направленных на ущемление законных прав и интересов России. Но Запад не захотел прислушаться и не внял словам российского лидера.

Характерно, что главной причиной ухудшения российско-американских отношений стали не столько события на Украине или «аннексия Крыма Россией», как это утверждают все западные и многочисленные мировые источники. Украина вместе с Крымом была лишь одним из поводов для демарша со стороны США.

Действительная первопричина состояла в том, что на рубеже 2008–2009 гг. тогдашние американские администрации республиканцев и демократов, сменявшие друг друга во власти, проглядели реальный «закат»

однополярности и, сочтя *урегулирование последствий распада биполярной системы мира окончательно завершенным*, сбросили Россию со счетов как глобальную державу и стали рассматривать ее в качестве региональной.

Приход в Белый дом Б. Обамы ознаменовался стремлением США формально узаконить необратимость этого «урегулирования», одновременно указав России на ее «подлинное» место в структуре нового миропорядка.

Попытка реализации этого замысла выразилась в навязывании России еще ничем не проявившим себя, но уже ставшим лауреатом Нобелевской премии мира президентом США так называемой перезагрузки с явным намеком: принять насаждаемые американцами ценности и не предпринимать каких-либо действий, противоречащих интересам США.

Время этих акций совпало с пребыванием на посту президента РФ либерала Д. Медведева. Однако возвращение в 2012 г. в президенты прагматичного и жесткого В. Путина спутало американцам все карты, поколебало уже считавшееся ими состоявшимся деление мира «по интересам» и привело к возникновению, задолго до Украины, целого ряда конфликтов, постепенно повлекших ухудшение, а затем и окончательную деградацию российско-американских связей. Американская реакция на события на Украине и на роль в них России выглядела как одно из проявлений сопротивления США начальным шагам по формированию основ глобальной полицентричности.

«Гнев на Россию» цепной реакцией перекинулся из США в страны Европы, расширив политику санкций и породив контрсанкции, приведя к ущемлению российских прав на нормальную деятельность в рамках международных форматов, включая участие в целом ряде форумов. Запад консолидированно ополчился на нас по единственной и главной причине – отсутствию желания наблюдать возрождение России в качестве великой глобальной державы, что противоречило его замыслам и пугало больше всего.

Сменивший Б. Обаму 45-й американский президент Д. Трамп в отличие от прежнего руководства до выборов и сразу после избрания соглашался по меньшей мере с тем, что наличие у США и РФ общих целей борьбы с терроризмом не исключает права нашей страны иметь собственные интересы, отличные от американских. Это обозначало перспективу проведения новых раундов согласования обоюдных позиций и достижения определенных договоренностей.

Российско-американские связи, пожалуй, одна из труднейших проблем новой администрации США. Мы сами во многом виноваты, поскольку сразу после выборов наши многочисленные политики, политоло-

ги и представители СМИ начали раздувать «трампоманию»⁴, авансируя необоснованный оптимизм по поводу надежд на скорое улучшение отношений с Америкой.

Ни одна из них пока не оправдалась. Разговоры о снятии санкций застухли, тема встречи Путина и Трампа зависла, хотя в последнее время появились сообщения о начале подготовки к ней. Белый дом заявил, что ожидает от России возвращения Крыма. Пентагон подтвердил намерение общаться с нами с позиции силы. Президент Трамп отправил в отставку только что назначенного советника по национальной безопасности М. Флинна за «неправильное общение» с российским послом в США, осудил «недостовверные и лживые новости» о связях его администрации с Россией и задал вопрос: «Не был ли Обама излишне мягок по отношению к ней, если допустил присоединение Крыма?».

В ответ российское руководство, как утверждается, дало указание своим СМИ прекратить восхваление Трампа в эфире. Налицо деэскалация симпатий и восторгов в адрес нового американского лидера, что разумно, справедливо и даже внушает оптимизм, поскольку соответствует реальности. Следует отметить, что в условиях нынешней внутренней ситуации в США у команды Трампа нет пока достаточной политической поддержки для серьезных договоренностей с Россией. Но это вовсе не означает отказа от попыток стремиться к их достижению.

С другой стороны, отсутствие пока признаков изменения российско-американских отношений в лучшую сторону косвенно смягчает некоторую напряженность, возникшую в наших взаимоотношениях с Китаем после победы Трампа на выборах и славословий в его адрес со стороны российских СМИ.

В Вашингтоне считают, что ключевые советники Трампа еще не достигли консенсуса относительно того, насколько тесно следует сотрудничать с Россией в сфере безопасности, но в целом поддерживают идею взаимодействия с ней в области экономики и энергетики, считая это «подготовкой почвы» для стабилизации отношений двух стран в вопросах ядерной проблематики, региональных сфер влияния и взаимодоверия в целом.

Они также рассчитывают на ответные шаги Москвы в вопросах борьбы с терроризмом, Украины, мира на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Одновременно утверждается, что «возлагать роль первой скрипки в разрешении российского вопроса на Вашингтон неправильно». По мнению американских экспертов, высока вероятность, что состояние россий-

⁴ Только в январе 2017 г. Трамп упоминался в российских СМИ 202 тыс. раз по сравнению со 147,7 тыс. упоминаний в них неизменного лидера шести прошлых лет В. Путина (Независимая газета. 01.03.2017).

ско-американских отношений в большей степени будет зависеть от происходящего в Москве и Пекине⁵.

Что касается позиции российской стороны, то, по словам министра иностранных дел РФ С. Лаврова, Россия хочет с США «отношений прагматизма, взаимного уважения... Две наши страны никогда не были в прямом конфликте, между ними было гораздо больше дружественной истории, нежели противостояния... Потенциал кооперации в политике, экономике, гуманитарной сфере огромен. Мы к этому открыты настолько, насколько к этому готовы в США»⁶.

КНР–США: взаимодействие в противоборстве

На протяжении последних нескольких лет в отношениях США и Китая обозначилось сочетание двух разновекторных тенденций: *усиления взаимодействия*, стремления к обоюдному ослаблению конфликтности, сглаживанию, а порою камуфлированию разногласий и противоречий, поиску реальных компромиссов и одновременно *обострения соперничества* и ужесточения реакции каждой из стран на нарушения со стороны визави «красных линий», обозначающих разграничение сфер их региональных и глобальных интересов.

Это объясняется, с одной стороны, ростом взаимозависимости США и Китая в финансово-экономической сфере, а с другой – усугублением неразрешимых и нарастающих антагонизмов между ними. При этом «подъем Китая и переход его в категорию сверхдержавы только усиливает внутреннюю китайско-американскую конфликтность, которая будет постоянно присутствовать в отношениях двух стран, поскольку обусловлена их противоположными геополитическими интересами»⁷.

Для Пекина они состоят в наращивании комплексной национальной мощи в целях превращения в мировую супердержаву, а для Вашингтона, по крайней мере, еще недавно заключались в сохранении неоспоримого регионального и глобального доминирования с тем, чтобы резервировать за собой право «вершителя мировых судеб».

Современные отношения Китая и США реализуются в трех измерениях: двустороннем, региональном и глобальном. К первому относятся торгово-экономические связи, проблемы Тайваня, прав человека (включая Тибет, СУАР, диссидентов, свободу слова, Интернет и вопросы кибербезопасности). Сюда же можно условно причислить проблемы, которые, по мнению Китая, затрагивают его внутреннюю безопасность (распространение «чуждых идей» и подрыв государственных институтов власти).

⁵ Независимая газета. 16.01.2017.

⁶ Аргументы и факты. 2017. № 8.

⁷ Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4. С. 38.

На региональном уровне они связаны с противостоянием в АТР, конфликтами в акваториях Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, противоречиями вокруг многосторонних международных торгово-экономических региональных организаций, соперничеством в Центральной Азии и усилением китайского влияния на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке. В глобальном формате интересы Америки и Китая пересекаются на евразийском пространстве, во взаимоотношениях с Россией и в урегулировании проблемы будущего мироустройства.

Самыми чувствительными для отношений между двумя странами, однако, оставались их *конфликты и противоречия* на региональном уровне и прежде всего *в АТР*. Оба государства, резко увеличившие во втором десятилетии XXI века активность в этом регионе, вызывали своими действиями в нем вполне обоснованное беспокойство и взаимное недоверие друг у друга.

У Китая они были связаны с провозглашением еще в 2010 г. «возвращения США в АТР», ущемившего его интересы в результате вмешательства Вашингтона в территориальные споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, укрепления американских военных союзов и формирования новых партнерских группировок в регионе с участием Вьетнама и Мьянмы, а также интенсификации военной и разведывательной деятельности вблизи китайской территории.

У Америки серьезную обеспокоенность вызывало не столько экономическое, сколько военно-стратегическое усиление Пекина, его попытки изменить военный баланс в АТР в свою пользу и таким образом лишить другие его страны иного выбора, кроме как принять силу Китая. КНР стали подозревать в намерении создать в регионе новую систему безопасности без американского участия, построенную с опорой на принцип «Азия для азиатов». По утверждению американских официальных лиц, «это способно было накалить американо-китайские противоречия в АТР до предела»⁸.

Тем не менее, конфликтность, противостояние и противоборство в отношениях КНР и США при Си Цзиньпине и Обаме продолжали существовать параллельно со стремлением к компромиссам и примирению.

При новом президенте Д. Трампе у американо-китайских отношений может еще больше усилиться конфликтный потенциал, как, впрочем, во все не исключены значительные перспективы активизации и углубления двустороннего сотрудничества.

Консервативные, а по некоторым позициям ультраконсервативные взгляды Трампа заставили наблюдателей причислить его к антиглобалистам. Не считая себя таковым по сути, он, тем не менее, высказался за оп-

⁸ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014–2015. М.: ИД «ФОРУМ», 2016. С. 272.

ределенные ограничения глобализационных трендов, в числе которых: укрепление внутренних, а не внешних рынков; разрыв торговых договоренностей, которые чреватые экономическими потерями для США; отказ от спекулятивных сделок. Сюда же относятся идеи Трампа о наложении 45-процентной пошлины на товары из Китая, увеличении добычи собственной нефти и сокращении ее импорта.

Первым шагом на пути реализации «антиглобалистских идей» стал подписанный им указ о выходе США из Транстихоокеанского партнерства – структуры, которую враждебной его торговым интересам считал прежде всего Китай. Но это не парадокс, а трезвый расчет. Успешный бизнесмен Трамп и в политике не собирается тратить деньги без гарантии 100-процентной отдачи от затрат. Он намерен вкладывать их более адресно, например, в укрепление двусторонних связей с Японией – главным соперником Китая в Азии. Это подчеркивалось в ходе визита в США японского премьер-министра С. Абэ.

Но речь идет не только о Японии, а о сохранении позиций США в АТР – одном из главных регионов, остающихся в сфере американских интересов. И это закономерно, поскольку на данный момент это самый динамично развивающийся регион мира, где на место доминирующей силы претендует основной на сегодня соперник США – Китай.

Широко распространилось мнение, что именно Китай, а не Россия станет для администрации Трампа «раздражителем номер один». К набору прежних противоречий в отношениях Пекина и Вашингтона добавилось еще одно, пожалуй, самое неприятное для Америки – КНР предпринимает шаги, которые потенциально можно оценить и как попытку заявить о ее притязании на роль будущего мирового лидера. Допуская участие Китая в глобальном управлении, которое США в прошлом сами пытались навязать ему в виде «большой двойки», они и при Трампе наверняка не согласятся с претензией КНР на позицию «первой державы мира». Американцы могут допустить активизацию китайцев в тех зонах, из которых намерены уйти или там, где планируют ограничить свое присутствие, но только не в АТР – главном плацдарме, пока еще подпирающем фундамент их слабнувшего глобального лидерства.

Предполагается, что в отношениях с Китаем у Трампа будет превалировать экономическая тематика, отодвинув на второй план политико-идеологические проблемы. На кону у него – ревизия торгово-экономических связей двух стран.

Китай пока чувствует себя достаточно уверенно: он держит в своих руках американские долги в объеме, по разным подсчетам, от 1,2 до 1,8 трлн долл., располагает 4 трлн долл. валютных резервов по сравнению со 121 млрд долл. у США. В 2016 г. китайские компании инвестировали в Соединенные Штаты 53,9 млрд долл. – больше, чем в любую другую

страну. В двусторонней торговле объемом порядка 660 млрд долл. дефицит баланса у США в 2015 г. составил 365,7 млрд долл. Причем торговля с Китаем складывается для Америки с дефицитом начиная с 1985 г.

Компании США создали в Китае около 20 тыс. предприятий. 20% прибылей «Дженерал моторс» и 16% прибылей «Форда» американский автопром получает за счет китайского рынка. В КНР действует 14 сборочных заводов компании Apple. На середину 2016 г. шесть топ-банков Китая имели активы в 15 трлн долл., а шесть топ-банков США – на 1 трлн долл. меньше.

Согласно оценкам экономистов, по состоянию на 2015 г. государственный долг КНР составлял 23 трлн долл. в сравнении с 17,6 трлн долл. госдолга США. Стремительный рост китайского госдолга явился, по их утверждению, «расплатой за ускоренный экономический рост». Этот и некоторые другие параметры развития Китая заставили специалистов сделать вывод о том, что на фоне экономических неурядиц последних лет в среднесрочной перспективе Пекин не обгонит Вашингтон, даже если ВВП США будет расти по 1–2%, а ВВП КНР – по 5–6% в год. И только через 15–20 лет объем китайской экономики приблизится к объему американской.

Главная претензия Трампа к Китаю в финансовой сфере состоит в манипулировании курсом юаня ради получения преимуществ в торговле с США. В вину КНР вменяют также: товарный демпинг, ведущий к развалу американской промышленности; введение противоречащих правилам ВТО ограничений на торговлю с США; модернизацию китайских военных объектов за счет кражи американских технологий, хакерских атак и шпионажа; требование Китая о доступе к новым технологиям в качестве условия американского присутствия на его рынках.

Значимым фактором, который в условиях новаций миграционной политики Трампа будет непросто игнорировать, может оказаться так называемая пятая колонна Пекина. Китайцы составляют $\frac{1}{4}$ азиатского населения США – около 4 млн человек. При этом наблюдается устойчивая тенденция роста их численности. Тысячи и тысячи молодых граждан КНР, обучавшихся в Америке (математики, физики, химики, врачи, юристы, специалисты ЭВМ, дизайнеры и т.п.), остаются там на постоянное жительство. Многие обзавелись семьями, часто путем заключения браков с этнически близкими им американскими гражданами, но при этом сохраняют связи со своей родиной. Это создает основания для подозрений в подрыве безопасности США изнутри.

Все это выдвигает перед новым американским президентом задачу: как минимум, ограничить, а лучше – остановить наступление Китая. Для начала – в экономике, с расчетом на то, что экономическое ослабление КНР неизбежно приведет и к политико-стратегическому.

Неплохим выходом для Трампа в этой связи было бы перенацеливание китайской экономической экспансии в другие районы мира. Не связаны ли именно с этим появившиеся в СМИ весьма любопытные сообщения о якобы проявленном интересе новых властей США к китайским проектам «Шелковых путей», которые, как известно, пока не захватывают американский континент?

При Обаме представители его администрации одобрительно отзывались о проекте ЭПШП и ратовали за координацию действий США и КНР в Центральной Азии, одновременно преследуя побочную цель – направить активность возвышающегося Китая с морских просторов, где Америка продолжала доминировать, вглубь континента и «столкнуть там лбами» Пекин и Москву, выступая при этом в роли арбитра и защитника интересов остальных стран Центральной Азии. Маловероятно, чтобы Трамп, даже отказавшись полностью от курса Обамы, не воспользовался такой схемой, если замыслит играть на российско-китайских противоречиях.

Первый год Трампа во власти совпадает с важнейшим для Китая внутривнутриполитическим событием – XIX съездом КПК. Некоторые эксперты полагают, что именно он может усложнить двусторонние китайско-американские отношения, которые станут «жертвой» упомянутых выше дискуссий о глобальной торговле, стоимости доллара, протекционизме и т.п.

Высказываются предположения о неизбежности грядущего американо-китайского конфликта, который приведет к срыву модернизации в КНР и похоронит «китайскую мечту» – цель, к которой стремится Си Цзиньпин.

Еще до инаугурации Д. Трампа между ним и Си состоялся телефонный разговор, продемонстрировавший, по признанию обоих, «взаимное уважение сторон друг к другу», результатом чего стала договоренность о проведении в ближайшем будущем личной встречи двух лидеров и поддержании тесных контактов для налаживания диалога.

Однако после телефонного разговора Трампа с президентом Тайваня Цай Инвэнь тон комментариев в китайских СМИ резко изменился. Политологическая элита КНР констатировала, что в американо-китайских отношениях появился «новый тренд», связанный с усилением в них «неопределенности» вследствие возобладания неоконсервативных подходов в окружении американского лидера, не имеющего к тому же достаточного политического опыта.

По мнению китайской стороны, взгляд США на Китай не как на партнера, а как на причину имеющихся у них проблем не отвечает основной логике отношений двух стран, а провоцирование трений и их подрыв не способствуют «обретению Соединенными Штатами нового величия».

Как далеко зайдут американо-китайские отношения в своем противостоянии, судить пока рано. Если КНР сохранит приверженность взвешенной позиции, которую до последнего времени демонстрировала по отношению к США, а те, в свою очередь, не станут пересекать «красные линии», которые давно прочерчены во взаимосвязях двух стран, миру, по большому счету, ничто фатальное не грозит.

Одной из главных таких линий, безусловно, является тайваньский вопрос. Разговор Трампа с Цай Инвэнь вызвал бурю откликов, комментариев, прогнозов и спекуляций. Есть аналитики, предполагающие, что это первый шаг к смене парадигмы двусторонних отношений с непредсказуемыми последствиями. Даже вряд ли верящий в такую смену ветеран американо-китайского сближения Г. Киссинджер предупредил Трампа, что «нарушать принцип одного Китая неразумно». Трампу «необходимо понять: каких успехов он хочет достичь и какие меры для этого надо принять?».

Примечательно, однако, что во время избирательной кампании Трамп ни разу не поднимал тайваньского вопроса и избегал темы Южно-Китайского моря. Поэтому другая группа экспертов полагает, что «утеснение» связей между новым президентом США и лидером Тайваня выглядит искусственным. Если при Б. Обаме США с раздражением относились к активности КНР в Южно-Китайском море, демонстрируя готовность защищать своих азиатских союзников от «китайской угрозы» путем размещения американского комплекса ПРО THAAD на территории Южной Кореи, то Трампа дела в ЮКМ, как и тайваньский вопрос, интересуют в первую очередь как инструмент влияния на Китай.

Есть также серьезные сомнения в том, что обещавший в свое время «торговую войну Китаю» Трамп будет пытаться воевать с инвестициями КНР в экономику США, поскольку они в первую очередь обеспечивают рабочие места для коренных американцев, а именно к их увеличению и стремится новый президент.

Думается, действия Трампа в отношениях с Китаем будут в основе своей осмотрительными, взвешенными и аккуратными. В то же время не исключено, что как коммерсант он захочет начать отношения с КНР с нулевой отметки, с «чистого листа». Начиная «торг» со второй державой мира, с точки зрения Трампа, нужно стартовать с максимально благоприятных для Америки позиций, а не с признания уступок Китаю, которые делала предыдущая администрация.

Тем не менее, хочется верить, что курс Вашингтона нацелен на «притормаживание» Пекина, а не на масштабный конфликт с ним, ибо экономически США и КНР очень тесно взаимосвязаны. Помимо этого существуют и личные бизнес-интересы Трампа в Поднебесной, где десятки торговых брендов носят его имя Chuapru, а под торговой маркой дочери

Иванки производят балетную обувь. Экспортная модель экономики КНР еще и по этим причинам не может позволить себе торговой войны с США. К тому же примечательно, что новым послом США в Китае Трамп назначил Терри Бренстеда, бывшего губернатора Айовы и личного друга председателя Си Цзиньпина.

КНР–США–Россия: что может случиться в «треугольнике»?

Взаимоотношения внутри «треугольника» КНР–США–РФ – одно из сложнейших и наиболее важных глобальных взаимодействий. Как известно, политические отношения между РФ и КНР масштабнее и богаче, чем их экономическое сотрудничество, а китайско-американские связи в торговой и финансово-экономической сфере более глубоки и насыщены, чем в политической. Политическое взаимодоверие между Россией и Китаем сегодня устойчивее, чем между США и КНР. В то же время российско-американские отношения в стратегической области, связанные с всемирной безопасностью, являются определяющими на глобальном уровне с учетом военного потенциала обеих стран. Однако в силу того, что российско-китайское стратегическое сотрудничество, как было заявлено обеими сторонами, рассчитано на долговременную перспективу, оно может способствовать постепенному ослаблению мирового лидерства США и формированию нового международного порядка взамен брюссельско-вашингтонского.

В дальнейшем на определенном этапе не исключено, однако, возникновение ситуации, когда действие «классической парадигмы», при которой главный вызов безопасности России и США обусловлен их политикой в отношении друг друга, может нарушиться в результате усиления глобальных амбиций Китая. Поэтому идеальной для взаимоотношений в «треугольнике» уже сегодня могла бы стать модель «стратегического партнерства США–КНР–РФ».

К сожалению, на пути достижения этого идеала воздвигнуто много нагромождений. До недавнего времени непосредственный интерес США к России в контексте АТР прослеживался исключительно через призму «китайского фактора» и сводился к оценке возможности использования ее либо в качестве союзника Америки в борьбе с опасностью усиления КНР (что абсолютно нереально в условиях американо-российской конфронтации), либо угрозы для США как сторонницы Китая.

В предвыборных высказываниях Трампа о внешней политике проскальзывали намерения заняться реструктуризацией российско-китайско-американского «треугольника». Учитывая тесный характер российско-китайских политических связей, он не исключил, что в перспективе Америка может оказаться в конфликте и с Китаем, и с Россией, и поэтому рассчитывает ослабить натиск хотя бы со стороны одного из соперников. В отличие от Бжезинского, который «не знает, что предложить, если КНР

и РФ поставят США в ситуацию «двойного шаха»», Трамп готов «снять шах» хотя бы с российского направления, поскольку угроза экономике США со стороны Китая несравнимо больше, чем с российской. Как прагматик из двух зол он стремится выбрать меньшее. Принимая во внимание прагматизм, также присущий В. Путину, есть шансы, что они смогут найти общий язык.

Высказываются мнения, что «поведение Трампа в отношении России будет напрямую зависеть от успехов или неудач Китая»: чем быстрее он будет развиваться, тем вероятнее попытки США перетащить Россию на свою сторону. А если Москва при этом снизит уровень антиамериканской риторики и убедит Вашингтон, что сотрудничество с Россией ему выгодно, сдерживание Китая станет для Трампа более актуальной задачей, чем противостояние с РФ.

Но есть и те, кто считает, что США невыгодно менять экономическую политику в отношении КНР, поскольку, покупая их казначейские облигации, она продолжает финансировать потребление и инвестиции в Америке, снижая нагрузки на американский бюджет.

Следует учитывать, что подобно Никсону Трамп станет «геополитическим балансером», если рассчитывает приближением России сдерживать Китай. В таком случае «торговля геополитикой» может превратиться в фирменный стиль нового президента, а заодно компенсировать потери, связанные с его «изоляционистской линией».

Думается все же, что в конечном итоге взаимоотношения в «треугольнике» будут определять не субъективные симпатии или антипатии сторон, а объективные экономические и геополитические факторы. Это, в том числе, цена на нефть – главный предмет российского экспорта.

Поддерживаемая Д. Трампом идея освобождения США от ее импорта через масштабное увеличение добычи сланцевой нефти, в сочетании с серьезным спадом экономической активности в Китае, приведет к переизбытку сырья на мировом рынке, дестабилизации и снижению цен на него, чреватому падением курса рубля. Такой же результат может вызвать повышение в США пошлины на экспорт китайских товаров.

Со своей стороны, КНР может ответить на «финансовую войну» Трампа ударом по доллару, который, по утверждениям многих экономистов «и так держится с трудом», выставив на продажу имеющиеся у нее американские долговые обязательства. Тем более, что за последние годы вложения в них сократились на 242 млрд долл. Россия в этом случае сможет оказаться в большом плюсе, если вовремя переведет свои валютные резервы из долларов в другие виды ресурсов.

Чтобы голос России в «треугольнике» был весомым, она должна как минимум обладать сопоставимой с двумя другими его участниками комплексной мощью. В экономике она явно им уступает. При определенных

условиях, однако, РФ может успешно выступить в роли арбитра между Америкой и Китаем, если их отношения обострятся до максимума. Ее лавирование между ними в такой ситуации скорее будет восприниматься как «миротворчество», а не как попытка «лить воду на мельницу и нашим, и вашим».

Если Трамп захочет напрямую использовать Россию против Китая, то в этой ситуации нам очень важно «смотреть в оба» и обходить острые углы в случае выдвижения со стороны США условий улучшения отношений за счет нарушения уз стратегического партнерства с КНР. В целом, многое в политике нового президента будет зависеть от того, какими методами он будет действовать внутри и вовне: окажется ли достаточно гибким и готовым к компромиссам или пойдет напролом?

Реальным делом, которым «треугольник» совместно мог бы заняться уже сейчас, представляется изыскание путей решения проблемы северокорейской ракетно-ядерной угрозы.

Что касается Китая, то недавнее приближение китайских ракетных комплексов к нашим границам с Маньчжурией при наличии обоснованных объяснений с его стороны не вызвало особого беспокойства в Москве. Однако следует осознавать, что в отсутствие формального союза между РФ и КНР не исключены ситуации, вплоть до конфликтных, когда стороны могут действовать, сообразуясь только с собственными интересами без учета интересов соседа.

К.Л. СЫРОЕЖКИН

РОССИЯ И КИТАЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: КОНКУРЕНТЫ ИЛИ ПАРТНЕРЫ

Аннотация. В настоящее время характер и специфика присутствия России и Китая в Центральной Азии претерпевают значительные изменения. Меняются их подходы к региону. Предлагаются различные проекты по его интеграции или удержанию в сфере своего влияния. Во многом именно это подпитывает тезис о том, что конкуренция между Россией и Китаем в регионе нарастает. Однако, несмотря на серьезное усиление позиций Китая в Центральной Азии, этот тезис не подтверждается конкретными цифрами и фактами. Более того, есть основания утверждать, что Россия и Китай способны выстроить такую систему отношений в Центральной Азии, которая бы учитывала не только их взаимные интересы, но и национальные интересы государств региона.

Ключевые слова: Россия, Китай, Центральная Азия, ЕАЭС, ЭШП, угрозы и вызовы.

В последнее время все чаще говорят об усилившемся влиянии Китая в Центральной Азии, а следовательно – о возможной перспективе возникновения конкуренции между Китаем и Россией на этом пространстве, которое Россией рассматривается как зона ее «привилегированных интересов». По-видимому, в такой постановке вопроса есть своя логика. Во всяком случае, с тем, что за последние годы Китай существенно нарастил свое присутствие в Центральной Азии, не поспоришь.

Сложнее с тезисом по поводу конкуренции между Россией и Китаем на пространстве Центральной Азии, и в особенности – конкуренции между ними по вопросу влияния на государства региона. Договорно-правовая база, регламентирующая отношения в этих «треугольниках», по сути идентична. Россия, Китай и государства Центральной Азии связаны между собой отношениями стратегического партнерства и союзничества. Это предполагает, что, отстаивая свои национальные интересы, государства

должны принимать во внимание и интересы стратегического партнера или союзника.

Во многом это предопределено и характером современных угроз и вызовов, которые в региональном аспекте практически тождественны как для России и Китая, так и для государств Центральной Азии. Кроме того, на сегодняшний день Россия и Китай демонстрируют единство по ряду международных проблем и активно развивают двустороннее сотрудничество не только в экономике, но также в военной сфере и вопросах обеспечения региональной и глобальной безопасности. И в этом контексте оценка сегодняшнего этапа российско-китайских отношений как «лучшего за всю историю», наверное, справедлива. Как вполне справедлив оптимизм российских экспертов по поводу перспектив сотрудничества между Россией и Китаем на пространстве Центральной Азии¹.

Вряд ли было бы правомерно говорить и о прямой конкуренции между компаниями России и Китая в Центральной Азии. Конечно, если не принимать во внимание желание компаний вообще не иметь конкурентов на рынке.

Ниши, которые занимают в государствах региона китайские компании, практически не пересекаются с нишами, которые заняты российскими компаниями. Причина банальна: после активного старта в начале 1990-х годов Россия утратила интерес к региону почти на десятилетие. И если бы не события в Баткенте, показавшие, что угрозы безопасности России простираются, в том числе и из Центральной Азии, ее возвращения в регион, возможно, так и не произошло бы. Вполне естественно, что свободные ниши активно начал занимать Китай, уже в начале 2000-х годов выдвинувший концепцию «большого освоения запада», в которой одно из главных мест отводилось ресурсному потенциалу Центральной Азии, прежде всего Казахстана.

Там, где пересечение интересов имеет место быть (нефтегазовый сектор, атомная энергетика, инфраструктурное строительство, логистика и оптовая торговля), российские и китайские компании скорее не конкурируют, а дополняют друг друга. Более того, нельзя не отметить и определенную взаимодополняемость экономик России и Китая, а также их тесную связь с экономиками государств Центральной Азии. Даже с учетом экономической мощи современного Китая, без поддержки России и стран Центральной Азии ему затруднительно сохранять устойчивость и поступательность развития.

¹ Подробнее см.: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Россия, Китай и США в Центральной Азии: Баланс интересов и возможности сотрудничества» / Тимофей Бордачев, Эндрю Смолл, Вань Цинсун. Москва, сентябрь 2016; Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. №28/2016 [А.А. Казанцев, И.Д. Звягельская, Е.М. Кузьмина, С.Г. Лузянин]; [гл. ред. И.С. Иванов] / Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2016.

С другой стороны, имеет место ряд факторов, которые говорят о перспективе возможного расширения конкурентных областей между Россией и Китаем на пространстве Центральной Азии, а следовательно – о необходимости для государств региона более четко формулировать свои внешнеполитические приоритеты.

В первую очередь, такая перспектива детерминируется разницей подходов России и Китая к Центральной Азии, различиями предлагаемых к осуществлению под эгидой России либо Китая проектов и условиями, на которых эти проекты реализуются.

Россия в рамках ЕАЭС тратит основное время не на наращивание экономической мощи, модернизацию и создание современных транспортных коммуникаций и производств, а на убеждение постсоветских стран в преимуществах евразийского проекта и необходимости усиления в нем политической составляющей, а также на «выдавливание» геополитических конкурентов из зоны российских «привилегированных интересов». А это не может не вызвать негативной реакции как у политического руководства стран региона, рассматривающего ЕАЭС как исключительно экономический проект, так и у населения, ожидавшего от данного проекта улучшения своего благосостояния.

Китай идет «вовне» с инвестициями, модернизированной транспортной инфраструктурой и при этом не ставит (во всяком случае, пока) никаких политических условий для местных властей. И хотя вполне очевидно, что Китай не только не может быть интеграционным ядром для центральноазиатских экономик, но и не планирует выступать в данной роли, тем не менее, идея ЭППП на политическом уровне одобрена всеми государствами Центральной Азии, и все они выразили свое стремление активно участвовать в практической реализации этого проекта².

² См.: Чжун Хуа Жэньминь Гунхэго хэ Тукуманьсыгань гуаньюй фачжань хэ шэньхуа чжаньлюэ хобань гуаньси ды лянхэ сюаньянь: [Совместная декларация Республики Туркменистан и Китайской Народной Республики о дальнейшем развитии и углублении отношений стратегического партнерства. Пекин, 12 мая 2014 г.] // Жэньминь жибао. 13.05.2014; Чжун Хуа Жэньминь Гунхэго хэ Цирцзисы Гунхэго гуаньюй цзинь и бу шэньхуа чжаньлюэ хобань гуаньси ды лянхэ сюаньянь: [Совместная декларация Кыргызской Республики и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений стратегического партнерства. Шанхай. 18.05.2014] // Жэньминь жибао. 19.05.2014; Чжун Хуа Жэньминь Гунхэго хэ Уцыбекэсыгань Гунхэго лянхэ сюаньянь: [Совместная декларация Республики Узбекистан и Китайской Народной Республики. Пекин, 19 августа 2014 г.] // Жэньминь жибао. 20.08.2014; Чжун Хуа Жэньминь Гунхэго хэ Тацзикэсыгань Гунхэго гуаньюй цзинь и бу фачжань хэ шэньхуа чжаньлюэ хобань гуаньси ды лянхэ сюаньянь: [Совместная декларация Республики Таджикистан и Китайской Народной Республики о дальнейшем развитии и углублении отношений стратегического партнерства. Пекин, 13 сентября 2014 г.] // Жэньминь жибао. 14.09.2014; Чжун Ха цзули ди эр динци лянхэ гунбао: [Совместное коммюнике второй регулярной встречи премьеров Казахстана и Китая. Астана, 14 декабря 2014 г.] // Жэньминь жибао. 15.12.2014; Чжун Хуа Жэньминь Гунхэго хэ Хасакеэсыгань Гунхэго гуаньюй цюаньянь чжаньлюэ хобань гуаньси синь цзедуань ды лянхэ сюаньянь: [Совместная декларация Республики Казахстан и

Причины такого единодушия лежат на поверхности.

Во-первых, политическое руководство стран Центральной Азии не могут не подкупать по-новому расставленные акценты во внешнеполитическом курсе руководителей «пятого поколения»³.

Во-вторых, в отличие от других проектов в Центральной Азии, особенностью китайского проекта является абсолютное отсутствие политических требований к участникам.

В-третьих, ЭПШП уже обеспечен финансовыми ресурсами. Создание «Фонда Шелкового пути» и АБИИ не оставляют в этом сомнений. Более того, эти институты уже начали финансирование ряда проектов. Во всяком случае, в Казахстане⁴.

В-четвертых, Китай готов на компромисс не только с Россией, но и с другими государствами, через территории которых пройдет ЭПШП. Об этом свидетельствуют и уже достигнутые договоренности, но и сама политика китайского руководства. С точки зрения хозяйственного роста, развитие регионального экономического сотрудничества является первейшим лейтмотивом политики Китая по отношению ко всем странам, и в первую очередь – соседним.

В-пятых, Китай имеет общую границу не с одной, а с тремя странами Центральной Азии, что дает ему неоспоримые преимущества в развитии совместных транспортно-логистических проектов. Причем весьма существенно, что в реализации этих проектов заинтересованы и сами страны, через которые будет проходить ЭПШП. Это сулит не только повышение доходов от транзитных сборов и финансовых вливаний в экономики стран региона, но и способствует повышению транспортной связанности между самими странами региона.

Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всестороннего стратегического партнерства. Пекин, 31 августа 2015 г.] // Жэньминь жибао. 01.09.2015.

³ Подробнее см.: Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). М.: Научный эксперт, 2016.

⁴ В ходе визита в КНР Н. Назарбаева в сентябре 2015 года между АО «НУХ «Байтерек» и CITIC Group было подписано соглашение по совместному участию в Kazakhstan Infrastructure Fund. Кроме того, АО «Национальное агентство по экспорту и инвестициям «Kaznex Invest» и «Фонд Шелковый путь» подписали меморандум о взаимопонимании и взаимодействии по созданию специального инвестиционного фонда для проектов индустриально-инновационного сотрудничества.

На цели индустриального развития Казахстана Банк Китая через АО «НУХ «Байтерек» готов выделить 5 млрд долл. Кроме того, Казахстан заключил партнерское соглашение с «Фондом Шелкового пути» в сфере индустриального и инновационного развития, информационных технологий и других секторах, являющихся приоритетными для Казахстана. Фонд готов рассмотреть возможность заключения договора о финансировании индустриальных проектов Казахстана на общую сумму в 2–3 млрд долл. Во время визита К. Масимова в декабре 2015 года между АО «НУХ «Байтерек» и «Фондом Шелкового пути» был подписан меморандум о сотрудничестве, предусматривающий привлечение китайских инвестиций в приоритетные индустриальные проекты Казахстана на сумму до 2 млрд долл.

Наконец, не менее значимо и то, что, в отличие от ЕАЭС и политики России в регионе, ЭПШП и политика Китая в Центральной Азии позитивно оценивалась Западом, более того, по мнению некоторых политиков, политика Китая в Центральной Азии «полностью стыкуется» (fully complementary) с американской политикой в регионе⁵. В аналогичной тональности звучали рекомендации американских экспертов политическому руководству и экспертному сообществу государств Центральной Азии – не отказываться от китайского проекта ЭПШП ради «краткосрочных выгод присоединения к прокремлевскому блоку».

Естественно, что этот подход Запада не мог не учитываться руководством стран региона, а с учетом объемов предоставляемых Китаем инвестиций и условий, на которых они предоставляются, делал выбор стран региона в пользу ЭПШП практически безальтернативным.

Хотя «сжигать мосты» и разрушать ЕАЭС никто не планирует. Напротив, имеет место желание найти направления и точки сопряжения ЕАЭС, ЭПШП и национальных программ. Возможно ли это сделать на практике, сказать сложно. Но то, что, несмотря на концептуальное различие и определенную конкуренцию в сфере геополитики (хотя этот тезис и неоспорен), между ЕАЭС и ЭПШП, они обладают достаточным потенциалом для сопряжения, бесспорно⁶.

Есть, правда, одно «но». Похоже, что в странах Центральной Азии вопрос сопряжения ЕАЭС и ЭПШП фактически отдан на откуп России и в практическом плане даже не обсуждается. Именно поэтому *чрезвычайно актуальной задачей* для России является ускоренный поиск реальных точек и направлений сопряжения ЭПШП и ЕАЭС, а также отработка соответствующих механизмов их сопряжения. Причем в этом вопросе прежде всего речь должна идти о допустимых пределах взаимных уступок, учитывающих как стратегические интересы России и Китая, так и национальные интересы государств-участников ЕАЭС, через территории которых предполагается провести ЭПШП. Если это не будет сделано в ближайшее время, то государства Центральной Азии окажутся в ситуации довольно непростого выбора между Россией и Китаем, а сами российско-китайские отношения рискуют серьезно обостриться.

Второй серьезный вызов для России связан с тем, что в последние годы существенно возросла доля Китая во внешнеторговом обороте государств Центральной Азии (табл. 1), Китай вытеснил Россию с занимаемого ею места главного торгового партнера стран региона. Эта тенденция наметилась еще в середине 2000-х годов (табл. 2), и с учетом динамики последних лет несложно предсказать, что с началом реализации проекта ЭПШП она станет еще более очевидной.

⁵ См.: Денисов И. Шелковая безопасность: новая китайская концепция развития и правила игры в Евразии // Индекс безопасности. 2015. № 3. Т. 21. С. 51–60.

⁶ См.: Сыроежкин К.Л. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 2. С. 37–55.

Таблица 1

Торговые операции КНР со странами Центральной Азии (2010–2015 годы, по китайским данным), млн долл.

Годы	Со всеми странами	Казахстан		Кыргызстан		Узбекистан		Таджикистан		Туркменистан	
		экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
2010	30093,3	9320,9	11088,7	4127,8	71,9	1181,1	1300,5	1376,6	56,02	525,3	1044,5
2011	39643,0	9566,1	15386,3	4878,3	98,1	1359,3	807,0	1996,8	72,01	785,9	4693,2
2012	45943,4	11001,7	14675,1	5073,5	88,96	1783,1	1091,6	1747,9	108,8	1699,3	8673,4
2013	50275,7	12545,9	16048,5	5075,4	62,27	2613,2	1937,7	1869,3	88,75	1141,6	8893,3
2014	45020,0	22450,0		5300,0		4280,0		2520,0		10470,0	
2015	32603,0	5840,0	8427,0	4285	57,0	2236,0	1266,0	1797,0	50,0	817,0	7828,0

Источник: составлено по данным китайской таможни. URL: <http://ozs.mofcom.gov.cn/>

Таблица 2

Внешняя торговля Китая и России со странами Центральной Азии (2008–2015 годы), млн долл.

Станы	2008			2010			2012			2015		
	экспорт	импорт	всего	экспорт	импорт	всего	экспорт	импорт	всего	экспорт	импорт	всего
Внешняя торговля с Китаем												
Казахстан	9825	7728	17553	9320	11109	20429	11001	14676	25677	8427	5840	14267
Кыргызстан	9212	121	9333	4128	72	4200	5074	89	5163	4285	57	4342
Узбекистан	1278	329	1607	1181	1301	2482	1783	1092	2875	2236	1266	3502
Таджикистан	1479	20	1499	1377	56	1433	1748	109	1857	1797	50	1847
Туркменистан	802	28	830	524	1005	1529	1699	8673	10372	817	7828	8645
Всего по региону	22596	8226	30822	16530	13543	30073	21305	24639	45944	17562	32603	50165
Внешняя торговля с Россией												
Казахстан	13301	6371	19672	10690	4449	15139	14892	9409	24301	10451	4657	15108
Кыргызстан	1311	492	1803	975	393	1368	1634	196	1830	1269	71	1340
Узбекистан	2067	1298	3365	1664	1514	3178	2325	1391	3716	2161	587	2748
Таджикистан	794	210	1004	673	214	887	679	68	747	747	51	798
Туркменистан	809	100	909	718	148	866	1211	184	1395	902	73	975
Всего по региону	18282	8471	26753	14720	6718	21438	20741	11248	31989	15530	5439	20969

Источник: составлено по: Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. №28/2016 [А.А. Казанцев, И.Д. Звягельская, Е.М. Кузьмина, С.Г. Лузянин]; [гл. ред. И.С. Иванов] / Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2016. С. 19, 23.

Обращает на себя внимание и тенденция стремительного роста китайских инвестиций (а точнее – предоставленных кредитов) в экономику государств Центральной Азии, наметившаяся в ходе турне Си Цзиньпина по странам региона в сентябре 2013 г. (табл. 3). Эта тенденция стала особенно очевидной в 2014–2016 гг., когда абстрактные разговоры об участии стран региона в проекте ЭПШП перешли в практическую плоскость.

По итогам государственного визита президента Узбекистана в Пекин, проходившего 19–20 августа 2014 г., И. Каримов и председатель КНР Си Цзиньпин подписали совместную декларацию и программу развития отношений стратегического партнерства двух стран на 2014–2018 гг., а также заключили торговые и инвестиционные соглашения на общую сумму более 6 млрд долл.⁷ Эти данные подтвердил и Ислам Каримов в ходе визита Си Цзиньпина в июне 2016 г. Как им было заявлено, в ходе визита были подписаны документы о выделении Узбекистану со стороны Китая 2,7 млрд долл. в качестве кредита, а в общей сложности предусматривается строительство объектов на 6,2 млрд долл.

Таблица 3

Суммарные инвестиции, обещанные во время визита Си Цзиньпина

Страны	Инвестиции, млрд долл.	Отрасли сотрудничества
Казахстан	30	Энергетика, транспорт, строительство, сельское хозяйство
Кыргызстан	3	Электроэнергетика, транспорт, инфраструктура, сельское хозяйство
Туркменистан	10*	Энергетика, разведка и добыча газа, транспорт, инфраструктура
Узбекистан	15	Энергетика, разведка и добыча газа, создание совместных предприятий в сфере высоких технологий, транспорт, сельское хозяйство
<i>Всего</i>	58	

Примечание: * – оценка автора.

Источник: Сыроежкин К.Л. Итоги центральноазиатского турне Си Цзиньпина // Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2013. № 5. С. 5.

Таджикистан, по данным Саодат Олимовой, в 2014 г. получил кредит на 2 млрд долл., а по программе развития на 2015–2018 годы – еще 6 млрд долл.⁸

Однако лидером, безусловно, оказался Казахстан. По итогам визита Нурсултана Назарбаева в Китай в мае 2014 г. оговоренная сумма китайских инвестиций в экономику Казахстана составила 10 млрд долл. Во время визита премьера Госсовета Ли Кэцзяна в Казахстан в декабре 2014 г. были подписаны контракты на сумму 14 млрд, а во время визита

⁷ Юлдашева Н. Закрепление внешнего выбора // Деловая неделя. № 32. 22.08.2014.

⁸ См.: Olimova S. Politics or profits along the «Silk Road» What drives and thrives Chinese farms in Tajikistan? // Eurasian Geography and Economics [рукопись].

Н. Назарбаева в Китай в сентябре 2015 г. сумма подписанных контрактов составила 24 млрд. Во время визита К. Масимова в декабре 2015 г. сумма подписанных контрактов составила 10 млрд долл. Другими словами, только за два последних года Казахстан подписал с Китаем контрактов на 48 млрд долл., а общий объем китайских инвестиций в экономику Казахстана превысил 70,6 млрд долл.⁹

Накопленные странами региона российские прямые инвестиции (табл. 4) не идут ни в какое сравнение с этими цифрами. По данной позиции Россия проигрывает Китаю «вчистую». Причины этого вполне объяснимы. Во-первых, несопоставимые финансовые возможности России и Китая. Во-вторых, российские инвестиции – это главным образом ИПИ, китайские – главным образом кредиты, причем связанные (то есть, предоставляемые либо для расширения объемов торговли с Китаем, либо на конкретных китайских условиях – использование китайских материалов, оборудования, рабочей силы и т.д. при реализации совместных проектов).

Таблица 4

Накопленные российские инвестиции в млрд долл. страны Центральной Азии (2009–2014 годы),

Страна	Данные ЦБ РФ			Данные МВИ СНГ		
	2009	2013	2014	2009	2013	2014
Казахстан	1,7	2,8	2,6	9,7	8,7	9,1
Кыргызстан	0,1	0,2	0,2	0,6	0,7	0,6
Узбекистан	0,8	0,3	0,4	2,9	4,0	3,8
Таджикистан	0,2	0,6	0,4	0,9	1,0	1,0
Туркменистан	0,3	0,0	0,001	0,0	0,0	0,0

Источник: Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. №28/2016 [А.А. Казанцев, И.Д. Звягельская, Е.М. Кузьмина, С.Г. Лузянин]; [гл. ред. И.С. Иванов] / Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2016. С. 24.

Третий вызов – активное участие Китая в создании транспортных коридоров и реализации логистических проектов в Центральной Азии. На этом направлении Китай является безусловным лидером. Им осуществляется финансирование и строительство всех автомобильных дорог в Таджикистане и Кыргызстане, им же профинансирована и построена железнодорожная ветка Хоргос–Жетиген, ведется строительство участка Хоргос–Алматы автомобильного транспортного коридора Западный Китай–Европа, планируется участие Китая в реконструкции железной дороги Алматы–Астана, а также строительство железной дороги Китай–Кыргызстан–Узбекистан.

⁹ См.: Сыроежкин К.Л. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 2. С. 46.

Российские компании в транспортных и логистических проектах на территории Центральной Азии активного участия не принимают. Единственное исключение – Объединенная транспортно-логистическая компания (ОТЛК), созданная ОАО «Российские железные дороги», АО «Казахстан темир жолы» и Государственным объединением «Белорусская железная дорога».

При этом заинтересованность Китая в развитии транспортной и логистической инфраструктуры государств региона имеет объективный характер, поскольку ее неразвитость или отсутствие существенно тормозят реализацию задачи становления Китая как глобальной торговой державы. А это означает, что Китай будет наращивать свое присутствие в этом секторе, окончательно вытесняя из него Россию.

Позиция Китая как всегда прагматична. Для него трансграничные транспортные проекты являются естественным продолжением процесса опережающего развития западных провинций. При этом во внутрикитайском раскладе Синьцзян-Уйгурскому автономному району (СУАР) КНР отводится роль регионального внешнеэкономического, транспортно-логистического, а в перспективе и финансового хаба. Не случайно именно СУАР КНР отводится ключевое место в практической реализации проекта ЭПШП. Как подчеркивается в официальных документах по реализации ЭПШП, необходимо «развивать региональные специфические преимущества Синьцзяна и его роль как важнейшего «окна» открытости в западном направлении; углублять его связи и сотрудничество со странами Центральной, Южной и Западной Азии; превратить его в транспортно-логистический, торговый, культурный, научный и образовательный центр на ЭПШП, сделать форпостом на ЭПШП»¹⁰.

Увеличивающееся число транспортно-инфраструктурных и иных значимых для экономик государств региона объектов, в которых Китай является основным акционером, а также растущие объемы кредитной зависимости государств региона от Китая, делают их выбор в пользу Китая практически безальтернативным. Даже Узбекистан, который изначально относился к идее вступления в торговые отношения с Китаем с определенной долей скептицизма и старался ограничить доступ китайских предпринимателей на внутренний рынок, теперь приветствует китайские инвестиции.

¹⁰ См. Сычоу чжи лу цзинци дай баогао. 2014 /Чжу бянь: Ма Лили, Жэнь Баопин: [Доклад о развитии экономического пояса на Шелковом пути / под ред. Ма Лили, Жэнь Баопин] // Пекин, Чжунго цзинци чубаньшэ. 2014. № 9. С. 231; Туйдун гун цзянь сычоу чжи лу цзинци дай хэ 21 шицзи хайшан сычоу чжи л уды юваньцин юй синдун...: [Видение перспектив и действия по продвижению совместного строительства экономического пояса на Шелковом пути и Морского Шелкового пути XXI века] // Синьхуа. 28.03.2015. URL: <http://news.xinhuanet.com/>

То, что китайское финансирование имеет связный характер и направлено главным образом на расширение объемов торговли китайскими товарами и услугами, понимается лишь узким кругом специалистов, голоса которых практически не слышно на фоне всеобщей эйфории.

Существенно и то, что большинство представителей политического класса, да и экспертов, просто не понимают, о чем идет речь. Вбрасываемые Китаем пропагандистские штампы довольно привлекательны, но в чем состоит суть проекта и какой будет политика китайского руководства по отношению к приграничным государствам, пока не очень понятно даже специалистам.

Четвертый вызов для России – растущее присутствие китайских компаний в нефтегазовом секторе государств Центральной Азии и увеличение объемов добываемых ими нефти и газа, а также их транспортировки в КНР. Безусловные лидеры – Туркменистан и Узбекистан, которые обеспечивают основные объемы поставок центральноазиатского газа в Китай. Однако и в нефтегазовом секторе Казахстана присутствие российских и китайских компаний несопоставимо ни по ИПИ, ни по объемам добычи, хотя Россия и Китай принимают участие почти в равном количестве проектов на территории Казахстана.

Главная для России проблема заключается в том, что растущее присутствие Китая в нефтегазовом секторе государств региона, а главное – несопоставимые с российскими объемы инвестиций и кредитов, предоставляемых Китаем государствам Центральной Азии, позволяют Китаю приобретать углеводородные ресурсы Центральной Азии по приемлемым для него ценам, что существенно ограничивает возможности России добиваться от Китая «справедливой цены» на российскую нефть и газ.

Кроме того, растущий внутренний спрос в КНР практически на всю группу сырьевых товаров закрепляет превращение Центральной Азии в сырьевой придаток не только европейской, но и китайской экономики. Причем, по справедливой оценке российских экспертов, закрепление за Центральной Азией этой функции имеет объективную природу и в конкретных исторических условиях не имеет альтернатив¹¹.

Пятый вызов – постепенное увеличение доли китайских компаний в несырьевых отраслях экономик государств региона. Особенно заметно это в Узбекистане, где все новые производства с высоким уровнем новых технологий и добавленной стоимости создаются с участием Китая. Не составляют исключения и другие государства региона, в импорте которых из Китая в последние годы не только преобладает промышленная продукция, в том числе и с высокой добавленной стоимостью, но с которыми

¹¹ См.: Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 160.

(это Казахстан и Кыргызстан) уже подписаны соглашения о переносе на их территорию избыточных производственных мощностей Китая.

Это означает, что одна из главных целей ЕАЭС (реиндустриализация Казахстана и Кыргызстана) становится недостижимой¹². Вне сырьевого добывающего сектора и некоторых отраслей сельского хозяйства государства Центральной Азии, как и Россия, не могут составить конкуренцию Китаю, а потому обречены на китайскую товарную экспансию. А без ограничения товарного потока из Китая практическая реализация задач, поставленных в рамках ЕАЭС, весьма затруднительна.

Не менее значимо и то, что в силу несопоставимости масштабов экономик значимость экономических связей для участников этого процесса остается резко асимметричной. Для Китая экономические связи с Центральной Азией не имеют сколько-нибудь серьезного макроэкономического значения. Для государств же Центральной Азии, учитывая более чем скромные размеры местных экономик, фактически разрушенные легкую и обрабатывающую промышленность, деградирующее сельское хозяйство, экономическое взаимодействие с КНР имеет важнейшее значение для поддержания положительной экономической динамики.

Здесь, правда, также есть одно «но». Китай никогда не рассматривал государства региона как потенциальную часть своей экономики. Центральная Азия оставалась для него рынком сбыта китайских товаров, источником поступления природных ресурсов, а также транзитной территорией. Китайские инвестиции в Центральную Азию (частично, за исключением Узбекистана) направлялись преимущественно в инфраструктуру и не подразумевали развитие реального сектора.

Изменит ли этот подход проект ЭПШП, сказать сложно. И дело не только в готовности государств региона развивать реальный сектор экономики совместно с Китаем, или же в дилемме для Китая – вкладываться в реиндустриализацию региона и тем самым получить конкурента китайскому экспорту промышленных товаров. Главная проблема заключается в том, что вслед за китайскими инвестициями приходят китайские рабочие руки, что вовсе не играет на пользу региону с избыточной собственной рабочей силой, каковым является Центральная Азия.

Не менее значим и другой вопрос: что это будут за предприятия с точки зрения их экологической и технологической составляющих, и насколько их перенос на территории Кыргызстана и Казахстана соответствует национальным интересам этих государств. Пока внятного ответа на

¹² В Казахстане, например, в первую группу предприятий в реальном секторе экономики входят около 45 проектов, по 25 из них уже подписаны соглашения на общую сумму в 23 млрд долл. Общая программа сотрудничества в этой сфере предусматривает 52 проекта, а согласованный объем китайских кредитов только в 2015 г. составил 50 млрд долл. О конкретных проектах см.: *Сыроежкин К.Л.* Проблемы и перспективы сопряжения ЭПШП и «Нурлы жол» // Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2016. № 3–4. С. 45–53.

этот вопрос нет, хотя программа по переносу китайских предприятий уже запущена.

Шестой вызов – растущий интерес Китая к центральноазиатскому рынку труда в плане постепенного замещения имеющихся трудовых ресурсов «избыточной» китайской рабочей силой, что особенно наглядно наблюдается сегодня в Таджикистане, однако с началом реализации ЭПШП и программы переноса китайских избыточных производственных мощностей, скорее всего, будет иметь место в Казахстане и Кыргызстане.

Проблема трудоустройства «лишних рук» в Китае стоит очень остро, но в пределах собственно Китая эта проблема не имеет решения. Один из возможных выходов из ситуации – трудоустройство «излишней рабочей силы» за пределами Китая в рамках легальной и незаконной трудовой миграции. И главная задача Китая на сегодняшний день, с одной стороны, экономически укрепиться в регионе настолько, чтобы выступать против его экономического присутствия было бы «себе дороже», а с другой – сформировать в общественном мнении имидж Китая как добросовестного и готового идти на всяческие уступки торгово-экономического партнера.

Кстати говоря, программа переноса избыточных производственных мощностей Китая в государства Центральной Азии может (хотя это и не афишируется) подразумевать и решение этого вопроса. Думается, что в Китае просчитывалось, что Казахстан и Кыргызстан не готовы к реализации программы с точки зрения ее кадрового и технологического обеспечения. Необходимых и профессионально подготовленных для подобного производства трудовых ресурсов ни в Казахстане, ни в Кыргызстане нет, как недостаточно знаний и технологий. А поскольку построенные предприятия должны работать, не исключено, что их кадровый потенциал будет также поставляться Китаем.

Седьмой вызов – постепенное укрепление позиций Китая в плане перспективного партнера в гуманитарной сфере, в особенности – в плане получения образования в вузах Китая. На этом направлении Китай действует довольно активно, о чем свидетельствует динамика роста числа обучающихся в его вузах студентов из государств региона. Причем Китай не скупится, предоставляя успешно сдавшим экзамен по китайскому языку студентам 5-летний грант и стипендию на обучение в любом вузе Китая.

Происходит это на фоне сокращения русского культурного и образовательного пространства и сокращения числа студентов из Центральной Азии (прежде всего, в силу стоимости обучения) в ВУЗах России.

Восьмой вызов связан с вопросами обеспечения региональной безопасности, где доминирующее положение пока занимает Россия – прежде всего в силу наличия у нее соответствующей военной инфраструктуры в государствах региона и ОДКБ как институциональной структуры, позво-

ляющей (пусть и с некоторыми издержками) решать вопросы обеспечения региональной безопасности.

Пока конкуренции между Россией и Китаем в этой области не наблюдается. Хотя нельзя не признать и того факта, что Китай все активнее пытается позиционировать себя в роли модератора процесса формирования новой архитектуры региональной безопасности. И это ему во многом удается.

Центральное место в региональной политике Китая занимает поддержание Центральной Азии в качестве состоящего «из небольших разобщенных и не угрожающих КНР государств» «буферного пространства» между Китаем и Россией. Главная задача – не допустить появления в пределах данного пространства «доминирующего государства», способного взять под свой единоличный контроль государства региона.

Механизм, позволяющий решать эти вопросы, на сегодняшний день создан и успешно функционирует. Речь, безусловно, о ШОС, которая, по признанию китайских авторов, «позволяет Пекину держать руку на пульсе для адекватного реагирования на те или иные изменения в регионе, которые препятствовали бы реализации здесь его интересов».

Активизация политики Китая в отношении ШОС, опыт поставок военного имущества армиям государств региона, а в последние годы – активное предоставление кредитных ресурсов показывают, что в конкретных вопросах военно-технического сотрудничества Китай не хуже России или Запада мог бы быть желанным партнером для своих соседей.

Соответственно меняется и отношение населения региона к Китаю. Несмотря на имеющие место опасения по поводу «китайской экспансии», не только политической элитой, но и населением государств Центральной Азии Китай рассматривается как вполне достойная альтернатива России и Западу.

Главная проблемная область на этом направлении – совместное реагирование России и Китая на региональные угрозы и вызовы. Причем не только на те, которые имеют место в настоящее время, но и на те, что могут возникнуть в среднесрочной перспективе. Без сомнения, число угроз и вызовов региональной безопасности будет нарастать. Проблема в том, что для каждого из государств региона список угроз и вызовов специфичен, а согласовать их не удастся до настоящего времени ни в формате ШОС, ни в формате ОДКБ.

А потому сверхактуальной является задача выработки общих подходов к проблемам региональной безопасности и отработка механизмов адекватного реагирования на совокупность реальных и потенциальных угроз и вызовов. Причем не только на уровне ОДКБ, но и на уровне ШОС с участием Китая.

Девятый вызов – наблюдаемая в настоящее время эйфория по поводу отношений с Китаем. И не только в государствах Центральной Азии, но и в России. К сожалению, приходится признать, что к советам специалистов-китаеведов ни там, ни там не прислушиваются. Тем не менее, вполне очевидно, что для России и стран региона выгодна та стратегия, которая предусматривает, с одной стороны, использование растущего интереса Китая к региону (прежде всего, экономического) в целях развития национальных экономик; а с другой – создание условий, обеспечивающих в стратегической перспективе ограниченное присутствие Китая.

Наиболее перспективный путь – эффективное использование географических преимуществ Китая и формирующегося единого Евразийского экономического пространства. Продвигаемая Китаем инициатива ЭПШП, при разумном учете всех плюсов и минусов, может сыграть свою позитивную роль на данном направлении.

Здесь, правда, нужно четко исходить из приоритета национальных интересов, поскольку речь идет, с одной стороны, о проекте, включающем в себя государства, обладающие несопоставимыми экономическим весом и финансовыми возможностями. А с другой – о проекте, который можно рассматривать как геополитическую концепцию китайского руководства «пятого поколения», предусматривающую движение Китая в западном направлении и дальнейшее усиление его позиций на Евразийском пространстве.

Отсюда вытекает *еще один вызов*: почти полное отсутствие системных исследований (а главное – государственного заказа на подобные исследования) по проблемам не только происходящих в Китае процессов, но и специфики двусторонних отношений Китая с государствами Центральной Азии и Россией.

Тем не менее, вполне очевидно, что государствам Евразийского пространства, как ближайшим соседям и стратегическим партнерам Китая, необходимо «держать руку на пульсе». А это возможно лишь при комплексном и постоянном изучении тех процессов, которые происходят в современном Китае.

При этом не вызывает сомнений, что Китай будет стремиться делать преимущественно то, что отвечало бы его национальным интересам. И эти интересы на определенном этапе могут вступить в противоречие с национальными интересами и стратегией России. А в этом случае Китай наверняка попытается поставить перед государствами региона дилемму выбора между его «инвестиционными возможностями» и «имперскими амбициями» России. И предсказать (особенно сейчас, когда отношение к России из-за событий на Украине и санкционной политики Запада у населения государств региона существенно ухудшилось), как проголосует элита центральноазиатских государств, поставленная перед необходимостью выбора, достаточно сложно.

Учитывая же, что китайское присутствие в Центральной Азии, традиционно являющейся зоной влияния России, становится все заметней и ощутимей, вполне предсказуемо обострение борьбы между Россией и Китаем. В ближайшей и среднесрочной перспективе Китай и Россия, конкурируя друг с другом или объединяясь на почве противостояния Западу, будут бороться за геостратегическое пространство и стратегически важные полезные ископаемые Центральной Азии и Каспийского региона.

Отсюда, учитывая исторические традиции Китая, его сегодняшние геополитические амбиции, колоссальный демографический потенциал, рост совокупной мощи и т.д., как для России, так и для государств Центральной Азии в стратегической перспективе является положительным такой сценарий развития событий, при котором *китайское присутствие в регионе в любой форме носило бы ограниченный характер.*

Что для этого можно предпринять?

Во-первых, необходимо признать, что противодействовать экономическому и торговому проникновению Китая в Центральную Азию ни государства региона, ни Россия не в состоянии. Более того, в настоящее время Китай для Центральной Азии является более значимым партнером, нежели Центральная Азия для Китая. И вряд ли здесь в ближайшем будущем произойдут кардинальные изменения.

Отсюда следует вывод – нам необходимо научиться использовать китайское присутствие на пользу социально-экономическому развитию государств региона. Кстати говоря, именно этот тезис лежит в основе политики руководителей «пятого поколения» по отношению к сопредельным государствам.

Главная проблема связана с тем, сумеют ли чиновники государств Центральной Азии и России преодолеть в себе психологию и идеологию компрадора, с чем и связаны возможности минимизации негативных последствий усиливающегося китайского присутствия на Евразийском пространстве.

С одной стороны, именно данный фактор лежит в основе коррупционной составляющей отношений Китая с Россией, государствами Центральной Азии и вообще с государствами Евразийского пространства. С другой – с какого-то момента экономическое присутствие Китая через компрадорскую прослойку может начать влиять на политический курс, что крайне нежелательно.

Отсюда, совершенно очевидно, что при осуществлении любых форм сотрудничества необходимо последовательно отстаивать национальные интересы и интересы собственных граждан. Китайцы очень жестко и умело делают это в собственной стране. Нам необходимо научиться тому же.

Во-вторых, в отношениях с Китаем не должно быть эйфории, которая, к сожалению, порой наблюдается. Нужно понимать, что в случае с Китаем

мы имеем дело не только с ведущей державой Азии, но и со страной, одной из внешнеполитических стратегем которой является постулат о «сидящей на холме мудрой обезьяне, наблюдающей борьбу двух тигров в долине». Главное, после того, как тигры обессилят, не попасть в лапы этой обезьяны. С Китаем можно разговаривать на равных, но лишь тогда, когда он сам признает значимость и силу партнера по диалогу.

А поскольку по отдельности государства Центральной Азии, да и Россия вряд ли смогут конкурировать с ним, возникает необходимость создания механизмов, позволяющих объединить усилия. Необходимо подняться чуть-чуть выше каких-то споров с соседями, так как стремительное развитие экономики Китая несет в себе потенциальную угрозу экономикам всех государств Евразийского пространства. И главный на сегодняшний день вопрос звучит до банальности просто – что может предложить Россия своим соседям в Центральной Азии, чтобы окончательно не потерять это пространство.

В-третьих, необходимо активно содействовать процессу сопряжения ЭППП и ЕАЭС. К сожалению, продвижение этого процесса идет с большим трудом, хотя сферы сотрудничества и перспективы вполне очевидны.

В интересах ЭППП и ЕАЭС:

- строительство новых и модернизация старых автомобильных и железных дорог на российской территории, территории стран Центральной Азии и территориях других государств, входящих в ЕАЭС;

- инвестиционно-банковское сотрудничество и увеличение объемов взаимной торговли в национальных валютах с возможной перспективой создания новой финансовой архитектуры на Евразийском пространстве;

- расширение сотрудничества в нефтегазовой сфере, в том числе за счет строительства совместных предприятий и расширения участия китайских компаний в разведке и добыче углеводородов на месторождениях России и государств Центральной Азии;

- сотрудничество в сельскохозяйственной сфере, включая долгосрочную аренду сельскохозяйственных земель;

- крупные водные и экологические проекты, необходимость в которых ощущается и в Китае, и в России, и в Центрально-Азиатском регионе;

- совместные проекты, связанные с обеспечением продовольственной безопасности.

Зоны совпадения интересов:

- Китай признает ЕАЭС и готов к сотрудничеству с этой структурой в целом, а не только с отдельными странами-участницами;

- государства-члены ЕАЭС заинтересованы в китайских инвестициях и гарантиях доступа к средствам АБИИ и «Фонда Шелкового Пути» в целях модернизации инфраструктуры своих экономик;

– возможность «разделения труда» между Москвой и Пекином в Центральной Азии. Китай с его мощным финансовым потенциалом и значительным спросом на сырьевые ресурсы будет главным драйвером экономического развития в регионе, в то время как Москва остается доминирующим гарантом безопасности;

– совместное противостояние усилению влияния Запада (прежде всего, США) в Центральной Азии. Между Россией и Китаем есть точки соприкосновения в видении ими новой архитектуры глобальной и региональной безопасности. Объединив усилия, Китай и Россия смогут способствовать формированию нового международного политического и экономического порядка не только на региональном уровне (АТР и Евразия), но и на глобальном, о чем свидетельствует присоединение к АБИИ практически всех союзников США.

Зоны конфликта интересов:

– перспектива создания Китаем зоны свободной торговли (ЗСТ) на пространстве Центральной Азии;

– отсутствие конкретного наполнения ЭПШП;

– вынос промышленных предприятий с участием китайского капитала на территорию государств – членов ЕАЭС;

– риск кредитной зависимости государств Центральной Азии от Китая;

– риск увеличения китайского миграционного потока с началом реализации крупных проектов;

– перспектива масштабного выхода на рынки Центральной Азии предприятий Китая (включая предприятия малого и среднего бизнеса);

– конфликт интересов по поводу доступа китайских и российских компаний к углеводородным ресурсам Центральной Азии, особенно в контексте влияния на ценовую политику;

– перспектива окончательного вытеснения России с позиции ведущего торгового партнера государств Центральной Азии.

В-четвертых, необходимо отдавать себе ясный отчет в том, что сильный Китай – это вызов, но слабый, распадающийся, потерявший управляемость Китай – это угроза, масштабы которой невозможно переоценить.

Следовательно, государствам Евразийского пространства, как ближайшим соседям и стратегическим партнерам Китая, необходимо «держаться руку на пульсе». А это возможно лишь при комплексном и постоянном изучении тех процессов, которые происходят в современном Китае. Организация такого рода исследований возможна только при создании либо полноценного института, либо сильного аналитического центра с привлечением к его работе ведущих специалистов-китаеведов.

К сожалению, делается это только в России, да и то недостаточно эффективно. По-видимому, необходимо заниматься этим и в государствах Центральной Азии. В противном случае в отношениях с Китаем мы будем всегда наступать на одни и те же грабли.

С.В. УЯНАЕВ

ПАРТНЕРСКИЙ ФОРМАТ «РОССИЯ–ИНДИЯ–КИТАЙ»: ЗНАЧЕНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ, РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Аннотация. В статье рассматривается место формата РИК в системе взаимодействия РФ и КНР по вопросам международной политики. Данный вопрос анализируется в контексте целей, форм их реализации, этапов эволюции и перспектив самой структуры трехстороннего взаимодействия. Автор обращает внимание на сравнительную характеристику РИК и БРИКС, исследует уровень двусторонних отношений «внутри тройки», показывает существующие вызовы, останавливается на ряде общих оценок и уроков, вытекающих из 15-летнего развития сотрудничества в формате РИК. Делается вывод о том, что формат РИК продолжает играть важную роль и как инструмент взаимодействия между РФ и КНР, и как фактор мировой стабильности.

Ключевые слова: Россия, Китай, Индия, диалог, взаимодействие, РИК, цели, направления, БРИКС, многополярный мир, секторальное сотрудничество.

В системе внешнеполитического взаимодействия России и Китая, которое является не только значимой сферой стратегического партнерства двух стран, но и признанным фактором глобальной и региональной стабильности, существенное место занимает координация действий на площадках различных международных форумов.

РИК: место среди многосторонних форматов

Такие многосторонние структуры, прежде всего ООН, давно стали неотъемлемой частью внешнеполитической жизни, поскольку именно в их рамках возможно наиболее полное согласование тех или иных правил и норм международного общежития и обеспечение сбалансированного миропорядка.

Начало текущего столетия было отмечено появлением ряда новых значимых многосторонних форматов. Под занавес 1999 г. возник ставший

ныне привычным форум «G-20»¹. Через пять–семь лет в мире стала все чаще звучать аббревиатура БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), вначале обозначавшая лишь виртуальную категорию крупных стран с опережающими темпами развития экономики², но уже в конце 2000-х ставшая названием набирающего вес международного объединения³. Оно имеет неоспоримый глобальный охват, поскольку (с подключением ЮАР и превращением БРИК в БРИКС) речь идет о структуре взаимодействия пятерки крупных региональных лидеров, представляющих Евразию, Африку и Южную Америку.

И ООН, и «Двадцатка», и БРИКС, и ряд крупных многосторонних форумов регионального порядка (АТЭС, ВАС и пр.), являются авторитетными структурами с точки зрения не только их значения в мировой политике, но и важного места в рамках внешнеполитического сотрудничества РФ и КНР.

Однако в сфере такого сотрудничества (как и в целом в системе внешнеполитических приоритетов обеих стран) в текущем столетии весьма серьезное место занимает структура трехстороннего взаимодействия *«Россия–Индия–Китай»*. Это место в известном смысле соизмеримо с БРИКС, несмотря на то что в официальном лексиконе сам термин РИК звучит заметно реже. Неслучайно положения о необходимости развития российско-китайской координации в формате РИК вот уже более десяти лет фактически неизменно присутствуют в итоговых документах ежегодных официальных двусторонних саммитов, и это лишь подтверждает, что цели и задачи данного формата соответствуют национальным интересам обеих стран. Как подчеркивалось, к примеру, в последнем по времени Совместном заявлении РФ и КНР (25 июня 2016 г.), «стороны полагают, что встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая (РИК) являются важным механизмом внешнеполитической координации по ключевым вопросам современности, способствующим укреплению доверия, взаимопонимания, дружбы и стратегического партнерства участников. Россия и Китай готовы активно работать в целях дальнейшего расширения практического сотрудничества в данном формате»⁴.

Объяснением внешне «теневому» положению РИК служит, в частности, тот факт, что БРИКС объединяет большее число участников, включая дополнительно, повторим, крупнейшие страны Африки и Южной Амери-

¹ G-20 — исторический обзор. Официальный сайт саммита G-20 в Германии.

URL: https://www.g20.org/Webs/G20/EN/G20/History/history_node.html

² *Global Economics Paper* 66: Building Better Global Economic BRICs. Autumn 2001.

URL: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/build-better-brics.pdf>

³ См. напр.: История БРИКС. URL: <http://www.nkibrics.ru/pages/history-brics/>; Справка: БРИК.

URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6678072.html>, 15.06.2009

⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

URL: <http://kremlin.ru/supplement/5100>

ки. Кроме того, БРИКС в меньшей степени воспринимается Западом как некий противодействующий ему «альянс», в то время как выход в открытое политическое пространство формата РИК всегда в определенной мере осложнялся ярлыком некоего «антиамериканского» блока, еще на заре формирования присвоенным ему некоторыми политиками и экспертами.

Между тем значение формата РИК (порой недооцененное) весьма велико – как для внешнеполитического сотрудничества РФ и КНР, так и для глобально-региональной повестки в целом. Причем это значение имеет два измерения: одно – связанное с недавней историей, другое – вполне современное.

Евразийская тройка, день сегодняшний

Если говорить о дне сегодняшнем, то замечено, что тема РИК (входящие в этот формат страны часто называют «Большой Евразийской тройкой») традиционно и неизменно «оживает» в связи с проведением официальных трехсторонних межправительственных встреч, в частности, на уровне ежегодно проводимых переговоров руководителей внешнеполитических ведомств трех стран.

Трехсторонние консультации ведутся уже полтора десятка лет. Местом проведения 15-й такой встречи (2017 г.) является Индия. Предыдущие переговоры трех министров, состоявшиеся в российской столице в апреле 2016 г., стали, как раз, хорошим примером «всплеска внимания» к РИК. В политическом и экспертном сообществах и самих стран «тройки», и за их пределами в этот период вновь широко обсуждались цели и перспективы трехстороннего сотрудничества, в том числе в контексте принятого в апреле 2016 г. в Москве очередного трехстороннего Совместного коммюнике⁵.

Следует сказать, что заключенные в таких совместных документах (их в РИК уже более десятка) положения, в том числе о внешнеполитической координации – это не просто декларации. Не случайно, например, что в развитие достигнутых в Москве договоренностей, в декабре 2016 г. в Пекине прошел первый раунд встреч официальных представителей трех стран, которые собрались для специальных консультаций по неизменно актуальной в последние годы тематике положения в Азиатско-Тихоокеанском регионе и выработки соответствующих согласованных действий⁶.

⁵ Совместное коммюнике по итогам 14-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2248368

⁶ Об итогах первого раунда консультаций в формате Россия–Индия–Китай (РИК) по тематике Азиатско-Тихоокеанского региона. 02.12.1616. URL: http://www.mid.ru/ru/briks/-/asset_publisher/RdlyjVvdPAwg/content/id/2544034

Показательно и абсолютно не случайно также, что тема российско-индийско-китайского взаимодействия вскоре после 14-й встречи глав МИД РИК стала предметом специальных секционных обсуждений в ходе крупного российско-китайского форума с участием представителей официальных правительственных структур, который под эгидой Российского совета по международным делам также прошел в Москве и имел главным вопросом своей повестки будущее стратегического партнерства РФ и КНР⁷. В ходе дискуссий, в которых своими взглядами поделились крупные эксперты и политики, обоснованно звучали важные вопросы: каково место РИК во внешней политике каждой из трех стран и в международной политике в целом? Какими могут быть перспективы этого формата, от которых, как понятно, зависит и будущее взаимодействия в нем России и Китая?

В попытках ответить на эти вопросы уместно обратиться не только к текущим событиям, но и, как было отмечено выше, к фактам недавней истории, которым между тем насчитывается уже без малого два десятка лет.

«Не союз, а гибкое партнерство»

21 декабря 1998 г., находясь с визитом в Дели, возглавлявший тогда правительство России Е.М. Примаков огласил неформальную идею создания стратегического треугольника Россия—Индия—Китай, отметив, что в «формате партнерства трех стран это могло бы принести большую стабильность в положение дел в мире и регионе»⁸.

Заявление было сделано через день после начавшихся бомбовых атак США и Великобритании против Ирака в обход Совета Безопасности ООН. И не будет большим преувеличением сказать, что это событие стало по-своему знаковым. Причем не только в политической биографии самого Е.М. Примакова, и даже не только в политике России того периода, но и в известном смысле – в политике мировой.

Речь, по сути, шла (и с позиций сегодняшнего дня это очевидно) о де-факто *первом* крупном сигнале в пользу насущной задачи реформирования однополярного мира, который в виде политики США успел утвердиться после распада СССР. Не случайно тогда именно в таком ключе на сообщения из Дели тут же последовала широкая волна откликов – от Лондона до Токио и Тегерана. «Высказывание российского премьера, – писала в этот же день японская «Ёмиури», – судя по всему, является отражением негативной реакции Москвы, которая рассматривает удары по Ираку как символ “однополярного господства” Соединенных Штатов»⁹.

⁷ URL: <http://russiancouncil.ru/rucn2016>

⁸ ИНФО-ТАСС, АИСТ-87. 21.12.1998. URL: <http://www.frontline.in/static/html/fl1601/16010520.htm>

⁹ ИНФО-ТАСС, АИСТ-87. 22.12.1998.

Председатель правительства РФ изложил инициативу, означавшую параллельные или совместные действия трех стран, которые:

- не скрывали несогласия с однополярностью (в том числе, осудили бомбежки Багдада);

- являлись значимой политической величиной, поскольку суммарно представляли свыше трети мирового населения, пятую часть мировой суши и уже тогда серьезную (около 15%) часть мирового ВВП (исчисленную по паритету покупательной способности национальных валют; в 2016 г. эта доля поднялась до 28,3%)¹⁰.

Идея «единения» в той или иной форме России, Индии и Китая в мире звучала и до этого, причем достаточно давно. В качестве исторического источника исследователи приводят среди прочих высказывание В.И. Ленина, говорившего, что «судьбы революционного процесса зависят от России, Китая и Индии»¹¹.

Трехсторонняя тема поднималась в ряде российских экспертных работ 1990-х годов (А.А. Кокошин, А.Г. Яковлев) и т.д.¹²

Но несомненная заслуга премьера Примакова состоит в том, что системная по своей сути инициатива была обнародована на высоком правительственном уровне, в конкретный день и час. Причем сформулирована она была в гибком и дипломатичном ключе: там же, в Дели, Е. Примаков уточнил, что речь идет не о «союзе», а именно о «партнерском формате»¹³.

Немедленно вызвав уже упомянутую выше волну откликов в СМИ, идея была услышана и на правительственном уровне. И именно в силу отмеченной (как ныне принято говорить, «инновационной») гибкости, несмотря на начальную осторожную внешнюю реакцию, инициатива, пусть не сразу, но уже вскоре стала реализовываться в практической плоскости.

Реализации проекта РИК: этапы становления

Действительно, встреченная поначалу довольно прохладно, «трехсторонняя идея» уже через три месяца, особенно на фоне начавшейся в конце

¹⁰ World Economic Outlook Database, October 2016. URL:

URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/02/weodata/weorept.aspx?sy=2000&ey=2016&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=924%2C922%2C534&s=PPPSH&grp=0&a=&pr.x=38&pr.y=7>

¹¹ Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше. ПСС. М., 1964. Т. 45. С. 403–404.

¹² См. напр.: Яковлев А.Г. Треугольнику Россия–Китай–Индия нужна стратегия дальних рубежей // Яковлев А.Г. Россия, Китай и мир. М.: ИДВ РАН, 2002. С. 429–451.

URL: <http://www.istmat.ru/index.php?menu=1&action=1&item=198>; Кокошин за активизацию сотрудничества со странами АТР // Независимая газета. 27.03.97. С. 2.

¹³ “This is not a formal proposal. It was made in the framework of partnership between the three countries that could bring about greater stability not just in the region but the world”. Primakov told reporters later in the evening. URL: <http://www.themoscowtimes.com/sitemap/free/1998/12/article/premier-wants-china-india-in-troika/282008.html>; URL: <http://www.themoscowtimes.com/sitemap/free/1998/12/article/premier-wants-china-india-in-troika/282008.html>

марта 1999 г. односторонней военной акции США и НАТО на Балканах, стала предметом повышенного внимания как в экспертных, так и в политических кругах трех стран. Уже в феврале 1999 г. Президент Индии Кочерил Нараянан говорил о том, что «мир должен быть многополярным», для чего необходимо, «в частности, тесное сотрудничество между Россией, Индией и Китаем»¹⁴.

С точки зрения «включения» данной темы непосредственно в повестку взаимодействия между РФ и КНР важно, что в мае 1999 г. идея затрагивалась на российско-китайских межмидовских консультациях¹⁵. О ней говорили в ходе российских переговоров в рамках визита В.В. Путина в Индию в октябре 2000 г.¹⁶ Параллельно в этот период прошли несколько экспертных конференций высокого уровня¹⁷.

Результатом таких широких и авторитетных обсуждений стало решение о том, чтобы трехсторонний диалог стартовал вначале по «второй», неофициальной, дорожке с участием ведущих экспертов и видных отставных дипломатов трех стран. Такая встреча прошла в сентябре 2001 г. на базе Института Дальнего Востока РАН, который выступил организатором с российской стороны. Китайскую делегацию сформировал Институт (ныне Академия) международных проблем МИД КНР (КИМП/КАМП), индийскую – Индийский институт китайских исследований (ИИКИ). Главным итогом стало то, что участники пришли к консенсусу относительно целесообразности развития межгосударственного трехстороннего партнерства на официальном межгосударственном уровне, причем в виде по сути новой модели сотрудничества.

Было выработано понимание, что такая модель «не означает ограничение самостоятельности и независимости стран-участниц», «не означает образование формальных альянсов и т.п.»¹⁸, является гибкой, неформализованной, диалоговой структурой (однако, долговременного стратегического характера), которая будет основана на принципах «трех не» – не блок/не союз, не конфронтация, не направленность против третьих стран.

С точки зрения целей трехстороннего сотрудничества эксперты согласованно выделили две группы задач.

Во-первых, совместное отстаивание сходных внешнеполитических приоритетов в виде демократизации международных отношений и укрепления, таким образом, глобальных и региональных позиций каждой из трех стран.

¹⁴ ИНФО-ТАСС, АИСТ-87. 10.02.1999.

¹⁵ ИНФО-ТАСС, АИСТ-87. 05.05.1999.

¹⁶ К визиту Владимира Путина в Индию. ИНФО-ТАСС, АИСТ-87. 03.10.2000.

¹⁷ Например, семинар «Индия, Китай и Россия в XXI веке» в марте 1999 г. в Дели // ИНФО-ТАСС, АИСТ-87. 10.03.1999.

¹⁸ Цит. по: Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 16.

Во-вторых, прагматичное взаимодействие и сотрудничество в торгово-промышленной, научно-технической, культурно-гуманитарной и других областях в интересах наиболее динамичного развития социально-экономических комплексов каждой из стран, переживающих сходный период модернизации¹⁹.

На фоне проделанной таким образом работы уже не стало случайным, что в сентябре 2002 г. на полях очередной сессии ГА ООН прошла первая неформальная встреча министров иностранных дел трех стран. Такие встречи стали с той поры регулярными, проводятся, повторим, в среднем один раз в год, причем с 2005 г. собираются в специальном формате отдельно от каких-либо иных форумов, заканчиваются принятием совместных коммюнике. Как было отмечено выше, в апреле 2016 г. была проведена уже 14-я такая встреча.

В совместных документах встреч глав МИД (так же, как и в последовавшем после 2004–2005 гг. ряде двусторонних заявлений и деклараций) были постепенно зафиксированы и уточнены цели и принципы, конкретные направления, а также механизмы сотрудничества²⁰.

Так, академическая дорожка, ставшая с 2001 г. также ежегодной, в 2007 г. была дополнена диалоговыми площадками между ведомствами по сельскому хозяйству, здравоохранению и чрезвычайным ситуациям. Интенсифицировались и контакты по линии внешнеполитических ведомств: встречи министров с 2008 г. стали готовиться в рамках механизма внешнеполитических консультаций на уровне руководителей департаментов МИД трех стран. Кроме того, был запущен диалог представителей деловых кругов трех стран: после 2008 г. было проведено несколько встреч по линии торгово-промышленных палат стран РИК.

Знаковое событие произошло летом 2006 г., когда в пригороде российской «Северной столицы», в Стрельне, где проходил саммит G-8, на его полях провели встречу три высших руководителя – В.В. Путин, Ху Цзиньтао и М. Сингх²¹.

Процесс институционального совершенствования продолжался и в последующие, в том числе последние годы. В 2013 г. в РИК взяла старт новая важная переговорная дорожка – был запущен механизм регулярных консультаций «высоких представителей России, Индии и Китая, кури-

¹⁹ Там же.

²⁰ Сайт «Президент России». Выступления. Выступление на конференции Мемориального фонда Дж. Неру. Нью-Дели, Индия. 03.12. 2004. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2004/12/03/2344_type63376type63377_80609.shtml; Российско-индийская декларация. URL: <http://www.kremlin.ru/events/articles/2004/12/80519/161816.shtml>

²¹ URL: <http://www.russian.xinhuanet.com> 18.07.2006; Вступительное слово на встрече с Премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом и Председателем КНР Ху Цзиньтао. 17.07.2006. Санкт-Петербург. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2006/07/17/2243_type63377_109020.shtml

рующих вопросы безопасности»²². Заработала специальная площадка трехсторонних консультаций спецпредставителей по вопросам Афганистана (Пекин, январь 2014 г.)²³ В декабре 2016 г., как отмечалось выше, начал работать механизм встреч по вопросам обстановки в АТР, очередное заседание в рамках которого намечено на 2017 г.

Продолжают свой регулярный диалог ученые-политологи. В январе 2017 г. в индийской столице прошла 15-я трехсторонняя научная конференция, на которой три делегации, по-прежнему возглавляемые представителями ИДВ РАН, КАМПИ МИД КНР и ИИКИ, провели обстоятельную дискуссию по вопросам дальнейшего продвижения взаимодействия в системе РИК, в частности, во внешнеполитической и энергетической сферах.

РИК и БРИКС

Факт образования в конце 2000-х годов объединения БРИКС не мог не поставить перед экспертами и практическими политиками вопрос о соотношении, корреляции форматов РИК и БРИКС.

При этом чаще всего стали обсуждаться два обстоятельства. Во-первых, возникли расхождения по вопросу, **что** следует считать «корнями» происхождения объединения БРИК/БРИКС, с учетом того, что авторство в появлении этого акронима принадлежит экспертам банка «Голдман сакс», впервые выдвинувшим его в 2001 г.

Во-вторых, стал звучать внешне вполне оправданный вопрос: нужно ли одновременное функционирование двух похожих форматов, не является ли естественным (как на это смотрели некоторые эксперты) «поглощение» РИК более широким форматом БРИК/БРИКС?

Отвечая на первый из вопросов, трудно пройти мимо временного фактора. Когда в 2001–2003 гг. в недрах «Голдман сакс» рождалась известная на первых порах лишь узкому кругу специалистов сугубо виртуальная аббревиатура «БРИК», означавшая, как отмечалось, экспертное сведение в одну понятийную группу стран с динамично развивающимися экономиками, в мире уже несколько лет широко обсуждалась «формула Примакова», которая предусматривала не виртуальную схему, а структуру реального сотрудничества трех из четырех стран БРИК.

В 2001–2002 гг. диалог в РИК был практически запущен – как по экспертной, так и по официальной межгосударственной дороге. А к середине 2000-х годов данная тема стала находить рамочное отражение в докумен-

²² URL: http://www.mid.ru/kommentarii/-/asset_publisher/2MrVt3CzL5sw/content/id/88942/pop_up?_101_INSTANCE_2MrVt3CzL5sw_viewMode=tv&_101_INSTANCE_2MrVt3CzL5sw_qrIndex=0

²³ Индия, Китай и Россия готовы содействовать безопасности Афганистана. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/7250-indija-kitaj-i-rossija-gotovy-sodejstvovat-bezopasnosti-afganistana.html>

тах двустороннего и трехстороннего уровня²⁴. Иными словами, к этому периоду платформа диалога трех (причем наиболее крупных) из четырех стран БРИК уже стала реальностью.

Поэтому объединение БРИК как институциональную структуру, рождением которой можно считать встречу глав МИД «четверки» в 2008 г. в Екатеринбурге (было опубликовано первое Совместное коммюнике²⁵), можно с серьезными основаниями рассматривать по формуле «РИК плюс Бразилия и Южная Африка», тем более что до конца 2010 г. существовала только «четверка» БРИК и лишь потом к объединению подключилась ЮАР.

Такой подход расставляет «по местам», с одной стороны, реальную практику, с другой – участие экспертов «Голдман сакс», которые вовсе не ставили интеграционных задач, а преследовали лишь сугубо «попутные» аналитические цели. Взгляд этот выглядит тем более оправданным, если учесть тот факт, что к моменту первых шагов к формированию взаимодействия в БРИК (2005–2006 гг.) формат РИК имел уже целый ряд концептуальных и организационных наработок. И естественно, что с участием России – инициатора сотрудничества в обоих форматах – целый ряд из них был инкорпорирован в практику БРИК/БРИКС. Это упомянутые выше принципы «трех не»; это цели продвижения к новому миропорядку и развитию экономического сотрудничества на основе взаимодополняемости экономик; это поэтапный характер создания механизмов, сначала в виде переговорных площадок по линии МИД, затем – выход на высший уровень, а также на сеть профильных дорожек сотрудничества.

Все это говорит о том, что именно РИК стал предвестником набирающего в последние годы внушительный международный ход объединения БРИК/БРИКС. Работа в рамках «пятерки», которая акцентирует внимание на эволюционных реформах мировой экономической, валютно-финансовой системы и продвижении к полицентричному миропорядку – это де-факто развитие изначальных целей РИК с использованием более широкого геополитического ресурса.

Второй из поставленных вопросов (нужен ли РИК при появлении БРИК/БРИКС) решается самой практикой международной жизни последних лет, когда вот уже свыше десяти лет (2006–2017 гг.) параллельно существуют и действуют оба формата.

²⁴ Документом, где общая концепция РИК впервые официально получила достаточно определенное оформление, можно считать первое Совместное коммюнике министров иностранных дел трех стран, подписанное по итогам их встречи в июне 2005 г. во Владивостоке. См.: О Совместном коммюнике по итогам неформальной трехсторонней встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/436746

²⁵ Совместное коммюнике по итогам встречи министров иностранных дел России, Республики Индия и Китайской Народной Республики. 15.05.08. URL: http://www.mid.ru/briks/-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/338060

Прошедшие в Пекине и Москве последние по счету встречи трех глав внешнеполитических ведомств (2015–2016 гг.), как и все предыдущие, лишь подтвердили намерение сторон развивать сотрудничество в данном формате²⁶. Не случайно все три министра – и С. Лавров, и Сушма Сварадж, и Ван И – демонстрируют единство в оценках, подчеркивая, что РИК – это самоценный формат, который поддерживается каждой из трех стран, которые будут и дальше идти по пути взаимодействия²⁷.

Причин сохраняющейся жизнеспособности РИК несколько. Главная из них – это самостоятельность и самодостаточность повестки дня трехстороннего формата, которая, в частности, включает углубленное обсуждение региональных вопросов – АТР, положения в Центральной и Южной Азии и Афганистане. Неизменно актуальные для «тройки» РИК, эти темы, как понятно, менее значимы для Бразилии и ЮАР.

Кроме того, целесообразность существования РИК отдельно от БРИКС достаточно очевидна с той точки зрения, что РИК на практике является своеобразным цементирующим звеном БРИКС, когда в «тройке» есть возможность предварительно обсуждать и формулировать подходы к наиболее сложным вопросам и затем, вынося их уже на пятистороннюю площадку, облегчать достижение итогового консенсуса.

Хорошим резюме к теме соотношения РИК и БРИК/БРИКС могут служить слова С.В. Лаврова, сказанные им летом 2016 г. в выступлении в Дипломатической академии в Москве: «Наряду с БРИКС востребован формат, который положил начало деятельности этой пятерки и который был инициирован нашим великим учителем Е.М. Примаковым, я имею в виду Россию, Индию, Китай (РИК). Даже когда создалась “пятерка” из Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки, РИК продолжает функционировать»²⁸.

Двусторонние отношения в РИК

Не требует особой аргументации факт, что для успешного функционирования многосторонней международной структуры требуется не только сочетаемость и общность интересов участников, но и благоприятные *двусторонние отношения* между ними.

Именно позитивные тенденции в развитии двусторонних отношений между РФ, КНР и Индией стали в свое время весомым благоприятным фактором, позволившим в начале XXI века вывести на практический уровень уже трехстороннее сотрудничество этих государств. Все последующие годы двусторонние связи внутри «тройки» оказывали и продолжают

²⁶ Совместное коммюнике по итогам встречи министров иностранных дел РИК (России, Индии и Китая), Пекин, 2 февраля 2015 года. URL: <http://ruchina.org/china-article/china/620.html>

²⁷ См.: URL: http://russian.news.cn/china/2015-02/03/c_133965678.htm

²⁸ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече с коллективом Дипломатической академии МИД России, Москва, 25 марта 2016 года. URL: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2189906

оказывать влияние на трехсторонний формат. В свою очередь, площадка и «поля» встреч на уровне РИК служат обсуждению не только трехсторонних, но конкретных двусторонних вопросов. В любом случае состояние двусторонних отношений служит важным фактором влияния на результативность многостороннего формата. В связи с этим уместен хотя бы беглый анализ нынешнего состояния трех линий двусторонних связей в российско-индийско-китайской «тройке».

Российско-индийские отношения на нынешнем этапе продолжают оправдывать укрепившееся за ними определение отношений «привилегированного стратегического партнерства». В октябре 2016 г. в рамках очередного официального визита президента РФ в Индию стороны подписали новый внушительный пакет из двух десятков документов о сотрудничестве в самых разных областях – от политики и экономики до сфер обеспечения информационной безопасности и ВТС²⁹. Среди конкретных проектов и достижений – запуск второго энергоблока АЭС «Куданкулам», закладка третьего и четвертого блоков этой атомной электростанции. Стороны прорабатывают варианты и возможности поставок трубопроводного газа из РФ в Индию. Компания «Роснефть» в течение десяти лет намерена экспортировать в Индию 100 млн т нефти, а «Газпром» начал реализацию долгосрочного контракта на поставку 2,5 млн т СПГ в год³⁰.

Важнейшей отличительной чертой отношений Москвы и Дели остается отсутствие политических проблем – и в истории связей, и в их текущем развитии. Позитивному развитию способствуют также духовная близость и положительное взаимное восприятие на уровне народов, общественный консенсус в обеих стран по поводу важности и необходимости дружбы и сотрудничества.

Отношения всеобъемлющего стратегического партнерства между **РФ и КНР** также продолжают развиваться в позитивном ключе. Большую роль в этом, как это происходит и в отношениях между Москвой и Дели, играет механизм встреч на высшем уровне. В 2016 г. (год 20-летия стратегического партнерства и 15-летия подписания Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве) президент РФ и председатель КНР провели около 10 личных встреч, в том числе в ходе июньского визита в КНР В. Путина, когда стороны в очередной раз сверили часы по большому кругу двусторонних и международных вопросов, подписали свыше 30 документов. Перепады в мировой экономике, нестабильность на сырьевых и валютных рынках, конечно, не могли не сказаться и на двусторонней торговле. В 2015 г. произошло ее серьезное сокращение – с более чем

²⁹ Документы, принятые и подписанные в рамках российско-индийского саммита. 15.10.2016.
URL: <http://kremlin.ru/supplement/5136>

³⁰ «Роснефть» за десять лет поставит Индии 100 млн тонн нефти. 15.10.2016.
URL: <http://www.interfax.ru/business/532611>

90 млрд долл. до 68,065 млрд. Однако важно, что в 2016 г. падение удалось остановить и выйти на траекторию пока небольшого, но подъема (69,525 млрд, годовой плюс 2,2%)³¹. По данным на конец февраля 2017 г., положительная тенденция сохранялась, причем рост объема двусторонней торговли по сравнению с февралем 2016 г. составил внушительную цифру – 28%³². Понятно, что показатели за два месяца не гарантируют такого же итога к концу года, но положительная динамика явно присутствует. В любом случае Китай продолжает оставаться главным торговым партнером РФ. В рамках Совместной комиссии по инвестиционному сотрудничеству обсуждаются 58 различных коммерческих инициатив общим объемом капиталовложений в 50 млрд долл.; 12 проектов уже в стадии реализации.³³ Развивается энергетическое сотрудничество, в том числе в сфере мирного атома, делается акцент на обмены и кооперацию в сфере высокотехнологичной продукции, включая авиацию и космос. Традиционно тесной является координация по вопросам международной политики, а также в оборонной области.

В целом в позитивном ключе, преодолевая остающиеся трудности, продолжают развиваться и *китайско-индийские отношения*, которые еще в 2005 г. также были признаны сторонами стратегическими. Благоприятные тренды нашли отражение, в частности, в итогах новых встреч на высшем уровне, результатах переговоров по линии многих министерств и ведомств. В сентябре 2014 и мае 2015 г. высшие руководители двух стран обменялись официальными визитами, в ходе которых было подписано в общей сложности не менее 70 различных документов.

В 2016 г. встречи высшего уровня были продолжены. В мае с официальным визитом в КНР побывал Президент Индии П. Мукерджи. Двусторонние встречи Н. Моди и Си Цзиньпина состоялись на полях двух саммитов – ШОС в Ташкенте (июнь) и «Двадцатки» в Ханчжоу (сентябрь). Председатель КНР участвовал также во встрече лидеров стран БРИКС в Индии (октябрь). Продолжается диалог по линии внешнеполитических ведомств, а также таких механизмов, как регулярные пограничные переговоры и стратегические консультации на уровне специальных правительственных представителей. В сентябре прошла первая встреча в рамках нового важного механизма – «Диалога высоких представителей по контртерроризму и безопасности» (High Level Dialogue Mechanism on Counter Terrorism and Security)³⁴. Важным является сотрудничество по междуна-

³¹ Сайт таможенной службы КНР. Торговля КНР с основными странами и районами с января по декабрь 2016 г. URL: <http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab49666/info836856.htm>

³² Сайт таможенной службы КНР. Торговля КНР с основными странами и районами в январе-феврале 2017 г. URL: <http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab49666/info841587.htm>

³³ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52273>

³⁴ India–China Bilateral Relations. URL: http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/China_07_12_2016.pdf

родным вопросам, включая проблемы глобальной и региональной безопасности, климата и т.п.

В 2015 г. торговля между двумя странами составила 71,637 млрд долл., также снизившись по сравнению с рекордным 2011 г. За 9 месяцев 2016 г. объем торговли составил 53 млрд – примерно, на уровне (или чуть выше) предыдущего года, а по итогам года – 70,076 млрд, т.е. все же несколько снизившись ($-2,1\%$)³⁵.

Сохраняющаяся здесь проблема индийского торгового дефицита (почти шестикратное превышение китайского экспорта над импортом) – пример сохраняющихся проблем и нерешенных вопросов, к которым относятся также пограничный, тибетский и ряд других. Но стороны продолжают кропотливо работать над их решением, по-прежнему не допуская, чтобы оставшиеся исторические барьеры отрицательно влияли на отношения в других сферах.

В целом позитивный характер двусторонних отношений в «тройке» не означает, впрочем, что имеет место полностью благодная картина. По китайско-индийской линии проблемы, как показано, достаточно очевидны. Однако вопросы, требующие решений (вплоть до появления зон известных расхождений), имеются и по двум другим линиям.

Так, в российско-китайских отношениях в последнее время актуализируются, в частности, потенциальные вызовы, связанные с продвижением китайской инициативы «Один пояс, один путь». Ее реализация в Центральной Азии (и не только) способна составить конкуренцию российскому проекту строительства Евразийского экономического союза. Время от времени появляются «приглушенные шумы» и в российско-индийских отношениях. Стороны, например, с «повышенным вниманием» наблюдают за некоторыми внешнеполитическими шагами друг друга: в Дели не упускают из виду уровень отношений Москвы и Исламабада, в российской столице – диалог Индии и США. Перечисленные вопросы, впрочем, не отменяют общий положительный (пусть и с «нюансами» на каждой из линий) тренд в двусторонних отношениях в «тройке».

Повторим, что взаимосвязь, взаимное влияние трехсторонних и двусторонних отношений России, Индии и Китая очевидны. Двусторонние отношения составляют своего рода несущий каркас трехстороннего формата РИК. В свою же очередь, «тройка РИК» не только формирует непосредственно трехстороннюю повестку, но и дает возможность дополнительного продвижения двусторонних связей, что особенно важно для порой все еще не простых китайско-индийских отношений. Эта функция РИК является одним из важных критериев, предопределяющих значение 15-летнего взаимодействия РФ, Индии и КНР в трехстороннем формате.

³⁵ Сайт таможенной службы КНР. Торговля КНР с основными странами и районами с января по декабрь 2016 г. URL: <http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab49666/info836856.htm>

РИК: уроки, значение, перспективы

Полтора десятилетия функционирования РИК (имея в виду старт трехстороннего диалога на официальном уровне в виде первой встречи трех министров иностранных дел осенью 2002 г. в Нью-Йорке) – хорошая возможность для анализа и ряда выводов.

Главный из них, который обобщает все остальные, видится в том, что структура РИК, несмотря первоначальные мнения многочисленных скептиков, продемонстрировала свою *жизнеспособность и востребованность*. Тем самым подтверждена политическая прозорливость Е.М. Примакова и его сторонников, с самых истоков видевших в идее «тройки» не самоцель, а средство укрепления международных позиций России. То, что РИК твердо содействует этой задаче, хорошо видно на примере подходов КНР и Индии к важным для РФ событиям международной жизни последних двух-трех лет, когда партнеры России по РИК четко осудили западную политику изоляции РФ, в том числе непосредственно в формате трехсторонних заявлений³⁶.

В подтверждение тезиса о востребованности РИК, а значит, и российско-китайского взаимодействия в этом формате, видятся пять основных аргументов.

Во-первых, *актуальна повестка внешнеполитического взаимодействия в РИК*. Структура зарекомендовала себя в качестве важного фактора формирования многополярного мира; отстаивание этой задачи в той или иной форме («новый справедливый миропорядок», «полицентризм», «многосторонность» или «неприятие односторонности») является приоритетом для каждой из трех стран, создает объединительную повестку и в трехстороннем формате. Кроме того, сотрудничество в РИК – выигрышный аргумент с точки зрения общего укрепления международных позиций государств «тройки», в том числе, в важном для каждого из них двустороннем диалоге с США.

Во-вторых, злостным является *сотрудничество (параллельные действия)*, которое хорошо зарекомендовало себя на площадках ООН, Группы-20, ШОС и других крупных глобальных и региональных форумов. Это – другой неизменный приоритет трехстороннего сотрудничества. Он, в частности, четко проявляется на площадке БРИКС, где РИК играет роль своего рода «ядра», стржня взаимодействия в «пятерке». «На по-

³⁶ В совместных коммюнике 13-й и 14-й встреч глав МИД РИК недвусмысленно говорится в частности, о том, что «введение односторонних санкций помимо тех, которые были согласованы в рамках Совета Безопасности ООН, противоречит принципам международного права и прерогативам Совета Безопасности ООН», такие санкции «не могут носить односторонний характер, основанный на законодательстве собственной страны». URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2248368; URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?24751/Joint+Communiqu+of+the+13th+Meeting+of+the+Foreign+Ministers+of+the+Russian+Federation+the+Republic+of+India+and+the+Peoples+Republic+of+China>

лях» этого тезиса заметим, что с точки зрения оптимального для РФ (и Китая) развития диалога в «пятерке» БРИКС важно, что как раз на площадке РИК у РФ и Китая есть возможность «активизировать» фактор Индии: будучи членом и РИК, и БРИКС, и диалоговой структуры Индия–Бразилия–ЮАР (ИБСА), она объективно может играть значимую позицию балансира, облегчая достижение консенсуса с бразильскими и южноафриканскими партнерами.

В-третьих, РИК имеет актуальную (причем самостоятельную, явно не являющуюся приоритетной в БРИКС) региональную повестку – *обеспечение безопасности в Центральной и Южной Азии* (включая Афганистан) *и в АТР в целом*. Согласно, например, и Пекинскому (февраль 2015 г.), и Московскому (апрель 2016 г.) коммюнике трех министров иностранных дел, такие задачи, как построение системы мер доверия в АТР, развитие Шанхайской организации сотрудничества, афганская проблематика, по-прежнему являются предметом повышенного внимания в системе трехстороннего взаимодействия. Об этом же свидетельствует и реальная практика РИК, например, налаженный трехсторонний диалог специальных представителей по проблемам Афганистана.

В-четвертых, РИК вносит вклад *в продвижение двусторонних отношений* в «тройке»; в частности, по признанию целого ряда китайских политиков, сотрудничество в РИК способствовало развитию связей между КНР и Индией. А двусторонний формат – это, в свою очередь, как уже отмечалось, «несущий каркас» трехстороннего формата.

Наконец, в-пятых, в РИК потенциально сохраняются шансы использования *потенциала практического (экономического и другого) сотрудничества между тремя странами*. Как напомнило недавно агентство Синьхуа, «взаимодополняемость прагматического сотрудничества между тремя странами очевидна, поскольку Россия является крупным экспортером энергоносителей, Китай и Индия – главными потребителями энергии; в Индии развиты индустрия программного обеспечения и финансовая отрасль, а Китай имеет преимущество в инфраструктурном строительстве и инвестиционной сфере»³⁷.

С точки зрения трехстороннего формата, возможности эти используются пока крайне мало. Правда, именно в части секторального сотрудничества возможно и актуально «разграничение полномочий» между РИК и БРИКС. В обоих форматах развернуты схожие переговорные площадки (сельское хозяйство, здравоохранение) и есть вероятность излишних элементов дублирования. Вместе с тем такие сферы, как взаимодействие по международной глобальной и региональной повестке, сотрудничество ученых, ведомств по чрезвычайным ситуациям, по-прежнему сохраняют в РИК свою обоснованную актуальность.

³⁷ Синьхуа. 05.02.2015.

Разумеется, структура РИК не свободна от других очевидных **вызовов**. Так, далеко не всегда имеет место «идеальное совпадение» взглядов по международной, в том числе региональной повестке (ситуация в ЮКМ, и т.п.); к вызовам относятся двусторонние трения (в основном, проблемы китайско-индийских отношений). Несомненным, причем долговременным, является вызов, связанный с не слишком афишируемой, но реально существующей политикой «сдерживания» РИК со стороны США, что, к примеру, все последнее десятилетие находит проявление в явных намерениях Вашингтона вовлечь Индию в орбиту американской политики («Ядерная сделка» и т.п.)³⁸.

В числе очевидных **уроков** пятнадцатилетнего развития РИК – необходимость соизмерять реальность и возможности, избегать излишних ожиданий. В первую очередь это касается секторальных (экономических и т.п.) диалоговых дорожек. Ясно, что в условиях, когда даже по двусторонним линиям участники РИК имеют нерешенные вопросы (низкий уровень российско-индийского товарооборота, структурное несовершенство китайско-российского товарооборота, серьезное отрицательное сальдо Индии в торговле с КНР и т.п.), требуется более тщательный поиск естественного, не искусственного сопряжения интересов. Отчасти решение лежит в поле разделения, повторим, функций между секторальными дорожками РИК и БРИКС.

Напротив, настойчивый поиск консенсуса на основе компромисса, сочетание принципа самостоятельности и независимости с продвижением действительно совпадающих интересов, что хорошо проявляется в трехстороннем сотрудничестве во внешнеполитической сфере – это наглядный пример оптимального подхода. И по меньшей мере на этом важном и актуальном направлении (как и на направлении сотрудничества ученых-политологов трех стран) формат РИК содержит хорошие перспективы.

Ясно, что речь, прежде всего, идет о возможностях вклада в обеспечение интересов России. В этом смысле формат РИК важен для РФ и в виде самодостаточной международной структуры, и в качестве эффективного инструмента взаимодействия (внешнеполитического и другого) с китайскими (как и с индийскими) партнерами.

³⁸ «...В противостоянии Соединенных Штатов России и Китаю стремится любыми путями привлечь Индию на свою сторону, для чего, в частности, реанимирует проект создания «четырёхстороннего альянса», который включал бы в себя США, Японию, Австралию и Индию, и таким образом воспрепятствовал бы тройке Россия–Индия–Китай», писал, например, на эту тему один из испанских информационных ресурсов. URL: <http://inosmi.ru/world/20150209/226149901.html>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новый этап российско-китайских отношений, официально провозглашенный в Совместном заявлении¹ лидеров двух государств 20 мая 2014 г., имеет своим содержанием «поворот к Китаю» как центральную часть процесса «поворота на Восток».

Переход российско-китайских отношений на новый этап явился органическим продолжением их эволюции, стремлением реализовать заложенный в них потенциал в ответ на новые вызовы, возникшие на фоне усложнения ситуации в мире, обострения глобального соперничества, замедления мировой экономики. Важнейшими из этих вызовов являются:

- рецессия российской экономики, связанная с незавершенностью реформ, а также с падением мировых цен на нефть;
- обострение конфронтации России с Западом, особенно значительное после украинского кризиса, и развертывание «санкционной войны»;
- переход экономики Китая к параметрам «новой нормальности»;
- обострение соперничества между США и КНР, которая по мере усиления обретает способность бросить вызов глобальному экономическому лидерству Соединенных Штатов и их доминированию в Восточной Азии, в зоне национально-государственных интересов Китая.

В свете этих вызовов стратегические задачи, изначально возлагаемые Россией на партнерство с Китаем, сделались особенно актуальными и приобрели новое измерение. Оно заключается в том, что, углубляя стратегический диалог с Китаем, разрывая практические связи с ним, оказывая взаимную поддержку в защите коренных интересов, в том числе обеспечения суверенитета и безопасности, Россия стремится:

- во-первых, восполнить экономический ущерб, нанесенный ей неблагоприятными внешними факторами (прежде всего, отказом западных

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642>

банков от кредитования и прекращением поставок высокотехнологичного оборудования);

– во-вторых, избежать международной политической изоляции, противостоять давлению со стороны Запада.

Существует мнение, что надежды, возлагавшиеся на Китай, не оправдались и сам поворот на Восток не состоялся. В доказательство приводятся следующие аргументы:

– товарооборот России с Китаем и другими странами Азии в 2015–2016 гг. резко упал;

– китайские банки скупаются на кредиты, опасаясь американских санкций;

– китайские компании, пользуясь затруднениями России, пытаются приобрести у нее активы по заниженным ценам;

– объем китайских инвестиций в Россию снизился.

Однако нельзя не учитывать, что за этими явлениями стоят неприятные, но объективные факторы: сокращение мировой торговли, в частности торговли Китая с большинством его крупных партнеров; замедление роста китайской экономики; осложнение положения российской экономики и отсюда – уменьшение доверия к ней со стороны иностранных инвесторов. Наивно ожидать, чтобы китайские компании, работающие по законам рынка, поступились своими интересами в пользу другого государства, пусть даже ближайшего партнера.

Все это – не свидетельства провала, а констатация тех реальных обстоятельств, в которых происходит поворот России к Китаю. Итоги же поворота, несмотря на краткость истекшего времени, отмечены внушительным рядом достижений, которые недооценивают его критики.

На новом этапе укрепились доверительные политические отношения между партнерами. Разделяя принципиальные подходы к ключевым вопросам мировой политики, считая своей обязанностью в качестве мировых держав обеспечивать глобальную стратегическую стабильность и региональную безопасность, они смогли оказать друг другу политическую поддержку по проблемам, которые они относят к сферам своего суверенитета и территориальной целостности (Крым, острова в Южно-Китайском море). Поддержка была оказана в русле принципов неприменения силы и урегулирования разногласий посредством переговоров на основе международного права.

После выдвижения Китаем инициативы Экономического пояса Шелкового пути стороны сумели выработать формулу сопряжения, которая обеспечила равноправие обоих проектов – ЭПШП и ЕАЭС и позволила согласованно действовать при их реализации, продвигаясь в сторону евразийской интеграции. Были начаты переговоры о заключении всеобъемлющего торгово-экономического соглашения, закладывающего фундамент для нового типа сотрудничества по формуле «5+1», которое, в свою

очередь, может в перспективе послужить стержнем для Большого евразийского партнерства.

В экономической сфере, где была поставлена задача конвертации достигнутого уровня политических отношений в результаты практического сотрудничества, несмотря на воздействие неблагоприятных внешних факторов, были заключены крупные пакеты миллионных и миллиардных сделок с участием китайского капитала, касающиеся в первую очередь добычи и переработки энергетических и других ресурсов Сибири, далее – инфраструктурного строительства и др., а также отдельных высокотехнологических отраслей (авиация, космос).

На фоне укрепления политического доверия сторон новые результаты принесло их сотрудничество в области безопасности. Среди знаковых достижений – проведение крупных совместных военных маневров, в том числе в Восточно-Китайском и в Южно-Китайском морях; достижение договоренностей и заключение контрактов на поставку в Китай новейшей военно-технической продукции (зенитно-ракетные комплексы С-400, истребители СУ-35 поколения «4++»). На повестку дня выдвигаются более глубокая промышленная интеграция в военно-технической сфере и организация совместных НИОКР.

Имеются достижения и в сфере гуманитарного сотрудничества, где символом сближения двух стран стала закладка в Шэньчжэне 6 мая 2016 г. камня в основание кампуса первого российско-китайского университета МГУ–Пекинский политехнический университет.

По мнению отдельных экспертов, в результате ослабления международных позиций России Китай в отношениях с нею в определенном смысле оказался в выигрыше. Они полагают, что усиление противостояния между Россией и НАТО отвлекает Вашингтон от стратегической задачи военно-политического сдерживания КНР в Азии. Перспектива сползания России в фарватер политики США и создания антикитайского альянса, чего одно время опасались в Пекине, теперь полностью исключена. Высказывается также мысль, что России стало труднее выстраивать диалог с Китаем в торгово-экономической сфере, где отношения строятся на рыночных принципах. Эти преимущества Китая, как утверждается, не нивелируются тем обстоятельством, что, в противовес вышесказанному, интересам Китая, как и России, не отвечает происходящее в результате украинского кризиса расшатывание основ мирового порядка, фактический паралич Совета Безопасности ООН, замораживание российско-американского сотрудничества по таким вопросам, как нераспространение ядерного оружия, борьба с международным терроризмом и т.д.

С этими утверждениями можно соглашаться или спорить, но, с нашей точки зрения, обобщающим итогом стратегического партнерства двух держав на данный момент стало дальнейшее укрепление отношений между партнерами.

Вместе с тем, безусловно, огромный потенциал сотрудничества в экономической сфере используется пока далеко не в полной мере. Нередко совместные проекты остаются нереализованными, программы не выполняются, те или иные задания годами кочуют из плана в план (например, до последнего времени – мостовые переходы через Амур). За пределами ресурсной, главным образом, энергетической сферы, к которой недавно присоединилась транспортная, экономическое сотрудничество имеет более чем скромные масштабы. Китайские бизнесмены в России жалуются на нарушение прав собственности, несовершенство российского законодательства и нестабильность законов, слабость финансовой инфраструктуры, чрезмерную сложность налоговых правил, громоздкость таможенных процедур, коррупцию и т.п. Согласно расчетам крупного консалтингового агентства A.T. Kearny, известного как A.T. Kearny Foreign Development Confidence Index, Россия по уровню привлекательности для прямых инвестиций занимала в 2010 г. – 18-е место, в 2012 г. – 12-е, в 2013 г. – 11-е² (с 2014 г. она уже не фигурировала в списке из 24 стран).

Российскую экономику отличает неудовлетворительный инвестиционный климат, невосприимчивость к инновациям, неэффективное планирование (о чем наглядно свидетельствует безрадостная судьба «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР», рассчитанной на 2009–2018 гг.). Руководство страны отдает себе ясный отчет в слабостях отечественной модели экономики. На заседании президиума Госсовета, посвященном вопросам развития Дальнего Востока и Забайкалья, в 2012 г. В.В. Путин заявил, что «систему управления развитием нельзя признать эффективной»³. Усилия руководителей государства довести экономический механизм до уровня современных требований сосредоточены в первую очередь на дальневосточных окраинах страны. «Перед нами стоит задача формирования развитой финансовой, инвестиционной инфраструктуры на Дальнем Востоке», – подчеркнул В.В. Путин на Восточном экономическом форуме в 2016 г.⁴

Особое внимание уделяется созданию «точек роста» – территорий опережающего развития (ТОР), своего рода аналогов китайских специ-

² The 2013 A.T. Kearny Foreign Development Confidence Index. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwjx4dTD85_UAhUBPywKHcLTBNUQFggmMAA&url=https%3A%2F%2Fwww.atkearney.com%2Fdocuments%2F10192%2F1464437%2FBa ck%2Bto%2BBusiness%2B-%2BOptimism%2BAmid%2BUncertainty%2B-%2BFDIC%2B2013.pdf%2F96039e18-5d34-49ca-9cec-5c1f27dc099d&usq=AFQjCNHCfwFgzep5SyKIyYGBCEcGxRV8vQ&sig2=B28njuf-omgNHBM0Y7GV0A&cad=rjt

³ Стенограмма заседания президиума Госсовета по развитию ДВ и Забайкалья. 30.11.2012.

URL: <http://www.yktimes.ru/politika/stenogramma-zasedaniya-prezidiuma-gossoveta-po-razvitiyu-dv-i-zabaykalya/>

⁴ Восточный экономический форум. 3 сентября 2016 г. URL:

<http://www.kremlin.ru/events/president/news/52808>

альных экономических зон, со льготными условиями для бизнеса, не уступающими ключевым деловым центрам АТР. ТОРам предшествовали особые экономические зоны, оказавшиеся не слишком успешными, несмотря на большие бюджетные влияния. Время покажет, насколько работоспособными в российских условиях окажутся ТОРы, удастся ли распространить их достижения на другие территории Зауралья, возможно ли вообще построить в азиатской России более совершенную экономику, чем в ее европейской части.

На январь 2017 г. на Дальнем Востоке было создано 14 ТОРов; среди иностранных компаний, подавших заявки, чтобы стать их резидентами, доля китайских была наибольшей: 13 из 27. А доля вносимого ими капитала – еще большей: 154,8 млрд руб. из 178,9 млрд.⁵

Тем временем целый ряд ведущих экономистов России полагают, что проводимое властями поверхностное усовершенствование экономической системы («консервативная модернизация») не может дать достаточно крупные результаты и считает необходимым осуществить радикальные экономические преобразования. Так, председатель совета Центра стратегических разработок Алексей Кудрин утверждает: «Старая модель экономики не работает. Не принимаются меры, позволяющие создать и запустить новую модель. Это сдерживает наш экономический рост, что чревато технологическим отставанием, низкой производительностью и плохим качеством государственного управления. Основные проблемы лежат внутри России, и институциональные, и структурные...»⁶. Академик С. Глазьев, демонстрируя бьющий через край алармизм, предупреждает: или Россия совершит технологический прорыв и к 2025 году займет достойное место в новом мировом порядке, или же превратится в периферию какой-либо из двух крупнейших экономик⁷.

Как бы то ни было, очевидно, что проблемы углубления российско-китайского практического сотрудничества – а, значит, и дальнейшего укрепления всей системы стратегического партнерства – выходят далеко за рамки собственно двусторонних отношений и уходят корнями вглубь российской экономики. Из этого следует, что качественный подъем практического сотрудничества двух стран возможен только вместе с общим подъемом российской экономики, как его часть. Он является производным от общего экономического возрождения, но и одновременно фактором, способствующим этому возрождению.

А.Г. Ларин

⁵ Территории опережающего развития – промежуточные итоги // РСПП. Координационный совет в Дальневосточном федеральном округе. 19.01.2017. URL: <http://rsppdfo.ru/events/2017/01/19/promezhutochnye-itogi-sozdaniya-na-dalnem-vostoke/>

⁶ Цит. по: «Независимая газета» 27.02.2017

⁷ Семь сценариев для России // Газета.ru. 25.02.2017. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/02/25/10543481.shtml>

SUMMARY

CONTEMPORARY RUSSIAN-CHINESE RELATIONS / Ed. by S.G. Lousianin (Executive editor), A.G. Larin (Compilation), E.I. Safronova, I.V. Ushakov, E.V. Belilina – Moscow: 2017.

The articles' collection examines problems of political and economic cooperation of Russia and China and their interaction in the international arena. In the current conditions of Russia's pivot to the East, strategic partnership with the PRC becomes especially important for Russia. Meanwhile, relations between the two powers are often characterized by formulas: «hot on the top, cool at the bottom» or «it is hot in politics, but cool in the economy». How to strengthen the Russian-Chinese strategic partnership? How to make better use of China's economic potential in order to boost Russian economy? What is the way to the better coordination of Russia's and China's efforts in Central Asia? What line to adhere in the Moscow-Beijing-Washington «triangle»? What are the prospects for the conjugation of Russian and Chinese integration projects for Eurasia: the new Silk Road, the EAEU and the Big Eurasian Partnership? Answers to these and other similar questions are sought by the authors of the collection. The book is intended for a wide range of readers interested in various aspects of Russian-Chinese relations.

Keywords: Russian-Chinese partnership, pivot to the East, Russian-Chinese economic cooperation, Russia and China in Central Asia, integration projects of Russia and China.

INTRODUCTION

I. RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP: POLITICAL PROBLEMS

Sergey G. LOUSIANIN. RUSSIA AND CHINA: INTERNATIONAL POLITICAL, ECONOMIC AND HUMANITARIAN TIES (2016 – EARLY 2017)

The article examines coordination of Russia's and China's actions in the world arena in order to strengthen global strategic stability, as well as prospects

of cooperation on the basis of the conjugation of the EAEU and the new Silk Road. Successes and problems of trade and economic cooperation are also analyzed, in high-tech innovation areas in particular. Special attention is paid to problems of Chinese investments in Russian economy (including territories of priority development – TPDs), and educational exchanges as well. Author marks directions, the advancement of which can give Russian-Chinese relations a new progressive development.

Keywords: international positions of Russia and China, conjugation of the EAEU and the Silk Road, Russian-Chinese trade and economic cooperation, Chinese investments in Russia, Chinese participation in TPDs, Russian-Chinese educational exchanges, Chinese tourism in Russia.

Vladimir Ya. PORTYAKOV. CHINESE PROJECT «ONE BELT, ONE ROAD» AND RUSSIA

The Chinese concept of «Silk Road Economic Belt and Maritime Silk Road of the 21st Century» has been analyzed. The author evaluates probable political and economic impact of the «One Belt, One Road» concept and reaction on this project in Russia.

Keywords: China, «Silk Road Economic Belt» concept, Russia, reaction, prospect for cooperation.

Elena I. SAFRONOVA. «RUSSIA'S PIVOT TO THE EAST»: DISCOURSE AND STATE OF AFFAIRS

The article attempts to characterize main points of the discussion that has unfolded in the academic and expert community about the essence and directions of Russia's «pivot to the East», as well as practical progress in the initiative's implementation. The author explores reasons and gist of the «pivot» and outlines his view on the efficiency of this «new course» of Russia as well as factors inhibiting it.

Keywords: Russia (RF), China (PRC), Russian Far East (RFE) and Siberia, Southeast Asia (SEA), ASEAN, «Silk Road Economic Belt (SREB)» project, Eurasian Economic Union (EAEU).

Alexander G. LARIN. THE NEW STAGE OF RUSSIAN-CHINESE PARTNERSHIP AND THE PROBLEM OF CONFIDENCE

The new stage of Russian-Chinese relations, proclaimed by the leaders of the two states in 2014, is the central part of Russia's turn to the East and implies their further rallying and deepening of cooperation. In these conditions, the issue of confidence, both political, including in the mass perception, and business one is of particular importance. At the present stage, confidential relations at the highest political level are complemented mainly by a benevolent perception of China in the minds of the masses, but the credibility of Russia as a business partner leaves much to be desired, which is due to the unsatisfactory business climate in the country. The country's leadership is making serious

efforts to win the confidence of foreign investors, but reform advocates insist on more radical changes.

Keywords: a new stage of Russian-Chinese relations, the problem of trust, China in the mass perception of Russians, confidence in Russia in business.

II. RUSSIAN-CHINESE PRACTICAL COOPERATION: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS AND PROSPECTS

Andrey V. OSTROVSKIY. HOW TO DEVELOP RUSSIAN-CHINESE TRADE

The author analyses current situation in Russian-Chinese trade and economic relations after devaluation of ruble in the world currency market. The article shows, that despite declared pivot to the East, Russia's share in China's foreign trade is still small. Nevertheless, the author comes to the conclusion, that for Russia it is necessary to keep developing its trade relations with China and to use the potential of growing China's economy for the benefit of Russian Far East and Siberia progress.

Keywords: Russia, China, Sino-Russian trade and economic relations, Russia's pivot to the East.

Lyubov V. NOVOSELOVA. INVESTMENT ASPECTS OF THE RUSSIAN-CHINESE BUSINESS INTERACTION

Within the past few years the Russian government has made significant efforts to improve the investment climate in the country in order to enhance the inflow of foreign capital into Russia and expand investment cooperation with foreign countries and, first of all, with the PRC. Special territories of priority development with attractive conditions for investors are being rapidly established. Special system of economic management is being formed in the Russian Far East, which has been declared the top priority of the national long-term development strategy. Mechanism of Russian-Chinese business interaction is experiencing substantial improvement. Initial results of these measures may already be traced in the accelerated dynamics investment cooperation between the two countries.

Keywords: Russia, China, Far East, territory of priority development, institutional and legal forms of cooperation, Russian-Chinese investment.

Vladimir A. MATVEEV. RUSSIAN-CHINESE ENERGY COOPERATION: CURRENT TRENDS

The article analyzes problems of modern Chinese policy of self-reliance and reliance on domestic energy resources. It discusses advancement of the gas industry as one of the strategic priorities of China's energy policy at the present stage of the PRC's development. It was noted that the gas deficit increasing in the medium term can be covered by diversification of gas import channels. The

reasons for China's interest in concluding the largest deal between Gazprom and CNPC to ensure delivery of Russian gas to China are analyzed also.

Keywords: oil, natural gas, energy policy, strategic development, pipelines, China, Eastern Siberia.

Sergey L. SAZONOV. RUSSIAN-CHINESE TRANSPORT INTERACTION

Today the Russian Far East is a key link in the integration processes of Russia in the Asia Pacific region; its dynamic development is impossible without unification of Russia and China's transport networks. There should be implemented the joint Russian-Chinese infrastructure projects that determine the optimal ways for the development of cross-border transport cooperation in the emerging paradigm of Eurasian infrastructural integration. The possibility of joining the integration and the usage of its synergistic effect may benefit not only to Russia and China, but all the participants of the future Eurasian transit transport project.

Keywords: Russia, China, Far East, transport network, infrastructure integration, railways and roads, aviation, maritime transport, ports, border crossings, transit.

Maria V. ALEXANDROVA. CROSS-BORDER AND INTERREGIONAL COOPERATION OF RUSSIA AND THE PRC

From 2010 and on, the PRC is the number one trade partner of Russia. China's share in the foreign-trade turnover of some federal districts is growing continuously. The article, focused on the specifics of export transactions between the Far Eastern as well as Siberian Federal Districts and the PRC, highlights the fact that while the physical volumes of Russian raw-resource exports are growing annually, the revenues received by Russia's regions are diminishing. The author argues that as some industrial sectors of the Russian East may be controlled from the PRC, the possibilities for the high-level processing of raw resources in the Russian territory are being contained. Having identified the «bottlenecks» and problematic aspects of cooperation, the author draws attention to such problem as non-transparency of statistical data on *Chinese direct investments in the Far East*.

Keywords: Far East, Siberia, Inter-Government Commission, products of the fuel-and-energy complex, oil refinery, fish processing, investments, import substitution, food products, North-East of China, Heilongjiang.

Pavel B. KAMENNOV. RUSSIAN-CHINESE MILITARY-TECHNICAL TIES

The article examines basic steps of the development of Chinese-Soviet and Chinese-Russian military-technical ties and their role in establishing of PRC's military-industrial complex and turning PLA in the contemporary armed force, capable of securing defense of the country in new conditions. And the above

mentioned ties are analyzed especially in the context of the two states' strategic partnership development, aimed at strategic interaction in the XXI century.

Keywords: military-technical cooperation, strategic partnership, strategic interaction, deliveries of Russian military technics to the PRC, joint Chinese-Russian military counter terror exercises.

Nina Ye. BOREVSKAYA. EDUCATIONAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA: NEW TRENDS IN THE NEW PHASE

This article highlights the main trends in Russian-Chinese educational cooperation, which visualized during this decade (2010–2016) and was connected with the current political, economic and innovative trends, including the *New Silk Road Economic Belt project*. The author analyzes the impact of some internal (the recent boost of higher education) and external factors (the growing horizons of out-bound Chinese graduates' employment in Russia and their scholarly collaboration in newly created university hubs) on the process of Chinese universities' internationalization. Namely from these aspects the author evaluates the prospects of intensification of our two countries' educational collaboration as a part of Eurasian cultural integration.

Keywords: Russia–China educational exchange and cooperation, Silk Road Economic Belt project, Eurasian educational integration.

III. RUSSIAN-CHINESE TIES IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Andrey S. DAVYDOV. MOSCOW AND BEIJING IN THE «STRATEGIC TRIANGLE» RUSSIA-CHINA-USA

The article deals with specific features of relationships within the «big triangle» – the PRC, the USA and Russia. Analyzing ties within the triangle «by couples» as well as nuances of real interaction and rivalry of the three the author comes to the conclusion that ultimately their relationships are determined not by subjective sympathies or antipathies of each side, but by actual economic and geopolitical factors. In his opinion, an ideal model of relations between the three countries could take a form of strategic partnership. However, there are still many obstacles on the way to achieve this goal.

Keywords: Russia, China, USA, «big triangle», interaction, opposition, pragmatism, V. Putin, D. Trump, Xi Jinping.

Konstantin L. SYROYEZHKIN. RUSSIA AND CHINA IN CENTRAL ASIA: COMPETITORS OR PARTNERS?

Nowadays, the nature and specificity of Russia's and China's presence in Central Asia are undergoing significant alterations. Approaches of the two countries to the region are changing also. Various projects are proposed for the integration of the region or its retention in the sphere of influence. That largely fuels the thesis that competition between Russia and China in the region is on the rise.

However, despite substantial strengthening of China's stance in Central Asia, the above thesis is still not grounded by specific data. Moreover, there are serious reasons to assert that Russia and China are able to build such a relationship system in Central Asia, which would consider not only mutual interests of the two, but national interests of Central Asian states as well.

Keywords: Russia, China, Central Asia, EAEU, SREB, threats and challenges.

Sergey V. UYANAIEV. PARTNER FORMAT «RUSSIA-INDIA-CHINA»: SIGNIFICANCE, EVOLUTION AND PROSPECTS; RUSSIAN-CHINESE INTERACTION

The paper examines the place of the RIC format in the system of interaction between the Russian Federation and the PRC on the international political agenda. This issue is analyzed in the context of goals, forms of their implementation, stages of evolution and prospects for the structure of the tripartite interaction. The author focuses attention on the comparative characteristics of RIC and BRICS, examines the level of bilateral relations «inside the triangle», shows the existing challenges, dwells on a number of general assessments and lessons drawn from the 15-year development of cooperation in the RIC format. The conclusion is made that the RIC format continues to play an important role both as an instrument of interaction between the Russian Federation and the PRC and as a factor of world stability as well.

Keywords: «Russia–India–China» (RIC), the RF, the PRC, tripartite interaction, RIC and BRICS comparative characteristics.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСАНДРОВА Мария Викторовна (Maria V. ALEXANDROVA) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

БОРЕВСКАЯ Нина Ефимовна (Nina Ye. BOREVSKAYA) – доктор исторических наук.

ДАВЫДОВ Андрей Сергеевич (Andrey S. DAVYDOV) – кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», ведущий научный сотрудник, Центр изучения стратегических проблем США и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: davydov@ifes-ras.ru

КАМЕННОВ Павел Борисович (Pavel B. KAMENNOV) – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель руководителя Центра социально-экономических исследований Китая Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: kamennov@ifes-ras.ru

ЛАРИН Александр Георгиевич (Alexander G. LARIN) – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: larin@ifes-ras.ru

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич (Sergey G. LOUSIANIN) – доктор исторических наук, профессор, директор Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

МАТВЕЕВ Владимир Александрович (Vladimir A. MATVEEV) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: matveeva@ifes-ras.ru

НОВОСЕЛОВА Любовь Владимировна (Lyubov V. NOVOSELOVA) – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Центр социально-экономических исследований Китая Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: novoselova@ifes-ras.ru

ОСТРОВСКИЙ Андрей Владимирович (Andrey V. OSTROVSKIY) – доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, главный научный сотрудник, руководитель Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН.

E-mail: ostrovski@ifes-ras.ru

ПОРТЯКОВ Владимир Яковлевич (Vladimir Ya. PORTYAKOV) – доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока».

E-mail: portyakov@ifes-ras.ru

САЗОНОВ Сергей Леонидович (Sergey L. SAZONOV) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социально-экономических исследований Китая Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: Jsazonova2010@mail.ru

САФРОНОВА Елена Ильинична (Elena I. SAFRONOVA) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: safronova@ifes-ras.ru

СЫРОЕЖКИН Константин Львович (Konstantin L. SYROYEZHKIN) – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Казахского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.

E-mail: syrkonst@mail.ru

УЯНАЕВ Сергей Владимирович (Sergey V. UYANAEV) – кандидат исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

E-mail: uyanaev@ifes-ras.ru

Научное издание

**Современные
российско-китайские
отношения**

Главный редактор *О. В. Саламаха*
Редактор *Г. И. Елагин*
Художественный редактор *Н. И. Смирнова*
Художник *Л. Б. Саламаха*

Подписано в печать 10.08.17. Формат 70×100 1/16. Бумага офсет № 1.
Гарнитура «Таймс». Усл.-печ. 22,6 л. Уч.-изд. 15,5 л.
Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Дели плюс». 141111, г. Москва, 3-й проезд Перова поля, 8,
Бизнес-центр «Перово Поле», офис 412, (495) 646-24-43, www.deli.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1. Тел.: (495) 230-20-52